

к 80-летию
**ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ**

ВETERАНЫ ЮСТИЦИИ

ГОРДОСТЬ · ПРАВДА · ПАМЯТЬ

Дорогие друзья!

В истории каждой страны есть даты и события, которые неподвластны забвению. Восемь десятилетий назад наши деды и прадеды сокрушили нацизм, защищая родную землю. Пройдут года, сменятся эпохи, но 9 Мая 1945 года навсегда сохранится в людской памяти как день великого подвига советского народа, гордости и национального триумфа.

Победа тогда ковалась на передовой и в тылу, в партизанских отрядах и в подполье. Ее приближали люди самых разных национальностей и профессий. В едином строю стойких и бесстрашных защитников нашей Отчизны свое почетное место занимали сотрудники органов юстиции.

В этой книге собраны рассказы ветеранов юстиции – участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Среди тех, чьи воспоминания опубликованы в сборнике, в живых остаются только шесть человек. Это Лев Вячеславович Белоусов, Вениамин Григорьевич Гаршин, Лидия Саркисовна Каневская, Борис Васильевич Кравцов, Евгений Николаевич Марков и Сергей Анисимович Самойлов.

Низкий поклон всем, кто сражался на фронте и ковал Победу в тылу. Эти люди для нас – настоящие герои, и мы всегда будем им благодарны.

Наш долг – сохранить и передать будущим поколениям историческую память о славных свершениях наших предков, их мужестве, беспримерном патриотизме и настоящей сопричастности к судьбе Отечества.

С праздником вас, дорогие друзья! С Днем Великой Победы!

Министр юстиции
Российской Федерации

К.А. Чуйченко

**80-й годовщине
Великой Победы
посвящается**

В39 **Ветераны юстиции. Гордость. Правда. Память** / [под ред. С. Д. Тарана, сост. Е. В. Горбачева]. – М. : Федеральное государственное учреждение «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», 2025. – 400 с. : ил.

И. Таран, Сергей Дмитриевич, ред.

И. Горбачева, Елена Викторовна, сост.

Дополненное издание книги воспоминаний ветеранов юстиции подготовлено к 80-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В ней представлены биографии участников войны и тружеников тыла – ветеранов юстиции, работников Министерства юстиции СССР, РСФСР, Российской Федерации, их воспоминания и рассказы о них.

© Обложка и оформление федеральное государственное учреждение «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», 2025

© Федеральное государственное учреждение «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», 2025

© Региональная общественная организация «Ветераны юстиции», 2025

ВETERАНЫ ЮСТИЦИИ

Гордость. Правда. Память

**Федеральное государственное учреждение
«НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
при Министерстве юстиции Российской Федерации»**

Москва, 2025

Защита Отечества, служение Отечеству во все времена было и остаётся священным делом. Чувство любви к Родине, ответственности за неё объединяет наше общество.

В книге «Ветераны юстиции. Гордость. Правда. Память» мы сквозь года слышим голоса героических работников Министерства юстиции – участников войны и тружеников тыла, которые являются для нас примером безусловного патриотизма. В.В. Путин подчёркивает, что «дети, молодёжь должны знать, какие подлинные герои жили и живут рядом с ними, в их семьях, и должны гордиться ими, знать их трудовой или боевой путь. Из понимания его значимости для всей нашей страны рождается сопричастность судьбе Отечества, готовность его защищать так, как в наши дни это делают внуки и правнуки солдат-победителей – участники специальной военной операции. Освещение событий Великой Отечественной войны, основанное на архивных документах, свидетельствах очевидцев, научном знании имеет ключевое значение для формирования у молодого поколения суверенного мировоззрения и гражданской позиции, самосознания».

С целью познакомить современников с военными историями из жизни работников Минюста в книге представлены биографические сведения о ветеранах, фотографии, а главное – воспоминания участников о далеких событиях, память о которых не должна исчезнуть или быть извращена. Только свидетельства очевидцев, реальных героев, абсолютно искренние, порой немного наивные, помогут восторжествовать исторической истине. Это особенно важно в наше сложное время, когда, по мнению ветеранов, «правда о Великой Отечественной войне либо замалчивается, либо умышленно опорочивается».

Хочется привести строки из воспоминаний, которые невозможно читать равнодушно.

«С возрастом у каждого человека будущего становится все меньше, а прошлого все больше. Воспоминания для автора – своего рода машина времени, воспользоваться которой и приятно – попадаешь в свою молодость, – и горестно – оживает прошлое, зачастую трагическое», – к этим словам ветерана может присоединиться каждый, кто не хочет оказаться Иваном, не помнящим родства.

«Воскресенье 22 июня 1941 года. Патриотизм, желание защищать Родину, отразить вероломно напавшего врага. С первых дней Отечественной войны пробудилось намерение добровольно уйти служить в Советскую Армию, в действующие на фронте воинские части».

«Я видел себя в боевом строю. И не ныл от усталости, а гордился своей причастностью к великому делу. Так вели себя и другие мои сверстники, что работали рядом со мной, бок о бок со взрослыми. Мы защищали нашу любимую Советскую Родину».

«Будучи страстным патриотом своей Родины, я горел желанием попасть на фронт, чтобы собственными руками бить фашистов. Поэтому скрыл от военкомата свою инвалидность».

«Мне не было и 18-ти лет. На медкомиссии, чтобы набрать 150 сантиметров роста (минимум, с которого можно было призывать), пришлось вставать «на цыпочки», если не на ноги».

«Я не бравирую словами, но в этот первый по-настоящему боевой день, как и все последующие дни, вплоть до Дня Победы, у меня почему-то не было страха смерти. Было только одно желание, одно стремление – честно, с полной отдачей сил, выполнить свой солдатский долг перед Родиной».

«Все мы, воспитанные в духе любви к своей Родине – СССР, естественно, рвались на фронт».

Люди трудились в тылу – на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, объединенные всеобщим лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!».

«Успех в поединках с врагом обеспечивался крепким сплавом воевавших в полку солдат, сержантов и офицеров, безраздельно преданных Родине и в совершенстве владевших вверенной им техникой».

«Атмосфера боевого братства, единодушия и сплоченности товарищей по судьбе и оружию была поистине волшебной силой, помогавшей преодолевать невероятные фронтовые трудности».

«С огромным уважением относились друг к другу представители всех национальностей и разного социального положения, кадровые военнослужащие, мобилизованные крестьяне из сельской глубинки, матросы, добровольно сошедшие на берег, неоперившиеся подростки-комсомольцы. Все держались стойко, помогали друг другу переносить трудности, физические перегрузки, недоедание и непогоду, потерю друзей».

«Несмотря на большие потери, советский народ верил в лозунг «Враг будет разбит, победа будет за нами».

И вот – «наконец настал день ПОБЕДЫ, который я считаю самым счастливым днем в своей жизни. Радости людей не было предела, все жители города ночью вышли на улицу, целовали друг друга, пели, танцевали, город ликовал, равно как и вся страна».

«9 мая стал днем Победы, закончилась проклятая война, а 10 мая у меня был день рождения, мне исполнилось 20 лет. Вот какой бесценный подарок предоставила мне судьба. Такое двадцатилетие не забудешь никогда»...

Наступил мир, и герои войны стали замечательными, высокопрофессиональными работниками органов юстиции, судьями, прокурорами, адвокатами... «Мы не безгрешны, но и в тылу, и на фронте, и в послевоенные годы мы честно служили нашему народу и великой Родине», «были преданными идее служения общественным интересам с пользой для народа, с утверждением при этом добра, человечности и справедливости».

Книга создана для того, чтобы «стать для молодого поколения драгоценным источником знаний о том, как тяжело эта победа достигалась, а также о причинах, повлекших бывших защитников Родины в послевоенное время стать юристами, то есть защитниками правды, добра, справедливости и, разумеется, стражами Закона», и передать замечательное напутствие ветеранов новому поколению: «Желаю молодым любить жизнь, любить работу, любить Родину и быть готовым защищать ее так, как защищали ее мы».

АБОЛЕНЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Владимир Александрович Аболенцев был эвакуирован на Урал вместе с Тульским патронным заводом. Работать начал с четырнадцати лет, а в пятнадцать, в конце 1941 г., стал инвалидом труда II группы. С ноября 1944-го по июль 1947 г. он служил в войсках МВД СССР и принимал участие в борьбе с национал-социалистическими бандитскими формированиями в Западной Белоруссии и Литве.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Октябрьской революции, Дружбы народов, «Знак Почета», многими медалями.

Заместитель Генерального прокурора СССР (1983 г.), Министр юстиции РСФСР (1988–90 гг.).

Государственный советник юстиции 1-го класса, полковник юстиции. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник юстиции России. Почетный работник Прокуратуры России.

В.А. Аболенцев был избран председателем правления Организации юристов-ветеранов, президиума Организации ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Аболенцев Владимир Александрович родился 24 января 1927 г. в деревне Фурсово Тульской области. В пять лет он лишился матери и отца. В пятнадцать крестьянских семьях пожил он за десять лет.

Работать Владимир начал с четырнадцати лет. Вместе с Тульским патронным заводом был эвакуирован на Урал, в поселок Юрюзанский завод Челябинской области, где в пятнадцать лет, в конце 1941 г., стал инвалидом труда II группы из-за неустроенности, недоедания, холода. В Туле, куда он возвратился в 1942 году, продолжил учебу.

В 17 лет он стал директором столовой в Арсеньевском райпотребсоюзе. Три года, с ноября 1944-го по июль 1947 г., он служил в войсках МВД СССР и принимал участие в боях с бандитами в Западной Белоруссии и Литве. «Много боевых друзей

и товарищей потерял. Выстрела ждали в любое время суток и в любом месте. Борьба была жестокой. Недобитые фашисты и их пособники понимали, что пощады им не будет – лютовали». Однополчане его говорили, что Владимир – самый надежный товарищ, друга в бою не бросит.

Вернулся Аболенцев с войны, но борьба с бандитами и преступниками продолжалась. Уже в 23 года (!) он – прокурор района. А в 25 лет – председатель исполкома райсовета Чернского района Тульской области. Через три десятилетия жители района избрали его Почетным гражданином.

Владимир Аболенцев учился во Всесоюзном юридическом заочном институте. В 1962 году он с отличием окончил очное отделение Высшей партийной школы при ЦК КПСС, с 1963-го по 1969 г. работал прокурором Тульской области, с 1980-го по 1983 г. – заместителем Генерального прокурора СССР, долгое время был одним из руководителей отдела административных органов ЦК КПСС, а с 5 апреля 1988-го по 15 июля 1990 г. возглавлял Министерство юстиции РСФСР.

Среди юристов России его авторитет непререкаем. Коллегия Минюста Российской Федерации так охарактеризовала деятельность В.А. Аболенцева на благо Отечества: «Высококвалифицированный юрист, он на всех постах, которые ему доверяла страна, проявлял деловую принципиальность, активно участвовал в совершенствовании российского законодательства и укреплении законности в стране, много внимания уделял улучшению работы прокурорских органов и учреждений юстиции, развитию судебной системы».

Его честное служение государству отмечено правительственными наградами: орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Знак Почета» и Октябрьской Революции. Ему присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов, представляя В.А. Аболенцева к званию «Заслуженный юрист РСФСР», написал в ходатайстве Президиуму Верховного Совета РСФСР, что Аболенцев «на всех должностях проявлял принципиальность, принимал активное участие в работе по совершенствованию советского законодательства, внес значительный вклад в дело укрепления социалистической законности и деятельности правоохранительных органов. Многое сделал он и на посту Министра юстиции РСФСР. Постоянное внимание уделял осуществлению в подведомственных органах подбора, расстановки и воспитания кадров, совершенствованию работы органов, учреждений юстиции и судов РСФСР в свете требований XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной конференции КПСС, улучшению их материально-технического обеспечения. Товарищ Аболенцев В.А. пользуется заслуженным авторитетом у работников правоохранительных органов».

В.А. Аболенцев возглавлял министерство в последние годы перестройки. Это были трудные годы. Шла переоценка ценностей. Менялись стереотипы мышления, ломались десятилетиями складывающиеся идеология и система поведения.

Аболенцеву удалось выбрать верный ориентир – торжество закона. Всю организационную деятельность коллегии, всего аппарата он направил на повышение

роли Минюста и его органов и учреждений на местах в укреплении правопорядка в стране. Министр стремился обеспечить обновление ведомственной нормативной базы, совершенствование организации правовой работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, улучшение материально-технического обеспечения деятельности судов, требовал исполнения судебных решений, добивался повышения качества нотариального обслуживания населения, правовой помощи гражданам, совершенствования деятельности адвокатуры, судебной экспертизы, работы загсов. Наибольшие усилия он направил на завершение Свода законов РСФСР. Впервые в социалистический период было подготовлено систематизированное собрание законов республики.

Большая работа была проделана Аболенцевым в связи с разработкой важнейших законов СССР «О государственном предприятии (объединении)», «О кооперации в СССР».

Благодаря усилиям Аболенцева Министерству юстиции России удалось добиться принятия одного из важнейших постановлений правительства России переходного периода «О мерах по улучшению условий работы судов и их материально-технического обеспечения». Министр поставил задачу решить материальные проблемы судебной системы, была определена программа строительства зданий судов на 1991–1995 гг. В этот период было начато строительство современного здания Московского городского суда.

В 1988–1990 гг. были дополнительно открыты нотариальные конторы в 200 районах. Таким образом, нотариальным обслуживанием теперь были обеспечены все районы России. Особой заботой министра являлись судебно-экспертные учреждения. Много внимания Владимир Александрович уделял работе с письмами граждан и организации приема населения.

Защита прав и законных интересов граждан всегда являлась для Аболенцева священной обязанностью, гражданским и профессиональным долгом. Аболенцев уделял большое внимание кадровым вопросам. С его приходом в Минюсте стали шире внедряться принципы демократизации и гласности.

Вот мнение бывшего председателя Совета Министров РСФСР В.И. Воротникова: «Аболенцев – лучший министр в нашем российском правительстве. К делу он относился с душой, ревностно выполнял свой долг. Скромность и исполнительность всегда украшали его. Он – юрист высшего класса, высшей пробы».

После ухода с должности министра Владимир Александрович – председатель правления Организации юристов-ветеранов, президиума Организации ветеранов войны и труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

По книге «На службе закону и справедливости».
В. Сысоев (2002 г.).

Яродился 24 января 1927 года в селе Фурсово Арсеньевского района Тульской области в бедной крестьянской семье. Уже к шести годам я оказался лишенным родительского присмотра. В селе мне удалось закончить четыре класса.

Учился старательно и хорошо успевал по всем предметам. В свободное время принимал активное участие в любой колхозной работе, которая мне доверялась. Всегда помогал по хозяйству той семье, где временно квартировал. Никакой работы не чурался.

В 1941 году закончил 6 классов и по направлению Пролетарского райисполкома г. Тулы был направлен в только что сформированное двухгодичное ремесленное училище для приобретения рабочей профессии. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении: были обуты, одеты и накормлены. Жили в общежитии. Наряду с изучением рабочей специальности изучали и все предметы по программе общеобразовательной школы. Я с большим интересом осваивал предметы, был очень рад пребыванию в училище. Мы жили дружно и интересно. Я активно участвовал в общественной жизни училища. Старательно выполнял комсомольские поручения, выступал перед учащимися с докладами на различные патриотические темы, участвовал в художественной самодеятельности.

Но началась Великая Отечественная война. Она омрачила нашу жизнь. Фронт очень быстро приближался к Туле. На Тульском оружейном заводе не хватало рабочих рук. Вместе с другими учащимися училища я был направлен на этот завод и приступил к работе в качестве слесаря-инструментальщика. Так в 14 лет началась моя жизнь рабочего человека. Трудились мы наравне со взрослыми. Изготавливали различное оружие. Как несовершеннолетние, мы, конечно, имели право на сокращенный рабочий день, и мастера пытались нас отстранить от работы по истечении предназначенного для нас времени. Но мы решительно оставались на своих рабочих местах и делали свое дело. Ясно, что уставали, но были горды тем, что работаем для нужд фронта. Это удваивало силы.

А немцы наступали. В декабре 1941 года я вместе с заводом был эвакуирован в город Юрюзань Челябинской области, где продолжил работу. Завод буквально в считанные дни развернул на новом месте производственные площади и приступил к производству различных снарядов. В пятнадцатилетнем возрасте я превратился во взрослого человека и не жалею об этом. Работал с полной отдачей сил и понимал, что каждая частица моего труда, вложенная в изготовление снаряда, – это и мой удар по ненавистному врагу. Я видел себя в боевом строю. И не ныл от усталости, а гордился своей причастностью к великому делу. Так вели себя и другие мои сверстники, что работали рядом со мной, бок о бок со взрослыми. Мы защищали нашу любимую Советскую Родину.

Да, победа нашему поколению далась нелегко. Досталось и мне. В октябре 1942 года у меня обнаружили туберкулез легких и почти на три месяца положили в больницу. Дали вторую группу инвалидности. Вернулся в свой район, снял частную квартиру. Некоторое время занимался случайными подработками. Вскоре предложили должность директора предприятия общественного питания в Арсеньевском райпотребсоюзе. Приступил к работе. Мне было 16 лет. Сразу же поступил в вечернюю среднюю школу рабочей молодежи. Для несведущих в этом вопросе людей замечу, что хотя вечерние школы и предназначались для рабочей молодежи,

но обучение в них предоставлялось бесплатно. Советская власть все делала для того, чтобы народ страны был поголовно грамотным. И средств на это не жалела. Вот на таких делах и проявлялась подлинная забота власти о людях.

Шел 1944 год. Продолжалась война. Мне исполнилось 17 лет, и меня призвали в армию. Будучи страстным патриотом своей Родины, я горел желанием попасть на фронт, чтобы собственными руками бить фашистов. Поэтому скрыл от военкомата свою инвалидность, поскольку чувствовал себя вполне здоровым человеком. И, как позднее выяснилось, следы на легких действительно зарубцевались. Но встретиться с врагом лицом к лицу, в открытом бою мне не довелось. Моя военная служба проходила сначала на территории только что освобожденной Белоруссии, а затем в течение полутора лет в Литве. Если на территории Белоруссии проходила лишь зачистка единичных недобитых карателей и в основном было спокойно, то на территории Литвы пришлось повоевать в полную силу с националистическими бандитскими формированиями, оказывавшими отчаянное сопротивление нашим войскам. Посвященный этим событиям художественный фильм «Никто не хотел умирать» достаточно правдиво рассказывает о боевых действиях наших воинских подразделений, в которых мне пришлось проходить службу.

Сразу же после призыва в армию меня, прежде чем послать в район боевых действий, направили в Москву на курсы радистов. Я освоил радиотехнику и служил радистом в оперативных войсках КГБ в должности начальника радиостанции, обеспечивая надежную связь между воинскими частями. Служба была опасной и беспокойной. И хотя судьба пощадила меня от гибели и ранений, но все же не была до конца благосклонной. На третьем году службы тяжело заболел и около двух месяцев пролежал в госпитале. Выписался инвалидом второй группы и был демобилизован (август 1947 года). Так, второй раз в пору своей молодости, был признан инвалидом. Но духовно и физически не сломался.

Вернулся в район. Уже на десятый день после возвращения в Арсеньево по направлению райкома партии приступил к работе в райкоме комсомола в должности заведующего отделом кадров и организационной работы. Одновременно продолжил учебу в вечерней школе рабочей молодежи. Жил на частной квартире. Учебу закончил успешно, потому что учился с большим желанием. Большое удовлетворение доставляла мне и комсомольская деятельность. А спустя некоторое время пришло сообщение о награждении меня орденом Отечественной войны II степени за участие в боевых действиях по освобождению литовского народа от бандитов. Это была моя первая государственная награда.

Летом 1948 года меня пригласили в прокуратуру района и предложили поступить на заочное отделение в Московскую двухгодичную юридическую школу Министерства юстиции РСФСР и начать работать помощником прокурора района. Послевоенная прокуратура остро нуждалась в кадрах. Это предложение и определило мой жизненный путь. Меня командировали в Тулу.

В Высшую партийную школу при ЦК КПСС я поступил по направлению Тульского обкома партии и оставался депутатом Тульского областного Совета депу-

татов трудящихся, членом Тульского обкома КПСС. Обком партии позаботился о моем новом трудоустройстве. Меня рекомендовали на должность заместителя прокурора области. В этой должности я проработал два года. В 1963 году в возрасте 37 лет был назначен прокурором Тульской области, на генеральскую должность, поскольку вскоре Указом Президиума Верховного Совета СССР по представлению Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко мне был присвоен классный чин государственного советника юстиции 3-го класса, приравняемый к воинскому званию генерал-майора.

Теперь мне предстояло непосредственно самому напрямую руководить работой всех прокуроров, работающих в области. Я очень признателен депутатам Тульской городской думы, ее председателю, которые так щедро оценили мои скромные заслуги, объявив меня в 1998 году Почетным гражданином города-героя Тулы. Я тронут до глубины души.

В конце 1969 года по решению секретариата ЦК КПСС я был направлен на работу в аппарат ЦК КПСС на должность инструктора отдела административных органов. Меня в числе двух других прокуроров принял второй секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда М.А. Суслов. Он беседовал с нами почти три часа. Вот так партия участвовала в отборе кадров для назначения на важные посты.

Я был включен в сектор прокуратуры и суда. Этот сектор в то время возглавлял А.Я. Сухарев, квалифицированный юрист, позднее ставший Генеральным прокурором СССР.

По тем вопросам, которые закреплялись за инструктором ЦК КПСС, он обязан был владеть исчерпывающей информацией, поэтому имел все необходимые статистические сведения, обобщающие материалы, различные справки, протоколы партийных собраний и т. д. Но самым лучшим источником информации о положении дел в работе правоохранительных органов и военных трибуналов, конечно же, было общение с их работниками от самого низового звена до руководителей системы. Люди были откровенны с нами, никогда не скрывали недостатков в работе, ибо в сложных условиях все делали для того, чтобы устранять упущения, чтобы ошибок было как можно меньше.

Инструктором ЦК КПСС я проработал 7 лет – с 1969 по 1976 год. Руководство отделом административных органов ЦК рекомендовало меня на руководящую должность в центральный аппарат Прокуратуры СССР. Президиум Верховного Совета СССР присвоил мне очередной классный чин – государственного советника юстиции 2-го класса, который условно приравнивался к воинскому званию генерал-лейтенанта. Итак, я вновь вернулся в прокуратуру. Напомню этапы прокурорского продвижения: помощник прокурора района, прокурор района, заместитель прокурора области, прокурор области, начальник Второго управления Прокуратуры СССР. Иначе говоря, продвижение было последовательным.

На Второе управление Прокуратуры СССР был возложен надзор за исполнением законов в деятельности большой группы важных государственных предприятий,

входивших в систему 13 союзных министерств. Прокуроры объектов были наделены полномочиями прокуроров областей, и все находились в моем непосредственном подчинении. В управлении работало около ста человек. Президиум Верховного Совета СССР присвоил мне очередной высокий классный чин – государственного советника юстиции 1-го класса. Вторым управлением, Управлением по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел и отделом по надзору за соблюдением законов в местах лишения свободы. Здесь я получил высокую награду – орден Трудового Красного Знамени (для меня это был второй такой орден), которым были отмечены мои скромные заслуги на посту заместителя Генерального прокурора СССР.

Но долго пребывать на этом посту мне не довелось. В 1983 году по решению секретариата ЦК КПСС меня вновь направили на работу в аппарат ЦК, но на этот раз уже на руководящую работу: назначили заместителем заведующего отделом административных органов. Тогда я, конечно, еще не знал, что окончательно расстаюсь с прокурорской работой.

Второй раз в аппарат ЦК я пришел в возрасте 56 лет. За плечами большой разносторонний опыт работы. Один раз пришлось даже некоторое время замещать Генерального прокурора СССР, убывшего в Киргизию на серьезное происшествие. Поэтому, когда в аппарате ЦК мне, теперь уже как заместителю заведующего отделом административных органов, поручили вести вопросы деятельности прокуратуры, судебных органов и органов внутренних дел, я не чувствовал себя новичком, ибо четко представлял, что и как нужно делать.

Работать пришлось в беспокойное время. Со смертью Брежнева 10 ноября 1982 года завершилась поступательно-стабильная мудрая брежневская эпоха. После него, как в калейдоскопе, один за другим менялись первые лица партии и государства. Хорошо знавший партийную работу Андропов, аппаратчик Черненко. Каждый со своими особыми позициями, взглядами, стилем работы. Новые партийные и государственные установки, новые планы на перспективу. Надо вписываться. Иначе нельзя. Положено идти в ногу с лидерами. Это естественно и справедливо.

Март 1985 года. На арене появляется 54-летний М.С. Горбачев, молодой, энергичный, улыбающийся, приветливый, говорливый, а главное – юрист. Положительные эмоции. Юристы радуются – наконец-то! Надеются: будет порядок. «Суть перестройки в том и состоит, что она соединяет социализм и демократию, теоретически и практически полностью восстанавливает ленинскую концепцию социалистического строительства», – говорит Горбачев. Все согласны, все одобряют. Кто же будет возражать против демократии? В это понятие вкладывается только положительный смысл. Страна взбудоражена, бурлит, энергия рвется наружу.

Май 1985 года. Начало компании по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Конечно, пьянство нужно решительно устранять из жизни общества. Все работники аппарата ЦК включаются в работу по проведению в жизнь решений ЦК. Ведем разъяснительную работу, агитируем, убеждаем. В административном потоке идут письма и предложения.

Апрель 1986 года. Выходной день. Я на работе. Одним из первых в аппарате ЦК узнаю об аварии на Чернобыльской АЭС. Трагедия. Наш вопрос. Контроль на уровне Политбюро ЦК. Прокуратура СССР приступила к расследованию.

На волне «перестройки» в стране приняла неоправданно невиданный размах смена партийного и государственного руководства. К началу 1987 года лишились своих постов 60 процентов первых секретарей обкомов партии и 40 процентов членов ЦК времен «застоя». Ушли с политической сцены такие члены Политбюро (брежневцы), как Алиев, Гришин, Кунаев, Романов, Щербицкий. Налаживаем связи с новыми партийными руководителями в краях и областях.

Проходят январский 1987 года Пленум ЦК, июньский. Новый виток «перестройки». Перестройка кадровой политики, перестройка экономики. Все более внедряются слова «ускорение», «гласность», «социализм с человеческим лицом» и т. п. Идет переориентация на развитие предпринимательства. Но ставится задача и усиления борьбы с нетрудовыми доходами. Тоже поддерживаем, стараемся определить скромные рамки развития частнопредпринимательской деятельности.

23 января 1987 года, к моему 60-летию, издается Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Октябрьской Революции. Конечно, приятно. Искренне выступил с заверениями в преданности Партии и Правительству и желании с большей энергией работать на благо нашей Великой Родины.

Бесконтрольная гласность приносит «плоды». Под предлогом верности перестройке в августе 1987 года начались массовые манифестации в столицах Прибалтийских республик с лозунгами о независимости. 1988 год. Началась активная реабилитация репрессированных.

А Советский Союз и его Коммунистическая партия под предводительством «перестроечников» и либералов стремительно неслись к своему полному краху. Близилась к завершению и моя работа в аппарате ЦК. Она проходила под аккомпанемент взбесившейся гласности. Средства массовой информации безудержно понесли в массы разрушительную критику марксизма и социализма. Особенно мощной атакой журналисты набросились на правоохранительные органы и больше всего на прокуратуру – оплот защиты законности и правопорядка. Почти все центральные газеты буквально состязались между собой в использовании наиболее уничижительных и оскорбительных оценок деятельности прокуроров и следователей. Претендуя на истину в последней инстанции, журналисты высокомерно поучали прокуроров, когда и кого надо было арестовывать, а кого не следовало; кого и когда необходимо было привлекать к уголовной ответственности и предавать суду, а кого – не было оснований; учили всему: и как квалифицировать то или иное преступление, и как проводить следствие и т. д., и т. п. Из прессы практически полностью исчезли положительные статьи. В административном потоке едва успевали просматривать критические публикации. Конечно, брали на контроль, поручали проверки, требовали информации, отвлекая прокуроров от выполнения прямых обязанностей. Лишь за редким исключением критика прессы была обоснованной. Складывалось впечатление, что бичевание прокуратуры было целенаправленным, ибо советская прокуратура по

своим целям и задачам, по своим функциям и положению в обществе не вписывалась в рамки западной «цивилизации», не имела права существовать в таком виде, в каком она существовала, она должна была быть такой, как на Западе – только спорить с адвокатом в суде. К этому, как видно, и идет дело в настоящее время. Уж больно не нравится кому-то, чтобы Россия жила своим умом...

На заключительном этапе работы в аппарате ЦК КПСС я успел подготовить проект постановления ЦК о повышении роли органов прокуратуры в борьбе с нарушениями законности и правопорядка, где от имени Центрального Комитета партии отмечалась большая работа, которую проводит прокуратура в борьбе с преступностью и по укреплению законности в стране, подчеркивалась особая, организующая ее роль во всей системе правоохранительных органов, определялись для органов прокуратуры основные направления усиления работы на современном этапе.

Но страна уже вступила в полосу чехарды с Генеральными прокурорами СССР. До ликвидации СССР оставалось чуть больше двух лет. Генеральные прокуроры СССР один за другим покидали свои посты под улюлюканье толпы и многих «народных» депутатов.

А в ЦК партии и в Правительстве России сочли необходимым назначить меня Министром юстиции РСФСР. Я принял это предложение.

Много было в той жизни неразберихи, суматохи и сумбура. Как грибы после дождя росли политические объединения, загромождая своими проблемами и притязаниями страну и общество. Неоправданно менялась структура власти (появление Съезда народных депутатов). Начались массовые политические митинги в центре Москвы, открытая и подковерная битва союзных и республиканских лидеров за власть. Подлинные интересы Союза и России, равно как и судьба людей, отошли на последний план. Я не видел своего места в этой глубоко аморальной политике, в связи с чем в конце 1990 года, то есть за год до распада СССР, подал в отставку без объяснения причин. Удовлетворить мое заявление было не сложно: мне исполнилось 63 года. Я имел моральное право отойти в сторону, уступить место амбициозной молодежи, рвущейся к власти.

Без ложной скромности могу сказать, что на посту Министра юстиции Российской Федерации за то короткое время, что мне довелось поработать, удалось сделать что-то полезное для органов и учреждений юстиции. В этой работе я опирался на поддержку всех работников юстиции России. Выражаю им сердечную благодарность.

Я чрезвычайно тронут тем, что Российское государство Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 июля 1989 года отметило мои скромные заслуги присвоением мне почетного звания «Заслуженный юрист РСФСР».

Слово «ветеран» – красивое, звучное слово. В словаре Ожегова оно объясняется и как старый, опытный воин, и как старый заслуженный деятель, работник. Вся моя жизнь вписывается в оба эти понятия, поскольку являюсь и ветераном войны, и ветераном труда. Но когда я завершил свою трудовую деятельность, понятие «ветеран» не было правовым. И я сразу же серьезно задумался над этим фактом.

В трудное время люди объединяются, берутся за руки, «чтоб не пропасть поодиночке». Особенно активно объединяются ветераны. Отойдя от «дел», они тем не менее не хотят жить без дела, быть оторванными от активной жизни. Одиночество им противопоказано. Они стремятся к общению. При всем своем индивидуализме человек в основе своей существо коллективистское. Выйдя на пенсию, я вовсе не собирался сидеть без дела. Жить только для себя я не мог. Тем более чувствовал, что еще не исчерпал энергию. Поэтому сразу же вступил во Всесоюзную общественную (преобразованную затем во Всероссийскую) организацию ветеранов, чтобы общаться с широким кругом людей, продолжать активную жизнь. Естественно, стал участвовать в работе организации. Вскоре меня избрали в руководящие органы. Практически сразу же приступил к разработке проекта закона о ветеранах. Работал долго и напряженно.

Пришлось ломать голову не только над общим понятием «ветеран», но и искать критерии для четкой градации ветеранов войны и ветеранов труда. И чем больше углублялся в проблему, тем больше нарастал ком вопросов. В ряде правовых актов того времени фигурировали «участники Великой Отечественной войны». Им постепенно стали устанавливаться и наращивать социальные льготы. А как быть с теми, кто участвовал в других локальных войнах как на территории СССР, так и в других странах? Как оценивать жителей блокадного Ленинграда? Участники они войны или какие-то другие ветераны? Ведь даже одиннадцатилетние, двенадцатилетние дети Ленинграда под постоянными немецкими бомбежками и артиллерийскими обстрелами помогали солдатам. И может ли двенадцатилетний подросток, с оружием в руках защищавший Родину, подходить под ожеговское понятие «старый, опытный воин», или ему надо дожить до шестидесяти лет, чтобы называться ветераном войны?

Закон «О ветеранах» был принят 12 января 1995 года. Конечно, закон не был идеален. Не идеален он и сегодня, после внесения в него в последующие годы многих изменений и дополнений. Но главное сделано. Теперь каждый человек, достойно служивший Родине, на каком бы посту – боевом или трудовом – он ни находился, найдет себя в Законе «О ветеранах». В законе фигурируют различные категории ветеранов Великой Отечественной войны, включая и категории жителей блокадного Ленинграда и тружеников тыла, ветеранов боевых действий, как на территории СССР, так и на территории других государств, ветеранов военной и государственной службы, ветеранов труда. Никто не забыт, никто не обижен. Я горжусь своей непосредственной причастностью к появлению этого закона.

Как ветеран войны и труда, прокуратуры и юстиции, я состою в этих и ряде других ветеранских организациях, участвую в посильной работе.

По разным мотивам и интересам объединяются люди в ветеранские организации. Моя судьба сложилась так, что по работе мне пришлось тесно общаться с людьми, работавшими в свое время в разных независимых друг от друга ведомствах – прокуратуре, милиции, суде, юстиции. Но у всех у нас было одно общее, объединяющее нас – принадлежность к юридической профессии. Я взял на себя инициативу объ-

единиться всем нам в самостоятельную межрегиональную общественную организацию – ассоциацию юристов-ветеранов. По единодушному решению собравшихся ветеранов я возглавил нашу небольшую организацию.

С тех пор прошло около 15 лет. И хотя, создавая организацию, мы преследовали цель направить ее усилия главным образом на заботу о членах организации, фактически же значительно расширили сферу нашей общественной деятельности. Большую помощь наша организация в свое время оказала депутатской фракции «Женщины России» в Государственной Думе. Большое значение мы придавали изданию книг с комментариями законодательства. Публиковали юридические консультации в газете «Ветеран». Выступали в этой и других газетах и журналах с острыми статьями социальной направленности. Проводим много других мероприятий.

Награды, которые я получил за общественную работу: от Президента Российской Федерации В.В. Путина – орден Дружбы, от Правительства Российской Федерации – Почетную грамоту, от Национального комитета общественных наград Российской Федерации – Золотую Звезду «Честь, Гордость и Слава России», от ряда всероссийских общественных ветеранских организаций – знаки Почета, а также дипломы профессора и академика от Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка – за деятельность по разъяснению российского законодательства.

В.А. Аболенцев. Из книги «И по совести, и по закону»
Москва. Декабрь 2006 г.

АЛЕШКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Николай Васильевич Алешкин родился 3 августа 1921 года. Закончил Тюменское пехотное училище в июле 1941-го, получил звание лейтенанта. Был назначен командиром взвода курсантов Ульяновского пехотного училища.

В августе 1943 г. был направлен на Южный фронт офицером связи 7-й гвардейской мотострелковой бригады 20-го танкового корпуса. В январе 1944-го бригада участвовала в Корсунь-Шевченковской операции. Н.В. Алешкин участвовал в ней как помощник начальника штаба бригады по разведке, был руководителем крупного отряда.

На территории Германии отряд под командованием Н.В. Алешкина уничтожил несколько групп немцев.

Николай Васильевич закончил войну капитаном. В конце мая 1945 года был направлен на учебу в Академию БТВ, которую закончил в 1949 г., в 1950 г. закончил Высшие академические курсы Генштаба. Затем служил в штабах дивизий и армий ГСВТ. В 1964–1976 гг. работал в Генеральном штабе.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, тремя медалями «За боевые заслуги».

В Минюсте – старший консультант Управления кадров.

Родился я 3 августа 1921 года в д. Куровское Перемышльского района Калужской области. В 1939 году закончил среднюю школу и поступил в Новосибирский строительный институт. Но в связи с обострением международной обстановки и в соответствии с Законом «О всеобщей воинской обязанности» был призван в Красную Армию, а к концу года был уже курсантом Свердловского, а затем Тюменского пехотного училища, которое закончил в июле 1941 года. Мне было присвоено офицерское звание «лейтенант».

Большинство офицеров нашего выпуска было направлено на фронт, а часть из них (в том числе и я) назначены командирами взводов курсантов пехотных училищ

для подготовки офицерского состава для действующей армии – меня направили в Ульяновское пехотное училище, в котором я проработал до лета 1943 года.

Все мы, воспитанные в духе любви к своей Родине – СССР, естественно, рвались на фронт. После многократных попыток мне удалось это сделать в августе 1943 года. Я был направлен на Южный фронт офицером связи 7-й гвардейской мотострелковой бригады 20-го танкового корпуса (бригада пленила под Сталинградом генерала Паулюса).

Трудно описать словами первые дни пребывания на фронте. Столько было впечатлений, эмоций и переживаний. Шла жестокая война, на которой, как известно, убивают. Идут ожесточенные бои. Летают самолеты, нанося бомбовые удары, стреляет артиллерия, режут двигатели танков и САУ. Кажется, что земля качается, потеряла равновесие, а вместе с ней качаешься и сам. Кроме того, сильное впечатление производило большое количество погибших лошадей, телами которых были усыпаны лесозащитные полосы (район Мелитополя).

Наши войска в это время находились в обороне и вели бои местного значения. Немецкая авиация ежедневно три раза в день наносила по нашим войскам бомбовые удары. Прятались мы в имевшихся окопах или отрывали себе новые. К первой бомбежке готовый окоп я не нашел. Отрыл себе окопчик для стрельбы, лег в него лицом вниз. Жду бомбежку и думаю, что в таком положении я ничего не увижу – и перевернулся на спину. В этот раз все обошлось. Бомбы легли в стороне.

Однажды мы, несколько человек, укрылись в одном большом окопе, надеясь, что прямого попадания бомб не случится. И вдруг один офицер решил уйти от нас и укрыться в соседнем окопе. И это было для него роковым шагом. Мы остались живы, а он погиб от прямого попадания бомбы в его окоп.

Наблюдательный пункт командира бригады размещался под подбитым танком в одном километре от батальонов, которые находились в траншеях в непосредственной близости от немцев. Однажды под вечер командир бригады посылает меня со срочным боевым распоряжением в батальон. Местность, которую мне предстояло преодолеть, была открытой и простреливалась автоматным огнем немцев. Первые 200–300 метров под огнем противника я преодолел короткими перебежками. Но, подумав, что я так быстро не добегу до траншеи, остальные 600–800 метров преодолел непрерывным броском зигзагами под автоматным огнем противника. Прыгнув в траншею и передав распоряжение командиру батальона, встретил своего товарища (звали его Иваном, фамилию не помню), который начал показывать передний край обороны немцев и на моих глазах был убит пулей в голову. Так я получил первое боевое крещение.

Второе боевое крещение получил под Кривым Рогом. Батальон бригады занимал исходное положение для наступления. Я должен был доставить им распоряжение командира. Шел сильный дождь. Под ногами была раскисшая почва и сплошные лужи воды. И в момент, когда я уже подходил к войскам, из-за пригорка выползли около 10 немецких танков «Тигр» и открыли огонь. Снаряды рвались в 100–200 метрах от

меня. Но я не смог заставить себя лечь в лужу (был март) и спрятался за телефонным столбом. После ухода танков я добрался до батальонов и выполнил боевое задание.

В январе 1944 года бригада в составе корпуса была переброшена в исходный район для участия в Корсунь-Шевченковской операции, в ходе которой войска 1-го и 2-го Украинских фронтов окружили и уничтожили 10 немецких дивизий.

В этой операции, будучи помощником начальника штаба бригады по разведке, вместе с разведывательной ротой после прорыва обороны противника вел разведку в направлении Капитоновка, Шпола, Звенигородка. Находясь в боевых порядках пехоты, рота участвовала в прорыве обороны. Как только немцы начали отход, рота, обходя части сопротивления, к исходу первого дня наступления овладела селом Капитоновка.

Капитоновка – большое украинское село, расположенное по обоим берегам небольшой речки. Немцы, отойдя на западный берег речки, перешли к обороне. Разведрота, овладев восточной окраиной села, остановилась на ночной отдых. Всю ночь немцы из танковых орудий вели огонь по восточной окраине. Село было обьято огнем. Сгорел не один десяток домов.

Немцы рано утром второго дня нашего наступления начали отход. В это же время контрударом танковых группировок противника наступление главных сил корпуса и бригады было остановлено. Выполняя поставленную задачу, разведрота продолжила разведку отходящего противника и к исходу дня, уничтожая по пути группы отходящего противника и подразделения тыла, овладела с. Шпола, где разгромила штаб дивизии и большой обоз немцев с новогодними подарками. Было уничтожено более 200 немцев и около 50 взято в плен.

К этому времени главные силы бригады, отразив контрудар противника, к утру третьего дня вошли в Шполу. Разведрота продолжила разведку в направлении г. Звенигородка и первой овладела городом, положив начало окружению крупной группировки немцев в районе Корсунь-Шевченковский. За три дня рота совершила 90-километровый рейд по тылам врага и выполнила поставленную боевую задачу.

После окружения группировки противника в районе Корсунь-Шевченковский немцы предприняли попытку ее деблокировать, для чего в район южнее Звенигородки начали сосредоточивать крупную танковую группировку.

Для разведки этой группировки был сформирован крупный отряд в составе разведроты, роты автоматчиков, батареи ПТО и двух танков, который под моим руководством в течение двух недель вел разведку в направлении Ерки, Тальное. Наблюдением и выдвижением разведывательных групп на глубину до 40 км (до рубежа Тальное, Ново-Архангельск) было установлено сосредоточение южнее Звенигородки танковых дивизий «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова».

Основные силы отряда разместились в двух населенных пунктах южнее Ерки. С нашим приходом в них была восстановлена советская власть, а местные полиция расстреляны населением.

Через некоторое время к отряду присоединились две партизанские группы (около 75 человек), командиры которых дали ценные данные о группировке немцев в районе южнее Звенигородки, о местонахождении штаба одной из танковых дивизий, о преступных действиях власовцев, которые сожгли в районе несколько населенных пунктов, о гарнизонах немцев в населенных пунктах. В частности, стало известно, что в самом ближнем от нас с. Тальное расположена австрийская пехотинская рота. Было решено уничтожить ее, для чего рота автоматчиков и партизаны ночью скрыто подошли к селу и после нанесения огневого удара батареями ПТО внезапной атакой овладели населенным пунктом. Вражеская рота была разгромлена, а командир роты – австрийский капитан – вторично взят в плен – первый раз в русский плен он попал в империалистическую войну и находился в плену около четырех лет.

С началом активных действий немецких войск района южнее Звенигородки с целью деблокирования окруженной группировки разведывательному отряду было приказано отойти к главным силам бригады. Отход было решено совершить ночью. Боясь мести немцев, вместе с отрядом ушло около 800 жителей. Отход совершили организованно, и отряд благополучно соединился с бригадой.

Затем бригада в составе корпуса была выведена в резерв 2-го Украинского фронта, а позже переброшена на территорию Германии в район г. Глогау (90 км от Берлина), где к тому времени была окружена большая группировка немцев, которая предпринимала неоднократные попытки прорваться на запад и выйти из окружения. Значительной группе немцев это удалось сделать. Для ее уничтожения из состава бригады выделяется отряд под моим командованием в составе разведроты и роты автоматчиков.

Немцы применили следующую тактику: днем они скрывались в лесах, а ночью пытались двигаться к Берлину. Наши действия сводились к следующему. К исходу дня на путях возможного движения немцев мы устраивали засады и с выходом их на открытую местность уничтожали огнем или брали в плен, если они сдавались.

В течение нескольких дней и ночей отряд отыскал и уничтожил несколько разрозненных групп немцев и около 100 человек взял в плен.

Отпраздновав Победу, в конце мая 1945 года я был направлен на учебу в Академию бронетранспортных войск, которую окончил в 1949 года, в 1950 году закончил Высшие академические курсы Генштаба. Затем служил в штабах дивизий и армий ГСВТ. С 1964 года работал в Генеральном штабе, откуда в 1976 году уволен в запас в звании полковника.

После увольнения из Советской Армии около 15 лет работал в гражданских учреждениях, в том числе 10 лет в Министерстве юстиции СССР.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, 3 медалями «За боевые заслуги». Имею ранение.

Н.В. Алешкин. Воспоминания.

АСТАХОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Иван Николаевич Астахов родился 3 ноября 1918 года. Перед войной закончил Московский горный институт, защитив диплом инженера-механика.

Как мотоциклист автомотоклуба И.Н. Астахов в первой декаде июля 1941 г. был направлен на Западный фронт. Бойцы-мотосвязисты специального подразделения осуществляли связь штаба Военного Совета Западного фронта с штабом партизанского движения Белоруссии. И.Н. Астахов был ранен. 4 октября 1941 г. он был признан временно непригодным к строевой службе в армии и прибыл домой в г. Москву в самое тревожное время: с 20 октября 1941 года в столице было введено осадное положение. Несмот-

ря на ограниченную подвижность из-за ранения, И.Н. Астахов вновь стал нести службу в штабе мотоотряда разведчиков 1-го корпуса МПВО столицы. В конце ноября перешел работать сборщиком автоматов ПППШ на военный завод. Когда фашистов отеснили от окраины города (после 6 декабря 1941-го), стал работать на том же заводе № 828 мастером.

Осенью 1942 г. И.Н. Астахов был мобилизован по комсомольскому набору в воздушно-десантные войска. С января 1943 г. десантная воинская часть в составе 1-й Ударной армии действовала на Калининском фронте. Там И.Н. Астахов был снова ранен. По выздоровлении его направили на фронтовые курсы младших лейтенантов-пулеметчиков Калининского, позднее переименованного в 1-й Прибалтийский, фронта. По окончании курсов присвоили звание младшего лейтенанта и зачислили в боевой резерв Военного Совета фронта командиром отдельной пулеметной роты.

В конце 1943 г. И.Н. Астахов откомандирован на службу в органы военной контрразведки «Смерш» Государственного комитета обороны страны.

Награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В Главке исполнения

наказаний Минюста – с 1956 по 1981 г. Активный участник в работе ветеранской организации Федеральной службы исполнения наказаний Минюста России.

Ваше Благородие! Со мной госпожа Удача. Прожито много. Я родился 3 ноября 1918 года. Есть что вспомнить: студенческие годы, роковые – сороковые, военные, тяжелые – фронтовые, ранения, служба в силовых органах – из них более тридцати пяти лет в центральных аппаратах МВД Союза, в том числе 25 лет в Главном управлении исправительно-трудовых учреждений.

Немного краткой хронологии.

Воскресенье 22 июня 1941 года. У многих тогда нарушился устоявшийся образ жизни. Патриотизм, желание защищать Родину, отразить вероломно напавшего врага. С первых дней Отечественной войны пробудилось намерение добровольно уйти служить в Советскую Армию, в действующие на фронте воинские части.

Так было и в Московском центральном автотоклубе. В первую неделю войны всю свою работу клуб перестроил на военный лад. Члены клуба, имевшие собственные мотоциклы, в том числе и я, объединились в мотоподразделение для несения (в свободное от работы время) постоянной службы по связи, разведке и донесению об обстановке в городе в штаб местной противовоздушной обороны Москвы.

К этому времени я, Иван Астахов, закончил Московский горный институт, защитив диплом инженера-механика.

Как мотоциклист автотоклуба в первой декаде июля 1941 года я был направлен через Московский горвоенкомат на Западный фронт в распоряжение штаба Военного Совета. Нам – бойцам-мотосвязистам специального подразделения приходилось все время ездить по фронтовым дорогам с различными документами из штаба Военного Совета Западного фронта в штаб партизанского движения Белоруссии.

Мы были очевидцами многих боевых действий частей и соединений тогда отступавшей армии от Минска на Могилев.

Так, в районе города Кричев (это была третья декада июля 1941 года) при движении вдоль линии фронта наша артиллерийская автоколонна подверглась обстрелу с фланга. Порядок движения по шоссе автомашин был нарушен из-за вражеского обстрела. Миновать, объехать это место возможности не было – высокая насыпь.

Попал и я в зону обстрела. Меня ранило и тяжело травмировало. Потерял сознание. Как очнулся – подобрали и доставили в полевой эвакогоспиталь, расположенный на железнодорожной станции города Рославль... Через пару дней перевезли в эвакогоспиталь в г. Белгород. В связи с приближением фронта в августе эвакуировали вглубь страны, в Ростов–Дон, где продолжали долечивать. 4 октября 1941 года выписали. Признали временно непригодным к строевой службе в армии.

Прибыл домой в г. Москву. В городе было очень тревожно. Фашисты на подступах. С 20 октября 1941 года в столице было введено осадное положение. Все готовилось к непосредственной защите города.

Несмотря на ограниченную подвижность из-за ранения, вновь стал нести службу в штабе мотоотряда разведчиков 1-го корпуса МПВО столицы. Находился этот штаб в подвальном помещении здания концертного зала им. Чайковского, примыкающего к станции метро «Маяковская».

В конце ноября, когда перевели всех на казарменное положение, перешел работать сборщиком знаменитых тогда автоматов ПППШ на военный завод. Когда фашистов оттеснили от окраины города (после 6 декабря 1941 года) стал работать на том же заводе № 828 мастером.

Осенью 1942 года снова в строю. Был мобилизован Бауманским райвоенкоматом по комсомольскому набору в воздушно-десантные войска. Направили в воинскую часть № 185 – 2-я дивизия 5-й гвардейский полк 2-й батальон 6-я рота. Дислоцировалась дивизия в Звенигороде под Москвой. Служил рядовым красноармейцем, хотя, учась в институте, проходил военное обучение, но не был аттестован, так как в 1938 году отменили командирскую учебу в высших учебных заведениях страны (это было не лучшее решение!).

С января 1943 года наша десантная воинская часть на Калининском фронте. Действовали в составе 1-й Ударной армии. Участвовали в боях первого эшелона и ближних тылах фашистских войск западнее г. Осташков, на реке Ловать, в лесах под пос. Бор Псковской области, а также на юго-западе г. Старая Русса.

Новое ранение. Не тяжелое, осколочное. Излечение проходил под г. Калинином. По выздоровлении меня направили на фронтовые курсы младших лейтенантов-пулеметчиков (полевая почта 16630) Калининского, позднее переименованного в 1-й Прибалтийский, фронта.

По окончании курсов присвоили звание младшего лейтенанта и зачислили в боевой резерв Военного Совета фронта командиром отдельной пулеметной роты (наконец учли имевшиеся у меня фундаментальные военные знания).

В конце 1943 года откомандировали на службу во вновь созданные, вместо особых отделов НКВД, органы военной контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам») Государственного комитета обороны страны. С тех пор жизнь моя была связана со службой в органах МГБ, КГБ и МВД. В отставку ушел в звании полковника Вооруженных Сил.

С 1946 года работал в городе Москве в центральных аппаратах различных служб. Из них 25 лет (с 1956 г. по 1981 г.) в нашем Главке исполнения наказания (ГУИЗ, ГУИТЛК, ГУИН) на оперативной работе в оперативно-профилактическом отделе. Работа специфическая, разнообразная. Неоднократно поощрен: за активную помощь, оказанную органам Комитета государственной безопасности в разоблачении опасных преступников, за успешное выполнение задания руководства министерства по разработке методических пособий командно-штабных учений «Волна» (для министров союзных и автономных республик, начальников УВД крайоблисполкомов) и умелую их организацию. В 1968 году присвоено звание заслуженного работника МВД (тогда МООП).

Боевой и трудовой путь отмечен орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «За укрепление УИС» и за безупречную службу более двадцати юбилейных и памятных медалей. Активный участник в работе ветеранской организации Федеральной службы исполнения наказаний Минюста России.

И.Н. Астахов. Воспоминания

БАСАВИН ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Иван Александрович Басавин родился в 1907 году. Он встретил дни Великой Отечественной войны первым заместителем Народного комиссара юстиции СССР. В этой должности он ведет работу по переориентации органов юстиции на рельсы военного времени. С января 1944-го он возглавляет Народный комиссариат юстиции РСФСР.

«За успешную работу в органах советской юстиции по укреплению революционной законности и охраны интересов государства» И.А. Басавин награжден орденом Ленина и медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Иван Александрович Басавин родился в 1907 г. в деревне Залеменьга Ровдинского района Архангельской области в многодетной крестьянской семье. Он встречает суровые дни Великой Отечественной войны первым заместителем Народного комиссара юстиции СССР. В этой должности он ведет огромную работу по переориентации органов юстиции на рельсы военного времени.

С января 1944 г. Иван Александрович Басавин возглавляет Народный комиссариат юстиции РСФСР.

Совсем непросто было привыкать к военным условиям работы, и в этом Иван Александрович убеждался на собственном опыте. Претерпевает серьезные изменения не только режим работы наркомата, но и его структура, направления и методы деятельности. В то же время правовая система, сложившаяся в довоенный период, в основном действует, за исключением формирования чрезвычайных органов. Жестче становились уголовные репрессии. В области трудовых отношений устанавливались военно-мобилизационные принципы.

Организация работы, основные направления деятельности Наркомата юстиции регулировались исключительно приказами. Приказами вводились в действие нор-

мативные акты общественных органов, высших органов власти и управления СССР и РСФСР, формировались новые органы управления, изменялась их структура, функции. Приказами также оформлялись командировки работников центральных органов на места и в учреждения для оказания помощи, проверки деятельности областных управлений юстиции, объявлялись поощрения и налагались взыскания как вышестоящими органами, так и самим Наркомом юстиции, оформлялись решения коллегий.

Неизмеримо усилилось единоначалие, на заседаниях коллегий, как правило, заслушивались магистральные вопросы развития наркомата, проверки исполнения предыдущих приказов наркома и решений коллегий, а чаще всего – исполнение решений Правительства и ЦК ВКП(б), Наркомата юстиции СССР. На коллегиях заслушивались отчеты о деятельности областных управлений юстиции, рассматривались и корректировались основные направления их работы, обычно в присутствии самих руководителей с мест. Вызов в Москву, отчет на коллегии или на заседании руководства одного из главков Наркомюста являлся широко применяемым методом работы с местными органами юстиции не только в военное, но еще и в мирное время. Широко практиковались также совещания у наркома, его заместителей, руководителей главков.

Как обратил внимание нарком И.А. Басавин, на заседаниях коллегии Наркомата юстиции СССР деятельность Наркомата юстиции РСФСР рассматривалась чаще, чем наркоматов юстиции других союзных республик.

Иван Александрович требовал, чтобы на коллегиях проходило обсуждение конкретных недостатков и упущений в работе и меньше всего рассматривались положительные аспекты деятельности. Его кредо – в условиях войны больше ответственности, нетерпимости ко всякого рода нарушениям, общая настроенность на безжалостное искоренение малейших злоупотреблений. Усиливался контроль, возрастало количество командировок на места, контрольных проверок и всевозможных инспекций учреждений юстиции. Свыше 300 работников Наркомюста из 354 штатных единиц были уполномоченными в областях. На каждого специалиста приходилось не менее трех командировок в год. Взаимоотношения наркомата и учреждений юстиции строились в основном по трем направлениям: контроль за работой, непосредственная и действенная помощь, реальное сотрудничество.

И.А. Басавин был решительным и смелым руководителем. Об этом можно судить по тому, что в середине 1944 года по его настойчивой рекомендации коллегия Наркомюста РСФСР принимает постановление «О прекращении практики социалистического соревнования в юридических школах и средних учебных заведениях по вопросам учебной работы».

Коллегия Наркомюста направляла работу в новое русло, неоднократно принимала постановления о работе органов юстиции. Так, в конце 1944 г. было принято постановление «Об организации контроля за качеством работы адвокатов», в апреле 1945-го – «О контроле за качеством работы адвокатов, обслуживающих учреждения предприятий и организаций».

Особое место в планах работы коллегии министерства на перспективу занимали вопросы укрепления системы профессиональной подготовки кадров. Когда уже стало ясно, что война идет к своему победному завершению, этой проблеме уделялось первостепенное внимание и система подготовки кадров постоянно развивалась. Открывались новые юридические вузы и факультеты при государственных университетах автономных республик, в краях и областях. Была развернута специальная подготовка специалистов по программе средних юридических учебных заведений.

«За успешную работу в органах советской юстиции по укреплению революционной законности и охраны интересов государства» И.А. Басавин награжден орденом Ленина и медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

По книге «На службе закону и справедливости». И. Андрухович (2002 г.)

БАТУРОВ ГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ

Гений Павлович Батуров родился 11 декабря 1925 г. В 19 лет был командиром танка. Воевал с врагом в составе 2-го Белорусского фронта, имел ранения и контузии. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За боевые заслуги». Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник юстиции. В Минюсте СССР – начальник Управления судов общей юрисдикции, член коллегии.

Гений Павлович Батуров в 1952 году закончил юридический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета по специальности «Правоведение». Работая в органах прокуратуры и суда, занимал ответственное положение в российской юстиции: в течение более 10 лет являлся председателем Ростовского-на-Дону областного суда и 18 лет входил в состав руководства Министерства юстиции СССР. Являясь членом коллегии Министерства юстиции СССР, возглавлял Управление судов общей юрисдикции.

В течение 17 лет Г.П. Батуров являлся членом научно-консультативного совета Верховного Суда СССР и Верховного Суда Грузинской ССР. Участвовал и в ряде случаев руководил научно-практическими конференциями не только в СССР, но и за рубежом, в частности в Оксфорде (Великобритания), Хельсинки (Финляндия), Софии (Болгария), Праге (Чехословакия). Неоднократно приглашался для чтения лекций во Францию, Германию, Индию, Непал. Возглавлял группу экспертов по подготовке неправительственных соглашений об оказании правовой помощи и экстрадиции между СССР и Болгарией, Тунисом, Алжиром.

Г.П. Батуров

Работая в прокуратуре, суде, Министерстве юстиции СССР, начиная с 1956 г. одновременно занимался преподавательской деятельностью вначале в Ростовском-на-Дону государственном университете, затем во Всесоюзном юридическом заочном институте, Российской правовой академии Минюста России.

Г.П. Батуров – профессор, в том числе Европейского университета права Justo, доктор юридических наук. Он являлся членом ученых советов Европейского университета права Justo и Российской правовой академии Минюста России.

За заслуги в укреплении законности присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Г.П. Батуров почетный работник юстиции России. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За боевые заслуги», Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России».

БАХУРОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

Ольга Алексеевна Бахурова родилась 20 мая 1926 года. Участвовала в боях в составе Белорусских фронтов.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

БЕЛОУСОВ ЛЕВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Белоусов Лев Вячеславович родился 9 сентября 1926 г. 2 февраля 1944 г. направлен в полковую школу радистов (г. Горький), где обучался принимать на слух радиogramмы.

После пяти месяцев подготовки был направлен в штаб 97-го отдельного радиодивизиона специального назначения 1-й отдельной радиобригады особого назначения Ставки Верховного Главнокомандующего.

Направлен в Румынию (г. Яссы), и с августа 1944 г. до 1951 г. служил за границей – Венгрия, Чехословакия, Австрия, Югославия, Болгария. Закончил войну сержантом.

За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда» и другими медалями.

Государственный советник юстиции 2-го класса. Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – начальник Управления организационно-правового обеспечения деятельности судов и исправительных производств.

Яродился 9 сентября 1926 года в г. Балашове Саратовской области.

Великая Отечественная война явилась тяжелейшим испытанием для нашего государства, народа, для каждой семьи.

Мне и моим сверстникам пришлось участвовать в лучшей, если можно так сказать о войне, части войны, в конце ее второй половины, когда еще в полную силу

гремели сражения, были большие потери, неимоверные трудности, когда чудовищная мясорубка войны продолжала перемалывать тысячи и тысячи человеческих жизней, но уже все явственней и явственней чувствовалось приближение Победы.

До призыва в Красную Армию, до фронта наш 1926 год, очевидно, меньшая часть – продолжали учебу в старших классах средней школы, а в основном – трудились в тылу на заводах и фабриках, колхозах и совхозах, объединенные всеобщим лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!».

Бросив учебу в 8-м классе, я с января 1942 года пошел учиться в ремесленное училище № 5 в г. Электростали Московской области (отец был на фронте, мать – в Саратовской области, очень хотелось есть, а в ремесленном кормили), попав в группу слесарей.

Поскольку производственная база училища была на металлургическом заводе, мы производственную практику проходили в заводских цехах на их станках и за их верстаками, работая, как и рабочие завода, посменно, в том числе и в две ночные смены. После ускоренного выпуска (слесарь, помнится, 5-го разряда) был направлен на работу в ремесленное училище № 41 на оборонный завод в том же городе, в силу чего призван в армию не осенью 1943 года, как большинство моих одноклассов, а в феврале 1944-го (имел отсрочку от призыва).

Удивило, что на призывном пункте офицер выяснял, играем ли мы на каких музыкальных инструментах, и был недоволен моим ответом, что я ни на чем не играю и вообще не имею ни голоса, ни музыкального слуха.

Недоумение рассеялось, когда я в группе сверстников из Подмоскovie оказался в г. Горьком в 25-м отдельном запасном радиополку и нас, курсантов, по 8 часов в день стали учить приему на слух радиосигналов азбуки Морзе, готовя из нас радиоразведчиков-«слухачей» латинистов. Были еще и изучение уставов Красной Армии, и тактико-специальная подготовка, и строевые занятия, но главное – прием на слух. О чем думали, о чем говорили и мечтали мы в запасном полку? Наверное, о многом и всяком, но главное – об окончании учебы и отправке на фронт. Мы, конечно, были комсомольцами, патриотами, мы ненавидели фашизм, рвались помочь Родине, но было и еще одно чувство, одно желание, не очень связанное с высокими и благородными побуждениями – мы просто хотели есть, мы опять были голодны – кто не помнит курсантскую норму! – и чувство голода (помните у Некрасова: «... Этот царь беспощаден, голод – название ему...») в сплаве с патриотизмом или, если хотите, патриотизм с желанием поест вкupte с нашими командирами заставляли нас изо дня в день набирать скорость в приеме морзянки, просить младших командиров на контрольных проверках скорости и безошибочности приема не заметить одну-две лишние ошибки и подтвердить, что мы овладели нормативами радистов-«слухачей» 3-го класса и, таким образом, готовы к отправке на фронт. Кроме того, что греха таить, мы знали, что недешево обходимся командованию (не менее 6 месяцев обучения) и нас не бросят на самую что ни на есть передовую, что для выполнения наших обязанностей мы будем находиться от противника на расстоянии уверенного приема сигнала его радиостанций.

В августе 1944 года под Москвой в Кубинках был сформирован 97-й отдельный радиодивизион специального назначения 1-й отдельной радиобригады «Осназ» Ставки Верховного Главного командования.

Костяком радистов дивизиона был сержантский состав из старослужащих – перешедших на «морзянку» радистов «катаканщиков», т. е. принимавших радиосигналы японской азбуки, из дивизиона, дислоцированного в Монголии, и радистов предыдущего выпуска радиополка, среди которых немало было девушек (все они были добровольцами). И под их начало поступили мы, выполнившие все-таки нормативы радистов 3-го класса, но не имевшие еще опыта радиослежения за противником.

Погрузка в эшелон техники, личного состава – и вот мы отсыпаясь и отъедаемся (стали кормить по другой норме, уже фронтовой) на пути на фронт в Румынию, куда мы попали после разгрома нашей армией Ясско-Кишиневской группировки противника.

Осень, Трансильванские Альпы, бои под Арадом; наш дивизион, следящий за авиацией противника (самолетные радиостанции тактической и стратегической авиации и станции наземного базирования), овладение навыками перехвата радиосвязи противника и пеленгация его радиостанций, чувство колоссальной ответственности за выполнение задания. Не обнаруженная вовремя радиосвязь их самолетов со своими наземными радиостанциями (вовремя – значит, как можно раньше. В идеале – перехватить первые позывные, первые qsa – как слышите? – и краткий радиообмен с землей на вылете, еще на их, вражеской, территории) – это незапеленгованные самолеты, своевременно не поднятая на перехват противника наша авиация, это атаки штурмовиков и бомбежка нашей передовой и ближних тылов, это кружащий над нашими головами самолет-разведчик, это бомбардировочная авиация противника, бомбящая армейские и фронтовые тылы, железные и шоссейные дороги, скопления наших резервов.

День за днем, ночь за ночью меняются места дислокации и развертывания наших радиостанций и пеленгаторов, непрерывное круглосуточное слежение и уже не только за авиацией противника, работа каждого радиста за радиоприемником через шесть часов по шесть, да еще наряды и караул по охране нашего расположения. Повышается результативность нашей деятельности, вместе с тем накапливается усталость, дает о себе знать хроническое недосыпание и нервное перенапряжение.

Румыния пройдена, мы – в Венгрии, в Югославии освобожден Белград.

По данным нашего дивизиона, обнаружившего подозрительное радиомолчание противника в районе озера Балатон и прекращение радиосвязи нескольких танковых соединений противника на других участках фронта, командование бригады, получив и сопоставив с нашими сведениями разведданные других дивизионов, предположило возможность подготовки контрнаступления противника на данном участке фронта. Об этом было доложено Верховному командованию. Были приняты определенные меры. Элемент внезапности танкового удара по нашим позициям (последнего крупного в ту войну) был утрачен. Наши войска успели подготовиться,

танковый прорыв с выходом в наши тылы на оперативный простор фашистам не удался. Затем пал Будапешт, взята Вена. Во всех этих успехах и победах Красной Армии есть и наше малое и незаметное участие, участие 97-го дивизиона, личный состав которого насчитывал что-то немногим более 200 солдат и офицеров.

Победу встретили под Братиславой (Чехословакия, теперь Словакия), узнав об этом по радиосообщениям наших союзников на день раньше, т. е. 8 мая, но война для нас закончилась на два дня позже (согласно архивной справке, дивизион входил в состав действующей армии с 15.08.1944 по 11.05.1945). Мне, как и многим моим одногодкам, шел девятнадцатый год. Окончил я войну младшим сержантом, радиотелеграфистом старшим.

Война окончена, но наша служба продолжалась; перед радиоразведкой были поставлены новые задачи, которые мы продолжали выполнять в составе нашего дивизиона и его подразделений в Болгарии, Румынии, Венгрии, Австрии.

Сейчас вот изменилось отношение к армии, модно стало не служить в ней, два года считается слишком долгим сроком. В связи с этим хочется сказать, что для солдат 1926 года рождения срочная служба продолжалась семь или почти семь лет: с осени 1943 года (или весны 1944 года) по осень 1950-го (лично я задержался по болезни до весны 1951 года, демобилизовавшись из армии инвалидом II группы). Правда, и армия и страна тогда были другими, порядки в армии были иные, иное было и отношение к ней.

За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда» и другими медалями.

После демобилизации – школа рабочей молодежи, учеба на юрфаке МГУ, шестнадцать с лишним лет работы судьей, 21 год в Министерстве юстиции СССР, а после распада СССР – в Министерстве юстиции России, 9 лет работы в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации.

В 1959 году закончил юридический факультет МГУ (диплом с отличием). В марте 1959-го, будучи студентом 5-го курса, избран народным судьей в Балашихинском районе Московской области. Затем избирался и работал последовательно членом Московского областного суда, членом, заместителем председателя и председателем специального суда, членом Верховного Суда РСФСР. Проработал на судебных должностях более 16 лет.

С мая 1975 года по февраль 1996-го работал в Министерстве юстиции СССР начальником Управления, обеспечивавшего деятельность специальных судов, а после ликвидации союзного министерства – в Министерстве юстиции Российской Федерации. Последняя должность – начальник Управления организационного обеспечения судебной деятельности и исполнительных производств. С февраля 1996 года – заместитель руководителя Секретариата руководства Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – начальник Приемной (с 1998 года).

Участвовал в разработке некоторых законопроектов, в частности федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах». По этой тематике читаю лекции, выступаю в периодической печати со статьями и разъяснениями норм этих законов. Один из соавторов комментария к Закону «Об исполнительном производстве», настольной книге судебного пристава-исполнителя, и нескольких других сборников.

За работу в судах и органах юстиции присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР», награжден орденом «Знак почета», государственный советник юстиции 2-го класса.

Моих однополчан судьба в послевоенные годы разбросала по всей стране, по-разному сложились судьбы каждого из нас, но дважды в год: в день Победы и в день «рождения» нашего дивизиона (3-е воскресенье августа) мы – раньше не только жители Москвы и Подмосковья – встречаемся у памятника Пушкину.

Нас становится все меньше и меньше, и на встречи приходят уже единицы.

Я от себя и от имени своих товарищей могу сказать всем и поколению, пришедшему нам на смену: мы не безгрешны, но и в тылу, и на фронте, и в послевоенные годы мы честно служили нашему народу и великой Родине, которая имела гордое, глубокого смысла название – Союз Советских Социалистических Республик.

А из наград мне дорог скромный значок, который каждому из нас вручил в один из юбилейных Дней Победы командир воинской части, наследницы наших дивизионов, где выбито: «Ветеран военной разведки».

Л.В. Белоусов. Воспоминания. 2005 г.

БЕЛЯЕВ ФЕДОР АРХИПОВИЧ

Федор Архипович Беляев родился 24 мая 1904 г. в селе Журавка Киевской губернии. Перед самой Отечественной войной он старший помощник Прокурора Украины, начальник уголовно-судебного отдела республиканской прокуратуры. Во время войны Федор Архипович был Прокурором Узбекской ССР.

С 1946-го по 1949 г. Ф.А. Беляев занимал должность Прокурора РСФСР, с 1949-го по 1953 г. являлся Министром юстиции РСФСР.

Федор Архипович Беляев был руководителем в самый сложное для юстиции время – период усиления репрессивной сталинской политики. Надо отдать должное Министру юстиции РСФСР Беляеву – в области уголовного права Министерство юстиции РСФСР многое сделало по изменению круга субъектов, видов наказаний, по отмене чрезвычайных положений закона и пр. В мае 1947 г. была отменена смертная казнь (восстановлена с 1950 г.). Но одновременно усиливалась ответственность за хищение государственного и общественного имущества – в июне 1947-го. За эти виды преступлений были увеличены сроки наказаний до 10–25 лет, к лишению свободы приговаривались также лица, виновные в недоносительстве об этом.

Неизменно волновала Беляева тема укрепления правопорядка в российской деревне. Ф.А. Беляев проводил всероссийские совещания работников юстиции – народных судей и народных заседателей, адвокатов, нотариусов, подчеркивая задачи укрепления социалистической законности и искоренения преступности.

БЕРНИЦ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Александр Николаевич Берниц родился 22 ноября 1923 г.

С июля 1941 г. стал курсантом Горьковского училища зенитной артиллерии. Звание лейтенанта получил в октябре 1942 г. В июне 1943-го взвод в составе батареи под командованием А.Н. Берница был включен в систему противовоздушной обороны города Горького. После ликвидации института комиссаров А.Н. Берниц получил взвод офицеров-политработников для переподготовки на должность командиров. Затем командовал взводом курсантов.

12 января 1945 г. началась Висленско-Одерская операция 1-го Украинского фронта. А.Н. Берниц вступил в командование батареей МЗА (малокалиберная 37-мм 6-оружейная батарея). От Одера, в районе г. Опельн, с боями прошел до г. Бреслау. 1 апреля 1945 г. был возвращен к постоянному месту службы, в г. Горький.

Награжден двумя орденами Красная Звезда, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» и др.

Советник юстиции 2-го класса. Полковник юстиции. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – ведущий специалист Управления конституционного законодательства.

Яродился 22 ноября 1923 года в г. Ульяновск (в то время Симбирск). С 1934 года проживал в г. Оренбург до начала Великой Отечественной войны, где и закончил в 1941 г. 10-й класс.

Несмотря на все бытовые сложности, вызванные голодом в Поволжье, и жилищные затруднения, был уверен в достоинствах строящегося социализма, его преимуществах и скором преодолении существовавших трудностей.

Надеялся после школы поступить в геологический институт (геологоразведку) и сожалел одновременно, что к окончанию школы не достиг призывного возраста и не смену брата, который осенью, по окончании действительной военной службы,

должен был уволиться в запас (он погиб в 1941 г.). Увы, все произошло иначе. Сразу по окончании 10-го класса побежал в военкомат. 18-ти лет еще не достиг и попросился в военное училище, благо возраст помехой не был.

С июля 1941 г. стал курсантом Горьковского училища зенитной артиллерии. В Оренбурге было такое же, но туда не захотел, наличие родственников и товарищей могло отвлекать от учебы. Шла война, естественно, сроки учебы были сокращены. Но наряду с нами, пацанами, курсантами, были зачислены студенты вузов, да и лица, их окончившие. Их выпускали в звании офицеров в первую очередь, очевидно, по мере потребности.

Август 1942-го – прорыв фронта на Дону, движение немецких войск к Волге. Настал и наш черед. Всех моих однокашников погрузили на пароход, взявший курс на Сталинград. Я же один, по непонятной тогда причине, был оставлен в училище. На вопросы мои один ответ: «Так надо, принимай взвод курсантов, ты назначен на должность их командира».

Звание «лейтенант» еще с «кубарями» получил только где-то в октябре 1942 г., а мои сокурсники по училищу убыли под г. Сталинград в звании курсантов, а офицерские звания получили (кто остался жив) после Сталинградской битвы.

В июне 1943 г. первый выпуск курсантов призыва осени 1942-го, в том числе и моего взвода, доставили пароходом в г. Куйбышев, где сдали в штаб формирования. Здесь, на пароходе, под напором моего помкомвзвода Чхенкеля, теперь уже лейтенанта, пришлось «откушать» водки. Чхенкель, грузин, старше меня лет на 10, начал войну в Прибалтике 22 июня 1941 г. Устоять перед его напором не удалось. Наверное, лишь чувство ответственности за возложенную на меня обязанность позволило мобилизовать все внутренние силы и не опьянеть после первого «причастия».

В период командования упомянутым взводом в составе батареи мы были включены в систему противовоздушной обороны города Горький, оборудовали боевую позицию за пределами города, где наряду с занятиями несли боевую службу.

Расставшись с взводом, попытался добиться откомандирования на фронт. За три рапорта об этом получил 30 суток домашнего ареста. Затем, после ликвидации института комиссаров, получил взвод офицеров-политработников для переподготовки на должность командиров. Затем командовал взводом курсантов, которые были выпущены и убыли в 1944 г. на фронт в звании младших лейтенантов. Звание «лейтенант» после окончания училища по сокращенной программе присваивать перестали.

С 1944-го офицеров, проходивших службу в военных училищах, стали направлять на стажировку в боевые части. Наконец и я дождался этого. 15 января 1945 г. в составе группы из шести офицеров убыл в распоряжение командования 1-го Украинского фронта.

Насколько не изменяет память, 12 января 1945 г. началась Висленско-Одерская операция 1-го Украинского фронта. Пришлось использовать различные средства передвижения, догонять штаб фронта, а затем 5-й Гвардейской армии. Настигнут

он был в г. Ченстохов. Отсюда в таком же порядке гнался за штабом 29-й зенитно-артиллерийской дивизии РТК (Резерва Главного командования), разыскал его вблизи р. Одер, а отсюда ночью, без сопровождения, видимо, с целью проверки и выдержки «тыловой крысы» был направлен в расположение командира полка, на плацдарм за Одером. Маршрут был показан по карте с пояснениями, чтобы не нарваться на немецкие позиции.

Переpravившись через Одер, явился в полк. Затем получил приказ вступить в командование батареи МЗА (малокалиберная 37-мм оружейная батарея). До этого ею командовал офицер Зудин. За удержание переправы и другие успехи он был представлен к званию Героя Советского Союза, но после конфликта с командиром полка представление было отозвано, а он был награжден орденом и назначен на штабную должность. У личного состава батареи Зудин пользовался непререкаемым авторитетом, и это приходилось учитывать, строя взаимоотношения с личным составом.

От Одера, в районе г. Опельн, с боями прошли до г. Бреслау и здесь застопорились. Наступление было, к сожалению, приостановлено, боевые действия свелись, в основном, к стрельбе по самолетам немецких ВВС, доставлявшим грузы окруженной в Бреслау группировке и бомбившим наши боевые порядки. Не знаю точно за что, но в марте 1945 года приказом командира дивизии я был награжден орденом Красной Звезды.

В действующей армии (29-я зенитно-артиллерийская дивизия РГК 5-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта) я проходил службу в должности командира батареи до 1 апреля 1945 года. В этот день войска армии и фронта перешли в наступление в направлении Берлина и Праги. Меня же отозвали в штаб дивизии и вручили предписание возвращаться в г. Горький, в училище, откуда я прибыл на 1-й Украинский фронт в порядке стажировки. Просьба оставить меня в дивизии удовлетворена не была. Комдив сказал, что есть строжайший приказ: стажеров с окончанием срока командировки возвращать по месту постоянной службы и взыскания за неисполнительность он получать не намерен.

Из всех офицеров училища, стажировавшихся в 1944–1945 годах в войсках, ведущих боевые действия на фронтах, орденами были награждены двое: я и еще капитан Дуда (преподаватель).

А фронт начал наступление на Берлин и Прагу. Под Бреслау по ошибке огнем полка была сбита американская «Летающая крепость».

Вернулся в училище, и начались вновь учебные будни. Здесь я и встретил сообщение о Победе.

Я был назначен командиром курсантской батареи, которые теперь обучались по программе мирного времени. Такая должность давала право на поступление в Военную академию им. Дзержинского на командный факультет. В 1947 году был зачислен кандидатом в Военно-артиллерийскую академию им. Дзержинского и успешно сдал отборочные экзамены в Московском военном округе. Из нашего военного училища поступала в эту академию группа офицеров, кажется, семь или восемь человек.

Но, увы, на конкурсные экзамены в том году в академию я не попал. Начальник училища решил нам, кандидатам на поступление в академию, отпуск для подготовки к конкурсным экзаменам, положенный по приказу Министра обороны, не предоставлять. И после полученного им замечания в связи с нашей информацией он в отпуск отпустил не всех, объяснив отказ, в том числе и мне, – подачей коллективной жалобы в связи с непредоставлением отпуска. Возмущенный этим решением, я заявил, что он ущемляет наши права, обоснованную, не запрещенную Уставом жалобу оценивает неверно и в связи с этим под его началом я служить больше не желаю.

Осенью 1947 года я был откомандирован в войска с формулировкой «за отсутствием боевого опыта» – и это тогда, когда из всех офицеров училища, проходивших стажировку в действующей армии, орденами были награждены только двое, в том числе и я.

В новой части (г. Бендеры, Молдавской ССР) мне посочувствовал командир части и сказал, что может отпустить меня для поступления в академию в 1948 году. И я решил поступать в Военно-юридическую академию, чтобы посвятить себя служению закону и пресечению самодурства со стороны некоторых командиров.

Итак, я стал слушателем Военно-юридической академии с 1.09.1948 по 19.03.1953, а затем проходил службу в органах военной прокуратуры в должностях военного следователя, старшего военного следователя, помощника военного прокурора округа, заместителя прокурора гарнизона, прокурора гарнизона, заместителя прокурора и прокурора Армии в городах Кронштадт, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск (Приморского края). С последнего места службы в прокуратурах Дальневосточного округа (прокурором 5-й Армии) в 1972 году был переведен в Главную военную прокуратуру (г. Москва).

В 1982 году по выслуге лет (41 календарный год) уволен в запас.

И с этого времени, более 27 лет, по сей день, теперь уже не в органах военной юстиции, продолжаю трудиться.

Начал работать после увольнения из кадров в 1982 году в качестве служащего в той же Главной военной прокуратуре, откуда переводом перешел на работу в Министерство юстиции РСФСР. С ноября 1984 года по июнь 1992-го трудился в Минюсте России.

Из Минюста, с должности ведущего специалиста Управления конституционного законодательства, в июне 1992 года уволился, не желая участвовать в непродуманном, поспешном сломе после распада СССР правовой системы советского периода.

Затем трудился, до увольнения в связи с оргмероприятиями, в Министерстве финансов Российской Федерации и структурах Администрации Президента России (аппарат Уполномоченного по правам человека, Комиссия по правам человека).

С декабря 1995 года и по настоящее время работаю в качестве специалиста в учреждениях адвокатской системы, а именно – в Российской академии адвокатуры. Общий трудовой стаж – более 66 лет.

Не в порядке хвастовства считаю возможным отметить, что за все время службы в Вооруженных Силах, органах военной прокуратуры, органах исполнительной власти и юстиции взысканий не имел, а в 1978 году, в период службы в Главной военной прокуратуре, был награжден вторым орденом Красной Звезды, то есть не за войну, а за труд.

А.Н. Берниц. Воспоминания. Июнь 2009 г.

БЕСКОВА АННА ПАВЛОВНА

Анна Павловна Бескова родилась 11 декабря 1928 г. в Москве. Труженик тыла военных лет. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Я родилась 11 декабря 1928 года. Когда началась война, мы жили на старом Арбате в Старо-конюшенном переулке. В семье было пять детей: четыре девочки и мальчик. Я была самым старшим ребенком (мне было 12 лет, младшему братику – 2 года) и в конце мая 1941 года закончила пятый класс 79-й московской школы.

В скором времени папу призвали в армию в ополчение. Он прошел всю войну: был сапером на Карельском фронте, попадал в госпиталь, вновь возвращался на фронт. В ноябре 1945-го закончил войну на востоке страны.

Многодетные семьи (к коим мы относились) обязаны были эвакуироваться из Москвы, и мама на пароходе увезла нас в Рязанскую область. В деревне, где мы поселились, все дети с 12-ти лет работали в колхозе: сначала сенокос, потом жатва серпом, обмолот зерна. Дети помладше собирали колоски. По осени – уборка корнеплодов наравне со взрослыми женщинами. В это тревожное, страшное время для всех находилась работа. Шестой класс я закончила в сельской школе, а летом вновь помогала на уборке урожая.

Осенью мы вернулись домой, в Москву. В моей старой 79-й школе разместился госпиталь, во дворе нашего дома – бомбоубежище и казармы солдат.

Было очень трудно восстановиться на обучение, мест в школах не хватало, однако мне и моим сестрам удалось зачислиться в 73-ю московскую школу даже без потери классов. Я продолжала учиться, а после занятий ходила в школу №59, где была организована артель и школьники по желанию работали за рабочую хлебную карточку. Каждый должен был за месяц связать из вигони по 3 кофты 48-го размера с пуговицами, карманами и поясами.

Мама тоже работала, но в государственной артели и за деньги. Она вязала рукавицы для фронта, и мои маленькие сестры ей помогали.

В 1943 году я поступила в Московский механико-технологический техникум мясной и холодильной промышленности. Кроме остальных предметов, мы изучали военное дело и медицину. Все студенты нашего техникума трудились на уборке урожая в колхозах. Конечно, было тяжело, страшно, холодно и голодно, но моя семья все пережила, все выжили. Мы верили в будущее, и когда по Смоленской площади вели пленных немцев, народ стоял молча, веря в свои силы, в свой непобедимый дух и в свою Победу. И она пришла, долгожданная! Ликовала не только наша страна, но и люди всего мира.

В 1947 году я закончила Московский механико-технологический техникум мясной и холодильной промышленности и получила профессию техника-технолога.

На работу меня направили в г. Орел, а затем в г. Елец. Эти города были еще все в разрухе. Страшно и горько было смотреть на глазницы подвалов бывших, видимо, красивыми зданий школ. Все было в руинах, горы пыли и разбитого кирпича. Сорок церквей города Ельца – все были разрушены. Не видела я ни одного целого здания.

В такой страшной жестокой войне – как же сумели вынести наши бойцы, командиры и все население этих городов лютый мороз, голод, холод, жару?

Низкий поклон погибшим воинам и вечная, вечная память им!

Работала я в г. Ельце в колбасном цехе мастером два года. Жилого помещения у меня не было, я снимала угол у женщины с маленькими детьми в стареньком домишке.

Директор комбината два раза направлял меня в Москву на Московский мясокомбинат за сухой бычьей кровью, чтобы здесь, в Ельце, можно было наладить процесс получения гематогена для детей, таких жалких и худых.

В 1949 году директор комбината разрешил мне уехать на учебу в институт.

Поступила я в Московский химико-биологический институт мясной промышленности на заочное отделение и работала на кафедре неорганической химии со студентами. В 1950 году я устроилась на работу поближе к дому, в Государственный научно-исследовательский и проектный институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза.

Девять лет я проработала в Минюсте России, ушла на пенсию в 1999 году с должности оператора теплового пункта Хозяйственного управления.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «В память 200-летия Минюста России» и еще пятью медалями.

А.П. Бескова. Воспоминания

БЛИНОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Владимир Михайлович Блинов родился в 1918 году в г. Иваново. В 1941 г. получил диплом Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе по специальности военно-морской штурман. Вахтенным командиром служил на Балтике. В 1943 г. был тяжело ранен. В 1970 г. В.М. Блинов возглавил восстановленное Министерство юстиции РСФСР.

Шел 1943 год. Впереди были еще два года войны. Для Владимира Блинова она закончилась – он был ранен.

Выздоровление было долгим и непростым. Обе профессии, полученные им до войны – техник электростанции и военно-морской штурман, оказались теперь невостребованными.

Оправившись от ран, Владимир Михайлович стал искать свое место в жизни. Вступив в 1945 г. в партию, он, коммунист по убеждению, посвятил свою жизнь политической работе, в конце 40-х стал заведующим отделом в Ивановском обкоме партии.

В 1953 г. Владимир Михайлович поступил на заочное отделение Московского юридического института, учился в высшей партийной школе.

В 1958 г., когда Блинов получил диплом юриста с отличием, в Ивановский обком партии приехал инструктор из ЦК КПСС. После ознакомления с личным делом Владимира Михайловича у инспектора не оставалось никаких сомнений по поводу его кандидатуры. Особенно импонировал диплом Высшего военно-морского училища имени Фрунзе, полученный еще в 1941 г. Вахтенный командир! Было очевидно, что человек, успевший побороздить суровую Балтику, да еще и в боевой обстановке, должен обладать и мужеством, и настойчивостью, и порядочностью. А юридическое образование совсем хорошо для партработника аппарата ЦК.

Приступив к работе в ЦК КПСС, Владимир Михайлович не оставил мыслей о юриспруденции. Интересовали его главным образом право и правоприменение.

Профессия юриста привлекала Владимира Михайловича тем, что касалась коренных вопросов политического характера. В то же время юриспруденция виделась ему как жизненная, глубоко человеческая специальность, ведь юристу в его работе приходится охватывать буквально все стороны жизни общества и деятельности человека. Но эта работа лишь тогда приносит существенную пользу обществу, когда она одухотворена не только любовью человека к своей профессии, но и преданностью идее служения общественной пользе, справедливости. Впрочем, только тогда и она доставляет юристу глубокое удовлетворение.

Увлеченность Блинова юриспруденцией была видна всем, кто его окружал. Поэтому назначение его в 1963 г. прокурором РСФСР было воспринято сослуживцами с пониманием. Владимира Михайловича искренне уважали за человечность, отзывчивость. В сочетании с высоким профессионализмом эти качества сослужили Блинову хорошую службу в деле становления его как руководителя. Самое бесценное – жизненный опыт.

В 1970 г. Блинов возглавил восстановленное после семилетнего перерыва Министерство юстиции РСФСР.

Еще в первой половине 60-х гг. развернулась кодификация советского законодательства. К 1970 г. создаются Основы отдельных отраслей права, кодексы. Владимир Михайлович возглавил работу по подготовке и изданию Свода законов РСФСР. В постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР от 3 ноября 1976 г. указывалось на необходимость включения в Свод законодательных актов и важнейших постановлений Правительства, имеющих общенормативный характер. Для этого планировалось создать кодификационные и другие укрупненные акты, а также нормативные документы, необходимые для устранения имеющихся в законодательстве РСФСР пробелов.

Сослуживцы вспоминают, что министр никогда не подавлял своей властью подчиненных ему людей, а, напротив, делал все для создания благоприятных условий на рабочем месте.

Вновь образованное Министерство юстиции России благодаря стараниям Блинова разместилось в престижном районе Москвы в здании школы, где когда-то учился Владимир Высоцкий.

Основательно, специальной группой отрабатывались доклады по итогам года. Блинов требовал отразить в документе не только абсолютно точную картину положения дел, но и перспективу развития затрагиваемых вопросов, а также пути и способы улучшения ситуации, так как без объективной информации невозможно принятие правильных решений.

В Министерстве юстиции Блинов активно занимался пропагандой правовых знаний среди населения, придавал огромное значение этому направлению. При Минюсте был образован координационно-методический совет по пропаганде правовых знаний, во всех управлениях юстиции были образованы соответствующие отделы. В эту же систему влились и университеты правовых знаний.

В.М. Блинов прочитал курс лекций по Всесоюзному радио. Разговор шел о положении молодежи в обществе, ее правах и обязанностях, о выработке жизненной позиции. Тема повышения уровня правового воспитания населения оказалась очень актуальной.

Еще работая в прокуратуре, Блинов издавал свои работы. В 1979 г. выходит в свет его книга «Нет прав без обязанностей», выдержавшая впоследствии нескольких изданий. В 1983 г. появляется ее основной вариант – «Единство прав и обязанностей». В этих работах Владимир Михайлович рассказывает о назначении и роли права в жизни человека, о правах и обязанностях молодых людей, их взаимоотношениях с родителями, другими гражданами, об их ответственности перед обществом. Все примеры, которые приводились, были взяты из жизни, из периодической печати или из судебной практики.

Под руководством В.М. Блинова писались и принимались законы РСФСР о народном образовании, здравоохранении, Кодекс законов о труде и ряд иных. Владимир Михайлович возглавил большую и ответственную работу по подготовке и изданию Систематического собрания действующего законодательства России. Он активно занимался общественно-политической работой, являясь депутатом Верховного Совета РСФСР трех созывов, председателем общества советско-туниисской дружбы.

По книге «На службе закону и справедливости».
Н. Гребнева (2002 г.)

БОЛДЫРЕВ ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ

Владимир Афанасьевич Болдырев родился 10 июня 1890 г. Участник гражданской войны – красный кавалерист, командир взвода 1-го полка 1-й Донской кавалерийской бригады Южного фронта. В начале Великой Отечественной войны он становится заместителем прокурора, а в 1942 г. – прокурором Московской области. В 1944-м, закончив Московский юридический институт, В.А. Болдырев становится заместителем Прокурора РСФСР. В 1957–63 гг. Болдырев – Министр юстиции РСФСР.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими медалями.

Владимир Афанасьевич родился 10 июня 1890 г. в станице Мариинская Области Войска Донского.

Болдырев начал работать в 14 лет учеником продавца мануфактурного магазина в Новочеркасске, затем стал учеником, подручным слесаря в депо. После призыва на действительную службу в 1918–1920 гг. он красный кавалерист, командир отделения, командир взвода 1-го полка 1-й Донской кавалерийской бригады Южного фронта, участник борьбы с Деникиным – порученец инспектора кавалерии штаба войск Донской области, затем инструктор военобуча Донского областного военкомата. В 1923 г. его направляют на учебу в Первую ленинградскую школу НКВД, которую он успешно заканчивает и получает распределение в Москву.

Болдырев возглавляет районные отделения НКВД, с 1930 г. – прокуратуру Коммунистического района Московской области, работает прокурором Щелковского и Подольского районов, в начале Великой Отечественной войны становится заместителем прокурора, а в 1942 г. – прокурором Московской области. В 1944-м, после окончания Московского юридического института, В.А. Болдырев назначен заместителем Прокурора РСФСР. В 1948 г. он заместитель Генерального прокурора СССР, а с 1957-го по 1963 г. – Министр юстиции РСФСР.

В.А. Болдырев был депутатом Верховного Совета РСФСР в 1959–1963 гг., награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими медалями.

В.А. Болдырев пришел к руководству Министерством юстиции РСФСР на волне XX съезда КПСС, в 1957 году. Как министр, Болдырев поднимал престиж ведомства и работника юстиции, решал вопросы финансирования органов юстиции, укреплял кадровый состав. Болдырев осуществлял мероприятия по расширению компетенции Верховных судов союзных республик в осуществлении надзора за судебной деятельностью в республике, реорганизации системы управления судебными органами, кодификации законодательства, подготовке новых законодательных актов по важнейшим отраслям права. Он уделял внимание ускорению предварительного и судебного следствия, улучшению кассационной и надзорной практики судов.

По настоянию Болдырева министерство совместно с научными работниками и юристами-практиками начало работу по подготовке проектов ряда новых законов. Предложения Минюста были положены в основу проектов кодексов РСФСР: Уголовного, Уголовно-процессуального, Гражданского, Гражданского процессуального, а также проектов Кодекса законов о труде и закона о судостроительстве. В октябре 1960 г. Верховный Совет РСФСР принял новый Уголовный кодекс РСФСР. Представлял новый закон Министр юстиции и депутат Верховного Совета республики В.А. Болдырев.

Велась работа по систематизации действующего законодательства, по изданию хронологического собрания законов.

На Министерство юстиции РСФСР и его органы было возложено методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве. В те годы проводился эксперимент с созданием советов народного хозяйства. На заседаниях правительства, на коллегиях Министерства юстиции В.А. Болдырев всегда подчеркивал роль юридической службы в деятельности любых предприятий и учреждений, а также в деятельности совнархозов в целом. Особое значение приобретала деятельность государственного арбитража.

По общей идее предполагалось расширение коллегиальных и демократических начал в государственном управлении с последующим превращением его в «общественное народное самоуправление». Министерство юстиции РСФСР было ликвидировано в 1963 г. после того, как семидесятидвухлетний Владимир Афанасьевич ушел на заслуженный отдых.

По книге «На службе закону и справедливости». И. Андрухович (2002 г.)

ВЛАСОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Александр Александрович Власов родился 25 декабря 1923 года. Закончил школу в 1941 г. 15 сентября 1941 г. направлен в Серпуховское авиационно-техническое училище, но 15 июня 1942 г. две роты училища были направлены в действующую армию на Воронежский фронт. А.А. Власов был зачислен в 575-й стрелковый полк. После ранения осенью 1942 г. стал разведчиком дивизионной разведроты. Брал «языков». После второго ранения был направлен в распоряжение 47-й полевой армейской бригады. Назначен начальником караула полевых армейских складов артиллерийского оружия, а затем старшиной 362-й роты обслуживания 47-го ПАП. 9 мая 1945 года встретил в городе Братислава.

А.А. Власов награжден двумя медалями «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны I степени, знаком «Фронтовик 1941–1945 гг.» и другими наградами.

В Минюсте – главный специалист Организационно-контрольного управления.

Удивительное свойство памяти каждого человека – сохранять до мельчайших подробностей отдельные события в мире и своей жизни.

1939 год. Шла война. Фашистская Германия оккупировала двенадцать государств Западной Европы, и мы внимательно следили за ходом военных событий, слушали лекции о войне и международной обстановке, обсуждали с друзьями и родителями возможный прорыв немцами линии Мажино французов и оккупации фашистами этого государства.

Наша страна жила мирной жизнью, никаких материальных ущемлений не чувствовалось. Более того, успокоительным казался и мирный договор 1939 года с фашистской Германией.

На концертных площадках и в праздничные дни Первого Мая и Седьмого ноября пели не только русские народные песни, но частенько «Если завтра война» и другие военного плана. В них звучала твердая уверенность в могучей силе Красной Армии, способной разбить любого врага: «Мы врага встречаем просто: били, бьем и будем бить!» (В. Лебедев-Кумач).

Я закончил среднюю школу № 3 города Ногинска 17 июня 1941 года. На выпускном балу учителя высказывали пожелания продолжения образования в высших учебных заведениях с учетом способностей и наклонностей каждого, что совпадало с мечтами абсолютного большинства выпускников школы.

Через четыре дня, 21 июня, наш класс отмечал окончание среднего образования в доме одноклассницы Прохоровой, проживавшей на окраине города у прекрасного соснового бора. Стояла удивительно теплая погода, а небольшие облака лишь украшали голубое небо. Казалось, что погода приветствовала наши радостные выкрики, споры о выборе профессии, задорные песни, и короткая ночь с 21-го на 22 июня пролетела незаметно. Удалось фотографии на память (у меня они сохранились), и по домам мы разошлись около 11-00 дня.

Домой вернулся около 12-00 часов и должен был поехать в школу № 3, где собиралась наша футбольная команда на матч с футболистами Глуховского комбината. Однако постоянные сообщения радио о предстоящем важном правительственном сообщении заинтересовали меня, и я решил послушать его.

Ровно в 12 часов 22 июня выступил зам. Председателя Совнаркома, Нарком иностранных дел В.М. Молотов и сообщил о нападении фашистской Германии на нашу страну, что явилось, по его мнению, «беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством» (Энциклопедия Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг., стр. 11), призвал народ дать отпор агрессору и выразил уверенность в победе над ним.

Я как прикованный продолжал стоять у стены под черным кругом радиоприемника.

Оценку событий этого дня образно и емко дал К. Симонов в своем предисловии к книге: «Тот самый длинный день в году с его безоблачной погодой нам выдал общую беду на всех, на все четыре года. Она такой вдавила след и столько наземь положила, что двадцать лет и тридцать лет живым не верится, что живы».

Так этот солнечный самый длинный день в году стал самым страшным не только для народов нашей страны, но и для миллионов граждан всей планеты.

Полетели в пропасть все мечты выпускников общеобразовательных школ июня 1941 года. Начальные пути их жизни в военной обстановке были определены после выступления И.В. Сталина с обращением к населению нашей страны.

Окончивших среднюю школу подростков рождения 1923–1924 годов собрали утром в городском парке, чтобы они немедленно разошлись по домам и возврати-

лись к 17-00 с запасами продуктов питания и одежды на несколько дней. А когда мы явились в парк, нам объявили, что все направляются на строительство оборонительных сооружений под Москвой.

Однако в это время в парк пришел военком, приказал выйти из строя подросткам, окончившим десять классов в июне 1941 года, и разъяснил, что они по указанию Верховного Главнокомандующего будут направлены в военные училища для подготовки командиров Красной Армии. Нам разъяснили, что направления в военные училища могут последовать в ближайшие дни, а поэтому мы должны находиться дома. Меня вызвали в военкомат только 14 сентября, а 15 сентября направили в Серпуховское авиационно-техническое училище.

Примерно через 20 дней училище было эвакуировано в город Кзыл-Орда КССР. Однако училище окончить не удалось.

15 июня 1942 года две роты училища набора 1941 года были направлены в действующую армию на защиту Тихого Дона на Воронежский фронт. Наш взвод был зачислен в 575-й стрелковый полк, разместившийся в окопах на окраине полностью разрушенной немцами деревни. Ни одного целого дома, ни одного жителя деревни не было. Лишь кое-где валялись раздутые трупы немцев в форменной одежде с касками.

Такая оказалась первая «встреча» с врагом. Курсанты выкопали окопы, хода сообщения, землянки в районе действия 575-го стрелкового полка для проживания и выполнения поставленных перед нами задач. Занятия с нами в полковой школе проводились нерегулярно, т. к. почти каждый день немецкие самолеты периодически бомбили оборонительные сооружения нашего полка. Кроме того, немецкие войска постоянно обстреливали оборону наших войск, поэтому потери начались быстро. Помкомвзвода погиб через день в результате попадания мины в его окоп. Из бесед с командирами и бойцами стало известно, что деревня неоднократно переходила из рук в руки. Фашисты зверски обращались с русскими гражданами и пленными. Из занятой части города Воронежа немцы вывезли 500 раненых и больных и расстреляли их в Пешаном Логу.

Упорные бои на Воронежском фронте в районе расположения 575-го стрелкового полка свидетельствовали о бдительном отношении военного командования фашистской армии к действиям наших войск. В этих условиях решение командира 575-го стрелкового полка о внезапной атаке оборонительных сооружений немцев днем 20 июля 1942 года до сих пор считаю непродуманным. Командир полка и его комиссар расположились в лощинке, поросшей молодняком и тянувшейся к обороне немцев, и оттуда периодически кричали «коммунисты и комсомольцы вперед. За Родину, за Сталина!». А затем при усилении огня кричали «...ложись...». Пробежки между командами «вперед», «ложись» были небольшие, т. к. немцы усиливали мощь огня орудийных и минометных орудий пулеметными очередями и создавалось впечатление какого-то ада от разрыва снарядов и свиста пуль. Когда же мы выбежали на картофельное поле, немцы повели более прицельный обстрел. Пробежав в сторону обороны немцев несколько метров и упав по команде «ложись»

на картофельную грядку, я почувствовал сильный удар в левую ягодицу. Боль была такая, что двинуться не мог. Сообщил об этом своим курсантам Лукашенко и Черкасенко, они вытащили меня обратно в пролесок, сделали из двух винтовок и моей шинели носилки и понесли в сторону медсанбата. Осмотревший меня врач сказал, что пуля прошла от верхней части ягодицы к окончанию выхода толстой кишки, что не позволяло удалить пулю.

Вскоре посадка раненых в санитарный поезд закончилась, а прибывшие новые раненые сообщили, что атака захлебнулась. Меня отвезли в госпиталь города Балашов, где врачи признали о невозможном хирургическом вмешательстве для удаления пули. Я лежал на животе, выполнял комплекс движений, и мне делали массаж. Третьего августа пуля вышла, лечение продолжалось еще месяц. Третьего сентября меня выписали из госпиталя и направили в запасной полк. Через несколько дней прибыли представители разных родов войск, и один из них предложил служить во фронтовой разведке. Я поднял руку. Так я оказался разведчиком дивизионной разведроты. Первое участие в разведке принял 7 ноября 1942 года, где нашу оборону от немецкой разделяла речка шириной примерно 50–60 метров. После двухсуточного наблюдения каждым разведчиком за оборонительным сооружением передовых окопов врага, местами передвижения боевого охранения было принято решение делать переправу правее на 200 метров от огневых точек и блиндажа немцев на возвышении холма, где на противоположном берегу рос густой высокий тростник. Для переправы в нашем распоряжении была одна рыбацкая лодка, на которой мы за четыре раза (20 человек) переправились на тот берег в камыши. Тишина была идеальная. Мы углубились метров на 150 в сторону немецкой обороны и расположились на небольшом возвышении от камыша. Командир взвода направил старшего сержанта и двух разведчиков в сторону деревни, где располагался штаб воинской части врага. Вдруг тишину нарушил сильный взрыв, а затем вопли раненого русского. Вскоре прибежали два наших разведчика и доложили комвзводу, что старший сержант наступил на мину, видимо, большую, и остался без рук и ног. Они увидели его окровавленный обрубок тела, но он почему-то кричал и пел песни. Комвзвода приказал им вернуться, принести старшего сержанта или пристрелить его. Однако они быстро вернулись и доложили, что к месту взрыва на крики раненого двигаются мотоциклы и вынести раненого они не смогли бы, а пристрелить его у них не хватило мужества. Комвзвода выругался и немедленно приказал отходить к месту переправы. Добраться и переправиться на свой берег нам удалось без помех. Немцы, видимо, не решались открыть огонь и хотели разобраться, где находится их боевое охранение. Только спустя некоторое время они открыли сильный орудийный и минометный огонь по нашей обороне против своего возвышенного участка обороны.

После доклада комвзвода руководству дивизии о первой вылазке последовало строгое указание любой ценой взять «языка». Через день мы тем же путем переправились на противоположный берег. Прошли в глубину немецкой обороны на 80–100 метров, проползли ложиной в сторону деревни и вышли на тропу, по

которой немцы ходили для смены караула боевого охранения. По задумке нашего комвзвода, мы должны идти во весь рост как будто для смены караула немцев. Часовой немцев нас довольно близко подпустил к себе, и на его оклик младший сержант Бубнов, знавший немецкий язык, ответил, что идет на смену боевого охранения. Но часовому что-то не понравилось в ответе Бубнова, и он взвел курок автомата. Тогда одновременно раздались две короткие очереди автоматов. Часовой был убит, а Бубнову пуля пробила круглый диск ППШ, но сам он ранен не был. Выбежавших немцев мы расстреляли, но один из них успел прыгнуть в окоп. Разведчик Терешев увидел это и дал длинную очередь из автомата в заднюю стенку окопа, а в ответ показались две поднятые руки. Пулеметчиком оказался ефрейтор мадьяр. Терешев заставил его вылезти из окопа вместе с пулеметом. В это время вся группа захвата была около окопа. По команде комвзвода мы спустились в камыши вместе с мадьяром с пулеметом, быстро дошли до переправы, переправились на свой берег, незамедлительно направили пленного в штаб дивизии для допроса, где он дал ценные показания. Жаль, что в этой операции погиб опытный и волевой разведчик. Светлая ему память.

В первых числах декабря нас направили в полк, где полковые разведчики понесли большие потери при попытках взять «языка», во взводе осталось три человека. Особенности этого участка обороны заключались в очень близком расстоянии по суше до передовых окопов врага. Нам сообщили, что подходы к передовым окопам, видимо, заминированы. Нам выделили двух саперов с миноискателями. При вылазке с саперами миноискатели постоянно обнаруживали железо, и саперы привели нас в конце концов к нашим оборонительным сооружениям. Тогда командир решил ползти двумя группами напрямую к оборонительным окопам немцев. Видимо, немцы не ожидали такого. Мы быстро проползли к окопам. В одной группе разведчик Лакеев, у которого была винтовка, прыгнул в окоп и с испуга, в чем он сам признался потом, выстрелил в грудь стоявшего немца. Тот замертво упал. Никакого оживления в землянке не было. В это время разведчики, опустившиеся в окоп вблизи землянки, подошли почти вплотную к ее входу, и вдруг дверь отворилась, и из землянки, накинув шинель на плечи, вышел немец. Два наших разведчика в белых халатах прижались к заснеженной стенке окопа, и немец прошел мимо них. Это была удача. И наши разведчики сзади напали на немца и пытались его вытащить из окопа, запихать ему в рот кляп, но он упорно сопротивлялся. Другая группа разведчиков быстро закидала через дверь землянки и дымоход печки термитные шары и гранаты в находившихся там немцев. Пленного немца все же удалось вытащить из окопа и протащить напрямую в наши окопы. Только там он смирился и промямлил «Гитлер капут». Оказалось, что это был рядовой, но член нацистской партии. Он сообщил, что в землянке было четырнадцать человек, и его направили в штаб дивизии для допроса.

В двадцатых числах декабря мы направились за «языком» на другом участке, где немцы имели сильные оборонительные сооружения и бдительно относились к охране линии обороны. Такое мнение высказывали полковые командиры и раз-

ведчики. Наше обязательное двухсуточное наблюдение за передовой линией врага подтвердило это мнение. Линию нашей обороны и немецкой разделяла замерзшая речушка, которая постоянно озарялась осветительными ракетами и обстреливалась минометным и пулеметным огнем. Погода была холодная, около 20 градусов. Первая вылазка показала о тщательной охране передового охранения немцами. Им удалось обнаружить нас почти близ берега, и они открыли сильный огонь вдоль своего охранения у края замерзшей речушки. От одного оружейного снаряда меня волной отбросило на спину, я ударился о какой-то предмет или ледяной выступ. Комвзвода приказал отходить на свой берег.

Санинструктор осмотрел мою голову (место ушиба) и дал указания, как вести себя. Меня вырвало два раза, и он предположил, что у меня небольшое сотрясение мозга. Санинструктор заявил комвзводу, что меня следует освободить от похода за «языком» на следующий день.

Вторая вылазка оказалась неудачной, немцы усилили освещение льда и усилили обстрел. В один из таких обстрелов пулями прострелили живот разведчику Агашкову, его кишки выпали на лед и моментально примерзли ко льду. Сильные вопли Агашкова были понятны, и по указанию комвзвода его моментально перенесли на свой берег, где он и скончался.

В ночь с 31 декабря 1942-го на 1 января 1943 года мы вновь пошли за «языком». Нам быстро удалось проползти до берега вражеской обороны, причем сильного обстрела не было. Видимо, немцы полагали, что в новогоднюю ночь никто к ним не придет. Наша группа захвата была правее группы поддержки на расстоянии 40–50 метров под берегом. Группа захвата перешла тропу, по которой ходили немцы для смены обороны караула, и расположилась по обе стороны ее. В момент прохода по тропе развод немцев прошел участок, где под берегом расположились наши группы прикрытия, но при подходе к нам из группы прикрытия кто-то приглушенно чихнул, и немцы тут же открыли огонь в их сторону. До нас немцы не дошли метров 15, но мы вынуждены были тоже открыть огонь. Немцы развернулись в нашу сторону и дали залп из автоматов. Я получил сильный удар в ладонь правой руки, и автомат выпал из рук и упал на снег. Но был подстрелен и передний немец в ноги. Наши разведчики подхватили раненого немца, практически расстреляли оставшихся и быстрым шагом вместе с пленным направились на свой берег. Наступила тишина. Видимо, немцы пытались выяснить причины стрельбы и место нахождения развода смены караула на передовой линии обороны. Это дало возможность нам быстро без потерь вернуться в передовые окопы нашей обороны и сдать пленного «языка» для отправки в штаб дивизии. У меня из выходного отверстия раны размером 3 на 8 см обильно шла кровь, и меня немедленно направили в медсанбат, где после тщательной перевязки отправили в госпиталь города Инжарино, а затем в город Тамбов, где я находился на излечении до 3 апреля 1943 года. Практически три месяца правая рука была в гипсе.

После выписки из госпиталя военно-врачебная комиссия признала меня годным к нестроевой службе и направила в распоряжение 47-й полевой армейской бри-

гады. Сначала меня назначили начальником караула полевых армейских складов артиллерийского оружия, а затем старшиной 362-й роты обслуживания 47-го ПАП. В период нахождения действующей армии в городе Бенешев (под Прагой) пришло новое пополнение – молодые военнослужащие девушки для несения охраны полевых армейских складов и другого имущества. Из бесед с красноармейцами-девушками более подробно узнал о направлении из Москвы и Подмоскovie бывших учащихся ФЗО (в том числе, видимо, и обучавшихся в нашей бывшей средней школе № 6 города Ногинска в 1939 году) на эвакуированные заводы вглубь Сибири, где они заменили мужчин, которых призвали в действующую Красную Армию и направили на фронт.

Значит, уже в 1939 году были продуманы возможные тяжелые перепетии войны и необходимые варианты мобилизации всех сил и возможностей народного хозяйства для обеспечения Красной Армии кадрами, вооружением для борьбы с фашистскими захватчиками и бесперебойной работы заводов и фабрик в недоступных для фашистских войск районах Сибири. Решались и задачи по созданию условий для проживания эвакуированного населения и обеспечения заводов и фабрик кадрами. Наша рота постоянно находилась в прифронтовой зоне и продвигалась вместе с наступающей Красной Армией в Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии.

1 мая 1945 года мы отмечали в городе Братислава. В этом городе 8 мая вечером, после проверки необходимых объектов, я вернулся в свою комнату и перед сном включил приемник послушать московский канал. Какая удача, ибо услышал незабытый родной голос Левитана. В 24-00 он торжественно и особо бодро сообщал о капитуляции немецких вооруженных сил и окончании войны. Это было что-то особенное, ибо на улицах Братиславы усилилась стрельба из автоматов и ружей. Взяв автомат, я выскочил на улицу, увидел стрелявших в небо военнослужащих. Многие кричали «Война кончилась. Победа. Ура!».

Я немедленно пошел к дому комроты капитана Лукина, разбудил его, сказал о сообщении Левитана и о праздничной ночной Братиславе.

По его указанию разбудил всех командиров нашей роты, пригласил их в дом капитана Лукина, где устроили праздничное торжество и включили приемник с настройкой на Москву. Дождались в три часа ночи повторного сообщения Левитана о капитуляции немцев и окончании войны.

На следующий день 9 мая на двух полуторках мы разъезжали по городу Братислава, жители забрасывали наши машины цветами и кричали «Слава Красной Армии!».

Демобилизовался я по ранению в ноябре 1945 года из города Секешфехервар. Прибыл в Москву, а 7 ноября прибыл домой в город Ногинск. Только дома я узнал, что награжден двумя медалями «За боевые заслуги» в период войны. К каждой медали имелись купоны на денежные выплаты ежемесячно по пять рублей. Эти документы были выданы ногинским горвоенкоматом. Видимо, представления о награждении направлялись командованием в декабре 1942 года, и пока они прохо-

дили путь до Кремля, прошло значительное время. Поэтому купоны были с первого января 1944 года за первую медаль, а за вторую медаль – с августа 1945 года.

Дело в том, что после второго моего ранения наша дивизия и армия пошли в наступление на Харьковском направлении, попали в котел, в том числе и штаб дивизии. Я был в госпитале с гипсом правой руки, длительное время домой не писал. Поэтому мама обращалась в военкомат с просьбой о розыске меня. И военкомат запрашивал о местонахождении воинской части, где я служил в разведке до 1 января 1943 года. Спустя небольшое время после выписки из госпиталя я восстановил переписку с родителями. Документы о награждении и купоны к двум медалям до сих пор хранятся у меня на память.

После войны закончил ВЮЗИ, Московскую юридическую школу и в 1948 г. поступил на работу в органы прокуратуры. Был направлен на работу следователем прокуратуры Пронского района, затем помощником прокурора района, а в 1951 г. назначен прокурором Троекуровского района. В 1953-м приглашен в аппарат Прокуратуры РСФСР, отдел по спецделам, а затем в другие подразделения аппарата. Закончил работу в Организационно-контрольном управлении.

После распада Союза ССР работал в Минюсте до 20 мая 1998 г. и ушел на заслуженный отдых.

Общий стаж работы в органах прокуратуры и Минюсте составил 53 года и 1 месяц.

Кроме указанных двух медалей «За боевые заслуги», награжден орденом Отечественной войны I степени, знаком «Фронтовик 1941–1945 гг.», медалями «Ветеран труда», «За трудовую доблесть», Жукова, Анатолия Кони и многими другими, нагрудным знаком «Почетный работник Прокуратуры».

А.А. Власов. Воспоминания. 2007 г.

ГАГАРА ПЕТР ИОСИФОВИЧ

В 1942 г., когда Петру Иосифовичу Гагаре исполнилось 18 лет, он был призван в армию и зачислен в военное училище, которое закончил в марте 1943 г. Был направлен на фронт в танковое подразделение 9-го танкового корпуса. В качестве механика-водителя и командира танка воевал на Центральном и 1-м Белорусском фронтах.

П.И. Гагара участвовал во многих танковых сражениях, в сложных маршах по передислокации, в танковых рейдах-разведках и за особо сложную танковую разведку боем в 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды.

П.И. Гагара на фронтах Отечественной войны находился до окончания войны. В октябре 1945 г., как имеющий более 3-х ранений, был демобилизован.

В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны I степени.

ГАЛУСТЯН ЭДУАРД СЕМЕНОВИЧ

Эдуард Семенович Галустян родился 20 апреля 1924 г. Участвовал в боях на территории Украины, Бессарабии, Румынии и акватории Азов-ского моря. Два ранения – в 1942 г. и 1943 г. Старший сержант.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За боевые заслуги» и др.

В Минюсте – главный специалист управления по регистрации общественных и религиозных организаций.

ГАРШИН ВЕНИАМИН ГРИГОРЬЕВИЧ

Вениамин Григорьевич Гаршин родился 3 августа 1925 г. В 1942 г. призван в армию, направлен в Ташкентское пулеметно-минометное училище. Из училища отобран в разведку. 10 месяцев готовился к работе в тылу врага в составе авиадесантных бригад. Получив звание младший лейтенант, отправился на фронт военным переводчиком. На фронте с 4 октября 1944 г. В.Г. Гаршин попал в разведку 1107-го стрелкового полка 328-й Краснознаменной стрелковой дивизии, воевавшей в составе 1-го Белорусского фронта (им командовал Г.К. Жуков). Фактически выполнял обязанности помощника командира взвода разведки.

Участвовал в форсировании Вислы, в боях за Поморский вал (Дойчкроне, Шнайдемюль), за пригород Штетина Альтдам, за Берлин. Дивизия участвовала в окружении Берлина по северным его пригородам и первая замкнула кольцо западнее Берлина, встретившись с подразделениями 1-го Украинского фронта. Полк вел бои между Берлином и рекой Эльбой, за что был награжден орденом Александра Невского.

Война для В.Г. Гаршина закончилась на реке Эльбе 7 мая 1945 года. 15 мая его перебросили в Берлин, где он служил в разное время в аппарате военного коменданта г. Берлин, в группе связи при обер-бургомистре Берлина, а один месяц – в дирекции тюрьмы Шпандау, где содержались осужденные к длительным срокам главные военные преступники Гесс, Шпеер, Нойрат и др.

Награжден более чем двадцатью правительственными наградами, в том числе орденами Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, польским Кавалерским Крестом.

Советник юстиции I-го класса. Полковник юстиции. Почетный работник юстиции России. Заслуженный юрист РСФСР.

В Минюсте – начальник отдела административного законодательства Департамента конституционного законодательства.

Родился я в 1925 году в крестьянской семье в селе Долматовка Борской волости Бузулукского уезда Самарской губернии. Позже семья переехала в Казахстан в областной город Кызыл-Орда (в этой области находится Байконур), где отец устроился рабочим на железной дороге. Там я уже во время войны закончил среднюю школу, успел поучиться один семестр на физико-математическом факультете Объединенного украинского университета (Киевский и Харьковский университеты эвакуировались в наш город и объединились). А затем в семнадцать с половиной лет, в 1942 году – армия, Ташкентское пулеметно-минометное училище, которое вскоре перевели на афганскую границу в г. Термез. Военный городок нашего минометного батальона находился на берегу пограничной реки Сурхан-Дарья, а остальные четыре пулеметных батальона училища – в старинной крепости. Запомнились бесконечная муштра, марш-броски с полной выкладкой на 5, 10, 15 километров, тактические учения в раскаленной пустыне. Больше всего мучили страшная жара и постоянное, неотступное чувство голода.

Перед окончанием училища (срок обучения – 6 месяцев) всех, кто имел среднее образование, стали вызывать в штаб училища в крепость, и там какой-то странный немец по фамилии Шмидт с узенькими административными погонами Красной Армии в звании капитана отобрал 10 курсантов. В их число попал и я. Куда, зачем нас отбирал, нам не говорил. Отбор был тоже странный: рыжих, рябых, с другими особыми приметами, евреев Шмидт сразу же отсеивал. Тем, кого отобрал, говорил, что придется день и ночь учить немецкий язык. Из этого мы поняли, что нас отбирают в разведку.

Действительно, десять месяцев нас готовили к работе в тылу врага в составе авиадесантных бригад. Но в последний момент, присвоив звания младших лейтенантов, отправили на фронт военными переводчиками. Я попал в разведку 1107-го стрелкового полка 328-й Краснознаменной стрелковой дивизии, воевавшей в составе Первого Белорусского фронта (к этому времени им командовал Г.К. Жуков). Разведка состояла из взвода разведки, которым руководил офицер разведки капитан В.И. Капитонов. Я фактически выполнял обязанности его помощника. Попал на фронт 4 октября 1944 года, когда инициатива уже полностью была на стороне Красной Армии.

Обе стороны стояли в обороне под Варшавой. Перед нами были немцы и река Висла, которую мы готовились форсировать в связи с предстоящей Висло-Одерской операцией.

Для разведчиков оборона при подготовке к наступлению – тяжелое время. Командованию нужно знать противостоящие части противника, систему его инженерных сооружений и огня. Ночами приходилось лазить по первой траншее, высматривать, откуда бьют немецкие минометы, гранатометы и т. д., расспрашивать об этом солдат, а утром готовить проекты докладных записок для отдела разведки дивизии со всеми свежими данными, которые удавалось добыть крайне мало.

Примерно раз в неделю ночью делали вылазки, чтобы добыть «языка». Но в полосе обороны полка не было ни лесов, ни болот. Нейтральная полоса – голая как

коленка. У немцев перед первой траншеей колючая проволока с болтающимися консервными банками. Да к тому же немцы время от времени навешивали световые ракеты, освещение как днем при ярком солнце. Лежишь на нейтралке и кажешься голым. Открывается бешеная стрельба, и вместо «языка» тащим назад раненых и трупы своих разведчиков (упаси бог хоть одного оставить – трибунал). С начала октября 1944 года до 14 января 1945-го нам удалось добыть всего одного «языка». Пользуясь складками местности, мы рыли в сторону немцев узкую щель (называли «сапом»). А немцы, оказывается, делали то же самое, только в нашу сторону. И наши «сапы» оказались буквально в нескольких метрах друг от друга. Днем (в обеденное время) наши ребята заметили в немецком «сапе» солдата, схватили и уволокли его к себе. Это оказался не чистый «ариец», а румынский фольксдойче. По его словам, он сам стремился перебежать к нам. Вполне правдоподобно. К сожалению, тут же прикатали из штаба дивизии и забрали его, не дав нам его даже допросить.

Очень ярко запомнилось мне и начало январского наступления 1945 года. В ночь перед наступлением в полосу наступления было подтянуто столько вооружения, что артиллеристы буквально дрались за позиции. А на рассвете началась артиллерийская подготовка. Гул стоял не менее часа. Все три линии обороны немцев, блиндажи, проволочные заграждения были искорежены, а оставшиеся в живых немцы так парализованы, что ни о каком организованном отпоре с их стороны не могло быть и речи. Только попозже при форсировании Вислы немцы попытались остановить наступление, но это была слабая попытка. К несчастью, во время форсирования Вислы был тяжело ранен капитан В.И. Капитонов. Выжил ли, мне выяснить не удалось. За освобождение Варшавы дивизия получила почетное звание «Варшавской».

В наступлении разведчикам приходилось двигаться впереди своих колонн, чтобы вовремя предупреждать о попытках немцев где-либо зацепиться и дать своим возможность развернуться в боевые порядки. На одном фольварке мы даже добыли коней и стали конным взводом разведки. Но коней у нас вскоре отобрали.

Хорошо запомнился один боевой эпизод. Батальоны полка двигались в колоннах по параллельным дорогам, преследуя немцев. Управление полка и взвод разведки, двигавшиеся тоже колонной, остановились на ночевку в польском селе Тшецевницы. На рассвете нас окружил разведбатальон латышской эсэсовской дивизии. Спаслись только те, кто вовремя укрылся в двухэтажном кирпичном здании школы. Успели туда перебежать и разведчики. Кольцо сужалось, отбивались до последнего. Спас нас один из батальонов полка, с трудом вызванный по рации. За участие в этом бою я был представлен к первой правительственной награде. Через тридцать лет я побывал в этом селе и даже опубликовал воспоминания.

Во время Висло-Одерской наступательной операции (14 января–3 февраля 1945 г.), сломив сопротивление гитлеровцев на Висле, войска 1-го Белорусского фронта устремились на северо-запад. Батальоны нашего 1107-го стрелкового полка тоже были свернуты в колонны и по параллельным дорогам преследовали немцев. Быстро отходя, гитлеровцы на отдельных рубежах все же огрызались,

пытались оказывать сопротивление. Так было, например, в районе г. Накло (Накель). Мне особенно запомнился бой с гитлеровцами, когда офицеры управления и штабные подразделения нашего полка подверглись нападению противника в польской деревне Тшецевницы.

Накануне штабная колонна полка после утомительного марша остановилась в этой деревне. Полковые разведчики (и я в их числе) устроились на ночлег в одной из крестьянских хат. Спали не раздеваясь, вповалку. Рано утром нас разбудила беспорядочная стрельба. Мы быстро перебежали в двухэтажную кирпичную школу, где оказалось все управление полка. Оказывается, гитлеровцы ложиной подошли к деревне и окружили ее. Начался ожесточенный бой. Через окна второго этажа школы вели огонь все, включая и командира полка полковника Радионова. Мне, безусловно младшему лейтенанту, не было и двадцати лет, а полковник – невысокой, худощавый, с аскетическим, сухим лицом, изборожденным морщинами, немногословный – казался мне стариком (во взводе разведки его называли Батей). В то утро мне единственный раз довелось увидеть его в бою в роли бойца. Внешне, в отличие от других, он был спокоен, даже медлителен, не торопясь выбирал цель и бил на поражение. Это успокаивало и придавало уверенности в исходе боя. Стрельба с обеих сторон велась только из стрелкового оружия. Наш плотный огонь не давал возможности противнику подобраться вплотную к школе. Но все же немцам удалось положить немало наших бойцов, пытавшихся перебежать через дорогу к школе.

Первые попытки связаться по радио с нашими батальонами не увенчались успехом. Положение казалось безнадежным. Однако через некоторое время все же удалось вызвать по радио один из батальонов. Он подошел и обстановка резко изменилась. Гитлеровцы стали отходить, боясь оказаться в западне. Мы сделали вылазку и стали преследовать их. Появилось чувство только что пережитой смертельной опасности и сознание превосходства. Появились азарт и какая-то бесшабашность. Преследуя фашистов, я обратил внимание на то, что два солдата отстали от своих и побежали в сторону. Один из них был, видимо, ранен, второй его поддерживал. Ведя огонь из автомата, я стал преследовать их. Они отстреливались, но двигались медленно. Мои шансы были явно предпочтительнее, что и решило исход боя. Из их солдатских книжек и других документов, захваченных в этом бою, выяснилось, что на нас напал разведбатальон 606-й латышской дивизии СС. Это нас буквально поразило. Оказывается, латыши служили не только большевикам и охраняли Ленина в 1917–1918 гг., но и воевали на стороне Гитлера.

Запомнился мне этот бой и потому, что я за участие в нем был представлен к правительственной награде.

После войны около 40 лет прослужил я в Вооруженных Силах. Воинская судьба бросала меня то на север, то на юг. А в 70-х годах пришлось служить в Северной группе войск на территории Польши. Перед очередным переводом я выкроил время, чтобы проехать по тем местам и дорогам, которые прошел в войну пешком, с боями. Завернул я и в Тшецевницы. Село мало изменилось. Школа была на месте,

неоштукатуренные красные кирпичные стены ее были испещрены выбоинами от пуль того памятного боя.

Во время осмотра здания школы ко мне подошла девочка и позвала к пану директору, который жил в школе. Оказывается, за мной наблюдали через окно. Был какой-то католический праздник, и директор со всем своим многочисленным семейством сидел за праздничным столом. Выяснив причину моего интереса к школе, он заволновался. Оказалось, что он родился и вырос в этой деревне и, будучи подростком, прятался с матерью в полуподвале соседнего дома и наблюдал за всеми перипетиями памятного боя. Конечно, после этого невозможно было отказаться от короткого застолья, а потом мы с ним побродили вокруг школы, вспоминая детали события тридцатилетней давности.

В беседе выяснилось, что прах наших павших воинов после войны со всей округи был перенесен в город Накло, где создано кладбище советских воинов. В тот же день я побывал там, возложил на могилы цветы и низко поклонился своим однополчанам, не дожившим до Победы.

Запомнились бои за так называемый Поморский вал (Дойчкроне, Шнайдемюль), бой за пригород Штетина Альтдам и за Берлин. Наша дивизия опять же участвовала в окружении Берлина по северным его пригородам и первая замкнула кольцо западнее Берлина, встретившись с подразделениями 1-го Украинского фронта. В бою под Берлином погиб командир взвода разведки. В связи с тем, что боевые группы немцев прорывались из Берлина и стремились уйти к нашим союзникам, полк был выделен из соединения и вел бои между Берлином и рекой Эльбой, перехватывая эти группы по 400–500 бойцов. Запомнился жаркий двухдневный бой в подземных складах СС в районе села Эйхе. За участие в этих боях и взятие в плен в общей сложности более 2 000 гитлеровцев полк был награжден орденом Александра Невского.

Великая Отечественная война для меня закончилась 7 мая 1945 года, когда со взводом пешей разведки 1107-го стрелкового ордена Александра Невского полка 328-й стрелковой Краснознаменной Варшавской дивизии вышел на Эльбу, на западном берегу которой уже стояли американские войска.

Рассчитывал на скорое увольнение и продолжение учебы в университете. Жизнь распорядилась иначе. 15 мая 1945 года срочно откомандировали в аппарат военного коменданта и начальника гарнизона Большого Берлина, где служил до августа 1948 года. Работал последовательно в группе связи при обер-бургомистре Большого Берлина профессоре Артуре Вернере, непосредственно в аппарате коменданта Большого Берлина (ими последовательно были генералы Берзарин, Горбатов, Смирнов, Котиков). В мои обязанности входило ежедневно знакомиться со всеми издававшимися в Берлине газетами, готовить и докладывать коменданту города Берлина краткий обзор публикаций, представляющих для нас интерес. Затем работал в одном из комитетов Союзной комендатуры Большого Берлина, а один месяц даже в директорате тюрьмы Шпандау, где содержались Гесс, Шпеер, Нойрат

и другие главные военные преступники, избежавшие смертной казни. Послевоенная служба в Берлине дала для моего развития многое.

В этот период сложилась семья, появился первый сын. Решил остаться в армии, стать военным юристом. В августе 1948 года успешно прошел в Карлсхорсте предварительный конкурс на поступление в Военно-юридическую академию (28 человек на четыре кандидатских места), а затем в Москве, непосредственно в академии, – основной конкурс (400 человек на 100 мест). Тогда в академии преподавали лучшие ученые-юристы: члены-корреспонденты Академии наук Строгович, Юшков, доктора наук Авдеев, Герцензон, Скрипилев, Загородников, Братусь и другие. Не считая марксистско-ленинского талмудизма, в остальном слушателей академии основательно готовили к прокурорско-следственной и судебной работе в войсках в духе строжайшего соблюдения материального и процессуального законодательства.

Академию закончил в 1953 году с отличием. Началась служба в органах Военной прокуратуры (ВП). Вся предшествующая жизнь неплохо подготовила к этой работе. Первые восемь лет служил на Северном флоте (военным следователем и старшим военным следователем ВП Беломорской флотилии, а затем старшим следователем ВП Северного флота). В обслуживании ВП Беломорской флотилии было много военно-строительных частей, строивших аэродромы и другие военные объекты, военных леспромхозов, разбросанных по всей Архангельской области и за ее пределами. Эти части, в основном, и пришлось обслуживать. В тот период по инициативе Н.С. Хрущева они были преобразованы в военно-строительные отряды. С военных строителей сняли погоны, военные уставы на них перестали распространяться. Привело это к тому, что многие военные строители в буквальном смысле превратились в «братьев-разбойников». Целые подразделения самовольно оставляли отряды. Грабежи, разбои, изнасилования, хулиганство, кражи со взломом из магазинов, сберкасс, почтовых отделений стали распространенным явлением. Участились убийства. Многие дела о тяжких преступлениях были настоящими «висяками». Их надо было раскрывать. Пригодились качества трудолюбия, упорство, умение выявлять, собирать, сопоставлять и анализировать факты.

В этот период мною были раскрыты преступления по сложным уголовным делам. Приходилось расследовать дела о столкновении кораблей, об авиакатастрофах, об убийствах, хищениях оружия, сложные хозяйственные дела.

Методика выявления и изобличения виновных в убийствах была описана в журнале «Социалистическая законность». В апреле 1960 года я был приглашен в Генеральную прокуратуру СССР на недельное совещание лучших следователей страны, где было заслушано мое сообщение о методике расследования дел о хищениях.

В начале 1961 года был переведен на Черноморский флот и назначен заместителем, а затем военным прокурором Авиаии Черноморского флота. Прокуратура сначала располагалась в г. Евпатория, затем была передислоцирована в гарнизон Гвардейское (под г. Симферополь), а позже – в авиагарнизон Саки. По численности

прокуратура была небольшой, а в обслуживании находилось девять авиационных гарнизонов, разбросанных по всему Крыму и за его пределами (американцы называли Крым «сухопутным авианосцем»). Кроме того, прокуратуре было вменено обслуживание ряда частей космической связи и военно-строительные отряды, строившие объекты космической связи, а также санатории «Фрунзенский» и «Крым» на южном берегу Крыма.

Восемь лет службы на Северном флоте, а затем восемь лет на Черноморском флоте были, пожалуй, самыми тяжелыми. И все же эти годы вспоминаются с удовлетворением. За успехи в работе многократно награждался ценными подарками, в том числе Главным военным прокурором. Работа прокуратуры в ежегодных докладах военного прокурора Черноморского флота Главному военному прокурору оценивалась положительно.

Невозможно обойти молчанием бытовые условия жизни и работы. Эту тему не принято затрагивать: мол, это мелочи. Но ведь наша жизнь и состоит во многом из мелочей. Нынешнему поколению неплохо знать, в каких условиях мы жили и работали. Для сравнения.

Первую квартиру (с печным отоплением и удобствами на улице) я получил, когда был уже прокурорским работником и имел трех детей (младший – грудничок). До этого семья ютилась на частных квартирах или в служебных коммуналках. На Северном и Черноморском флотах я к семье возвращался только чтобы помыться и сменить белье. Причем мыться приходилось в городских и гарнизонных банях. За 38 лет календарной службы в армии и на флоте пришлось девять раз переезжать, а каждый переезд, как известно, равен пожару. Правда, гореть было нечему. Но все равно переезды всегда связаны с большими жилищными и прочими проблемами. Мебель (целый гарнитур!) я впервые приобрел в пятьдесят лет, будучи уже полковником. Большие проблемы на Северном флоте были с продовольствием. Основные продукты – треска, сушеный картофель, макароны и крупы. Иногда удавалось в командировках купить пару килограммов сахара или несколько банок сгущенки, несколько пачек масла. Это была удача.

В августе 1968 г. я был вызван в ГВП и срочно направлен заместителем военного прокурора Северной группы войск в Польскую народную республику. В эти дни войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию. Туда же убыл организовывать военную прокуратуру новой Центральной группы войск прокурор СГВ Е.И. Дорофеев. Пришлось длительное время исполнять его обязанности.

Оперативный состав (следователи и помощники прокуроров) самой прокуратуры Северной группы войск и подчиненных ей прокуратур к этому времени был существенно обновлен за счет молодых следователей, не имевших достаточного опыта. Приходилось контроль сочетать с обучением людей.

Особое внимание уделялось борьбе с правонарушениями, затрагивающими интересы польского населения.

По договору между СССР и ПНР в Польше действовала смешанная польско-советская комиссия, которая решала вопросы компенсации ущерба, причиняв-

шихся советскими войсками Польше. Ее сопредседателем с нашей стороны был военный прокурор группы войск. В связи с этим приходилось принимать меры к тому, чтобы вовремя выявлять, фиксировать и объективно оценивать эти ущербы. Дело в том, что польская страна постоянно завышала оценки ущерба, возникавшего по вине нашей стороны: сгорел подлесок на площади 1 га – поляки же предъявляли претензию на уничтожение спелого строевого леса на 3 га, разрушен мостик через ручей – а у них фигурировал капитальный мост стоимостью в 10 раз дороже. В целом же отношения были самые теплые, дружеские. За участие в прошлом в освобождении Польши, в частности Варшавы, а также за активное взаимодействие с польскими правоохранительными органами Правительство ПНР наградило меня орденом «Кавалерский крест». За участие в освобождении Польского Поморья (бывшая Померания) награжден медалью «Гриф Поморский».

Много внимания уделялось аналитической работе, обобщению данных о состоянии криминогенной обстановки. Командованию группы войск направлялись представления о состоянии законности в войсках с конкретными предложениями. Для выступлений на Военном Совете СГВ часто приходилось готовить необходимые материалы. Велась борьба с фактами посылки командирами частей личного состава на польские предприятия. Проводилось много других мероприятий.

За активное участие в укреплении законности в войсках группы Указом был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Тогда же был аттестован на должность военного прокурора округа, флота, группы войск.

В сентябре 1973 года мне предложили перевод на Черноморский флот на равнозначную должность с перспективой назначения в ближайшее время на должность прокурора флота, которая вскоре освободилась.

Одновременно поступило предложение военного прокурора Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) генерала Н.И. Вахатова занять должность его старшего помощника – начальника отдела судебного надзора (Н.И. Вахатов хорошо знал меня по делам на Северном флоте). Принял его предложение и в этой должности работал с октября 1973 года до увольнения в запас в 1981 году.

Отдел был укомплектован опытными работниками (в основном из бывших военных прокуроров ракетных армий и гарнизонов). Работа заключалась в изучении кассационных и надзорных дел и даче по ним заключений. Помимо этого, обобщали и рассылали в низовые прокуратуры (их было более двух десятков) обзоры о качестве государственного обвинения и кассационных протестов. Наряду с уголовными делами, военные трибуналы в наших закрытых гарнизонах рассматривали и гражданские дела.

Мне, как начальнику отдела – старшему помощнику прокурора РВСН, часто приходилось возглавлять бригады по проверке работы нижестоящих прокуратур, разбросанных по всей территории СССР. Изучение деятельности прокуратур, дача полной и объективной оценки их работы были непростым делом.

За успехи в работе был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах» III степени. В 1980 году было присвоено почетное звание Заслуженного юриста РСФСР.

После увольнения в запас с 1981 по 1991 годы работал в Верховном Суде СССР в качестве старшего консультанта: обобщал судебную практику по многим категориям уголовных дел и готовил проекты руководящих постановлений Пленума и обзоры судебной практики. Постановления и обзоры публиковались в Бюллетене Верховного Суда СССР.

После распада СССР перешел на работу в Минюст России, где длительное время возглавлял отдел административного законодательства. Отдел изучал проекты законов и готовил по ним заключения для Правительства и Верховного Совета (позднее Госдумы). Много законопроектов пришлось подготавливать и в самом отделе. В переходный период для страны в этом была острая необходимость. В течение нескольких лет значительное время уходило на разработку проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

С учетом возрастных требований Закона «О государственной службе» в 2005 году перешел на работу в качестве старшего научного сотрудника в Институт по изучению проблем эффективности законодательства в Российской правовой академии Минюста России: занимался проблемами совершенствования уголовного и административного законодательства. Публикуюсь. Присвоено звание Почетного работника органов юстиции.

В 2007 г. Ученый совет академии по результатам конкурса вновь утвердил меня в должности старшего научного сотрудника еще на пять лет, но 6 февраля 2009 г. с учетом возраста и здоровья уволился. Считая с момента призыва в армию (6 февраля 1943 г.), прослужил государству ровно 66 лет.

Интерес к своей работе, желание быть нужным помогают быть постоянно в рабочем строю. Поэтому не бросаю научной работы и сейчас. Пишу и публикую материалы о проблемах эффективности действующего законодательства.

У меня два сына, дочь и шесть внуков. Если бы пришлось начать жизнь с начала, то повторил бы тот же путь.

В.Г. Гаршин. «Жизнь прожить – не поле перейти». Воспоминания

ГИЛЬМАНОВ РАИЛЬ НУРОВИЧ

Гильманов Раиль Нурович (Родион Андреевич) родился 9 апреля 1933 г. Труженик тыла военных лет.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Советник юстиции 1-го класса. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – заместитель руководителя Департамента законодательства о государственной безопасности и правоохранительной деятельности – начальник отдела судостроительства и процессуального законодательства.

Я родился 9 апреля 1933 года в сибирской глубинке в ста километрах севернее Тюмени – в деревне Паченке Нижне-Тавдинского района Тюменской (в те годы Омской) области.

Отец Гильманов Нуритдин (Андрей Игнатьевич) работал мельником на местной деревенской мельнице, построенной ещё в дореволюционные годы на речке Паченке. Отсюда и название деревни. Несмотря на трудности, предвоенные годы в моей памяти запечатлелись как самые счастливые.

Однако в семью ворвалось страшное горе: сначала от незначительной травмы, полученной на сенокосе, и последовавшей затем гангрены, скоропостижно скончался отец, а затем началась Великая Отечественная война, перечеркнувшая детство и сразу же сделавшая нас взрослыми и самостоятельными людьми. Во всяком случае, к концу войны на моём счету числилось 700 трудодней, а у моего друга и одноклассника Митьки Яркова – и того больше! Во время уборочной кампании на трудодни выдавали по 50 грамм ячменя. Всё остальное торжественно доставлялось в районный центр в закрома Родины под лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!».

В мой общий трудовой стаж из военных лет записано два года, хотя он, конечно же, был больше. Никто не считался со временем – работали от темна до темна,

полуголодные, исхудавшие и плохо одетые. Всё взрослое мужское население нашей деревни, кроме Ивана Филимонова, было призвано в армию: кто помоложе – в действующую, кто постарше – в трудовую. Похоронки пошли одна за другой. Пришедшее в чей-либо дом несчастье женщины оплакивали всей деревней. Страшно и горько было наблюдать этот традиционный сибирский ритуал плакальщиц в отсутствие покойника.

Деревня начала вымирать. Не было электричества, радио, газет. Закрылись школы. Ближайшая школа находилась в районном центре в Нижней Тавде на расстоянии 10 километров. Из нашей деревни только я продолжал учиться, так как меня приютила комбайнерша Надя, соответственно квартировавшая летом у нас.

Работа по уходу за колхозными стадом и лошадьми полностью легла на плечи подростков, поскольку пастух Филимонов простудился и вскоре умер от туберкулеза.

Воевали на фронтах Отечественной войны три моих старших брата: Николай в кавалерии, Аркадий на флоте и Григорий, прошедший по фронтовым дорогам в качестве шофера от Москвы до Вены. К счастью, все они остались живы!

Мой старший брат Николай, 1909 года рождения, был кадровым военным. В борьбе с бандами басмачей, засылавшимися на территорию Советского Союза, он, будучи командиром 4-го эскадрона, проявил командирскую смекалку, личное мужество и храбрость, за что был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Как известно, в те годы это была высшая награда страны. Этот боевой эпизод лег в основу художественного фильма, снятого в предвоенные годы с участием Николая в роли командира эскадрона киностудией «Ленфильм». Фильм так и назывался – «Четвертый эскадрон». Вторым орденом Боевого Красного Знамени, а также орденом Красной Звезды, медалью за отвагу и рядом других боевых наград Николай был удостоен за боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Службу в Советской армии брат Николай закончил в 1946 году в Новочеркасске в звании подполковника казачьего кубанского полка. Тогда же брат Николай забрал меня к себе и фактически заменил мне отца.

В Алма-Ате я учился в 7-м классе, десятилетку окончил в Дзержинске в 1952-м, а Свердловский юридический институт – в 1956 году. С тех пор вот уже свыше 50 лет я непрерывно работаю в правоохранительных и судебных органах.

Работал в органах прокуратуры старшим следователем на ряде режимных объектов в Ангарске, Свердловске, Обнинске и Москве.

С образованием органов юстиции в 1971 году уже в чине советника юстиции перешел на службу в Министерство юстиции СССР. Свыше 10 лет работал во Втором управлении в должности старшего консультанта. Часто бывал в служебных командировках, связанных с проверкой организации работы судов и органов юстиции, действовавших на режимных объектах. Практически побывал во всех уголках нашей поистине необъятной Родины, которая в те годы гордо именовалась Союзом Советских Социалистических Республик.

Никогда не предполагал, что этот Союз когда-нибудь распадется, а когда это произошло, пережил потрясение и горе не меньшее, чем начало Великой Отечественной войны!

Будучи коммунистом, я искренне верил в идеалы будущего коммунистического общества. Я и сейчас убежден, что на смену отношениям, построенным на неумном стремлении к накоплению капитала, придут иные, более цивилизованные общественные отношения. Хочется верить, что это произойдет без кровавых революционных потрясений.

В последующие годы по представлению Министерства юстиции СССР я избирался членом Московского городского суда, работал начальником отдела контроля и исполнения решений Верховного Суда РСФСР.

В 1987 году вновь вернулся в органы прокуратуры, где и работал в должности старшего прокурора управления по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам Прокуратуры СССР, затем, после распада Союза, – Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В 1994 году перешел на работу в Министерство юстиции Российской Федерации в качестве заместителя руководителя Департамента законодательства о государственной безопасности и правоохранительной деятельности – начальника отдела судостроительства и процессуального законодательства.

Из органов юстиции уволен в 2005 году по достижении возраста, не позволяющего по действующему законодательству занимать государственные должности.

Однако в том же году решением Правления МТПП я был избран арбитром арбитража при Московской торгово-промышленной палате, где и участвую в качестве судьи в рассмотрении конкретных арбитражных дел. В частности, рассматривал дела, одной из сторон в которых были не только российские, но и иностранные предприниматели (Франция, Казахстан).

Считаю, что каждый ветеран вправе трудиться на благо своей Отчизны столько, насколько ему позволяют состояние здоровья и квалификация. Полагаю, что это право должно быть защищено и регламентировано федеральным законом.

Мой скромный трудовой вклад в годы войны, а также полувековая работа в органах юстиции, суда и прокуратуры отмечены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Анатолия Кони, «За усердие», «Ветеран труда», «Почетный работник юстиции России», другими ведомственными медалями и почетными знаками, а также Почетной грамотой Комитета по безопасности Государственной Думы Российской Федерации за активное участие в законотворческой деятельности в качестве члена экспертной группы комитета.

Жена, Гильманова Вера Михайловна, – подполковник милиции, до ухода на пенсию работала старшим следователем 8-го Главного управления МВД СССР. Имеем двух сыновей и трех внучек.

Р.Н. Гильманов. Воспоминания. 2 июля 2009 г.

ГОЛОБОРОДЬКО АЛЕКСАНДР ЗАХАРОВИЧ

Голобородько Александр Захарович родился 22 сентября 1922 г. После окончания средней школы был призван на действительную военную службу в Красную Армию. Службу начал в Кингисеппском погранотряде Ленинградского военного округа. В 1940–1941 гг. Александр становится курсантом полковой школы Кингисеппского погранотряда. Войну А.З. Голобородько с первого дня войны и до победы прошел в составе 645-го стрелкового полка 202-й стрелковой Корсуньской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии. Дивизия вступила в бой 23 июня 1941 г. В июле 1941 г. дивизия участвовала в контрударе в районе г. Солдцы Новгородской области. 11 сентября 1941 г. дивизия остановила врага, рвавшегося на Валдай. В то время А.З. Голобородько был помощником командира взвода. В 1943 г. дивизия вела бои за освобождение города Старая Русса, в Орловской области. С 3 ноября 1943 г. дивизия участвовала в бою по освобождению города Киева и Киевской области, в январе–феврале 1944 г. – в Корсунь-Шевченковской битве.

В марте–апреле 1945 г. дивизия вела боевые действия на территории Австрии. А.З. Голобородько получил тяжелое ранение и был госпитализирован.

В 1945 году, после излечения, А.З. Голобородько продолжил службу в Прикарпатском военном округе.

За боевые заслуги А.З. Голобородько награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, орденами Отечественной войны I степени, «Знак Почета», «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, наградами иностранных государств и многими медалями.

Голобородько Александр Захарович, мой отец, прожил трудную, но счастливую жизнь. Он родился 22 сентября 1922 года в с. Мытлашевка Драбовского района Полтавской области. После окончания средней школы был призван на действительную военную службу в Красную Армию. Службу рядовой Александр Голобородько начал в Кингисеппском погранотряде Ленинградского военного округа. Командиры части сразу отметили в сельском пареньке трудолюбие и тягу к знаниям. В 1940–1941 годы Александр становится курсантом полковой школы Кингисеппского погранотряда.

Война нарушила мирную жизнь неожиданно и грозно. На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно, без объявления войны, вторглась в пределы СССР. В тот день Александр Голобородько впервые увидел раненых и убитых, со многими из которых еще вчера разговаривал и встречался.

С первого дня войны и до Великой Победы над фашизмом А.З. Голобородько прошел фронтовыми дорогами, не жалея сил и жизни ради защиты нашей любимой Родины в составе 645-го стрелкового полка 202-й стрелковой Корсуньской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии.

23 июня 1941 года дивизия вступила в бой с противником и в течение трех дней отражала атаки немецко-фашистских войск, а затем, по приказу, с упорными оборонительными боями на каждом рубеже отходила: по Литве, по Латвии, по Псковской области.

С 14 по 18 июля 1941 года дивизия участвовала в контрударе в районе г. Солдцы Новгородской области, противник был отброшен. Наступление противника на Ленинградском направлении было остановлено почти на месяц. 11 сентября 1941 года, измотав силы противника, дивизия навсегда остановила врага, рвавшегося на Валдай. В то время А.З. Голобородько был помощником командира взвода 645-го стрелкового полка 202-й стрелковой дивизии.

С 12 февраля 1943 года дивизия вела бои за освобождение города Старая Русса, овладев опорными пунктами. За боевые заслуги А.З. Голобородько присвоено звание младший лейтенант.

22 июля 1943 года 645-й стрелковый полк овладел опорным пунктом противника Тросна Орловской области. За проявленное мужество А.З. Голобородько был награжден орденом Красной Звезды.

С 3 ноября 1943 года дивизия участвовала в бою по освобождению города Киева и Киевской области. За храбрость, проявленную в бою, А.З. Голобородько присвоено звание лейтенант.

После победы над немецко-фашистскими захватчиками в Корсунь-Шевченковской битве (январь–февраль 1944 года) Голобородько присвоено звание старший лейтенант, а в 1945 году – звание капитан.

16 ноября 1944 года в районе Дьош-Дьор противник обрушил на части дивизии массированный удар артиллерии, бросил в контратаку отборные танковые и пехотные части. Противнику удалось окружить стрелковые полки, но кольцо окружения было прорвано. Многие воины дивизии были награждены орденами и медалями, в

том числе Голобородько А.З. – он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В марте 1945 года дивизия начала боевые действия на территории Австрии. В апреле дивизия перешла в наступление и, преодолев глубоко эшелонированную оборону противника в отрогах австрийских Альп, 16 апреля овладела городом Фюрстенфельд и закрепились на занятых рубежах. А.З. Голобородько получил тяжелое ранение и был госпитализирован. В мае 1945 года был награжден вторым орденом Отечественной войны II степени.

А.З. Голобородько в составе 645-го стрелкового полка 202-й стрелковой дивизии воевал на Северо-Западном фронте, на Центральном фронте, на 1-м, 2-м и 3-м Украинских фронтах. С начала войны и до ее окончания А.З. Голобородько находился в действующей армии, непосредственно участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был дважды ранен и контужен. Он участник форсирования Днепра, Корсунь-Шевченковской битвы, боевых действий на Украине и при освобождении стран Восточной Европы.

После окончания войны Александр Захарович еще долгое время остается в армии: в 1945 году, после излечения от полученного 23 апреля 1945 года тяжелого ранения, продолжил службу в Прикарпатском военном округе.

Закончилась Великая Отечественная война, наступила долгожданная Победа.

Молодой капитан А.З. Голобородько, прошедший войну с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года, продолжил службу в рядах Советской Армии в Прикарпатском военном округе. В этом округе Александр Захарович служил до 1950 года в должности следователя военной прокуратуры 62-й стрелковой дивизии Внутренних войск.

В 1952 году после окончания Военно-юридической академии в звании майора юстиции был назначен помощником военного прокурора МГБ Одесской области, в 1953–1954 гг. – помощником военного прокурора Прикарпатского военного округа.

В 1954–1956 гг. Александр Захарович входил в группу военных прокуроров Главной военной прокуратуры. О важности работы этой группы можно судить по запискам заместителя главного военного прокурора, генерал-лейтенанта юстиции Б.А. Викторова:

«1955 год... беспокоил вопрос: зачем меня, прокурора Западно-Сибирского военного округа, вызвал Генеральный прокурор Союза ССР Р.А. Руденко. Роман Андреевич раскрыл лежавшую на столе папку, я увидел свое личное дело. Он сказал: «Вы назначаетесь на должность заместителя главного военного прокурора. Надо неотложно сформировать специальную группу военных прокуроров и следователей из тех, кто не имел в прошлом отношения к делам по спецподсудности. Группа должна заняться рассмотрением жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осужденных и, прежде всего, делом о военно-фашистском заговоре...».

В разбирательстве и пересмотре множества дел в середине 50-х годов участвовали сотни сотрудников Главной военной прокуратуры. Это был тяжелейший,

поверьте, труд, и не только физически. Не могу не вспомнить С.К. Занчевского, И.М. Максимова, Н.Н. Зарубина, Е.П. Захарова, С.И. Туполова, Б.П. Беспалова, А.З. Голобородько, Героев Советского Союза – А.Г. Торопкина, Б.С. Нарбута. Все работы координировали главные военные прокуроры – Е.И. Варской и А.Г. Горный. У меня нет возможности в газетной публикации назвать имена всех моих коллег, с которыми пришлось делить этот горький хлеб. И я счастлив, что появилась возможность хоть немного рассказать об их деятельности...» (газета «Правда» от 29 апреля 1988 года №120).

С 1956 года подполковник юстиции Голобородько А.З. проходил службу на различных должностях в Главной военной прокуратуре.

В 1964 году после окончания академических курсов Военной академии в звании полковника юстиции был назначен на должность старшего помощника военного прокурора РВСН, на которой находился до 1971 года.

Из аттестации А.З. Голобородько 1966–1971 гг. :

«Всю работу полковник юстиции выполнял успешно. Знает все отрасли прокурорско-следственной деятельности, постоянно работает над совершенствованием своих профессиональных знаний. Полковник юстиции т. Голобородько А.З. должности старшего помощника военного прокурора Ракетных войск вполне соответствует. Может быть назначен на должность военного прокурора армии или гарнизона.

Военный прокурор Ракетных войск – генерал-майор юстиции Н. Вахатов».

С 1971 года по май 1976-го А.З. Голобородько был направлен военным прокурором Потсдамского гарнизона в составе Группы советских войск в Германии.

Из аттестации А.З. Голобородько 1971–1976 гг.:

«Как правило, лично выезжает на места совершения преступлений и тяжелых происшествий, где организует и оказывает практическую помощь подчиненным оперативным работникам в собрании и подкреплении доказательств, выясняет причины и условия их совершения. Принимает непосредственное участие в расследовании наиболее сложных уголовных дел. Регулярно выступает в качестве государственного обвинителя в суде, обвинительные речи произносит убедительно и аргументированно. Полковник юстиции Голобородько А.З. занимаемой должности вполне соответствует.

Военный прокурор Группы советских войск в Германии генерал-майор юстиции Н. Ковязин. Зам. главного прокурора генерал-лейтенант юстиции С. Занчевский».

С 1976 года Александр Захарович продолжил службу в составе Группы советских войск в Германии также в должности военного прокурора Потсдамского гарнизона.

В мае 1978 года А.З. Голобородько был уволен с действительной военной службы по возрасту.

Из выступления А.З. Голобородько в день ухода на пенсию:

«В жизни каждого человека бывает момент, когда он выбирает свою профессию. Был такой момент и у меня. Я выбрал профессию защитника Родины, решил стать кадровым военным. И чем дальше в прошлое уходит день, когда я принял решение,

тем больше и больше убеждаюсь в его правильности. Но прежде чем принять это решение, мне пришлось немало испытать тягот и лишений, связанных с ранним детством и с огненными годами войны.

В 1934 году, когда мне было двенадцать лет, умерла моя мама, а через несколько лет от ран, полученных в боях с белогвардейцами, скончался и отец. Потом были детдом, армия. Армия, которая стала для меня родным домом.

Стал я солдатом. Командиры научили меня понимать жизнь, уважать людей, ценить их дело и главное, что воспитали они во мне, – любовь к Родине, которую мы и призваны защищать.

Правда, моя армейская школа, особенно в своем начале, была очень суровой. С первого дня войны и до Великой Победы над фашизмом прошел фронтовыми дорогами. И не жалел сил и жизни ради защиты нашей любимой Родины. Фронтовые дни остались для меня в памяти не только как годы испытаний и лихолетья, это были годы моего мужания.

Горела земля, плавился металл. Но наши бойцы вышли героями. И была Победа. Великая Победа, за которую пролито столько крови.

После окончания войны во мне твердо созрело решение – я остаюсь в Армии, чтобы защищать добытое таким великим трудом, такой большой ценой.

Принципом моей жизни стало: учиться военному делу – настоящим образом.

Годы учебы пролетели. Академию закончил успешно, и начались ратные будни. Но ни на один день я не забывал, что предела в совершенствовании знаний нет, в этом я не раз убеждался на собственном опыте. И чем больше проходило времени, тем больше и больше этот факт подтверждался. Подкреплялся самой жизнью. И когда сын Борис пошел в высшее ракетное училище, а потом начал офицерскую службу, он по-настоящему оценил почетную и ответственную миссию защитника Родины. Любому отцу приятно, когда есть преемник его жизненного пути. А мне это приятно вдвойне, так как я знаю, что армейскую службу, которую я начал еще с фронтовых дорог, передаю в надежные руки.

Да, Армия для меня стала родной еще в сороковые годы и останется для меня всегда такой, пусть даже в скором времени я сменю армейскую форму на гражданскую. Но в душе я всегда останусь солдатом, так как почетней миссии, нежели защита Отечества, я считаю, нет и не может быть».

После увольнения в запас А.З. Голобородько работал в министерствах юстиции СССР, РСФСР и Российской Федерации.

Александр Захарович отдал военной службе более 40 лет и работе в Центральном аппарате Министерства юстиции более 15 лет. Где бы он не служил, какую бы должность не занимал, его всегда отличали преданность делу, исключительно добросовестное отношение к своему служебному долгу, высокий профессионализм, человечность и умение работать с людьми.

За боевые заслуги и добросовестный труд А.З. Голобородько награжден восемнадцатью правительственными наградами: двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II

степени, медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги», орденом «Знак Почета», орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, многими медалями, а также наградами иностранных государств. А благодарностей просто не сосчитать...

...В Прикарпатском военном округе, где после окончания войны мой папа продолжил службу, он познакомился с девушкой, которая стала его женой, моей мамой, на всю жизнь – Вера Ивановна, фронтовичка, работала медсестрой в действующей армии, за боевые заслуги и добросовестный труд награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями...

Я, как дочь, хочу сказать, что родилась в замечательной семье. Моя мама родила троих детей: сына и двух дочек. Она настоящая жена офицера, принимала как должное частые переезды по службе и отсутствие жилья. Она практически одна воспитывала нас, троих детей, а потом воспитывала и внука. Но папа очень любил нас и все свое свободное время проводил с нами. Он умел так убедительно говорить, что мы старались вести себя хорошо, не огорчать родителей. Ну а когда мы стали взрослыми, папа для нас был самым лучшим другом, с которым можно было поделиться самым сокровенным.

Папа меня назвал Верой в честь моей мамы, своей любимой жены. Он очень любил говорить: мама Вера, дочка Вера...

Дело А.З. Голобородько, моего папы, продолжается. Мой сын Константин, папин внук, в 1998 году закончил Государственный университет с отличием и получил звание лейтенанта...

Давно отгремели пушечные залпы, отзвучал рев танковых моторов, улеглась пыль на дорогах войны, но мы, дети и внуки, нынешнее и будущие поколения всегда будем гордиться Вами, Вашим духовным величием, высокой нравственной силой, самоотверженной преданностью своему народу, своей Родине.

Низкий поклон и благодарность Вам за Ваш подвиг!

Воспоминания дочери, Веры Александровны Волошиной

ГОРШЕНИН КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ

Константин Петрович Горшенин родился 28 мая 1907 г. С 2 июня 1940-го по ноябрь 1943 г. К.П. Горшенин являлся Наркомом юстиции РСФСР. Он нес ответственность за эвакуацию, развертывание на новых местах и непрерывную качественную работу органов и учреждений юстиции России в условиях военного времени.

В ноябре 1943 г. К.П. Горшенин Указом Президиума Верховного Совета СССР назначен Генеральным Прокурором СССР. В этом качестве он представлял страну на Нюрнбергском процессе.

Константин Петрович Горшенин родился 28 мая 1907 г. в г. Алатырь Симбирской губернии в семье рабочего-железнодорожника. Всю жизнь его отец трудился на Казанской магистрали: слесарем, машинистом паровоза, дежурным по депо.

Юношей Константин поступил в индустриальный техникум, через полтора года оставил его. Два последующих года он работал на станции Юдино Казанской железной дороги. Секретарь комитета комсомола, потом – в местном профсоюзе железнодорожников, затем в поселковом Совете. В 1929 г. поступил на юридический факультет Казанского университета.

После окончания первого курса Константин перевелся в Московский университет на юридический факультет. После окончания учебы в 1932 г. он остался в аспирантуре, а в 1935-м, после окончания аспирантуры, Константин Петрович стал заместителем директора Казанского института советского права.

В сентябре 1937 г. его отозвали в Москву, в Наркомат юстиции СССР. Он возглавил сначала отдел вузов, а затем и управление учебными заведениями и уже в 1938 г. был введен в состав коллегии. К.П. Горшенину поручались сложные вопросы практического руководства – исполнение решений наркомата на местах, контроль за работой местных органов юстиции, судов и т. д. В январе 1940 г. 33-летний

К.П. Горшенин, к тому времени уже кандидат юридических наук, специалист в области трудового права, был назначен Наркомом юстиции РСФСР.

В это время российский Наркомат юстиции в своей деятельности подчинялся, с одной стороны, Совету Народных Комиссаров РСФСР, а с другой стороны, Народному комиссариату юстиции СССР, т. е. был органом двойного подчинения.

В 1940 г. состоялось 63 заседания коллегии. Заседания были делом отнюдь не формальным: им была присуща принципиальность, жесткость и даже суровость. Об этом свидетельствует, к примеру, проходившее 9 августа 1940 г. под председательством наркома заседание, на котором обсуждалась практика работы народных судов Ростовской области по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Когда выяснилось, что по этой категории дел народный судья вынес несколько приговоров с условной мерой наказания, коллегия предложила начальнику управления наркомата поставить вопрос о немедленном освобождении судьи и предупредила его о «личной политической ответственности за быстрое выправление судебной практики» по этой категории дел.

Решения коллегии проводились в жизнь приказами наркома. Эти приказы, с одной стороны, очень многое регламентировали, а с другой – оказывали действенную помощь работникам органов юстиции и судов, потому что не только фиксировали некоторые достижения, успехи, но чаще способствовали устранению выявленных недостатков.

Наряду с руководством деятельностью местных органов юстиции не менее важной функцией наркомата того времени было управление судебными органами. Организовать такую работу на необъятных российских просторах было весьма не просто. Поэтому Наркомат юстиции, борясь за повышение эффективности своей деятельности, использовал различные формы и методы. К примеру, в 40-е годы одной из наиболее действенных форм руководства считалось систематическое, не реже одного раза в год, проведение республиканских совещаний руководящих работников юстиции РСФСР.

Одно из таких совещаний было проведено наркомом К.П. Горшениным накануне Великой Отечественной войны, 9–12 апреля 1941 г. Вот как нарком сформулировал основную задачу совещания: руководствуясь решениями XVIII конференции ВКП(б) (февраль 1941 г.), «со всей большевистской прямотой и честностью» выявить недостатки в работе судов и органов юстиции РСФСР, вскрыть причины, наметить действенные, оперативные меры по их скорейшему устранению.

Уже в докладе «О мерах по ликвидации недостатков в работе судов и укреплению судебных кадров» К.П. Горшенин проанализировал ошибки, допускаемые судами по основным категориям дел, и недочеты в руководстве судами со стороны органов юстиции, а главное, он назвал причину этих ошибок, корень зла – низкий профессиональный уровень и судов, и органов юстиции.

Улучшение качества подготовки кадров, всемерное внимание к ним, забота о высших и средних юридических учебных заведениях – вот основная задача, поставленная совещанием.

И в годы Великой Отечественной войны такой подход не утратил своего значения. Характерны два приказа наркома от 31 марта и 5 апреля 1942 г. В первом сообщалось о восстановлении в десяти регионах России уже с апреля 1942 г. учебно-консультационных пунктов Центральной заочной юридической школы Наркомата юстиции РСФСР; во втором – руководителям органов юстиции предписывалось привлечь к учебе в указанной школе всех сотрудников, не имеющих юридического образования, систематически проверять их учебную работу и своевременно выдвигать на более высокие должности тех, кто повышает свою квалификацию и успешно справляется с порученными обязанностями.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война обусловила эвакуацию Наркомюста и Прокуратуры РСФСР в г. Камышин Сталинградской области.

На плечи наркома легла не только огромная ответственность. Предстояло спешно провести важную организационную работу, тем более что наряду с Наркоматом юстиции эвакуировались органы юстиции и суды прифронтовых регионов, а одной из важнейших и наиболее трудных задач того времени было своевременно получить вагоны. Тем не менее уже в августе 1941 г. эвакуированная часть Наркомата юстиции начала осуществлять свою деятельность в Камышине.

А в Москве 1 сентября 1941 г. Константин Петрович провел производственное совещание работников наркомата, на котором присутствовал, видимо, весь его тогдашний состав – 11 человек. Обсуждался один вопрос – о работе Наркомюста РСФСР в условиях военного времени.

По итогам совещания, с учетом очевидной необходимости интенсификации труда оставшихся сотрудников, К.П. Горшенин подписал приказ о «Распределении обязанностей между сотрудниками Наркомюста РСФСР, находящимися в Москве». Начальнику отдела кодификации, к примеру, необходимо было руководить секретной частью наркомата, а также адвокатурой Москвы и Московской области. В случае же необходимости еще и адвокатурой областей, которые будут объявлены на военном положении. Константин Петрович сделал все возможное, чтобы в труднейших условиях военного времени Наркомат юстиции продолжал четко функционировать, претворяя в жизнь принципы государственности, федерализма и законности.

Начальники управлений юстиции были среди тех, кто мобилизовал все силы на отпор врагу. Нарком Горшенин своим приказом № 33 от 14 марта 1942 г. за самоотверженную работу в чрезвычайных условиях и поведение, достойное примера, объявил работникам, доблестно выполнявшим свой долг, благодарность и выдал единовременные денежные пособия, не были забыты и семьи погибших. Этот приказ – свидетельство превращения страны в единый боевой лагерь, и он по-своему способствовал укреплению морального духа людей, их веры в скорую победу.

Во второй половине 1941 г., несмотря на войну и обусловленные этим трудности, Наркомюст РСФСР смог провести более 30 ревизий управлений юстиции (в первом полугодии – всего 19), в том числе и европейской части страны. Важно было сохранить живую связь центра и регионов, кадры, веру людей в победу.

Коллегия Наркомата юстиции СССР отмечала заслугу российского наркомата во главе с К.П. Горшениным: укомплектование им судов и органов юстиции в регионах, освобождаемых от врага, шло организованно и плодотворно.

Победно завершена Сталинградская битва, прорвана блокада Ленинграда, освобождены Курск, Орел, Белгород, Смоленск, другие русские города. С середины 1943 г. в целях улучшения судебной работы и повышения квалификации народных судей К.П. Горшенин установил для них обязательную практику в местных вышестоящих судах и органах юстиции. Кроме того, обязал руководителей органов юстиции немедленно приступить к учету ущерба, причиненного войной судебным организациям и учебным заведениям, подведомственным Наркомату юстиции РСФСР (приказ от 7 июля 1943 г. № 35).

Наступала пора обустройства судов. Было принято постановление СНК РСФСР от 8 августа 1943 г. № 711 «Об обеспечении народных судов необходимыми помещениями», в котором речь шла о предоставлении народным судам и возврате изъятых у них помещений, о производстве необходимого ремонта. При этом в дальнейшем запрещалось выселение судов из занимаемых зданий. Это было крайне необходимым решением, и непосредственный контроль за его выполнением в Москве и Куйбышевской области К.П. Горшенин взял на себя.

В ноябре 1943 г. К.П. Горшенин Указом Президиума Верховного Совета СССР назначен Генеральным прокурором СССР. Ему присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции.

В январе 1948 г. К.П. Горшенин стал Министром юстиции СССР и находился в этой должности вплоть до упразднения Министерства юстиции Союза в 1956-м.

Кроме руководства многогранной деятельностью министерств юстиции союзных республик, Министерство юстиции СССР активно занималось законодательством.

На заключение союзного Министерства юстиции поступали проекты законов, указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений Правительства, различных ведомственных инструкций. Не без его участия в 1950-х годах увидели свет Устав связи СССР, Устав внутреннего водного транспорта СССР, Положение о государственном арбитраже СССР, Основные условия поставки продукции и товаров, Положение о порядке рассмотрения трудовых споров и другие правовые акты.

Но поиск оптимальной структуры Министерства юстиции Союза ССР продолжался. В 1953 г. этому ведомству были переданы из МВД СССР Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также отдел детских колоний. Кроме того, в его состав был включен Государственный арбитраж при Совете Министров СССР.

В результате Министерство юстиции становилось многопрофильным государственным органом, управлять которым было весьма сложно. Поэтому уже в следующем году исправительно-трудовые лагеря и колонии были возвращены в ведение МВД, а Государственный арбитраж вновь был подчинен непосредственно Совету Министров СССР.

Несмотря на огромную правовую работу, проводимую в стране Министерством юстиции, на государственном уровне все больше давал о себе знать правовой нигилизм. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 мая 1956 г. № 725 «в целях устранения излишней централизации в руководстве работой судебных учреждений и органов юстиции союзных республик» Министерство юстиции СССР было упразднено, а его функции распределены между министерствами юстиции союзных республик, Юридической комиссией при Совете Министров СССР, Верховным Судом СССР и Министерством обороны СССР. На последнее возлагалось хранение архивов военных трибуналов.

Потребовалось, впрочем, совсем немного времени, чтобы осознать, что в государстве, желающем стать демократическим и правовым, без общесоюзного Министерства юстиции не обойтись. А пока сорокадевятилетнему министру предстояло определить, чем заняться. По собственному признанию, Константин Петрович всегда тяготел к научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Поэтому не случайно профессор К.П. Горшенин, высококвалифицированный юрист, ученый и практик, в том же 1956 г. был назначен директором Всесоюзного института юридических наук.

В течение семи лет К.П. Горшенин возглавлял институт, а с 1963-го до самой смерти, наступившей 27 мая 1978 г., руководил сектором законодательства по вопросам труда и социального обеспечения (правда, институт уже назывался иначе – ВНИИ советского законодательства).

Авторитет Константина Петровича среди юридической общественности был столь высок, что в 1950–1960-х гг. он был избран председателем секции права Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов, участвовал в подготовке и работе Международной конференции юристов стран Азии и Африки. Во время многочисленных поездок за рубеж он выступал с лекциями о советском праве; будучи членом Международного комитета в защиту греческого патриота Манолиса Глезоса, участвовал в широкой кампании за его освобождение из тюрьмы.

К.П. Горшенин был членом редакционных коллегий ряда периодических юридических изданий, ученых советов научно-исследовательских и учебных заведений, научно-консультативных советов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР.

По книге «На службе закону и справедливости».
Т. Громова (2002 г.)

ГРИШИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Александр Николаевич Гришин родился в 1923 г. в Белгороде. Среднюю школу закончил накануне войны и уже 6 июля 1941 г. был зачислен курсантом военно-морского училища в Кронштадте. Через два месяца первый курс училища в полном составе направили в 6-ю бригаду морской пехоты Балтийского флота. В конце сентября 1941-го морской десант в составе усиленной роты был высажен в тыл к немцам с целью отвлечь часть сил врага от Ленинграда. Потом было назначение в маршевую роту на Волховский фронт. Здесь были тяжелые бои, наступила зима, рядовой А.Н. Гришин обморозил ноги и попал в госпиталь. После выписки он был направлен в Ярославский флотский полужукипаж. Там узнал, что набирают добровольцев в 1-й Московский отдельный отряд моряков для уличных боев в Москве, и подал рапорт. Его зачислили в роту разведки, и сводный отряд отправили в район Можайска обеспечивать первое кольцо обороны Москвы.

Когда советские войска перешли в контрнаступление и погнали немцев от Москвы, из сводного отряда была сформирована 154-я отдельная морская стрелковая бригада, которую направили на Северо-Западный фронт в район Рамушева. В начале 1942 г. воинские эшелоны бригады, шедшие на помощь морякам-черноморцам, вступили в сражение с немцами, которые рвались к Сталинграду.

После Сталинграда 154-я морская стрелковая бригада стала 15-й гвардейской морской стрелковой бригадой. В октябре 1944 г. бригада вошла в состав 119-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы тогда пытались применять отравляющие вещества, и А.Н. Гришина направили на курсы химической службы. В январе 1943 г., закончив курсы младших

лейтенантов химической службы, он вернулся в свою бригаду, в составе которой был направлен на Северо-Западный фронт и с боями прошел от Пскова до Риги.

Закончил войну Александр Николаевич в звании лейтенанта, участвуя в операции по разгрому Курляндской группировки немцев.

В апреле 1984 г. Александр Николаевич был уволен с действительной военной службы в запас и поступил на государственную службу. А.Н. Гришин прослужил в армии и в органах юстиции в общей сложности почти 60 лет.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

Советник юстиции I-го класса. Полковник юстиции. В Минюсте – главный специалист Департамента законодательства о государственной безопасности.

Великая Отечественная война советского народа завершилась нашей воистину Великой Победой. Ведь перед тем как совершить нападение на Советский Союз, гитлеровская Германия захватила Францию, Польшу, Чехословакию, Югославию, Венгрию, то есть практически всю Европу с ее мощным промышленным потенциалом и природными ресурсами. А такие страны, как Италия, Испания, Румыния и Финляндия были преданными союзниками гитлеровской Германии и воевали на ее стороне против нас.

Нельзя забывать и о том, что на стороне Германии против нас воевала предательская армия власовцев, украинская повстанческая армия, формирования сторонников Германии в Прибалтийских государствах – Эстонии, Латвии, Литве.

Наша 119-я Гвардейская Краснознаменная Режицкая стрелковая дивизия завершила войну на территории Латвии и Литвы, где добивала окруженную Курляндскую группировку немецких войск, которая в итоге капитулировала. Наша дивизия по окончании войны была дислоцирована в Литве, а полк, в котором я проходил службу, в городе Юрбаркас на Немане, где нам пришлось обеспечивать установление советской власти, потому что в этом городе находились отряды немецких пособников – их называли «лесные братья». Поэтому наш полк находился в постоянно боевой готовности, пока мы окончательно не загнали их в леса и постепенно уничтожали.

В связи с тем, что обстановка в Прибалтике нормализовалась, началось постепенное сокращение численности дивизий, сформированных во время войны.

119-я Гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия в 1944 г. была сформирована из двух гвардейских морских бригад и одной стрелковой бригады, и подавляющую ее численность в основном составляли бывшие военнослужащие Военно-Морского Флота, которые в критические события войны были направлены для формирования морских бригад. Поэтому из нашей дивизии стали направлять офицеров для пополнения частей Военно-Морского Флота.

В частности, я был направлен на Дважды Краснознаменный Балтийский флот.

Поскольку я закончил курсы младших лейтенантов химической службы и с 1943 г. служил начальником химической службы батальона, затем командиром взвода роты химической защиты дивизии, а в конце войны был назначен начальником службы полка, меня направили для дальнейшей службы в химический отдел Дважды Краснознаменного Балтийского флота, где я прошел подготовку, сдал необходимые зачеты по военно-морским знаниям и мне было подтверждено присвоение офицерского звания. Службу проходил в подразделениях химотдела флота в Риге, затем в Ораниенбауме, а затем в Таллине в должности начальника учетно-операционного отделения химотдела флота и получил воинское звание капитан.

Служба на флоте у меня складывалась успешно, имел и поощрения, и награды, но стал подумывать о необходимости получить военное образование, поскольку всю свою жизнь решил посвятить военной службе.

Командование мне советовало поступить в Академию кораблестроения и вооружения, но я уже твердо решил поступать в Военно-юридическую академию, прежде всего потому, что на фронте после получения офицерского звания вскоре был назначен военным дознавателем и мне приходилось принимать участие в расследовании воинских преступлений под руководством военных следователей.

А при прохождении службы на флоте я был избран народным заседателем военного трибунала Дважды Краснознаменного Балтийского флота и неоднократно участвовал в рассмотрении уголовных дел в отношении эстонцев и латышей, воевавших на стороне немцев.

Кроме того, я уже тогда понял, что профессия юриста является востребованной и в правоохранительных органах, и во многих отраслях народного хозяйства. В то время при таллинском Доме офицеров были организованы курсы по подготовке офицеров для поступления в военные академии, и я прошел хорошую подготовку на этих курсах для успешного поступления в Военно-юридическую академию. В 1951 г. я подал в эту академию необходимые документы и успешно сдал вступительные экзамены, прошел мандатную комиссию и был принят слушателем на военно-морской факультет академии. Учился я с большим старанием и в 1955 г. успешно закончил академию, получив диплом с отличием. За все время учебы я получил только одну четверку по истории, все остальные оценки у меня были отличные.

При распределении мне была предложена должность члена военного трибунала ростинского гарнизона Северного флота. Но по семейным обстоятельствам я был вынужден отказаться, поскольку в 1954 г. в моей семье родился сын с очень слабым здоровьем. По этой причине я просил направить меня на любую должность на Черноморский флот, чтобы укрепить здоровье моему новорожденному сынишке. Моя просьба была признана уважительной, и я получил назначение на должность старшего секретаря военного трибунала Краснознаменной Дунайской флотилии в город Измаил Одесской области.

В апреле 1957 г. избран членом военного трибунала Севастопольского гарнизона, а через три года избран членом военного трибунала Черноморского флота.

В этот период по распоряжению Хрущева было произведено значительное сокращение должностей членов Военной коллегии Верховного Суда СССР, которая рассматривала много сложных уголовных дел. Поэтому для того чтобы обеспечить нормальную работу Военной коллегии, было принято решение избирать запасных судей Военной коллегии из числа наиболее подготовленных судей военных трибуналов военных округов и флотов. Таким образом я был избран запасным судьей Военной коллегии Верховного Суда СССР и периодически вызывался на три месяца исполнять обязанности судьи Военной коллегии. Работа эта была очень ответственная, сложная и трудная, Могу назвать только одно очень сложное дело, состоящее из 205 томов на 18 осужденных, по которому я был докладчиком и заготовил определение по нему более чем на 300 листах.

В связи с организацией военного трибунала Ракетных войск стратегического назначения было решено нескольких запасных судей Военной коллегии одновременно избрать членами этого военного трибунала РВСН, дислоцированного вблизи Москвы. Членом этого военного трибунала я был избран и прослужил в нем по февраль 1974 г.

В связи с истечением срока судебных полномочий я был назначен старшим инспектором Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР и находился на военной службе по 15 апреля 1984 г., когда был уволен из армии по возрасту в отставку в звании полковника юстиции.

18 апреля 1984 г. я был принят на работу во Второе управление Министерства юстиции СССР и назначен старшим консультантом отдела судебных органов, а 8 мая 1991 г. назначен ведущим специалистом Второго управления Минюста СССР.

В связи с ликвидацией Министерства юстиции СССР 31 января 1992 г. я был уволен по пункту 1 статьи 33 КЗОТ РСФСР, но 1 февраля 1992 г. был назначен специалистом первой категории Управления организационного обеспечения деятельности судов Минюста РСФСР сроком на один год.

1 декабря 1992 г. я был назначен ведущим специалистом этого же управления. 22 апреля 1993 г. мне был присвоен классный чин – советник юстиции 1-го класса. 3 января 1995 г. я был назначен главным специалистом отдела организации исполнительных производств этого же управления. А 1 июля 1996 г. – главным специалистом отдела организации исполнительных производств Управления организационного обеспечения судебной деятельности и исполнительных производств. С 24 октября 1997 г. я работал главным специалистом в Департаменте судебных приставов в отделах: организации работы судебных приставов-исполнителей, по работе с письмами и обращениями, организации актов специально уполномоченных органов, учета и контроля по работе с письмами и обращениями.

28 июня 2002 г. я был переведен на должность главного специалиста отдела административного законодательства Департамента законодательства о государственной безопасности и правоохранительной деятельности.

С федеральной государственной службы я был уволен 28 февраля 2005 г. в связи с сокращением штатов. Приказом от 4 марта 2005 г. награжден нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России». Так завершилась моя длительная и успешная работа в Министерстве юстиции СССР и Российской Федерации.

Но несмотря на солидный возраст, я продолжал и продолжаю трудиться. 1 июня 2005 г. я был принят на работу в Международную академию экономики, финансов и права на должность эксперта по правовым вопросам при Президенте академии, где работаю и по сегодняшний день.

Я не ошибся в выборе профессии юриста, которая дает возможность человеку иметь работу в любом возрасте. Ведь смысл жизни заключается в труде, работе. И я считаю, что человек должен работать в любом возрасте, пока позволяет здоровье, потому что работа продлевает человеку жизнь!

С уважением и добрыми пожеланиями.

А.Н. Гришин. Воспоминания

Я родился в 1923 году в Белгороде. Как и многие мальчишки, с детства мечтал о море. Готовил себя к флотской службе – серьезно изучал географию и математику, занимался спортом. Среднюю школу закончил накануне войны, и уже 6 июля 1941 года был зачислен курсантом Военно-морского училища в Кронштадте. Однако долго учиться не пришлось, через два месяца решением Военного совета Ленинградского фронта первый курс училища в полном составе направили в 6-ю бригаду морской пехоты Балтийского флота.

В конце сентября 1941-го морской десант в составе усиленной роты был высажен в тыл к немцам с целью отвлечь часть сил врага от Ленинграда. Два дня шли тяжелые бои, из 220 моряков в живых остались только 44. С трудом пробившись мы к своим, идти пришлось семь километров по Финскому заливу, вдоль побережья, занятого немцами. Высаживались мы в районе населенных пунктов Урицк-Лигово-Стрельна ночью, под ураганным огнем противника. С трудом заняли небольшой плацдарм на берегу, однако силы были неравные, мы несли большие потери. Превосходящим силам фашистов удалось сбросить нас в море. Оставшимся в живых был дан приказ отступить. Силами до полуроты в полном снаряжении мы двинулись вдоль берега по грудь в ледяной воде. Впереди меня в колонне шел рослый матрос Тимошенко. Это был опытный человек, отслуживший на флоте более шести лет. Заботливо и внимательно он относился к нам, матросам-первогодкам. Сам я небольшого роста, поэтому на каждой ямке окунался с головой. После того, как я несколько раз нырнул, Тимошенко обернулся и сказал:

– Слухай, Сашко, хорош булькать – цепляйся за мой вещмешок!

Ох, и здорово он меня тогда выручил – не дал утонуть.

Потом было новое назначение – в маршевую роту на Волховский фронт. В районе Волховстроя немцы и финны пытались замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда. Здесь были тяжелые бои, наступила зима, нашим не хватало теплых вещей и продовольствия.

Находясь в карауле, я обморозил ноги и попал в госпиталь. После выписки был направлен в Ярославский флотский полуэкипаж. Там узнал, что набирают добровольцев в особый отдельный отряд моряков для уличных боев в Москве, и подал рапорт. Меня зачислили в роту разведки, и сводный отряд отправили в район Можайска обеспечивать первое кольцо обороны Москвы.

Когда советские войска перешли в контрнаступление и погнали немцев от Москвы, из сводного отряда была сформирована 154-я отдельная морская стрелковая бригада. Бригаду направили на Северо-Западный фронт в район Рамушева, а оттуда в начале 1942 года решили перебросить в Севастополь, но доехать до места назначения не удалось: по приказу Верховного главнокомандующего наши войска оставили Севастополь, и воинские эшелоны, шедшие на помощь морякам-черноморцам, остановились на подступах к Дону, где тотчас вступили в сражения с немцами, которые рвались к Сталинграду. Затем было отступление от Дона до Волги. Немцы тогда пытались применять отравляющие вещества, и меня направили на курсы химической службы.

В январе 1943 года, закончив курсы младших лейтенантов химической службы, я вернулся в свою бригаду, в составе которой был направлен на Северо-Западный фронт и с боями прошел от Пскова до Риги.

После Сталинграда наша 154-я морская стрелковая бригада стала 15-й гвардейской морской стрелковой бригадой. В октябре 1944 года командованием было принято решение о переформировании бригад в дивизии, и наша бригада вошла в состав 119-й гвардейской стрелковой дивизии. В боях с врагом на территории Латвии солдаты и офицеры дивизии проявили массовый героизм. Так, в боях за город Режица (Резекне) дивизия получила почетное наименование «Режицкая», а за участие в освобождении Риги была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Краснознаменной.

Закончил войну я в звании лейтенанта, участвуя в операции по разгрому Курляндской группировки немцев.

За время войны я был награжден орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

После войны я служил в Таллине и Риге. Затем был избран народным заседателем военного трибунала Балтийского флота. В 1951 г. поступил в Военно-юридическую академию, которую закончил с отличием в ноябре 1955-го.

После окончания академии работал старшим секретарем трибунала Краснознаменной Дунайской военной флотилии в Измаиле. Затем в 1957 г. был назначен членом военного трибунала Севастопольского гарнизона.

В 1962 году избран запасным судьей Военной коллегии Верховного Суда СССР. За десять лет работы в Военной коллегии было много сложных и интересных дел. Помню один процесс, он тянулся четыре года и касался выпуска неучтенной продукции и ее сбыта. Теперь эта деятельность называется предпринимательством, а тогда это было серьезное преступление. Материалы по этому делу составили

205 томов! За время расследования и судебного разбирательства этого дела умерли прокурор, судья и один из подсудимых. Много сил пришлось приложить мне и моим коллегам, чтобы довести дело до приговора.

В 1974 году мне присвоено воинское звание «полковник юстиции».

В апреле 1984 г. я был уволен с действительной военной службы в запас. После увольнения из армии поступил на государственную службу во 2-е Управление Министерства юстиции СССР. В 1991 году (после упразднения Минюста СССР) перешел в Министерство юстиции Российской Федерации.

Я прослужил в армии и в органах юстиции в общей сложности почти 60 лет. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и 23 медалями.

До 2006 г. я состоял на государственной службе в должности главного специалиста отдела писем и обращений граждан Департамента судебных приставов Минюста России, имею классный чин «советник юстиции 1-го класса».

Я от всей души поздравляю всех ветеранов фронта и тыла и искренне желаю молодежи любить жизнь, любить работу, любить Родину и быть готовым защищать ее так, как защищали ее мы.

По воспоминаниям А.Н. Гришина.

Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации, №5/2000.

М.Е. Косачев, А.В. Чепур

ГУСЕВ ВЕНИАМИН ИВАНОВИЧ

Вениамин Иванович Гусев родился 24 февраля 1924 г. После школы работал слесарем на ткацкой фабрике «Большевичка». Призван в армию в 1942 г. и отправлен в г. Пугачев Саратовской обл. в воинскую часть № 815, которая вошла в распоряжение 3-го Украинского фронта. 815-й стрелковый полк входил в состав 46-й Армии и 394-й стрелковой дивизии. В.И. Гусев был назначен командиром расчета отдельного батальона 120-мм минометов в звании старшего сержанта. За форсирование Днепра награжден медалью «За отвагу». В 1943 г. под г. Кривой Рог возглавил группу захвата. За выполненное задание награжден орденом Славы III степени. Находясь на передовой, получил ранения и контузию.

В.И. Гусев получил боевые награды: орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и другие.

В Минюсте России – начальник Хозяйственного управления.

Я родился в г. Вышний Волочок в семье рабочих 24 февраля 1924 года. Закончив школу, с 1939 года по декабрь 1941-го работал слесарем на ткацкой фабрике «Большевичка».

В начале войны я, как и многие мои сверстники, обращался в Горвоенкомат с просьбой призвать меня в армию, но мне было отказано ввиду несовершеннолетия.

В 1941 году текстильный комбинат эвакуировался в г. Красноармейск Саратовской обл., куда я и уехал вместе с родителями.

В 1942 году меня призвали в армию. В призывном пункте была сформирована группа призывников и отправлена в г. Пугачев Саратовской области для укомплектования в/части № 815. Когда полк был окончательно сформирован и укомплектован, нашу часть отправили в распоряжение 3-го Украинского фронта.

815-й стрелковый полк входил в состав 46-й Армии и 394-й стрелковой дивизии. В полку был отдельный батальон 120-мм минометов. Я был назначен командиром расчета в звании старшего сержанта.

Так началась моя фронтовая жизнь. Настроение было боевое. Утром на рассвете появились немецкие бомбардировщики, их было много. Бомбили в два захода. Было страшновато. А когда я увидел результат бомбежки, во мне что-то изменилось, я стал взрослым бойцом-фронтовиком, и захотелось это доказать в бою. Вскоре представилась такая возможность, произошло мое первое боевое крещение.

Наша батарея вступила в единоборство с немецкой минометной батареей. В результате боя уничтожили немецкую батарею, и я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Наступление наших войск продолжалось, и мы подошли к реке Днепр. Шел ноябрь, вода в реке была очень холодная, перед нами стояла задача – форсировать Днепр. Надо было переправить людей, орудия, снаряды, лошадей, и это должен был сделать каждый минометный расчет и все бойцы.

Наш берег подвергался бомбежке, артобстрелу крупнокалиберными пулеметами и другими орудиями. Еще до начала переправы мы несли потери.

Плавсредств для переправы не имелось, мы искали материалы и делали из них плавсредства. Задание было выполнено. Я свой расчет без потерь благополучно переправил на тот берег. Надо было закрепиться, но оказалось, что не все расчеты переправились. Мне приказали вернуться обратно и организовать переправу оставшихся расчетов. Итак, мне пришлось два раза форсировать Днепр. Это было очень тяжело. Вода кипела от артобстрелов и бомбежек. Приказ мы выполнили. Меня наградили медалью «За отвагу».

Наступление продолжалось. Под г. Кривой Рог по решению командования поступил приказ взять «языка». Я возглавил группу захвата. Задание вновь выполнили. Я получил ранение, но в госпиталь ехать отказался и остался на передовой. За выполненное задание я награжден орденом Славы III степени, и по рекомендации командира полка меня приняли в ряды КПСС. Это был 1943 год.

Далее, находясь на передовой, получил два ранения и контузию.

День Победы меня застал в госпитале № 1517 в г. Харькове. 9 мая врачебная комиссия признала меня вследствие ранений и контузии непригодным для дальнейшей службы в армии. Мне выдали удостоверение инвалида Великой Отечественной войны.

Имею боевые награды: орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени и другие, а также награды за трудовую деятельность.

Конечно, много событий, связанных с войной, живет в нашей памяти, но о наиболее значимых я рассказал в этих воспоминаниях.

В.И. Гусев. Воспоминания

ДВОРЦЕВОЙ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ

Когда началась война, В.П. Дворцовой учился на 1-м курсе физико-математического факультета Воронежского государственного университета. До октября 1941 г. работал на оборонных работах г. Воронежа. Затем был призван в армию и направлен в Пензенское артиллерийское училище. Закончил его с золотой медалью в августе 1942 г. Оставлен в училище в должности командира взвода и батареи курсантов. На фронт попал в 1944 г. Воевал на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах в составе 88-го артполка 80-й Любаньско-Домбровской дивизии 59-й Армии. Будучи командиром батареи и начальником штаба дивизиона участвовал в боях на территории Польши и Германии.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги» и др.

ДОБАТКИН ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

Валентин Иванович Добаткин родился 8 декабря 1923 г. Участвовал в Сталинградской битве в составе Донского фронта.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и др.

В Минюсте – зам. начальника отдела судостроительства и процессуального законодательства Управления законодательства о борьбе с правонарушениями.

ДУБИНСКИЙ АЛЕКСЕЙ АРКАДЬЕВИЧ

*А*лексей Аркадьевич Дубинский 18 июля 1928 г. Пережил блокаду, голод, налеты фашистской авиации и артиллерийские обстрелы в Ленинграде. Находился в прифронтовой полосе. Был отправлен в детский дом. Работал на колхозных полях и на заводе.

В 1944 г. вернулся в Ленинград. Поступил во 2-ю ленинградскую спецшколу ВВС, а затем в военное училище системы Генерального штаба, после окончания которого был направлен в южный район системы ПВО СССР.

Награжден медалью «За боевые заслуги», почетным знаком Комитета ветеранов войны и военной службы и другими наградами.

Государственный советник юстиции 3-го класса. Почетный работник юстиции России. В Минюсте России – управляющий делами.

Родился я в конце 20-х годов прошлого столетия в городе Ленинграде в учительской семье.

Война пришла неожиданно и перевернула жизненный уклад всего нашего народа.

В конце сентября 1941 года началась блокада города. Усилились налеты фашистской авиации и артиллерийские обстрелы, началось сокращение обеспечения населения продуктами питания. Жизнь забросила меня в прифронтовую полосу.

Из-под огня меня отправили в детский дом. В последующие два года я работал на колхозных полях и на заводе.

В 1944 году вернулся в родной город, поступил во 2-ю ленинградскую спецшколу ВВС, а затем в военное училище системы Генерального штаба, после окончания которого был направлен в южный район системы ПВО нашей страны. По состоянию здоровья в 1959 году уволился в запас. Работал в проектно-институте в качестве руководителя группы инженеров, одновременно учился и заканчивал

заочное отделение юридического факультета Азербайджанского государственного университета.

В 1969 году был принят на работу в систему Прокуратуры СССР. В 1973 году перешел на работу в Министерство юстиции СССР. В 1984 году был переведен в Министерство юстиции России начальником контрольно-организационного отдела, а затем управляющим делами Министерства. В 1988 году назначен помощником Генерального прокурора СССР по особым поручениям. В 1991 году ушел на пенсию по инвалидности.

Награжден девятью правительственными наградами, почетным знаком Комитета ветеранов войны и военной службы, знаком Почетного работника юстиции России.

На моем жизненном пути встречалось немало умных профессионалов-юристов. Я позволю себе остановиться на характеристике только нескольких человек, с которыми снова свела меня судьба в Совете ветеранов Минюста России.

С Александром Яковлевичем Сухаревым я проработал более 15 лет. Наряду с высокими профессиональными качествами он проявляет большую заботу и внимание ко всем людям, с которыми сталкивает его судьба.

Нина Дмитриевна Иванова много лет отдала работе в Министерстве юстиции России, профессионально консультировала не только работников системы юстиции, но и членов правительственных учреждений. Ее авторитет в разработке и оценке важных для государства документов всегда были непререкаем.

Каневская Лидия Саркисовна пользуется высочайшим авторитетом в аппарате Министерства юстиции не только как профессионал высокой квалификации, но и как активный общественный деятель, приходящий в любую минуту на помощь людям, нуждающимся в поддержке.

А.А. Дубинский. Воспоминания

ЕЛАГИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Иван Иванович Елагин родился 30 июля 1925 г. Накануне Отечественной войны проживал в Москве. После окончания 7 классов был принят на учебу в военно-морскую спецшколу.

В 1941 г. после завершения учебы курсанты спецшколы выехали на каникулы на остров Валаам, расположенный на Ладожском озере, где находилась военно-морская база. Когда началась война, было принято решение оставить курсантов для защиты морской базы, но поскольку они были слишком молоды, их пароходом доставили в город Петрозаводск. По возвращении в Москву И.И. Елагин продолжил учебу в спецшколе. В 1942 г. работал в ЭПРОН учеником. Во время наступления немцев на Москву привлекался к созданию оборонительных сооружений. В феврале 1943 г. в возрасте 17,5 лет был отправлен в воздушно-десантный запасной полк. После окончания радиошколы И.И. Елагин был зачислен радистом в 14-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду.

Непосредственное участие в боевых действиях И.И. Елагин принимал за пределами Родины. На территории Венгрии десантную бригаду переименовали в 34-й гвардейский стрелковый полк и передали в распоряжение 3-го Украинского фронта, которым командовал маршал Толбухин. У границы Австрии И.И. Елагин был тяжело ранен, встретил День Победы в госпитале. После окончания войны до мая 1949 г. проходил службу в штабе Центральной группы войск в Австрии.

И.И. Елагин награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими.

Я родился 30 июля 1925 года. Накануне Отечественной войны я проживал в городе Москве. В те годы молодежь была настроена патриотически, с большой любовью относилась к своей Родине, стремилась поступать в военные училища. После окончания 7 классов я был принят на учебу в военно-морскую спецшколу, по окончании которой через три года должен был продолжить учебу в течение пяти лет в Высшем морском инженерно-судостроительном училище имени Дзержинского в городе Ленинграде. К сожалению, мечта моя не сбылась.

Прекрасно помню предвоенные годы. Много было суждений в связи с Мюнхенским сговором, что впоследствии вынудило Советский Союз заключить мирный

договор с Германией, чтобы обеспечить укрепление безопасности страны. В начале лета 1941 года после завершения учебы курсанты спецшколы выехали на каникулы на остров Валаам, расположенный на Ладожском озере. В то время там находилась наша военно-морская база. Помню, как на политическом занятии политрук заявил, что в ближайшее время неизбежно произойдет война с фашистской Германией. Действительно, его пророческие слова сбылись 21 июня 1941 года. Вначале было принято решение оставить нас для защиты морской базы, но поскольку мы были слишком молоды, пароходом доставили в город Петрозаводск. При следовании поездом до города Ленинграда наш эшелон дважды бомбили финские самолеты, но обошлось без жертв. При нахождении в городе Ленинграде фашисты неоднократно бомбили город.

По возвращении в Москву я продолжил учебу в спецшколе, вместе с некоторыми курсантами направил рапорт Народному комиссару Военно-Морского Флота адмиралу Кузнецову с просьбой направить юнгой на Балтийский флот, но всем было отказано. Когда спецшколу эвакуировали в город Новосибирск, я был вынужден ее оставить, т. к. тяжело был болен отец, а мать находилась в оккупации в Тульской области. В мае 1942 года отец умер, я остался в Москве один. После оставления школы я поступил на работу в ЭПРОН учеником электромонтера. Наше предприятие находилось в Филях, обстановка тогда в столице была тяжелой, было голодно и холодно. Продуктов по карточке выдавали мало, но их и зарплату получали без задержки, регулярно. Надо отдать должное противовоздушной обороне города Москвы, заслон был настолько крепок, что ежедневно сотни фашистских самолетов стремились проникнуть в Москву, но прорывались единицы. Осенью 1941 года, когда проходил парад на Красной площади, оцеплений не было. Я свободно прошел на улицу Куйбышева и видел, как участники парада уходили на фронт. Был крепкий мороз, шла метель. Поскольку наша база находилась в Филях, то ежедневно была слышна артиллерийская канонада. В Москве не было паники, москвичи добровольно уходили в ополчение, подростки встали к станкам.

Следует отметить, что во время наступления немцев на Москву к созданию оборонительных сооружений в основном привлекались женщины и подростки, так как большинство мужчин были на фронтах. Подступы к Москве были оборудованы противотанковыми рвами. Москвичи на заводах и предприятиях работали, не считаясь со временем, обеспечивали фронт необходимым вооружением. С наступлением темноты в Москве строго соблюдалось затемнение. Когда отдельные прорвавшиеся в Москву немецкие самолеты сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы, то мы зажигалки сбрасывали с крыш и чердаков. С самолетов немцы бросали провокационные листовки, но москвичи на них не реагировали, спокойно и мужественно переносили создававшиеся трудности в питании, отоплении жилых помещений.

Когда фашистов значительно отбросили от Москвы, было большое ликование. В феврале 1943 года в возрасте 17,5 лет я был зачислен на Тихоокеанский флот, но в пути следования эшелон был остановлен в городе Саратове и нас отправили в воздушно-десантный запасной полк. После окончания радиошколы я был зачислен

радиостом в 14-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду. В бригаде хорошо кормили, были прекрасно обмундированы, вооружены легким оружием и «финскими» ножами. Очень большое значение уделялось физической подготовке, владению «самбо» в совершенстве, огнестрельным и холодным оружием, прыжками с самолета на воду. Бригаду готовили для десантирования на Крымский перешеек и освобождения Крыма. Но такой возможности не представилось, так как Крым был освобожден в результате, как тогда сообщали, Сталинского удара. Непосредственно участвовать в боевых действиях на родной земле мне не представилось возможным – только за пределами Родины.

Наиболее впечатляющими остались в моей памяти очень тяжелые бои на территории Венгрии. Нашу десантную бригаду переименовали в 345-й гвардейский стрелковый полк и передали в распоряжение 3-го Украинского фронта, которым командовал маршал Толбухин.

Гитлеровское командование сосредоточило огромные вооруженные бронетанковые силы и авиацию на южном направлении, впоследствии нам, солдатам, стало известно, что оно предусматривало разгром наших Вооруженных Сил и овладение южными европейскими странами. Вспоминается, наш полк удалился от населенного пункта Чакберень и занял передовые позиции. Примерно в 4 часа утра «заговорила» наша тяжелая артиллерия, затем – легендарные «катюши», а потом на бреющем полете стали бомбить наши самолеты. Когда мы овладели немецкими позициями, то все укрепления сровнялись с землей, было убито много фашистов. Оставшихся немцев преследовали около 70 километров, но как только стали приближаться к озеру Балатон, начались затяжные, кровопролитные, ожесточенные бои.

Дважды город Секешвехервар переходил из рук в руки. Когда полк вступил в гористую, покрытую лесами местность, то она была удачной для обороны, а не для наступающих. На передних позициях немцы имели три эшелонированных линии: на 1-й находились – румыны, венгры и другие сателлиты, 2-й – эсэсовцы, 3-й – власовцы. Власовцы с самолетов разбрасывали листовки, в которых предлагали нам перейти на сторону немцев, обвиняли, что сейчас мы ведем не освободительную, а захватническую войну, т. к. свою территорию освободили. Но эти листовки вызывали у нас только улыбки и насмешки.

Надо признать, что немцы умело пеленговали наши радиостанции. Как только я передавал радиogramму, то моментально покидал это место. В считанные минуты начинался минометный обстрел – и точно попадали в покинутое место. Когда наш полк с боями приближался к границе Австрии, то в течение двух суток мы находились в окружении. А затем восстановили позиции. После нам стало известно, что на фланге находились турецкие войска и фашистами была прорвана их оборона.

Потери среди десантников были большими. У границы Австрии я был тяжело ранен и доставлен в полевой госпиталь, меня разместили в доме на полу, покрытом соломой. Нас было около 12 тяжело раненных, мы самостоятельно двигаться не могли. Для раненых в то время это было испытанием. Мы прекрасно знали,

что фашисты называли десантников «дикими войсками», в плен не брали, а если попадали в плен тяжело раненные, то немцы их зверски убивали.

На второй день нашего пребывания в этом доме фашисты проникли в город, вооруженные немцы приближались к дому. Мы обнажили финские ножи и в случае появления фашистов все решили с собой покончить. В таком напряжении мы находились около 8–10 часов, затем наши войска выбили немцев из города. Потом всех нас отправили в стационарный эвакогоспиталь вдали от боевых действий. На лечении в госпитале я находился более 4-х месяцев. Там же все раненые с огромной радостью встретили День Победы. В 1946 году в городе Будапеште я случайно встретил радиста нашей бригады. Он сказал, что участвовал в боевых действиях за освобождение Австрии. Из 15 радистов были убиты 12. Тогда мы еще не достигли 20-летнего возраста. Войну я закончил солдатом. Прошел не одну тысячу километров, имея за плечами батальонную радиостанцию весом 12 кг и необходимое вооружение. После окончания войны до мая 1949 года я проходил службу в штабе Центральной группы войск в Австрии.

По возвращении в Москву в январе 1950 года был принят на службу в милицию. Около 13 лет работал в уголовном розыске, а после окончания Московского автодорожного института был назначен госавтоинспектором в ГАИ МВО РСФСР. С созданием МВД СССР был переведен в Управление кадров Министерства. По линейному принципу на меня возлагалось изучение, обобщение деятельности инженерно-технических кадров ГАИ МВД страны и разработка конкретных мер по ее совершенствованию, а по зональному принципу – постоянные работы с кадрами в МВД Коми, Бурятской и Тувинской АССР и УВД Амурской области, а также в лесных ИТУ Коми АССР и Архангельской области и принятие мер по ее улучшению. Более восьми лет я неоднократно в течение года в составе бригад министерства, а также самостоятельно выезжал в закрепленную зону, изучал состояние этой работы в аппаратах УИТУ, ОИТУ и ИТК и оказывал практическую помощь по ее совершенствованию.

За период работы более 10 лет начальником отделения кадров в МСПУ при ГУИТУ МВД СССР в составе бригады главка выезжал на места с различными заданиями. Мое непосредственное участие в практической деятельности ИТУ продолжалось около 20 лет.

В мае 1988 года я был уволен из ГУИТУ по состоянию здоровья в звании полковника внутренней службы. Общий стаж службы составляет около 45 лет, из них – 38 лет в органах МВД.

Награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими, а также знаком «Заслуженный работник МВД». Неоднократно поощрялся Министром внутренних дел СССР почетными грамотами и ценными подарками.

И.И. Елагин. Воспоминания. 21 марта 2005 г.

ЕЛИЗАРОВА ТАМАРА ИВАНОВНА

Тамара Ивановна Елизарова родилась в 1929 г., москвичка. Подростком работала на военном заводе. Труженик тыла. В Минюсте – экономист.

Я родилась в Москве в 1929 году. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12 лет.

...Началась бомбежка. В районе, где я жила, вблизи от нашего дома взорвалась фугасная бомба, и в доме не осталось ни одного оконного стекла, а из комнаты нас выбросило взрывной волной на балкон.

В июле 1941 года от школы, где я училась, нас отправили в город Михайлов на помощь колхозникам. Когда немцы стали подходить к этому городу, нас срочно отправили обратно в Москву.

В 1941–1942 годах школы были закрыты, и мы не учились. В декабре 1941 года погиб на фронте мой отец, и мы с братом были вынуждены пойти учиться в ремесленное училище. Там мы работали слесарями (снимали заусеницы после изготовления корпусов мин, упаковывали их и отправляли на другое предприятие). По окончании ремесленного училища в январе 1943 года меня направили на военный завод № 689, где выпускалась продукция (радиостанции и др. изделия).

По окончании войны я продолжила учебу, потом работала машинисткой в различных министерствах. По окончании высших экономических курсов при Госплане СССР с 1957 года и до ухода на пенсию в 1985 году работала старшим экономистом.

Т.И. Елизарова. Воспоминания

ЖАРНИКОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Ю.Н. Жарников родился 5 января 1925 г., воевал в артиллерийском и танковом полках, был ранен и контужен.

Награжден орденом Великой Отечественной войны, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», Жукова. Был заместителем Министра юстиции Якутской АССР. Заслуженный юрист Республики Саха (Якутия).

Я, Жарников Юрий Николаевич, родился 5 января 1925 года в г. Иркутске в семье служащих. Мать, Жарникова Ольга Климентьевна, работала в различных организациях. Воспитывал меня отчим, кадровый военный – Чусов Николай Ильич. В 1941 году его арестовали по необоснованному обвинению в участии в период гражданской войны в сражениях на стороне Колчака. Он был реабилитирован только в 1956 году.

До 1941 года я жил с матерью, пошел работать сначала учеником, а затем токарем на завод им. Куйбышева в г. Иркутске, потом переехал в г. Бодайбо.

26 мая 1943 года был призван в ряды Красной Армии, попал на Восток, в Забайкальский военный округ.

В июне 1944 года наш артиллерийский полк вошел в состав дивизии, несшей огромные потери на Ленинградском фронте, там же я получил первое боевое крещение. После лечения в госпитале был направлен в 12-й особый резервный танковый полк, потом воевал в составе 29-го танкового полка 31-й танковой бригады, был ранен, дважды контужен. После выздоровления учился в 1-м Горьковском танковом училище, а

затем в Гвардейском Сивашском Краснознаменном танковом училище. В связи с фронтовыми ранениями был из училища демобилизован инвалидом II группы.

После демобилизации приехал в Пеледуй, поступил в судостроительный техникум. Меня избрали секретарем комсомольской организации, я был активным участником художественной самодеятельности. В 1948 году по рекомендации политотдела при Пеледуйской судовой конторе направлен работать инспектором отдела кадров торговой конторы, а затем начальником этого отдела.

В 1949 году по путевке Ленского горкома КПСС поступил на учебу в Якутскую двухгодичную юридическую школу, которую закончил в 1951 году.

Имею две специальности высшей квалификации – правовед и историк. В 1957 году закончил исторический факультет Якутского госуниверситета, в 1962 году – юридический факультет Иркутского госуниверситета.

После окончания юридической школы с 1951 по 1954 год работал народным судьей Якутского района.

В 1954 году истек срок моих полномочий народного судьи Якутского района (пригородного). Я дал согласие Якутскому обкому КПСС и Министру юстиции ЯАССР Кочайцеву Ивану Федотовичу занять должность заместителя Министра юстиции ЯАССР.

В то время Министерство юстиции ЯАССР располагалось в двухэтажном деревянном здании по ул. Орджоникидзе, там же находился Верховный Суд ЯАССР.

Основной моей обязанностью, как заместителя Министра юстиции по кадрам являлась работа по подбору кандидатур для избрания судей в городские и районные суды республики. Кроме того, занимался проверкой качества отправления правосудия судьями, рассмотрением жалоб, организацией работы судов и т. п.

Мне, молодому человеку по меркам того времени (мне было 29 лет), в надлежащем исполнении возложенных обязанностей большую помощь и моральную поддержку оказывал Министр юстиции ЯАССР И.Ф. Кочайцев. Он отличался принципиальностью, объективностью, был очень ответственным грамотным юристом, порядочным человеком и добрым семьянином. Вторым заместителем Министра был Н.П. Кожепоров, также отвечавший за работу судов республики.

О совместной работе с Кочайцевым и Кожепоровым у меня остались хорошие воспоминания. Проработали мы с ними плодотворно, но непродолжительное время, с 1954 по 1957 год.

В 1957 году в соответствии с постановлением Совета Министров СССР министерства юстиции автономных республик, управления юстиции областей и краев СССР были упразднены.

Впоследствии Министерство юстиции ЯАССР было вновь образовано в 1970 г.

В связи с ликвидацией Министерства юстиции работал народным судьей 4-го участка г. Якутска, а впоследствии юридическим инспектором Министерства промышленности ЯАССР, старшим инспектором МВД ЯАССР, помощником прокурора г. Якутска. Участвовал в общественной жизни – избирался членом Пленума РК

КПСС Якутского района, председателем профкома, членом республиканского общества «Знание».

5 июля 1995 года мною была образована Якутская городская автономная коллегия адвокатов, в которой я был избран председателем. В адвокатуре общий стаж работы составляет 43 года.

Супруга – Жарникова Людмила Михайловна – судья Арбитражного Суда Республики Саха (Якутия). Имел двух сыновей – Юрия и Игоря, оба служили в войсках спецназа. Старший сын Юрий трагически погиб при выезде на спецзадание. Второй сын Игорь дважды участвовал в боевых действиях в Чечне, был ранен.

Я награжден орденом Отечественной войны, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», медалью Жукова, медалью Министра юстиции России «200 лет юстиции», орденом «За верность адвокатскому долгу», знаком отличия Президента Республики Саха (Якутия) «За гражданскую доблесть», в 1995 году мне присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Республики Саха (Якутия)».

Ю.Н. Жарников. Воспоминания. 19 мая 2009 г.

ЗУСЬ ЛЕВ БОРИСОВИЧ

Лев Борисович Зусь родился 5 июля 1919 г. в Харбине, куда его отец был направлен на охрану КВЖД, принадлежавшей России. В 1938 г. стал студентом Московского юридического института. Для прохождения студенческой практики направлен в Улан-Удэ, по месту жительства родителей. В сентябре 1941 г. поступил работать в Прокуратуру Бурят-Монгольской АССР следователем прокуратуры. В марте 1942 г. был призван на службу в армию и направлен в Сретенское военное пехотное училище, находившееся в Читинской области, где получил звание лейтенант.

25 ноября 1943 г. приказом главного военного прокурора морского и речного флота назначен водным следователем военной прокуратуры Верхне-Амурского участка (г. Благовещенск) Амурского бассейна. В органах гражданской и военной прокуратуры проработал с 1941 г. по 1957 г.

Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени, 15 медалями.

Майор юстиции. Доктор юридических наук. Профессор. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – ведущий научный сотрудник Российской правовой академии.

Родился 5 июля 1919 года в Харбине. Папа туда был направлен Советской Красной Армией на охрану КВЖД, принадлежавшей России. Мама вместе с родителями приехала из Белоруссии. В 1928 году всей семьей вернулись на Родину.

В 1937 году окончил среднюю школу в Улан-Удэ (тогда Верхнеудинск). В 1938 году успешно сдал вступительные экзамены и принят студентом Московского юридического института, который размещался на улице Герцена, д. 11, у большого зала Московской консерватории.

В 1941 году, закончив 3-й курс института, для прохождения студенческой практики направлен в Улан-Удэ, по месту жительства родителей. Практику проходил в правоохранительных органах, прокуратуре, адвокатуре, МВД.

22 июня 1941 года неожиданно грохнула война. Въезд в Москву был закрыт. Продолжение учебы в институте сорвалось.

В сентябре 1941 года поступил работать в Прокуратуру Бурят-Монгольской АССР. Назначен следователем прокуратуры железнодорожного района города Улан-Удэ. Приступил к исполнению служебных обязанностей.

В марте 1942 года получил красную повестку из райвоенкомата. Был призван на службу в Советскую Красную Армию и сразу направлен в Сретенское военное пехотное училище, находившееся в Читинской области.

В училище нас учили командовать молодыми призывниками, умело вести в бой, освобождать родную земельную территорию от врага для победы. В июле все курсанты сдавали выпускные экзамены и получали военные звания. Я сдал экзамены, и мне присвоили звание «лейтенант». Одели в обмундирование.

В первых числах августа 1942 года утром подали железнодорожный эшелон вагонов, туда поместили всех выпускников и повезли, куда, никто не знал. А однажды утром остановили поезд. Нам открыли вагоны и объявили: «Прибыли в Москву, район – Воробьевы горы».

Всех распределили по воинским частям и присвоили звания. Мне присвоили звание гвардии лейтенант. Назначили командиром 1-го взвода 1-й роты 3-го батальона 60-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в 3-ю Ударную Армию на Западном фронте под Москвой. Ночью нас доставили на передовую фронта.

Вместе с военными товарищами участвовал в боях на передовой, выполняя свой воинский долг, защищая Родину. Захватчиков гнали из-под Москвы.

30 ноября 1942 г. был тяжело ранен разорвавшимся снарядом, осколком в ногу. На волокушке вывезли с поля боя в лесной массив. Там поместили в машину медсанбата и доставили в Москву в военный госпиталь. Сделали операцию, удалили осколок. Но лечение требовалось долгое. Поэтому потом поездом отвезли в Оренбург и поместили в эвакогоспиталь.

После необходимого лечения военная медицинская комиссия признала меня непригодным к дальнейшей воинской службе в пехоте. Для определения вида новой службы в феврале 1943 г. меня направили в Москву в 50-й запасной офицерский полк. Учитывая наличие (незаконченного) высшего юридического образования, документы предоставили в Главную военную прокуратуру морского и речного флота. С этого началось продолжение моей работы в органах прокуратуры.

25 ноября 1943 года приказом Главного военного прокурора морского и речного флота я назначен водным следователем военной прокуратуры Верхне-Амурского участка (г. Благовещенск) Амурского бассейна. В феврале 1946-го повышен в должности – назначен старшим военным следователем Военной прокуратуры Амурского бассейна и переведен в город Хабаровск. В 1948 году в связи с разво-

енизацией (по решению Правительства) должность стала называться «старший следователь прокуратуры».

Затем я был назначен прокурором Благовещенского района Амурского бассейна и переведен на работу в город Благовещенск. В феврале 1952 г. назначен помощником прокурора прокуратуры Амурского бассейна и переехал в город Хабаровск. В 1953 г. эта прокуратура стала называться Хабаровская транспортная прокуратура. В ней проработал до 1957 г.

Итак, в органах гражданской и военной прокуратуры я проработал с 1941 года до 1957 года, с учетом фронтовой службы, 17 лет.

В июле 1957 г. по семейным обстоятельствам переехал в город Владивосток. Здесь меня приняли в порядке перевода на должность начальника юридического отдела в Дальневосточную контору Рыболовсекции Роспотребсоюза. Работая в этой должности, я по совместительству стал работать преподавателем в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ).

ДВГУ, его юридический отдел появился в 1956 г. Он стал крупнейшим научно-педагогическим юридическим центром на Дальнем Востоке. В 1958 г. в нем открыли специальность «Правоведение». Потребовались преподаватели с научными знаниями и опытом преподавания. Мне повезло в том отношении, что я, работая в прокуратуре в разных городах, по совместительству преподавал юриспруденцию в вузах Благовещенска, Хабаровска и других населенных пунктов. Писал статьи в общественных газетах.

В марте 1960 г. официально принят на педагогическую работу в Дальневосточный государственный университет. Занимал должность старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой правосудия и прокурорского надзора. Это доставило мне большое удовольствие. Я оказывал большую помощь студентам в овладении научными знаниями и в подготовке к правоохранительной практике, которая мне была хороша знакома.

С удовольствием занимался личной научной деятельностью. Написал и защитил в Ученом совете Ленинградского государственного университета кандидатскую (1966) и докторскую (1981) диссертации.

Подготовил и опубликовал более 100 научных статей, а также монографий на актуальные темы: уголовно-процессуальное регулирование, механизм уголовно-процессуального судопроизводства и другие. Работы издавались не только во Владивостоке, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Томске, Красноярске, Хабаровске и других городах.

Неоднократно принимал участие в научных конференциях, проводившихся в Приморском крае, Москве и столицах бывших союзных республик.

Имел свою аспирантуру. Руководил аспирантами для подготовки и защиты кандидатских диссертаций. Был официальным оппонентом по докторским диссертациям.

В Дальневосточном университете проработал с 1960 г.

Уволился в мае 2001 г. и переехал с семьей в Москву. В Москве стал работать в Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации с 2002 г. в должности старшего научного сотрудника. Здесь очень приятный руководящий состав и весь коллектив. Участвую в научных работах, научных конференциях, подготовил научные статьи, относящиеся к проблемам уголовного судопроизводства.

Инвалид Великой Отечественной войны. Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степеней, 15 медалями.

Присвоено звание «Почетный работник юстиции России». Заслуженный юрист Российской Федерации.

Л.Б. Зусь. Воспоминания

ЗЫКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Война началась для В.В. Зыкова сразу после его школьного выпускного бала. Его направили учиться в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, эвакуированное к тому времени в Кострому. Закончил его ускоренными темпами, и в звании лейтенанта был направлен на Сталинградский фронт. Военную жизнь начал в минометном полку командиром взвода в ноябре 1942 г. Участвовал в боях за Новочеркасск, Ростов,

Донбасс. В октябре 1943 г. был тяжело ранен под Мелитополем. После госпиталя В.В. Зыков вернулся в свою часть, стоявшую на Днепре. Вместе с остатками боевых сил его отправили в Тамбовские артиллерийские лагеря.

День Победы Владимир Васильевич встретил в Бреслау (ныне Вроцлав). До июля 1946 г. он оставался за границей со своим полком – охранял базу, куда свозили отвоевавшую артиллерийскую технику для отправки ее на родину.

В.В. Зыков награжден орденами Отечественной войны I степени и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и другими.

Советник юстиции I-го класса. Полковник юстиции. Почетный работник Прокуратуры России. Почетный работник юстиции России. Заслуженный юрист РСФСР. В Минюсте – заместитель начальника отдела судостроительства и процессуального законодательства Департамента законодательства о государственной безопасности и правоохранительной деятельности.

У Юлии Друниной есть небольшое стихотворение, которое называется «Три процента». В эпитафии к нему сказано, что, по статистике, среди фронтовиков 1922, 1923 и 1924 годов рождения в живых осталось 3 процента.

Вдумайтесь: из каждой сотни тех мальчишек повезло лишь трое, а 97 сложили голову на полях сражений. Добавлю еще одну цифру: из ста фронтовиков, встретивших войну 20-летними, то есть 1921 года рождения, домой вернулись только двое.

Такая же участь постигла и ребят 1925 года рождения, причем их забрали более юными, чем нас. Моему младшему брату 21 декабря 1942 года исполнилось только 17 лет, но уже в начале января 1943-го во время школьных зимних каникул, не дав окончить десятый класс, его призвали в армию. Курская битва, к которой их готовили, для многих из этих мальчишек оказалась первой и последней.

Аналогичная доля выпала и нашим сверстницам-девчонкам, которым пришлось воевать. Это в кино все выглядит романтично и героически. А на самом деле им в той же мере, что и нам, довелось хлебнуть, грязи, холода, фронтовых вшей, промерзлых окопов... И погибали наравне с мальчишками. У нас на батарее служила лишь одна девушка – Валентина Никифорова из Астрахани. Она была санинструктором, но выполняла обязанности и телефонистки. Валя погибла в июле 1943 года на моих глазах, не успев произнести ни слова. Ей не исполнилось еще и девятнадцати. Похоронили мы ее прямо на батарее, на окраине села Куйбышево Ростовской области, где в то время наш 488-й минометный полк воевал на Миус-фронте.

Мы не часто задумываемся над тем, что дорогу к Победе выложили своими могилами юные, красивые, не познавшие жизни: «Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой»... Нынешняя молодежь и песню-то эту не знает.

20 июня 1941 года в селе Островское Костромской области десятиклассники прощались с детством. Это был мой выпускной вечер. Мы мечтали, строили планы, но не знали, что через два дня они рухнут. 22 июня женщины вернулись с рынка и принесли страшную новость: война. Мои сверстники были брошены в ее пекло и сгорели в расцвете юности.

Выбито целое поколение. Вспомните! Справедливая память – это единственное, что им досталось. Да и то, в основном, по праздникам.

А немногих оставшихся в живых фронтовиков не обделите вниманием. Редко кто из воевавших не ранен, да и того уже достали старческие болезни. Когда-то маршал Жуков говорил: не забывайте о ветеранах в сутолоке жизни – на вокзале, в приемной по житейским делам, в поликлинике, в автобусе, в семье... Их осталось так мало – из трех уцелевших процентов.

Вновь прошлого кинолента

Раскручена предо мной –

Всего только три процента

Мальчишек пришло домой...

В.В. Зыков. Выбитое поколение. –
Газета «Трибуна» №75 от 26 апреля 2002 г.

Когда закончилась война, мне не было еще 22 лет. Сразу же встал вопрос о продолжении образования и будущей профессии. До войны я мечтал стать учителем, как отец, поступить в педагогический институт на исторический факультет. Для осуществления этой цели после окончания войны пытался уволиться из армии, но мне отказали. Тогда я решил стать юристом, хотя ранее ни с одним служителем Фемиды не встречался. Основанием для такого выбора послужила моя склонность к гуманитарным наукам и то, что в своей части я был дознавателем, успел изучить инструкцию органам дознания, расследовал незначительные правонарушения, у меня появился интерес к практической работе юристов. Надо было поступать в Военно-юридическую академию.

Но цель оказалась не так проста. Если на фронте мне крупно повезло: я попал в число тех трех процентов своих сверстников, которые остались живыми и вернулись домой, то при поступлении в академию меня преследовали неудачи. Этому способствовало то, что до июля 1946 года я со своим полком оставался за границей, в 1947 году служил в другой части в г. Харькове, в 1948-м – в г. Баку, и из-за бюрократических проволочек дважды мои документы о поступлении в академию не успевали поступить в Москву до начала экзаменов. В третий раз выдержал экзамены, но не прошел мандатную комиссию. В академию поступил лишь с четвертой попытки и не на дневной, а на заочный факультет.

Это произошло осенью 1948 года, а 2 августа 1949 года меня перевели из артиллерии в юстицию и назначили военным следователем военной прокуратуры дивизии. Штат прокуратуры состоял из двух человек: прокурора и следователя. Исполнять возложенные на прокуратуру обязанности приходилось общими усилиями, а когда отсутствовал прокурор – только следователю. Но, как говорят, нет худа без добра, это очень помогло мне быстро приобрести необходимые профессиональные навыки, освоить не известную ранее специальность.

В органах военной прокуратуры начал работать на турецкой границе в г. Ахалкалаки, а затем в военной прокуратуре Тбилисского гарнизона. В 1952 году как заочник направлен на курсы усовершенствования военно-юридического состава при ВЮА (КУВЮС), окончил их на «отлично» по всем предметам и назначен старшим следователем военной прокуратуры войск МВД Северо-Кавказского округа, а через несколько месяцев – помощником военного прокурора этого округа.

В 1954 году началась кампания по пересмотру уголовных дел, связанных с репрессиями 1937–1938 годов. Все дела на осужденных в те годы Военной коллегией Верховного Суда СССР пересматривала Главная военная прокуратура, таких дел было очень много, в связи с чем пришлось срочно увеличивать штат за счет периферийных работников. Меня тоже перевели в ГВП.

Так называемыми спецотделами я занимался только четыре года, но этот период оказался самым напряженным в моей жизни. По проверяемым делам, как правило, проходили высокие должностные лица, они ссылались на ранее осужденных государственных деятелей (Зиновьева, Каменева, Бухарина и др.), в связи с чем приходилось изучать и их дела. Кроме того, многие пересматриваемые дела нахо-

дились на особом контроле ЦК КПСС, поэтому считаться с личным временем не приходилось. Только в одном 1957 году по подготовленным мною заключениям, утвержденным Главным военным прокурором, реабилитирована тысяча человек.

В Главной военной прокуратуре я работал 25 лет, из них 21 год занимался надзором за законностью рассмотрения военными трибуналами уголовных дел (УСО – уголовно-судебный отдел). Лично рассматривал уголовные дела в кассационном и надзорном порядке, занимался аналитической работой, часто выезжал для проверки работы нижестоящих прокуратур, фактически объездил всю страну.

Несмотря на загруженность, никогда не забывал о повышении своего профессионального уровня. Во время работы в ГВП закончил двухгодичный Университет марксизма-ленинизма при ЦДСА, курсы иностранных языков, сдал кандидатский минимум, начал публиковать в юридической прессе материалы по спорным вопросам прокурорской и судебной практики. Периодически выступал с лекциями в Военном институте и на курсах повышения квалификации военно-прокурорских работников.

Уволился из армии по возрасту в ноябре 1979 года с должности заместителя начальника отдела – помощника Главного военного прокурора в звании полковника юстиции. И буквально на следующий день начал работать в Генеральной прокуратуре СССР, в уголовно-судебном отделе, и занимался теми же вопросами, что и в ГВП. Но были и некоторые особенности. В 1980-е годы в нашей стране появилась коррупция. Наши прокуроры, приученные к неуклонному соблюдению законов, строго пресекали коррупцию, привлекали виновных к уголовной ответственности независимо от их служебного положения. Появились громкие дела: «узбекское», «рыбное», «краснодарское», в отношении зятя Генсека КПСС Чурбанова, директора Елисеевского магазина Соколова и др. Первый заместитель министра рыбного хозяйства СССР был расстрелян за совершенные преступления. Мне пришлось поддерживать государственное обвинение по двум делам этой категории, расследованным Генпрокуратурой. По одному из них привлекались к уголовной ответственности одиннадцать ответственных партийных и советских работников города Сочи. Дело рассматривалось Верховным Судом РСФСР в течение полугода. У каждого обвиняемого – адвокат, а со стороны обвинения – один я.

В Генеральной прокуратуре Союза ССР работал до ликвидации ее и развала самого советского государства. Затем были восемь лет работы в Министерстве юстиции Российской Федерации во вновь созданном Управлении по судебной реформе. Эти годы оказались самыми бурными и весьма тревожными за всю долголетнюю службу в правоохранительных органах. Незадолго до моего назначения в Минюст Верховный Совет РСФСР 24 октября 1991 года одобрил Концепцию судебной реформы. Суть этой концепции сводилась к умышленному развалу прежней судебной системы, охаиванию правоохранительных органов, глупому подражанию законодательству западных стран, для чего нашу страну заполнили в качестве консультантов и экспертов толпы американских юристов, зачастую не очень высокой квалификации. В результате такой «реформы» страну захватил

преступный беспредел, честным гражданам пришлось ставить решетки на окнах, стальные двери с особо сложной системой замков, не выходить из домов в темное время суток, испытывать постоянный страх за себя и близких.

Уволен из Минюста 22 марта 2000 года в связи с достижением предельного возраста, установленного для госслужащих, с должности зам. начальника отдела судоустройства и процессуального законодательства Департамента законодательства о госбезопасности и правоохранительной деятельности, имея 60-летний трудовой стаж, из них 50 лет на службе закону (с 2 августа 1949 года по 22 марта 2000 года). Казалось, что я честно выполнил свой долг перед Родиной.

За многолетний добросовестный труд в органах Прокуратуры и Министерства юстиции Российской Федерации, укрепление законности и правопорядка, большой личный вклад в развитие правовой базы России мне присвоено почетное звание Заслуженного юриста РСФСР, я награжден нагрудными знаками «Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации», «За службу в Военной прокуратуре», Почетной грамотой Правительства Российской Федерации и медалями Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России», «За усердие II степени» и «Ветеран прокуратуры».

Однако полученная в годы войны и во время службы в армии закалка, активная гражданская позиция, принципиальность даже после увольнения с государственной службы не позволили мне отойти от актуальных злободневных вопросов нашей правоохранительной системы и судебной практики. Я стал писать статьи, в которых открыто выражал свою точку зрения о судебной реформе, введении суда присяжных, отстаивал свою позицию, противоречащую официальной. О моем отношении к затрагиваемым вопросам можно судить по заголовкам опубликованных статей: «Судебная реформа провоцирует рост преступности», «Суд присяжных не гарантирует законность», «Шемакин суд», «Суд присяжных наносит огромный ущерб стране», «Почему наша власть не борется с коррупцией» и др.

Я писал несколько лет, по волновавшей меня теме написал около 50 статей, они были опубликованы в «Российской газете», «Известиях», «Парламентской газете», «Российских вестях», «Московской правде» и других, но оказались незамеченными. Никто не только не пытался опровергнуть мои доводы, а хотя бы поругать. А мне после этого пришлось согласиться с мудрой поговоркой о том, что один в поле не воин.

В.В. Зыков. Воспоминания. 1 июня 2009 г.

На фронт Владимир Васильевич Зыков попал в звании лейтенанта, хотя война началась сразу после его школьного выпускного бала.

Тогда его семья жила в глухой деревне в Костромской области. «В то время в нашем краю ни радио, ни газет, ни транспорта, ни порядочных дорог не было, – вспоминает Владимир Васильевич. – Стоял теплый солнечный день, никаких предчувствий не возникало. Когда после обеда с базара вернулись женщины из райцентра Семеновского-Лапотного, они и принесли страшную весть. К вечеру

мы с друзьями отправились в райцентр, у военкомата уже стояли подводы с призывниками, мужчин с ходу отправляли на фронт».

Владимир хотел стать учителем, как отец. Но война перечеркнула планы, разрушила надежды. Первым на фронт призвали его, вторым – отца, хотя он имел по состоянию здоровья «белый» билет, третьим – брата, которому едва исполнилось 17 лет. Мать осталась одна.

Но сначала нескольких новоиспеченных выпускников, в том числе Зыкова, направили учиться в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, эвакуированное к тому времени в Кострому. Закончили его ускоренными темпами, и в звании лейтенанта Владимира направили на Сталинградский фронт. Военную жизнь начал в минометном полку командиром взвода в ноябре 1942 г. Впереди были бои за Новочеркасск, Ростов, Донбасс...

В.В. Зыков: «Доучиваться, восполнять знания, недополученные в военном училище в результате резкого сокращения срока обучения, пришлось на фронте, порой на собственных ошибках. Невозможно забыть один случай. Еще в начале боевого пути наша батарея получила приказ завершить в течение ночи многокилометровый переход и занять огневую позицию на берегу реки. Мне как командиру взвода управления заранее было приказано установить к определенному часу телефонную связь с командиром пехотного батальона, находившимся на другой стороне реки. Событие происходило в марте, и хотя лед на реке уже прошел, вода была очень холодная, никаких переправ в темное время установить не удалось, поэтому перебраться на другой берег с тяжелыми катушками кабеля можно было только вплавь. Я пожалел своих подчиненных и разрешил им немного поспать до рассвета. А когда рассвело, мы увидели буквально в нескольких сотнях метров пешеходную переправу, приказ вскоре был выполнен, но с некоторым запозданием. За это я был наказан в дисциплинарном порядке с весьма громкой формулировкой «за невыполнение боевого приказа».

Незначительное опоздание с выполнением приказа несколько не повлияло на решение поставленной перед батареей задачи, наложенное на меня взыскание тоже не имело каких-либо отрицательных последствий в дальнейшей службе, но для меня это был весьма большой урок. Война есть война, каждый ее шаг регламентируется приказами командиров, они всеми должны выполняться беспрекословно, точно и в срок, так как от этого зависит судьба многих людей. Этот случай научил меня быть всегда исполнительным, не только на войне, но и на гражданской службе».

Минометчики его полка в прямую атаку не ходили, громили врага артобстрелами, нередко сами попадали под мины и снаряды противника. Но Зыков узнал, что такое фронтовые землянки, голод, окопные вши – потому что и негде, и некогда было даже помыться. Во время боев артиллеристов бросали на разные участки фронта, в результате не успевали прикреплять к питанию, нередко они голодали. Доходило до того, что приходилось есть мертвых лошадей...

Самым тяжелым испытанием была гибель близких друзей. «Никогда не забуду 22 июля 1943 г. – в тот день мне исполнилось 20 лет, – рассказывает Владимир Васильевич. – Мы залегли в каменном углублении – земля была такая, что окоп

не вырыть. Сверху нашу «траншею» прикрывали ящики. Слева расположился телефонист, справа – Валя Никифорова, она была санинструктором батареи. И тут обрушился на нас шквал артиллерийского огня. Я почувствовал – на войне этому быстро обучаешься – снаряд летит прямо на нас, хотел Валю предупредить ... а у неё ... головы уже нет... Ей было всего 18 лет.

Я как-то мысленно восстанавливал свой боевой путь, и оказалось, что после окончания военного училища и до момента, когда угодил в госпиталь в октябре 1943 года, ни разу не ночевал в доме, постоянно – в землянках, окопах, а то и просто на земле».

Тогда, в октябре 1943-го, полк остановился на реке Молочной под Мелитополем. Осколками снаряда Зыкова ранило в плечо и голову, в результате чего он впоследствии ослеп на один глаз. Его признали инвалидом войны. «Мне повезло, – говорит он, – я остался жив, среди тех трех процентов – моих сверстников, которых миновала смерть... А тогда после госпиталя вернулся в свою часть, стоявшую на Днепре. От полка остались, как говорится, «рожки да ножки». Там собрали остатки боевых сил и отправили в Тамбовские артиллерийские лагеря».

День Победы Владимир Васильевич встретил в Бреслау (ныне Вроцлав). Польские войска узнали о победе раньше и открыли стрельбу, празднуя окончание войны. «Мы об этом узнали только под утро, – говорит наш герой, – когда командир отделения Миша Бирюков разбудил меня: «Товарищ старший лейтенант, война кончилась!». Мы тоже, как и поляки, отметили день Победы залпами из пушек. Отпраздновали очень скромно, денег хватило только на бутылку пива в местном шинке...».

За активное участие в Великой Отечественной войне Зыков награжден орденами Отечественной войны I степени и «За службу родине в Вооруженных силах» III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

Надо было решать, чем заниматься дальше. Зыков не хотел быть военным, собирался учиться, освоить мирную специальность. Но в мае 1945 г. ему сказали: о демобилизации не думай. И до июля 1946 г. он оставался за границей со своим полком – охранял базу, куда свозили отвоевавшую артиллерийскую технику для отправки ее на родину.

Словом, было время подумать о будущей профессии. Владимир Васильевич твердо решил стать юристом. Но цель оказалась не так проста, его преследовали неудачи. В Военно-юридическую академию поступил лишь с четвертой попытки и не на дневной, а на заочный факультет. Это случилось осенью 1948 г., а в 1949-м его перевели из артиллерии в юстицию и назначили военным следователем военной прокуратуры дивизии. Весь штат состоял из двух человек – прокурора и следователя, так что исполнять обязанности, возложенные на прокуратуру, приходилось общими усилиями, а когда отсутствовал прокурор – только следователю. Но нет худа без добра, считает Зыков: «Это очень помогло мне быстро приобрести необходимые профессиональные навыки, освоить неизвестную мне ранее специальность».

Началась работа в органах прокуратуры на турецкой границе, в городе Ахалкалаки. Потом служил в Тбилиси, в Ростове-на-Дону – старшим следователем,

помощником прокурора Северо-Кавказского военного округа. И, наконец, попал в Москву, как считает, случайно. Но случайностей в жизни не бывает. В то время, после смерти Сталина, пересматривали дела, связанные с репрессиями 1930-х годов, речь шла в основном об осужденных Военной коллегией Верховного Суда СССР. По тогдашним законам надзор за законностью ее деятельности осуществляла Главная военная прокуратура, дел было много, пришлось срочно увеличивать штаты. Поскольку местных кадров не хватало, приглашали спецов с периферии.

Так Зыкова и перевели в ГВП. Это был самый напряженный период в его жизни. Нагрузки были колоссальные, по делам, как правило, проходили высокие должностные лица, их рассмотрение часто находилось под особым контролем ЦК КПСС. «Правда, в это время я вырастил и выучил сына и дочь, которые подарили мне пятерых продолжателей рода – 4 внуков и 1 внучку».

Прослужил Зыков в Военной прокуратуре 30 лет, уволился в 1979 г. с должности заместителя начальника отдела – помощника Главного военного прокурора в звании полковника юстиции. И начал работать в Генеральной прокуратуре СССР, в отделе, тогда называемом УСО.

В.В. Зыков: «Несколько лет я занимался методической работой, обобщал и анализировал прокурорскую и судебную практику по конкретным видам преступлений, положительный опыт работы прокуроров и другие вопросы. Например, были подготовлены, обсуждены на коллегии Прокуратуры Союза ССР и разосланы всем прокурорам обзоры и информационные письма о практике прокурорского надзора по делам об изнасиловании, об опыте работы прокуратуры Эстонской ССР по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах, о недочетах в работе прокуроров и судов по возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда».

Помимо этого, в составе бригад Прокуратуры Союза ССР часто выезжал на проверки нижестоящих прокуратур, побывал во многих бывших союзных республиках (Эстония, Латвия, Грузия, Молдавия, Казахстан, Таджикистан, Чечня). Поддерживал обвинения по двум крупным делам, расследуемым непосредственно Генпрокуратурой. Одно из них Верховный Суд РСФСР рассматривал с января по июнь 1983 года, по нему проходило одиннадцать ответственных партийных и советских работников города Сочи, у каждого из них был адвокат, а государственное обвинение поддерживал один я.

Позднее перешел на зону, курировал Прибалтику, город Ленинград и Ленинградскую область, Красноярский край и Чечню, рассматривал уголовные дела по жалобам. Прокуратура Союза ССР являлась высшей прокурорской инстанцией, поэтому ей, как правило, приходилось рассматривать жалобы, уже прошедшие все прокурорские и судебные инстанции и оставленные без удовлетворения. Более того, среди них было немало таких, по которым в пересмотре уголовных дел отказано самими прокурорами Генпрокуратуры Союза ССР, вплоть до замгенпрокурора, курирующего УСО. В случае повторного рассмотрения уголовных дел и обнаружения судебных ошибок они зачастую придерживались прежнего мнения, возражали против прине-

сения протеста. В таких случаях приходилось, вопреки мнению непосредственных начальников, использовать последний шанс – докладывать проекты протестов в Пленум Верховного Суда СССР лично Генпрокурору Александру Михайловичу Рекункову. Он всегда внимательно выслушивал, разбирался с обстоятельствами дела и, к счастью, соглашался с моим мнением, подписывал подготовленные мною протесты, а Пленум Верховного Суда СССР удовлетворял их. Многие из этих постановлений Пленума опубликованы в журнале «Социалистическая законность».

Неоднократно приходилось выполнять личные поручения Александра Михайловича, изучать уголовные дела на больших начальников, выезжать на периферию. Совместная работа с ним оставила неизгладимый след в моей жизни».

Кроме Рекункова, Зыков считает своими учителями военного прокурора Тбилисского гарнизона Ивана Михайловича Рябова, Главного военного прокурора Артема Григорьевича Горного. Они не только учили Владимира Васильевича, но и доверяли ему, что, конечно, всегда – главная награда для подчиненных.

Не прошли бесследно и восемь лет работы в Министерстве юстиции Российской Федерации, куда он пришел в управление, занимавшееся судебной реформой.

В.В. Зыков: «Незадолго до этого была принята «Концепция судебной реформы в Российской Федерации» и началась активная деятельность по претворению в жизнь ее идей. Являясь главным специалистом, а затем заместителем начальника отдела судостроительства и процессуального законодательства, участвовал во многих рабочих группах и комиссиях по подготовке новых законопроектов, а также в различных совещаниях по вопросам судебной реформы, например, в межрегиональном совещании в городе Сочи в октябре 1994 года».

С целью оказания практической помощи главам администраций, судам и прокурорам по обеспечению практики применения новых положений процессуального и судостроительного законодательства, во исполнение распоряжений Президента Российской Федерации выезжал совместно с представителями Государственно-правового управления Президента, Верховного Суда и Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Ивановскую и Ульяновскую области. Помимо этого, длительное время работал в комиссии Министерства иностранных дел Российской Федерации по учреждению международного уголовного суда. По предложению МИДа России распоряжениями Председателя Правительства неоднократно включался в состав делегации Российской Федерации для участия в работе сессий Подготовительного комитета Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу. Однако из-за отсутствия у Минюста финансовых средств в подобные командировки на такие сессии ни разу не выезжал.

Главным и повседневным содержанием работы в Минюсте являлась юридическая экспертиза проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, вносимых федеральными органами исполнительной власти.

Период работы в Минюсте был необычным. Проводимая судебная реформа для многих являлась неведомой и непонятной. Основные законопроекты по ней были разработаны отделом судебной реформы Государственно-правового управ-

ления Президента Российской Федерации и, как позднее открыто в прессе признал начальник этого отдела, при сопротивлении Министерства юстиции, Прокуратуры и разных других ведомств. Суть сопротивления заключалась в том, что судебная реформа не способствует задачам борьбы с преступностью, охране прав и свобод граждан – за проблемами защиты прав человека она видит только тех, кто преступил закон, то есть преступников, а не те миллионы законопослушных людей, интересы которых попираются ими.

Вместе с другими сторонниками этой точки зрения я пытался внести коррективы, провести свои идеи, расходящиеся с официальным мнением, но ко мне не прислушались. Тогда опять-таки пришлось использовать последний шанс – печать, чтобы таким путем обратить внимание общественности на допускаемые реформаторами ошибки. Статью под названием «Суд присяжных не гарантирует законность напечатала в «Известиях» еще в 1998 году, а последующие материалы опубликованы, кроме профессиональных изданий, в общественно-политических газетах – «Российской газете», «Парламентской газете», «АиФ», «Верстах» и других».

Способность впитывать знания, анализировать, военная дисциплина и просто мужская доблесть «подтягивали» и тех, кто работал рядом с Зыковым. Его качества заставляли соответствовать его уровню, быть всегда на высоте, что способствовало появлению рядом с ним толковых специалистов.

Что же касается личных увлечений, то больше всего Владимир Васильевич любит путешествия, причем готовится к ним серьезно. Бывал в Алжире, Германии, перед вояжем в Италию читал литературу о знаменитых художниках, поэтому в музеях хорошо ориентировался. Перед поездкой в Индию постарался узнать об этой стране как можно больше, причем не просто читал, а конспектировал знания. И после путешествий с увлечением читает литературу об увиденных краях.

За активное участие в Великой Отечественной войне и многолетний труд в органах Прокуратуры Зыков награжден орденами Отечественной войны I степени и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими, всего 20 медалями. В 1979 г. ему присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Путь солдата. Журнал «Законность» №2. С. Шевченко.
2005 г.

ИВАНЕНКО ФЕДОР ФЕДОСЕЕВИЧ

Федор Федосеевич Иваненко родился 18 июня 1923 г. Участник Великой Отечественной войны. За время службы награжден 5-ю орденами и многими медалями. Генерал-майор юстиции.

Федор Федосеевич Иваненко родился 18 июня 1923 года в Ставропольском крае. На военной службе с 1941 года. Участник Великой Отечественной войны. В 1953 году закончил Военно-юридическую академию. В дальнейшем судебный секретарь, судья военного трибунала гарнизона, округа, заместитель, председатель военного трибунала округа. В 1974 году назначен председателем военного трибунала Ракетных войск стратегического назначения, а в 1979 году – председателем военного трибунала Группы советский войск в Германии. За время службы награжден пятью орденами и многими медалями.

ИВАНОВА АНТОНИНА ИВАНОВНА

Антонина Ивановна Иванова родилась 29 октября 1927 г. Труженик тыла военных лет.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями и др.

В Минюсте работала в Хозяйственном управлении.

Я родилась 29 октября 1927 г. и проживала в деревне Орловка Прохоровского с/совета Сталиногорского района. Колхоз назывался «Красный борец». Обучалась в школе в деревне Прохоровка, два километра от места жительства. Школьное место с десятилетним обучением было одно для всех окружающих деревень и поселков.

Очень тяжело было нашей семье в годы Великой Отечественной войны. Дома была семья большая. Отца забрали на войну в конце июля 1941 года и никакого слуха от него не было до тех пор, пока не получили о нем извещение, что он погиб. Мама осталась одна и семь человек детей. Дети один одного меньше, самая младшая была 1940 года рождения. Старший сын был с 1925 года, но он был взят в армию, конечно, попал на фронт и был ранен в ногу. Так что дома работы было, что в поле, все были за работой и ухаживали за маленькими. Отдыха не было. Мама работала бесперерывно. Младшие ходили в детский сад в деревне – это нам помогало.

Окончила 8 классов, десятилетки не стало, учителей многих мобилизовали на фронт. Во время посещения школы в период Отечественной войны 1941–1945 гг. мы, учащиеся, помогали ухаживать за всеми животными, которые только имелись. Чистили скотные дворы, конюшни, свинарники. В каникулы работали на колхозных полях, выращивали овощи. Трудились в поте лица – посадка, полив, прополка, рыхление, сбор урожая. Работа в колхозе была тяжелая, мужчин не было, а женщины выполняли мужскую работу. А мы, подростки, учились и выполняли

женскую работу. Урожай был положителен. Но земля находилась за три километра, одно облегчение – была река Шат, которая протекала рядом.

Вдруг появились немцы, шли они в направлении Тулы на узловую станцию и далее мимо завода химкомбината (Сталиногорска) в направлении Прохоровки, где проходила битва за проход к Москве. И все-таки наша армия смогла защитить проход на Москву. Далее немцы стали наступать и через наше село Орловка. Половина нашего села сидела в подвале, который был заполнен твердыми овощами. Мы все располагались на верху овощей. Немцы разнюхали пчельник с медом метров 10 от подвала (но он был не покрыт, без крыши, и они шагали через подвал сверху, таскали мед).

Мы в сильном волнении сидели в подвале, народу было из 20 домов деревенских. И так враги нас не тронули. Прошли быстро. Химический комбинат остался в покое и сам город Сталиногорск тоже. Но в общем жертв в деревне не было. Продолжалась работа и на полях, и на огородах.

Я закончила 8 классов и поступила в 4-годичный химический техникум в Сталиногорске. Жила в общежитии в 1944–1948 годах. После окончания техникума получила направление на работу в город Березники (Урал) на химический азотно-туковый завод имени Ворошилова.

Но там я проработала очень мало – простудилась в цеху. Проход был в другие цеха наверху, дежурные двери не закрывали... Пролежала в больнице 3 месяца. После выписки стала просить увольнения с завода. Директор завода согласился, и я уехала в Сталиногорск (Новомосковск).

Приехала в Новомосковск, а работу отдел кадров несколько месяцев не давал. Тогда я пошла к главному технологу завода, показала разрешение из министерства, тот по телефону приказал срочно устроить в ЦЗЛ завода.

Немного поработала, и мне предложили поехать в заграничную командировку. Я согласилась и пробыла там 5 лет.

Постановлением Совета Министров СССР я была переведена на предприятие п/я 1051, откуда была направлена Министерством химической промышленности СССР в Государственный научно-исследовательский и проектный институт азотной промышленности.

В 1984 году ушла на пенсию. В институте получила медаль «Ветеран труда» ГИАП и диплом ветерана труда «За долголетнюю и безупречную работу» с вручением нагрудного знака.

Ушла на пенсию, но было желание поработать физически. Тогда пошла работать уборщицей в Хозяйственное управление Министерства юстиции. Проработала там с января 1987 года до января 1998 года.

Трудилась честно, замечаний не было.

В 1993 году произошла авария на потолке: треснула труба, я быстро предупредила, что был стук оглашенный. За участие в устранении аварии мне подарили денежную премию – 10 000 руб. и объявили благодарность.

За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Указом Председателя Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Награждена медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

За добросовестную работу в Министерстве юстиции получила медали «За усердие» II и I степени. Награждена медалями «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», «В память 200-летия Минюста России».

Работа была закончена, и я пошла на постоянный отдых.

А.И. Иванова. Воспоминания

ИГНАТОВА АННА ЗАХАРОВНА

Анна Захаровна Игнатова родилась 24 ноября 1919 г. Участвовала в войне в составе военного трибунала Западной железной дороги, участник боев за Москву. Имеет ранение. Старший лейтенант.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» «30 лет РККА» и др.

В Минюсте СССР – начальник Первого отдела.

ИСАЕВА НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Надежда Ивановна Исаева родилась 31 октября 1924 г. в Москве. Проходила воинскую службу в составе 310-го отдельного городского батальона МПВО, которая входила в действующую армию с 6 марта 1942 г. по 30 марта 1943 г.

В Минюсте РСФСР – старший консультант отдела статистики.

Я, Исаева (урожденная Белова), родилась 31 октября в 1924 году в Москве. Объявили: «Война!», и наш 9 «А» весь кинулся в военкомат. Девочкам отказали, нас школа отправила на трудовой фронт под Малоярославцем. В сентябре пришлось пешком возвратиться в Москву – немцы наступали. Поступила на завод «Пишмаш» токарем, работала по 12 часов. В декабре 1941 года немцев погнали от Москвы. Хотелось помочь фронту, пошла в РВК Куйбышевского р-на. Военком тов. Певзнер, посмотрев на меня, сказал: «150 рост, 43 кг вес – без тебя справятся» и направил меня в отдельный 310-й батальон МПВО г. Москвы, где несла службу до конца 1945 года. Служила в роте 1 – наблюдение и связь. Боец. До присяги обучали: винтовка, уставы, политподготовка, строевая. После присяги – всё серьезнее. Наступая, немец берёт Москву, тревоги были редки. Убегая, немец решил как можно больше разрушить город, воздушные тревоги были частыми. Задача 1-й роты – обнаружить самолет и доложить на КП, а там подключались другие службы. Кроме службы на вышках, мы патрулировали днем и ночью, проверяли документы, имели право зайти в любую квартиру и проверить. Следили за светомаскировкой, во время тревоги помогали гражданам, старикам, устраивали детей. Работы было много, но мы радовались, впереди – Победа.

В Москве было 25 районов, и в каждом районе батальон МПВО. С 1943 года у нас начались еще одни занятия. Нас стали готовить и обучать химической защите. Камеры окуливания, противоопритный комбинезон, РДП, НДП – через всё прошли.

Кончилась война. Мы победили. Страна ликовала!

Возвращались из эвакуации домой люди. В Москве ходили вернувшиеся с фронтов солдаты, все в медалях и орденах, многие раненые. Победа! Все были счастливы. Я демобилизовалась в октябре 1945 года. Вернулся сосед с войны, весь в орденах. Мы поженились.

Работу я нашла себе сама: народный суд Куйбышевского района, 6-й участок, г. Москва. Судья Девяткин Иван Клименьевич, честнейший человек, я оформлена делопроизводителем. Выполняла мелкие поручения по городу и разносила повестки в суд. Однажды в подвале, где жил вызываемый, я постучала в дверь – в ответ что-то пролетело над моей головой и разбилась лампочка. Как оказалась на улице – не помню. Это было в июне 1948 года, а уже на следующий день я в судебном процессе по делу вела протокол судебного заседания.

К 1950 году я практически освоила всю техническую работу суда. И меня рекомендовали в Минюст СССР, на улице Куйбышева. В порядке перевода зачислили в отдел судебной статистики старшим статистиком. Начальник Хлебников Борис Николаевич. Работая в Министерстве, я в 1953 году закончила Московскую юридическую школу, вечернее отделение. Так бы и работала до пенсии. Все люди вокруг отличные. Боря Кравцов работал в это время, гордый, он сверкал своей звездой. Но в августе 1956 года узнаем об упразднении Минюста СССР.

Весь отдел был переведен в Верховный Суд СССР, где я проработала 15 лет, и везде отличные люди: помню Горкина А.Ф., Петросяна Володю, Толю Езерского. Из Верховного Суда уволилась по собственному желанию в 1970 году. В этом же году зачислили в Минюст РСФСР консультантом отдела статистики. В мае 1980 года назначена старшим консультантом. Это командировки. Много видела, работала с удовольствием. Было много командировок сначала с начальником отдела В.П. Попковым, потом – одна. Статистика стала мне родной на всю мою трудовую жизнь.

Статистика – это живые люди, их дела, ошибки – это анализ, сигнал. Наш отдел оставил после себя альбомы судимости за десятки лет работы – по всему Союзу и по каждой республике. Это целое статистическое богатство.

Мне повезло с работой, с прекрасными людьми. Я всех их помню, хотя некоторых уже нет. Сама замечаний на работе никогда не имела.

Но время берет свое, здоровье подвело. В 1980 году ушла на пенсию, 29 лет на пенсии, работала 32 года. До сих пор сохранила любовь к своей работе, к сослуживцам и начальникам. Благодарю Правительство России, Министерство юстиции Российской Федерации за заботу о нас, ветеранах Великой Отечественной войны, юстиции, за помощь и внимание, за подарки к праздникам, за дотацию к пенсии. В Министерстве создан Совет ветеранов. Совет работает отлично. Спасибо всем, всем.

В 2005 году Министр юстиции Российской Федерации Ю.Я. Чайка вручил мне медаль «За усердие II степени».

Мне 85 лет. Выросли мои трое детей, четверо внуков, подрастает тринадцатилетняя правнучка Катюша. Пожить бы еще немножко.

Н.И. Исаева. Воспоминания. 2009 г.

КАЖАРСКИЙ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Дмитрий Дмитриевич Кажарский родился 16 ноября 1926 г. Труженик тыла военных лет. С октября 1943 г. по 1947-й учился в артиллерийском военном училище.

Награжден многими медалями, в том числе «За боевые заслуги». Ветеран военной службы.

В Минюсте – зам. руководителя Департамента госслужбы и кадров.

Я родился 16 ноября 1926 года. Трудовую деятельность начал с 14 лет. Работал разно-
рабочим в колхозе вблизи г. Бузулука Оренбургской области. Вскоре началась Великая Отечественная война. Все годные к военной службе мужчины были мобилизованы в армию, и вся тяжесть нелегкого крестьянского труда легла на плечи женщин, стариков и подростков. Как и другие подростки, наравне со взрослыми вручную косил сено, пахал землю, полол клубничные грядки, вывозил с ферм на поля навоз. Часто заменял взрослых по доставке молока на Гормолзавод. Делал это два раза в сутки: утром рано (в 5–6 часов) и в полдень. В период уборки урожая подвозил пшеничные снопы на колхозный ток (место для молотбы). Но самой тяжелой, ответственной, важной и нужной была работа по доставке зерна из глубинки (за 60–70 км) на пристанционный элеватор и мельницу г. Бузулука, откуда мука шла на нужды фронта. Мы – 13-, 14-, 15-летние мальчишки, без сопровождения взрослых, на фургонах, запряженных парой быков (лошади и машины также были мобилизованы), под палящим солнцем, по пыльной проселочной дороге ехали за зерном и доставляли его по назначению. Всего на одну поездку требовалось 6 дней (три туда и столько же обратно) с остановками для выпаса нашей тягловой силы и приема скудной пищи самими. В поездке наш транспорт нередко становился неуправляемым из-за упрямства быков и неисполнения ими наших команд. В связи с этим было немало приключений и неприятностей.

В 1942 году погиб на фронте мой старший брат, и я пытался добровольцем уйти на фронт. Однако вследствие несовершеннолетия и щуплого вида мне было отказано.

Из множества оставшихся в памяти событий минувшей Великой Отечественной войны особенно запомнились следующие.

В августе 1944 года я вместе со своим товарищем по артиллерийской военной средней школе москвичом Мишей Ивантером кратковременно находились в Москве. Общеизвестно, что самым заветным и большим желанием каждого, кто приезжает в столицу нашей Родины, – это побывать на Красной площади, что мы и сделали. Войдя на нее, мы вдруг увидели, как в сторону мавзолея В.И. Ленина поспешили прохожие, что сделали и мы. Почему-то мы решили, что будет открыт мавзолей для посетителей (а до того времени тело Ленина было вывезено то ли в Самару, то ли на Урал). Будучи молодыми и здоровыми, мы оказались в первом ряду перед оградой мавзолея. И вдруг я увидел, как из тайной ниши Кремля выходит И.В. Сталин, а за ним В.М. Молотов, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович и другие члены правительства. Можно представить, какое волнение, какое чувство радости и гордости охватило меня. Слово заигнотизированный, весь свой взор направил на Сталина. Он шел первым, одетым в маршальскую форму. Китель, брюки навыпуск и фуражка. Все светло-серого цвета, но мой интерес был сосредоточен совсем не на то, во что был одет Сталин, а на его лицо, внешность. Он был среднего роста, лицо казалось одутловатым от той ноши, которую он нес в период войны. Лицо покрыто следами оспы, когда-то перенесенной. Поднявшись на трибуну мавзолея, Сталин, приподняв руку, приветствовал собравшихся. Люди, как в угаре, бросали вверх головные уборы, слышались возгласы «товарищу Сталину ура!», «да здравствует товарищ Сталин!».

В это время взоры стоящих на трибуне и собравшихся у мавзолея переключились на небо. Там тройками пролетали самые новые реактивные самолеты, поступившие на вооружение армии. Продолжалось это зрелище примерно пять минут. Оказывается, в этот воскресный день, не помню точно, это было 18 или 19 августа, отмечался праздник – День авиации. Вот так мне случайно удалось увидеть вождя могущественного государства – СССР, который не знал поражений, а знал только победы.

Другим незабываемым, хотя и менее значимым событием, была поездка в декабре 1944 года в освобожденные от фашистских захватчиков районы Смоленской и Витебской областей. Оказался там с целью подбора кандидатов для поступления в артспецшколу.

Какие впечатления остались? Самые удручающие. Сплошь и рядом виднелись разрушения от снарядов, бомб и мин... Искореженные и почти полностью разрушенные административные здания, церкви, жилые дома. Деревни в большинстве случаев были сожжены, стояли одни кирпичные трубы от печей. В памяти осталось жуткое зрелище от разрушенных вокзалов на станциях Смоленск и Орша (наиболее крупные железнодорожные узлы). Они были превращены в руины. Вспоминаю также поездку в глубинные сельские деревни, в частности в деревни Стефановичи

и Хмелевку в Витебской области. В них не осталось ни одного взрослого мужчины, ни одного подростка. Все были либо в партизанских отрядах, а затем на фронте, либо угнаны в Германию. Вокруг разруха, на обочинах дорог стояли подбитые и обгоревшие танки, самоходные орудия и другая, главным образом, немецкая (с крестами), но была и наша советская техника.

Жизнь в деревнях начала постепенно налаживаться, но люди продолжали испытывать большие затруднения от нехватки обуви, одежды, хлеба. Несмотря на это, они были гостеприимны. Всем тем немногим, что у них было, они угощали гостей. А было всего-то квашеная капуста да черный ржаной хлеб. Но люди не унывали, духом не падали. Вот такой дух, дух патриотизма и нашего правого дела, стал источником победы СССР в Великой Отечественной войне.

В октябре 1943 года я поступил в артиллерийскую спецшколу. По окончании ее поступил в артиллерийское военное училище, которое закончил в 1947 году. Затем служил в армии на командной должности и на политработе.

Почти у каждого молодого человека на определенном этапе жизни встает вопрос: кем быть, какую выбрать профессию, куда пойти учиться. Многих увлекала романтичность моряка, летчика, танкиста. У меня лично таких проблем не возникало. Я с юных лет решил посвятить себя военной службе, стать офицером. Получив первичное офицерское звание «лейтенант», был направлен в Группу советских войск в Германии (город Галле). Там в течение 3-х лет служил в артиллерийском полку на должностях командира взвода, старшего офицера на батарее и командира учебного взвода в дивизионной школе младших командиров. Одновременно являлся неосвобожденным секретарем первичной парторганизации (членом ВКП(б) стал в 1946 году). Одновременно с выполнением служебных обязанностей в 1947 году поступил и в 1949-м закончил вечерний Университет марксизма-ленинизма Вооруженных Сил СССР.

В 1950 году в Вооруженных Силах СССР был введен институт заместителей рот, батарей по политчасти. Об этом я узнал, когда возвратился из отпуска и меня вызвали в политотдел дивизии. Там мне безапелляционно сказали, что я немедленно должен ехать в г. Потсдам, там уже начали работать курсы по переподготовке политсостава. Было это весной 1950 года. После 4-летней службы в Группе советских войск в Германии в 1951 году меня направили в Московский военный округ в артиллерийскую бригаду, дислоцирующуюся в Гороховецком лагере. Там я работал сначала начальником клуба, а затем заместителем командира дивизиона по политчасти.

В 1956 году на только что осваиваемых целинных землях Казахстана намечался небывалый урожай. В помощь целинникам были направлены воинские части и подразделения с техникой. Я вместе с заместителем командира дивизиона по строевой части майором Кузьменко возглавил группу призывников в количестве 150 человек и прибыл в Кустанайскую область в совхоз им. Панфилова, только что начавшей свое обустройство. Там можно было увидеть бескрайние просторы

пшеничных полей, напоминающие морскую гладь в тихую погоду. В итоге был собран рекордный урожай пшеницы, и в этом была частица моего труда.

В 1957 году я был назначен на должность инструктора политотдела артиллерийской бригады, расквартированной в г. Белеве Тульской области, а через год – пропагандистом спецчастей Брянского гарнизона. В 1959 году закончил Всесоюзный юридический заочный институт по специальности «правоведение». На этом моя партийно-политическая карьера закончилась.

В 1960 году я был избран членом военного трибунала Брянского гарнизона, а через год – членом военного трибунала Южно-Сахалинского гарнизона. На обслуживании военного трибунала были все части, дислоцированные на острове Сахалин и островах Итуруп, Кунашир и Шикотан (на нем расположен мыс Край света). Не побывав там, нельзя представить, какие это уникальные экзотические места, какими богатствами располагает наш Дальний Восток. После того как прослужил 4 года на Сахалине, в июле 1967 года был избран председателем военного трибунала Оренбургского гарнизона, в обслуживании которого были воинские части, расположенные в Оренбургской области, Башкирской АССР, Уральской, Актюбинской и Гурьевской областях. Во всех этих регионах я лично побывал в связи с рассмотрением уголовных дел.

В конце 1970 года меня избрали председателем военного трибунала 1-й Танковой армии Группы войск в Германии. Наиболее памятными в этот период службы был приезд в ГДР в качестве гостя Министра юстиции СССР В.И. Теребилова и сопровождающих его лиц: Министра юстиции Белоруссии А.А. Здановича, начальника Управления кадров М.П. Вышинского и председателя Волгоградского суда А.В. Голодова. Как председателю военного трибунала группы войск в Германии мне было поручено сопровождать гостей в течение четырех дней. В одном из разговоров В.И. Теребилов порекомендовал мне работу в Минюсте СССР. Я ответил, что подумаю. В этом же году в ГДР с визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. В связи с этим Политуправлением округа 17 июня 1972 года было проведено собрание партийного актива в Вюнсдорфе. В числе приглашенных был и я. У меня был пригласительный билет номер 14, который до сих пор храню. На собрании с большой речью выступил Л.И. Брежнев, рассказавший о международном положении, о необходимости укреплять боеготовность войск, расположенных за пределами СССР. По окончании официальной части Л.И. Брежнев встретился с военными юристами, призвал крепить дружбу и взаимодействие с немецкими юристами в укреплении законности и порядка. Акцент также был сделан на усиление правовой пропаганды.

В сентябре я по состоянию здоровья был уволен из армии.

А дальше жизнь из кочевой превратилась в оседлую. Работа находилась в пределах Садового кольца г. Москвы. В октябре 1972 года был принят на работу в Минюст России на должность старшего консультанта отдела кадров. Курировал работу с кадрами в автономных республиках, краях и областях Северного Кавказа.

В 1976 и 1977 годах работал в Верховном Суде РСФСР в должности старшего консультанта по уголовным делам. В ноябре 1977 года в порядке перевода был направлен на работу в аппарат Минюста СССР и был назначен на должность консультанта Управления общих судов. В августе 1980 года назначаюсь на должность ответственного секретаря Минюста СССР, а в августе 1984 года был назначен на должность старшего консультанта отдела обобщения Управления общих судов.

В апреле 1984 года в порядке перевода был принят в Верховный Суд СССР на должность старшего консультанта отдела обобщения судебной практики. Если до сих пор работа в аппаратах Минюста РСФСР и Минюста СССР носила в основном рутинный характер, то в Верховном Суде СССР она приобрела характер аналитический и творческий. В частности, при подготовке материалов к Пленуму Верховного Суда требовалось изучить судебную практику на местах, а это примерно 1 000 уголовных дел, далее эту практику проанализировать и сделать соответствующие выводы: либо готовить проект постановления Пленума, либо подготовить обзор судебной практики. Всего мной было подготовлено 5 материалов для обсуждения на Пленуме, и по ним были приняты соответствующие постановления: «О практике применения судами законодательства, направленного на усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом», «О судебной практике по делам о хищении наркотических средств, незаконном изготовлении, распространении и других противоправных действиях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», «О практике применения законодательства, регламентирующего направление дел на дополнительное расследование» и др.

Подготовлены и опубликованы в юридических журналах обзоры судебной практики по делам о хулиганстве, об ответственности за автотранспортные преступления и др. Мною написан ряд статей: «На страже социалистической законности», «О практике применения уголовно-правовых норм об ответственности за наркотизм», «Эффективно использовать законодательство в борьбе с наркоманией» и др.

В качестве представителя Верховного Суда СССР длительное время входил в Комитет по контролю наркотиков.

В связи с известными событиями в августе 1991 года был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). Вскоре все члены этого Комитета по распоряжению Б.Н. Ельцина были арестованы. Для расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР была образована парламентская комиссия. От Верховного Суда СССР в состав этой комиссии был включен и я. Около двух месяцев работала эта комиссия, и она была склонна признать, что никакого государственного переворота ГКЧП не совершал. Хотя окончательного документа выработано не было, комиссия была расформирована, а СССР перестал существовать.

Удостоверение под номером 22 с указанием полномочий членов комиссии до сих пор храню в своем личном архиве.

В январе 1992 года я был уволен с работы в связи с ликвидацией Верховного Суда СССР. После этого некоторое время работал на малом предприятии в долж-

ности главного специалиста отдела правовых услуг. Вскоре в порядке перевода был принят в Минюст Российской Федерации на должность консультанта Управления организационного обеспечения деятельности судов. В декабре 1993 года был назначен заместителем начальника аналитического отдела, а в январе 1994-го – начальником этого отдела.

В июле 1996 года назначен заместителем начальника Управления организационного обеспечения судебной деятельности и исполнительных производств. В сентябре 1997-го был поставлен на государственную должность заместителя начальника Управления госслужбы – начальником отдела кадров органов юстиции Российской Федерации.

В связи с изменением штатного расписания в январе 1998 г. я был поставлен на государственную должность заместителя руководителя Департамента госслужбы и кадров.

Из памятных событий этого времени была работа по введению суда присяжных. В связи с этим был подготовлен с моим участием ряд методических пособий. Для изучения опыта работы таких судов в составе делегации в марте 1994 года выезжал в Англию, а в 1995 году – в США.

В 1998 году в связи с перенесенным тяжелым заболеванием с работой пришлось расстаться.

За время военной и государственной службы был награжден двадцатью государственными и правительственными наградами. Указом Президента Российской Федерации в апреле 1994 года мне присвоен классный чин – государственный советник юстиции 3-го класса, а в апреле 1995 года мне присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». В сентябре 2005 года приказом Министра юстиции награжден нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России».

Д.Д. Кажарский. Воспоминания

КАНЕВСКАЯ ЛИДИЯ САРКИСОВНА

Лидия Саркисовна Каневская родилась 9 ноября 1927 г. Труженик тыла военных лет.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями по случаю 40-, 50- и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также в соответствии с Указом Президента Российской Федерации, Председателя Российского оргкомитета «Победа» В.В. Путина – памятной редкой медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За активное участие в патриотическом воспитании граждан и большой вклад в подготовку и проведение юбилея Победы».

В Минюсте – главный консультант Организационно-контрольного управления. Ведет огромную общественную работу, особенно в Совете ветеранов Минюста.

Родилась я в г. Баку (республика Азербайджан) 9 ноября 1927 года.

Мне было 14 лет, когда началась война. С момента обращения по радио к народу В.М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз без объявления войны кончилось мое детство. Началась новая жизнь взрослого человека, осознающего, какие потери понесет страна и народ.

После развода родителей у матери появилась другая семья, а мы с сестрой остались у отца. После тяжелой болезни вскоре скончался отец. Оставшись без родителей в 1942 году, была вынуждена поступить на работу в прокуратуру Нагорно-Карабахской автономной области в Степанакерте.

Моя зарплата составляла 400 рублей в месяц плюс 400 грамм черного хлеба, который выдавался строго по карточкам. Зарплата шла на покупку на рынке 0,5 л простокваши. Другой еды не было, приходилось голодать. Был большой дефицит соли, сахара, мыла, дров, спичек, керосина. Помещения не отапливались, не хватало вещей, а морозы доходили до -20°C, и я обморозила пальцы рук и ног.

Моя школьная подруга, тоже Лида, работала на городском радио диктором. Уволившись, она рекомендовала меня на эту должность. Я подошла и по дикции, и по произношению, а главное – говорила без восточного акцента.

Работу на радио и в прокуратуре я совмещала с учебой в школе. До сих пор не могу понять, как это мне удавалось.

Во время летних каникул, нас, школьников, направляли в колхоз собирать колосья. Помню, я больше всех заработала трудовней. Однажды я сильно заболела: меня укусил малярийный комар, температура доходила до 41 градуса, еле спасли. После выздоровления опять не повезло: во время сбора колосьев в палец руки попала заноза, началось нагноение. После операции на пальце остался шрам, как бы на вечную память.

Я продолжала работать и учиться, было очень тяжело, так как работать приходилось порой до 10 часов вечера, учить уроки – на ходу.

В то время у советских людей было сильно развито чувство патриотизма, подростки стремились на фронт, а школьницы мечтали стать летчицами. Я даже подала заявление в военкомат с просьбой направить в летную школу, но получила отказ по возрастному фактору. После моих настояний я была направлена в г. Кировабад, где дислоцировалась летная школа. В процессе прохождения медицинской комиссии меня посадили в центрифугу, и у меня тут же закружилась голова, при попытке встать я рухнула на пол. Скорее, это был голодный обморок. Естественно, меня забраковали, и я вернулась в родную прокуратуру.

Мы не могли дожидаться, когда же кончится эта чудовищная война, принесшая столько страданий и горя миллионам людей... Несмотря на голод, люди помогали друг другу, делились куском хлеба, который получали строго по карточкам.

В школе я дружила с Цыбрук Беатриссой (в быту Ляля). Хочу отметить, что когда у них откуда-то появлялась мука, она приглашала меня на лепешки, которые пекла ее мама – тетя Соня. В долгу я не могла оставаться и шла к своей тете. Чтобы добраться до деревни, я пробиралась через глухой лес, где обитали волки, преодолевая 15 км. От тети я возвращалась с овощами из огорода и мукой не к себе домой, а к Ляле Цыбрук, чтобы поделиться с ними.

Моя родная сестра Седа в годы войны жила у матери и отчима в г. Карягино (ныне Физули) на положении Золушки. В доме отчима беспощадно использовался ее детский труд. Каждый день ей приходилось доставать из колодца по 100 ведер воды, чтобы поливать огромный участок сада и огорода. Пасла корову в поле, которое кишело змеями. При этом, будучи 12-летним подростком, умудрялась посылать на фронт посылки с теплыми шерстяными носками, варежками на три пальца и сухофруктами.

Несмотря на большие потери, советский народ верил в лозунг «Враг будет разбит, победа будет за нами!».

Наконец настал день ПОБЕДЫ, который я считаю самым счастливым днем в своей жизни. Радости людей не было предела, все жители города ночью вышли

на улицу, целовали друг друга, пели, танцевали, город ликовал, равно как и вся страна.

Таким образом, я получила статус труженика тыла после вручения мне медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны в моей жизни произошли счастливые перемены. Мы соединились с родной сестрой и жили в г. Баку. Поступила на заочное отделение Бакинского филиала ВЮЗИ. Одновременно работала вначале в военной прокуратуре Каспийского бассейна, затем в военных прокуратурах (переводом) войск МВД, Воздушной армии, впоследствии реорганизованной в Бакинский округ войск ПВО. При этом, совмещая работу с учебой, я получила большую теоретическую и практическую подготовку у таких корифеев, как Даниэльбек Борис Васильевич – помощник военного прокурора, доктор юридических наук, профессор, и военный прокурор Бакинского округа войск ПВО генерал-майор юстиции Каленик Андрей Леонтьевич.

После ликвидации филиала ВЮЗИ нас, студентов, перевели в Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова на юридический факультет.

После окончания вуза в 1953 году я некоторое время продолжала работать в военной прокуратуре, где специально для меня была введена в штат должность переводчика, чтобы удержать меня от поступления на работу по специальности.

И все же это увольнение состоялось: я перешла работать юрисконсультom Бакинской нефтебазы. Через год была переведена в вышестоящий главк – Азербайджаннефтебаз при Совете Министров Азербайджанской ССР старшим юрисконсультom.

В 1963 году по персональному вызову генерал-майора юстиции Сумарокова Петра Ивановича (прокурора армии в г. Веймар) я прибыла в ГДР, где проработала четыре года (по два года в военных прокуратурах в городах Веймаре и Дрездене).

Все работающие в ГДР получали две зарплаты – в марках и советских рублях. Это дало мне возможность помочь сестре поднять на ноги двоих детей. Семейная жизнь ее сложилась неудачно, а получаемые алименты не решали ее финансовые проблемы, поэтому все советские деньги я в течение четырех лет пребывания в ГДР ежемесячно посылала ей почтовым переводом.

Пребывание в Германии оставило неизгладимое впечатление в моей жизни. Кроме материальной помощи сестре, я духовно обогатилась. Ведь в этом роскошном с архитектурной точки зрения городе Дрездене я жила на берегу реки Эльбы, почти рядом с Дрезденской галереей, знаменитым Цвингером. Я имела возможность обозревать подлинные картины великих художников. Кроме того, купив старинное немецкое пианино, я, не зная ни одной ноты, научилась сама играть на фортепиано. В данное время в моем «репертуаре» более 100 самых красивых мелодий.

Было очень интересно работать в тесном взаимодействии с немецкими коллегами из немецких военных прокуратур, криминальных полиций. Кроме деловых отношений, мы организовывали совместные дружеские встречи по поводу всех наших праздников в стенах прокуратуры.

Важным событием считаю знакомство с помощником Вальтера Ульбрихта, который пригласил меня на дружеское мероприятие в рамках стран социалистического лагеря, проводимое в г. Веймаре в гостинице «Элефант», на котором он меня познакомил с министрами иностранных дел этих стран, а также Франции.

В г. Веймаре, недалеко от места моего жительства и работы проживал внук Герцена с семьей в собственном доме с красивым садом. Он очень хорошо относился к русским людям, приглашал к себе всех, кто проходил мимо его дома и здоровался с ним. В числе таких людей оказалась и я. Он каждый раз дарил мне роскошные цветы из сада и угощал фруктами.

После возвращения из ГДР в 1968 году я вновь поступила на работу в Азербайджаннефтегазснаб. Работа была непосредственно связана с командировками в разные города, в т. ч. в Москву. Споры на миллионные суммы были вокруг поставок нефтепродуктов по количеству и качеству. Я горжусь тем, что проигрышных дел у меня не было.

Одна из командировок в г. Москву решила мою судьбу. Я вышла замуж за Каневского Льва Соломоновича и переехала в 1971 году в Москву, где поступила на работу в отдел юстиции Мособлисполкома старшим консультантом. Работа была связана с методическим руководством правовой работой в области. Проведение впервые семинара юрисконсультов области в Мраморном зале Моссовета вызвало большой ажиотаж среди юрисконсультов Московской области. Перед ними с лекциями выступали приглашенные нами видные ученые-юристы, высокопоставленные работники Минюста СССР, Верховного Суда СССР, Прокуратуры СССР, доктора наук, профессора. Это мероприятие мною было проведено под руководством начальника отдела юстиции Кошкина Василия Егоровича и его заместителя Пронина Григория Михайловича. Я никогда не забуду этих порядочных, умных людей, участников Великой Отечественной войны, к сожалению, их уже нет в живых. Активное участие в работе семинара принял наш ветеран – бывший заместитель начальника Управления правовой работы в народном хозяйстве Минюста СССР Низовский Ричард Михайлович, блестяще выступив перед юристами.

В 1975 году меня перевели в центральный аппарат Министерства юстиции РСФСР на аналогичную работу, только в масштабе республики. За время работы мною было разработано много методических рекомендаций в помощь юрисконсультам по всем аспектам правовой работы, было много публикаций в журнале «Советская юстиция», проверок работы органов юстиции и юрисконсультов с оказанием им методической помощи. Принимала активное участие в бригадах Совмина РСФСР по проверке состояния преступности и борьбы с пьянством в регионах. Возглавляла бригаду Совмина по проверке в г. Костроме. По предложению бывшего Министра юстиции РСФСР Федорова Николая Васильевича была включена в комиссию Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н. по открытию г. Владивостока.

Комиссия состояла из семи человек. Председателем комиссии был Владимир Лопатин, членами комиссии – Евгений Кажокин, контр-адмирал, капитан 1-го ранга, начальник управления Министерства экономики, сотрудник Правитель-

ства России и я. Пришлось порыться в архиве крайисполкома в поисках документа, на основании которого город был объявлен закрытым.

Однажды из Москвы во Владивосток позвонил Б.Н. Ельцин. Он поинтересовался у Лопатина, как идут дела, затем поздравил всех нас с Днем Военно-Морского Флота и особый привет передал мне как единственной женщине в составе его комиссии. Для меня это была большая честь.

После перестройки функция методического руководства правовой работой изжила себя, и управление было упразднено. Меня перевели в Организационно-контрольное управление главным консультантом.

Мною проводилась большая общественная работа. Вначале была ученым секретарем районной организации общества «Знание» Свердловского района. По поручению этой организации я разработала лекции на тему «Демократические принципы советского правосудия», обогатив ее примерами из судебной практики.

Мне выпала честь выступить с этой лекцией в Бетховенском зале Большого театра. Она была прослушана с большим интересом и администрацией театра дана высокая оценка.

В дальнейшем руководством Министерства юстиции на меня была возложена культмассовая работа. Осуществляя эту общественную функцию, я регулярно один раз в месяц проводила встречи коллектива с интересными людьми, экскурсии по музеям, городам боевой славы. Я приглашала самых популярных артистов театров, кино, эстрады, писателей-сатириков и юмористов, демонстрировались фильмы до их выхода на широкий экран. Дважды у нас побывал космонавт Петр Климук, его пригласил бывший первый заместитель Министра юстиции, наш ветеран войны Северин Юрий Дмитриевич, а встреча была организована мной. Я также пригласила и организовала встречу с Алексеем Ивановичем Аджубеем, видным политическим деятелем прошлого времени, он же зять Хрущева.

Ветераны Минюста РСФСР до сих пор помнят эти незабываемые встречи.

Поскольку все артисты выступали у нас бесплатно, мы из средств профкома покупали и дарили им цветы и сувениры. Кроме того, некоторым из них я оказывала юридическую помощь консультациями, содействовала восстановлению их нарушенных прав (Г. Хазанов, В. Винокур, Л. Лещенко, Е. Петросян и др.). А Алле Борисовне Пугачевой я оказала существенную помощь и моральную поддержку в связи с нашумевшим тогда Ленинградским делом, подключив бывшего заместителя Министра Черемных Г.Г. После прекращения дела Алла Борисовна, будучи благодарной мне, согласилась выступить перед коллективом Минюста РСФСР (ответы на вопросы). После чего в кабинете у Г.Г. Черемных с участием бывшего Министра юстиции Аболенцева В.А. была организована дружеская встреча с чаепитием.

Не так давно Лев Лещенко передал мне привет от бывшего Министра юстиции Федорова Н.В. (ныне Президента Чувашии). Для меня большая честь получить привет от столь важной персоны. Познакомила Льва Лещенко и Владимира Винокура с Федоровым в свое время я, когда пригласила их для проведения новогоднего концерта в актовом зале Минюста.

Я благодарна Богу и судьбе за то, что мне пришлось работать с такими замечательными людьми, легендами юстиции, высококвалифицированными юристами, как Сухарев Александр Яковлевич, Аболенцев Владимир Александрович, Федоров Николай Васильевич, Крашенинников Павел Владимирович (бывшие министры юстиции), Губарев Владимир Тимофеевич, Черемных Геннадий Григорьевич, Северин Юрий Дмитриевич, Шапкин Михаил Андрианович (заместители министров), Рошин Аркадий Васильевич, Негода Григорий Михайлович (бывшие начальники Организационно-контрольного управления) и другие.

Мой труд в Министерстве юстиции получил высокую оценку, я была награждена почетным званием «Заслуженный юрист Российской Федерации», нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России», медалями Анатолий Кони, «850 лет Москвы», «В память 200-летия Минюста России», «За усердие» II степени. Особенно дорога мне редкая памятная медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» с грамотой от имени Президента Российской Федерации, Председателя Российского оргкомитета «Победа» Владимира Владимировича Путина «За активное участие в патриотическом воспитании граждан и большой вклад в подготовку и проведение юбилея Победы».

Не могу не коснуться роли прежнего руководства Минюста в создании Региональной общественной организации «Ветераны юстиции», в частности, Министра Чайки Юрия Яковлевича, его заместителя Хлупина Олега Юрьевича, Калинина Юрия Ивановича, Елизарова Александра Федоровича, которые являются учредителями организации.

В ходе проведения учредительного собрания более 300 человек подали заявления о вступлении в организацию. На собрании выступил Чайка Ю.Я., который в дальнейшем всячески содействовал созданию условий для работы избранного на собрании Совета ветеранов, предоставив помещение. Регулярно осуществлялось материально-техническое обеспечение организации, и на протяжении всего времени ее полномочий проявлялась постоянная забота и внимание к членам организации, за что ветераны выражают свою глубокую признательность.

Я безгранично благодарна бывшему председателю Совета ветеранов Клокуну Юрию Иосифовичу и заместителю председателя Совета Шачневу Василию Ивановичу – инициаторам создания региональной общественной организации «Ветераны юстиции» при центральном аппарате Минюста Российской Федерации – за то, что, оценив мою бескорыстную помощь в создании этой организации, они включили меня в состав Совета, где я более 5 лет работала ответственным секретарем и, таким образом, вновь оказалась в родном доме, Минюсте России, в системе которого проработала с 1971 года.

В настоящее время в организации насчитывается более 500 человек – это ветераны центрального аппарата министерства и федеральных служб. По составу это ветераны Великой Отечественной войны, ветераны военной службы, правоохранительных органов – Прокуратуры, МВД, ФСБ, налоговой полиции, ветераны труда. Мы гордимся ими. Хочу отметить, что наша ветеранская организация

некредитоспособна, являясь юридическим лицом, не имеет на счету ни копейки денег. Мы даже не собираем членские взносы. Таким образом, мы находимся на полном иждивении Центрального аппарата Минюста.

Особую благодарность я хочу выразить бывшему Министру юстиции Устинову Владимиру Васильевичу, его первому заместителю Савенкову Александру Николаевичу, заместителю директора Департамента управления организации и контроля Болткову Сергею Николаевичу за их постоянную заботу и внимание к ветеранам. Благодаря их усилиям была издана книга «Ветераны юстиции», у ветеранов она будет ассоциироваться с их именами.

Совет ветеранов, равно как и все ветераны Великой Отечественной войны, безгранично благодарны руководству Министерства юстиции – Министру Коновалову Александру Владимировичу, его первому заместителю Федорову Александру Вячеславовичу, заместителям министра Величко Алексею Михайловичу, директорам департаментов Румянцеву Сергею Аркадьевичу, Васягину Вячеславу Петровичу, его заместителям Буслакову Василию Ивановичу, а также Горьковой Марине Юрьевне – оценив ее активное участие в работе с ветеранами, Совет счел необходимым включить ее в свой состав.

В заключение хочется особо отметить роль В.И. Шачнева в создании и функционировании ветеранской организации, без преувеличения могу сказать, что Совет держится на этом уникальном работнике.

КАРАТЕЕВ ЛЕОНИД ГАВРИЛОВИЧ

Леонид Гаврилович Каратеев родился 24 ноября 1922 г.

В годы войны Л.Г. Каратеев служил на Тихоокеанском флоте, в первой бригаде подводных лодок. Был старшим лейтенантом корабельной службы.

Л.Г. Каратеев участвовал в боях с империалистической Японией при освобождении Кореи от японских захватчиков. Был участником десантных операций в корейских портах Рассан, Сейсан, Гензан.

Заслуженный юрист РСФСР. Награжден орденом Отечественной войны II степени, многими медалями.

В Минюсте – консультант Управления по регистрации ведомственных нормативных актов.

КАРПЕНКО ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ

Владимир Дмитриевич Карпенко родился 24 декабря 1923 г.

Участвовал в войне с Японией.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги», другими наградами.

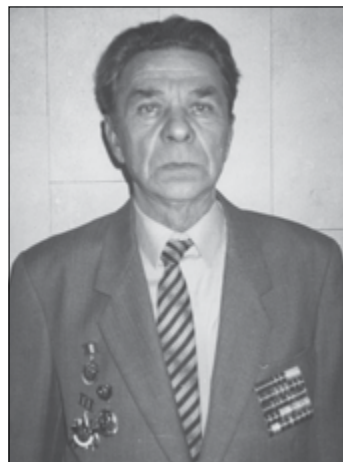

КАШАЕВ ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

Валентин Иванович Кашаев родился 7 июля 1925 г. Добровольцем ушел на фронт в октябре 1941 г. До окончания войны находился в действующей армии. Участвовал в боях в составе войск Центрального, Западного, 3-го Украинского фронтов, в боях за Москву, в Курской битве, в штурме города-крепости Кенигсберг.

Награжден орденами Славы II степени, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и многими другими боевыми наградами.

Заслуженный юрист Таджикистана. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – консультант Департамента гос. регистрации и контроля за ведомственными нормативными актами.

КЛИМОВ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

Виктор Григорьевич Климов родился 18 января 1926 г. На фронте радиоспециалист, гвардии рядовой – радист 1-й батареи. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», другими медалями.

Старший советник юстиции. В Минюсте – начальник Первого отдела.

Я, Виктор Григорьевич Климов, родился 18 января 1926 года в г. Москве. Из православных христиан, член КПСС с 1946 года. В 1941 году закончил 8 классов 637-й средней школы Киевского района. В 1942–43 годах закончил девятый класс средней школы рабочей молодежи №4 Киевского района г. Москвы.

Хорошо помню 22 июня 1941 года. В 12 часов дня, когда по радио выступал Министр иностранных дел В.М. Молотов, я находился на улице и видел, как выходящие из метро люди останавливались, с тревогой на лицах очень внимательно слушали выступление по громкоговорителю. В одночасье кончилась мирная жизнь, и остро встал вопрос о защите Родины. Усиленно заработали военкоматы, призывались военнообязанные; молодежь старше 18 лет, изъявившая желание добровольно идти на фронт, осаждала военкоматы. А мы, подростки, стремились устроиться на фабрики и заводы.

Моя трудовая деятельность началась в январе 1942 г. в качестве слесаря на заводе №853 Наркомата минометной промышленности. Это был 2-й Московский

часовой завод, который, как и вся промышленность нашей страны, быстро перестроился на военный лад и стал выпускать военную продукцию.

В марте 1944 года я был призван в ряды Красной Армии и после обучения в Московской школе радиоспециалистов был направлен на Украинский фронт в гвардейскую танковую армию, которой командовал легендарный генерал Рыбалко Павел Семенович, ставший позже маршалом бронетанковых войск.

Я попал в 385-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк, который стал моей семьей. Было это в июле 1944 года, когда наша 3-я Гвардейская танковая армия вышла из боев, закрепилась на Сандомирском плацдарме и готовилась к последующему наступлению. Наряду с боевыми успехами были у нас и безвозвратные утраты. В связи с этим я часто вспоминаю героический экипаж машины Су-122 под № 65 в составе: механик-водитель Анатолий Ерш, наводчик Худин, заряжающий Евграфов, замковый Костюченко и командир экипажа старший лейтенант Владимир Борский 1923 года рождения. Этот экипаж погиб смертью храбрых, выручая товарищей. Случилось так, что самоходку № 67 противник взял в «вилку»; возникла необходимость срочно поменять позицию, ибо следующий снаряд попадет в цель. Но тут как на грех у нее заглух мотор. Попытки запустить его сжатым воздухом не увенчались успехом; ручной способ «кривым стартером» тоже не дал желаемого результата. Бой идет. Командир 65-й увидел, что боевые товарищи в беде, подставил им свой кормовой трос. Один из экипажа 67-го накиннул его на свой передний крюк; 65-я дернула, и движок 67-й запустился. Все в порядке! Но снаряд противника, предназначенный для 67-й, пробил левый борт подвернувшейся тут 65-й; сдетонировала вся боеукладка. Машина мгновенно взорвалась. Ее экипаж героически погиб у нас на глазах.

Третьего мая 1945 года, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, 3-я Гвардейская танковая армия маршала Рыбалко и в ее составе наш полк были уже на марше, выполняя задачу по освобождению Чехословакии. 5 мая мы оказались в одном из населенных пунктов близ города Дрезден. Чтобы замаскировать боевую машину в населенном пункте – легкую добычу противника, все члены экипажа покинули свои места для поиска маскировочных средств. В машине на боевых постах остались: механик-водитель Чванин Терентий Ермолаевич и я, как радист батареи, – на связи. И в этот момент вражеский снаряд пробил лобовую броню самоходки, оставляя за собой огненный след, пронзил рабочее место механика-водителя и взорвался позади него в моторном отделении. Наш Терентий Ермолаевич погиб. Я получил осколочное ранение в ногу, быстро выскочил из загоревшейся машины и остался жив. Так уж, видимо, судьба распорядилась.

Несмотря на неисчислимые потери и преодолев все трудности, врага разбили. Наш 385-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк внес свой достойный вклад в это святое дело. Приказом Верховного Главнокомандующего от 8 мая 1945 года № 365 за овладение городом Дрезденом всему личному составу нашего соединения, в том числе всем воинам нашего полка, была объявлена благодарность. Нашему полку было присвоено почетное звание «Дрезденский».

В дальнейшем наш путь пролегал через города: Ченстохова, Тшедбуш, Радамско, Милиг, Бернштадт, Намслау, Бреслау, Кармт, Маркт, Тост, Бишовстоль (Силезия), Берлин, Прага; форсировали реки: Одер, Нейсе. За взятие каждого из перечисленных объектов личному составу выносились благодарности. Участвуя во всех перечисленных операциях в качестве гвардии рядового – радиста 1-й батареи, был награжден: орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией». Награды и грамоты нам вручал командир 385-го гвардейского Дрезденского тяжелого самоходно-артиллерийского полка подполковник Шапар Алексей Евтихиевич.

Десятый класс я закончил в 1950 году в средней школе при гарнизонном Доме офицеров (г. Виттенберг, Германия). В 1954 году закончил Московский юридический институт.

В.Г. Климов. Воспоминания. Ноябрь 2002 г.

КЛИМОВА НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА

Надежда Степановна Климова родилась 25 октября 1929 г. Труженик тыла военных лет.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «60 лет Победы» и другими.

В Минюсте работала в Хозяйственном управлении.

Я, Климова Надежда Степановна, родилась 25 октября 1929 года в Горьковской области, Сергачевский район, село Кузьминка, а колхоз назывался «Друг Рабочих», большой был колхоз и село тоже. Когда началась война, стали всех мужчин забирать на войну. Оставались только женщины, старики, дети и подростки, а в июне начиналась самая пора сенокоса и урожая полей, работа легла на женщин, стариков, и все, кто мог, помогал. Вот и стали мы, все малолетние, помогать. Ходили вместе, женщины косили, а я граблями собирала траву в ряды, потом в кучки, затем в большой стог. После сенокоса стали ходить убирать яровое и ржаное, женщины косили, а я тоже вязала снопики, ставила в копешки. Затем их мальчики на лошадках складывали в стог, а потом обмолачивали на молотилках. Тоже все подростки помогали, и девочки, и мальчики. И у нас получалось, мы делали так, как учили старшие.

А зимой мы ходили на склад сортировать жито от сорняка. Также я ходила на скотный двор убирать навоз, его увозили на поля. Ходили собирать картошку, свеклу, корочку, делали все, что надо, и так из года в год всю войну.

Мы росли, и опыта было больше, за работу нам тоже записывали трудовни, но на них почти никому ничего не давали, все увозили на фронт. Но все жили, надеялись, что скоро будет конец войне, и его дождались. Как там не было трудно, с полей убирали всё, ничего не оставляя.

Школу я закончила только пять классов. В 1942 году я заболела и после этого потеряла слух, получилось осложнение на уши, и пришлось школу оставить, а лечить было негде и нечем – шла война.

Когда кончилась война, я всё работала в колхозе. А в 1950 году я уехала в Москву. В Москве работала сестра. Она уехала по вербовке. После войны вербовали в Москву работать. Конечно, у меня ни прописки, ни жилья после войны. Устроилась домработницей. Люди они были хорошие, с 1952 по 1956 год работала и жила у них и была прописана постоянно. После них я ушла в школу уборщицей, жила в общежитии, было восемь коек. Потом в 1956 году я устроилась дворником в жилищную контору № 4, и тоже общежитие. Потом вскоре стали расселять, давали комнаты в коммуналках. Так в этой организации я проработала с 1956 по 1984 год, 28 лет на одном месте. Ушла на пенсию.

А в Министерство юстиции я пришла в 1978 году по совместительству, так как жила на ул. Воронцово поле, 3. Проработала так 7 лет, потом, сразу как получила пенсию, оформилась постоянно и работала уборщицей Хозяйственного управления до 1 сентября 2000 года. Вот такой мой стаж в юстиции. Двадцать с лишним лет, и была на хорошем счету. Если посчитать, сколько я работала – не менее 60 лет.

Извините, может не так грамотно, но это чистая моя правда.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы», «Ветеран труда», «В память 200-летия Минюста России», «За усердие» II степени.

КОЗЛОВ БОРИС КАПИТОНОВИЧ

Борис Капитонович Козлов родился 2 марта 1922 г. Прошел всю войну с декабря 1941 по сентябрь 1945 г., воевал на Калининском и Западном фронтах, Балтийском и Тихоокеанском флотах. Награжден орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Полковник юстиции. В Минюсте – старший инспектор отдела кадров Управления военных трибуналов.

Борис Капитонович Козлов родился 2 марта 1922 г., в 1941 г. закончил Ленинградское военное училище связи. Участие в Великой Отечественной войне: Калининский и Западный фронты, Балтийский и Тихоокеанский флоты с декабря 1941 г. по сентябрь 1945 г. в должностях: начальник связи отдельного аэросанного батальона, командир взвода роты технического обеспечения самолетовождения ВВС Балтийского флота, оперативный дежурный радиопеленгаторного пункта узла связи ВВС Тихоокеанского флота. В 1953 г. Б.К. Козлов закончил Военно-юридическую академию Советской Армии с дипломом военного юриста. После войны служил в органах военной юстиции – с 1954 г. по 1969 г. Б.К. Козлов был членом военных трибуналов.

Награжден орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, медалями, в том числе «За взятие Кенигсберга».

КОЛОМЕНКИН ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ

В сентябре 1942 г. в возрасте 16 лет Лев Владимирович Коломенкин добровольно ушел в Военно-Морской Флот. В апреле 1943 г. был направлен на Северный флот кочегаром на вспомогательный крейсер «Воронеж», на котором около полугода ходил в боевые походы в Баренцевом море, на острова Новой Земли, отражал налеты авиации.

С мая 1944 г. Л.В. Коломенкин плавал на Северном флоте до октября 1944-го сигнальщиком на подводной лодке «С-16» («Сталинец-16»), на которой ходил в боевые походы. Лодка потопила два корабля противника, участвовала в боях с конвойными противолодочными кораблями немцев.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», орденами Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

КОЛОСОВА НИНА ПЕТРОВНА

Нина Петровна Колосова родилась 27 ноября 1926 г. Труженик тыла военных лет. Блокадница.

Имеет Знак жителя блокадного Ленинграда и медали. В Министерстве юстиции РСФСР работала в отделе учета и кодификации законодательства, исполняла обязанности начальника отдела.

Я родилась 27 ноября 1926 года. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, мне было 14 с половиной лет. Я с родителями жила на Петроградской стороне г. Ленинграда. Отца взяли в Красную Армию уже 1 августа 1941 года, хотя он был белобилетником по болезни.

Осень этого года стояла теплая и ясная, но немцы уже перерезали железную дорогу Москва–Ленинград и полностью окружили город, началась блокада Ленинграда.

Немцы бомбили каждый день, и ровно в 7 часов вечера раздавался сигнал воздушной тревоги с точностью до минуты. Я помню гул тяжелых немецких юнкеров и сейчас даже могу воспроизвести этот гул в свои 80 лет.

Первое, что разбомбили немцы, это были Бадаевские склады, где хранился запас продуктов для города. Поэтому вместе с бомбами немцы сбрасывали листовки «Доедайте бобы – готовьте гробы».

В октябре 1941 года на наш дом по Апраксину пер. д. 5, а стенка в стенку на Гороховой ул., попала бомба. Жители все погибли, а я услышала не только вой тяжелой бомбы на ее излете, но и страшнейший взрыв. Бомба упала в метрах 150.

За хлебом ходила на Гороховую улицу, потому что там была булочная, для которой пекли хлеб из опилок. И был «обман», что хлеб сухой и его много. Ни разу я не отломил ни кусочка и не съела завесочка. Я проверяла себя, и за это мама хвалила меня.

Каждое воскресенье мама ходила на Сенной рынок (он и сейчас самый барахольный и самый дешевый) что-нибудь недорого купить. Дело дошло до дуранды

(жмых от семечек), его мы раскалывали молотком, потом поливали водой на ночь и жарили якобы лепешки на пустой сковородке. Еще мы ели столярный клей: размачивали его и как желе подавали в тарелке. Бр-р-р! Когда мы в старой квартире нашли крахмал для белья – вот это был настоящий пир!

В середине марта нечистоты во дворах начали разлагаться. Власти забили тревогу, как бы не вспыхнула эпидемия. И я 15-летней девочкой участвовала в этом вывозе нечистот: мы ломали, откалывали мерзлые люки, клали их на громадные тачки и вывозили в речку Фонтанку. А однажды мои напарницы отпустили тачку, и я, не в силах справиться с грузом, повисла на ней. И до сих пор болею декомпрессионным переломом 8-го грудного позвонка.

В конце апреля 1942 года стал понемногу ходить один трамвай №12 на Петрозаводскую сторону. Наш дом сломал завод «Вулкан» на свои нужды. Нам дали комнату в квартире.

За Витебским вокзалом уже в декабре начали умирать от голода солдаты. Сначала их хоронили в гробах, а ленинградцев отпускали умирать в семьи. И когда жены подняли крик, военных хоронили уже в траншеях, взорванных динамитом.

Уже не работал водопровод и туалет, и мы выбрасывали нечистоты посреди двора. За водой ходили на речку Фонтанку.

Когда на Гороховой улице прорвался от мороза -40° водопровод и вода текла вдоль улицы, мы черпали эту воду. Кто-то падал и проливал воду, ее тут же схватывал мороз. А немцы уже пристрелялись по нашему водопроводу. Я брала с собой ковшик и черпала воду в ведро, а края этой речки все выше обрастали льдом. Мы ложились на животы и черпали, черпали.

Зима 1941–1942 годов стояла лютая – -40°, как и в финскую войну. Поэтому многие люди не только умирали от голода, но и замерзали целыми квартирами.

1 февраля 1942 года умер дядя Гриша Рязанов, бывший матрос на «Авроре», участвовавший в двух революциях. Его не хоронили, а просто отвезли зашитым в простыню на старый пункт. 21 февраля умерла старшая папина сестра Александра и муж старшей маминой сестры дядя Вася Ладнов. 13 марта умерла моя бабушка Татьяна, папина мать.

Как мы пережили ту зиму – одному Богу известно. В декабре начали давать рабочим 250 граммов хлеба в день, а иждивенцам, служащим и детям по 125 граммов. Но какой это был хлеб – туда добавляли и торф, и опилки, и еще что-то несъедобное.

Нам выложили кирпичом двор, оставив свободной амбразуру для пулемета. Опять переезд в другую комнату, где тоже все умерли.

Еще с февраля немцы начали массированный обстрел города разрывными снарядами. И тогда появилась надпись на солнечной стороне в начале Невского проспекта: «Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна». Она сохраняется там сейчас.

Весной 1942 года мама с трудом оформила меня своей ученицей в артель «Загородный обувщик». Нам прямо с фронта привозили в мешках собранные на поле

боя с убитых ботинки. Мы подбирали их по размерам, чинили, зашивали, чистили и вновь отправляли на фронт.

Той же весной нас посылали на Кушелеву разбирать деревянные добротные дома и дачи политехнического института.

Больше писать не могу. Ленинград – самый прекрасный в мире город, но я его боюсь.

Главное, вспомните и моего прекрасного мужа, Колосова Михаила Макаровича, который дошел до Берлина, награжден орденами и медалями. А главная медаль – за взятие Берлина и медаль имени Жукова.

Н.П. Колосова. Воспоминания. 22 мая 2007 г.

Мне было 14 лет, когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. На лошадях ехали прибалты, потом псковичи и новгородцы. 1 августа мы провожали отца Волкова Петра Ефимовича, а он был инвалидом III группы. Только в середине августа прошел слух, что немцы подошли к станции Чудово и отрезают железную дорогу между Москвой и Ленинградом.

А 7 сентября 1941 г. мы почувствовали блокаду города: неожиданно началась бомбежка – первый раз. Первыми немцы разбомбили Бадаевские склады, где хранились запасы городских продуктов. По небу растекались очень белые густые облака – говорили, что так горит сахар.

Мы с мамой Марией Михайловной Волковой жили на Петроградской стороне на ул. Гдовской у завода «Вулкан» в двухэтажном деревянном доме. Начались каждодневные вечерние бомбежки, школы не работали, и бомбоубежища у нас еще только строили. Мы договорились с маминой сестрой Раисой переехать к ней в 9-метровую комнату на первом этаже в Апраксин пер., дом 5.

Уже разбомбили и сожгли «Народный дом» на Петроградской стороне, где прятали запасы зерна. Сожгли Апраксин рынок, оттуда пускали ракеты, пострадали многие дома в центре, перестал работать водопровод, отопление, канализация, перестали ходить трамваи.

Осень стояла теплая, а на 6 ноября 1941 г. выпал обильный снег, и вскоре ударили холода уже в ноябре. Многие замерзали в квартирах семьями. На продуктовые карточки стали давать только хлеб, рабочим 200 гр., иждивенцам – 125 гр.

Как прошел первый снег, мы с мамой перевезли все дрова с ул. Гдовской в Апраксин переулок, дом 5. Сосед нам поставил небольшую печурку, и мы ею отапливались. А сосед жил и ночевал на заводе «Русский дизель».

Наш дом стоял параллелепипедом к другим домам. Но с одной аркой. В конце октября мы услышали, что летит бомба на последнем издыхании: она уже не свистит, а шипит. Я села в угол на пол, и тут как она взорвалась: полетели стекла, вышибло двери. Но бомба попала не в наш дом, а на Гороховой ул., д. 40. Рядом в кв. 2 жила наша тетя Раиса с двумя взрослыми дочерьми, сыном, мужем. Они все побежали смотреть на взрыв, а там только кровь и кровавые ошметки.

Рано установились морозы 30–40°, и вот тут-то на Гороховой улице прорвало водопроводные трубы. До этого мы ходили за водой на речку Фонтанку, а здесь по всей улице текла вода и близко к нам. Мы ходили с черпаками, чтобы начерпать воду в ведро или бидон. Вода проливалась, и лед все нарастал по краям. Пришлось привязывать веревку и ложиться на живот, чтобы достать воды.

А тут еще немцы пристрелялись, значит, шпионы были.

В декабре 1941 года народ умирал на улицах. Людей старались поднять, а в январе 1942 года уже на них никто не обращал внимания.

Один 50-килограммовый снаряд угодил в правую сторону от арки, пробил крышу и не разорвался. Какая-то женщина открыла двери, и он по лестнице покатился с седьмого этажа до крыльца. Приехали пожарные. Снаряд оказался начинен письмами русских и немецких рабочих.

Немцы и бомбили, и обстреливали из тяжелых пушек, и бросали агитки: «Доедайте бобы и готовьте гробы», но народ надеялся выжить – и вдруг радость. Поздно ночью мы чувствуем, что в небе идут бои. Так страшно режут самолеты – и вдруг «трах!» – и один пошел вниз. Утром мы узнали, что наш советский летчик Сафонов (или Сафронов) таранил немца и сбил его. Ночной таран! Ура!

А тут начали эвакуировать жен и детей летчиков. Муж Раисы был летчиком, и 20 января 1942 года я провожала их на Пудожскую улицу (эвакопункт) на Петроградской стороне. Мороз 35°, а их усадили в полуторку (автомашину) и повезли на Ладожское озеро. Только весной мы узнали, что они добрались до Гаврилова Яма к родне.

В марте стали собирать покойников на улице, прямо грузили на машины, а потом и по квартирам стали собирать умерших.

У нас 1 февраля 1942 года умер муж папиной сестры Григорий Рязанов, принимавший участие в революции матросом на «Авроре», 21 февраля 1942 года умерла сама тетя Александра Ефимовна Рязанова, а 13 марта 1942 года умерла папина мама, бабушка моя – Татьяна Волкова.

Посреди нашего двора была навалена всякая нечисть. Мы разбивали эту грязь и забрасывали на большие тачки и вывозили в реку Фонтанку. Вот почему у меня декомпрессионный слом 8-го грудного позвонка.

Наш дом по Гдовской ул. давно сломали на дрова, а в апреле 1942 г. нам выделили комнату, в которой все умерли. Мы побелили ее, а через кухню было страшно ходить.

Моя мама устроилась на другую работу, ближе к дому и через месяц устроила меня ученицей в сапожную мастерскую из-за хлебной карточки, на которую давали уже 250 гр. хлеба.

В июле 1942 г. пришли солдаты и сказали, что Ленинград готовится ко второй зимней осаде и поэтому все первые этажи угловые будут переделывать под ДОТы. Тогда нас переселили на третий этаж этого же дома (Б. Колтовская). Было холодно, мы спали одетые, и нас очень одолевала крысы.

Работа наша заключалась в том, что с фронта привозили ботинки и валенки с убитых. Высыпали из мешков, и мы подбирали по размерам, чинили и обратно отправляли на фронт.

Осенью 1943 года я пошла в 89-ю школу в седьмой класс, а в 1947 году закончила. В тот же год поступила в Ленинградский юридический институт им. Калинина. Закончила его в 1951 г. с отличием, и нас с мужем Колосовым Михаилом Макаровичем (участником Великой Отечественной войны, инвалидом войны II гр., награжденным орденами и медалями, в том числе «За взятие Берлина» и имени Жукова) распределили по путевке Министерства юстиции в Курскую область – область была оккупирована, и в 1947 году там был неурожай и страшный голод.

Нас послали в г. Фатеж (47 км в сторону Москвы на шоссе Москва– Симферополь).

Я в Фатеже работала нотариусом, а через два месяца в фатежском райкоме партии заведовала просветработой.

А еще через год мужа пригласили в Курский обком партии. Должность у него на выбор: или инструктором обкома, или главным редактором Курского книжного издательства.

Проездом через Москву муж сдал документы на заочное отделение Московского литературного института им. Горького, его всегда тянуло в писательские ряды.

В г. Фатеже мы жили на частных квартирах, а в Курске в общежитии газеты «Курская правда». Только в 1955 году нам дали двухкомнатную квартиру в г. Курске. В 1957 году Михаил Макарович был принят в Союз писателей СССР, и его избрали секретарем Курского литературного отделения. В 1962-м его пригласили в газету «Сельская жизнь» в Москву специальным корреспондентом.

Политика Хрущева в жилищном вопросе была такова: нового работника можно было прописать в порядке обмена и чтобы из Москвы выезжало больше людей, чем въезжало. Свою двухкомнатную квартиру мы обменяли на одну комнату в трехкомнатной московской квартире.

Хорошо проработав в газете, муж перешел в издательство «Советская Россия» заведующим прозой, в 1973 году его пригласили в газету «Литературная Россия» заместителем главного редактора, а потом и главным редактором, он был им до 1990 года. Он написал около 30 книг, хороших, его наградили двумя орденами и дали в 1977 году в писательском доме по Астраханскому пер., д. 5 двухкомнатную квартиру. Муж написал еще пять книг (не все закончены), но в связи с переворотом ни одной книжки я не издала и весь литературный архив, многие книги с дорогими автографами отдала в Русский государственный архив.

В Курске меня лично взяли на работу в 1-ю Курскую нотариальную контору только техническим консультантом. Но на мое счастье в УМЮ по Курской области приехал с ревизией заместитель Министра юстиции СССР и РСФСР Григорий Захарович Анашкин. Я пошла к нему на прием. Он пришел в ужас: «Ведь Вы закончили юридический институт с отличием, а кроме Вас только еще два человека имеют высшее образование!»

На другой день меня вызвал начальник УМЮ и назначил меня ревизором по адвокатуре. Через день меня перевели ревизором по нотариату. В моем подчинении было 20 районных нотконтор, и через год я все их объездила и проверила.

В марте 1964 года в связи с переездом мужа в Москву я устроилась на работу в 1-ю Московскую нотконтору. Я проработала во всех отделах: начиная с копийного, потом отдел переводов, договорной и последний наследственный.

Потом я недолго проработала в Комитете по труду СССР, мне там не понравилось. И я перешла в Министерство юстиции РСФСР в отдел учета и кодификации законодательства старшим юрисконсультантом, потом главным консультантом этого отдела и исполняла обязанности начальника отдела. В 1981 г. в 55 лет я ушла на пенсию и больше не работала.

Награждена Знаком жителя блокадного Ленинграда, медалями Анатолия Кони, «За усердие» II степени, «В память 200-летия Минюста России» и другими.

Н.П. Колосова. Воспоминания. 30 июля 2009 г.

КОМИССАРЕНКО ИВАН ПАВЛОВИЧ

Иван Павлович Комиссаренко родился 31 января 1912 г. Активный участник Великой Отечественной войны. Был прокурором дивизии, прокурором корпуса.

Награжден тремя орденами Отечественной войны (два ордена I степени и орден II степени), орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами. В Минюсте работал в Управлении общих судов.

До войны я служил в Таллине. Был военным прокурором корпуса. 22 июня 1941 года командир корпуса собрал нас, офицеров штаба, и приказал собираться для отправки на фронт в действующую армию. Через сутки нас погрузили в эшелон и повезли в Ригу. Приехали в Ригу рано, часа в 3 ночи. Вся площадь вокзала была забита призывниками. Их призвали, но не было вагонов для отправки. Мы проследовали дальше на станцию Мейтене, выгрузились. Начали организовываться взводы, роты. Командир послал разведку, которая вернувшись сообщила, что везде советские войска отступают, часто неорганизованно. Отступающие вливались к нам, начались бои. Через некоторое время нас окружили немцы. В окруженной группе я оказался старшим по званию и взял командование на себя. Мы пробились к своим, по дороге захватив несколько немцев в плен. За это я был награжден первой медалью «За боевые заслуги».

После этого я воевал на Калининском фронте в 43-й дивизии – прокурором дивизии, а потом прокурором корпуса. Основной работой была борьба с дезертирами, которые были особенно в отступающих частях. Из них формировались штрафбаты, которые бросались в самые гиблые места, а за их спиной стояли войска НКВД, чтобы штрафники не разбежались. Несмотря на должность прокурора, я несколько раз участвовал в атаках, т. к. был приказ о том, что коммунисты должны были возглавить наступающие цепи. Потом Калининский фронт был переименован в

1-й Прибалтийский, освобождали Литву и вышли к границам Восточной Пруссии. Моя работа заключалась в перемещении арестованных – кого в суд, кого в тыл.

После окончания операции в Восточной Пруссии, 9 апреля 1945 года, 43-я дивизия была направлена на Берлин, а меня направили в аппарат ГВП, сначала рядовым прокурором, затем заместителем начальника отдела, а затем старшим помощником Главного военного прокурора.

В 1952 году меня направили в Польшу, где я был прокурором северной группы войск. Я пробыл там 4 года, вернулся обратно. Меня направили в Прокуратуру Союза в Управление общих судов, а оттуда направили в 1970 году в новообразованное Министерство юстиции, в Управление общих судов. Проработал там 7 лет, потом в связи с выходом на пенсию уволился. Мне предложили работать в журнале «Человек и закон», там я работал до 1990 года, до возраста 78 лет.

И.П. Комиссаренко. Воспоминания. Июнь 2009 г.

КОНСТАНТИНОВ АЛЕКСАНДР АРЕСТОВИЧ

В военное время ребенком работал в колхозе. Закончил Качинское Краснознаменное училище летчиков в 1955 г. В 1972 г. был уволен из Советской Армии в запас. В Минюсте – специалист 1-й категории отдела Департамента государственной службы и кадров.

Закончив отличником 2-й класс общеобразовательной школы в деревне Городище Велижского района Смоленской области, я прогуливался с сестрой по деревне Синичено. Вижу – высоко, около 1 000 м, летит группа самолетов, из них посыпались светящиеся предметы. Это фашисты бросали бомбы по населенным пунктам, а перед этим вооруженные финны на велосипедах грабили население.

Далее фашистские карательные отряды с автоматами сгоняли все население деревень на колхозную площадь и устраивали телесные истязания руководству (вырезали звезды на голых спинах и т. д.). Я там не был. Меня не пустила тетя. Она растопила печь, и печь максимум разгорелась, когда с автоматом зашел в хату фашист и стал нас гнать на колхозную площадь. Тетя взмолилась, показала разгоревшуюся печь, просила оставить меня смотреть за печью и ушла. Потом мне все рассказала – и хорошо, что я остался, так как фашист меня мог узнать: я на него набросился, когда он грабил и забрал моего любимого петушка. Он тогда выхватил пистолет, хотел меня застрелить, но тут стоящие вокруг женщины закричали. Он отшвырнул меня, схватил коромысло и начал бить петушка... Коромысло сломалось, и он застрелил петушка из пистолета.

Всех мужчин фашисты сгоняли через деревню в подвалы без туалетов, без воды. В туалет не пускали, вызывали одиночно или группами, допрашивали и расстреливали. Бежавших тоже стреляли, кто уцелел, тот нам рассказал. Кормили вареной картофельной шелухой.

Маневры по передислокации и маскировке проводили ночью. Местность лесистая. Днем видел, как сбили наш истребитель в воздушном бою. Я самолет наш

И-16 (теперь я знаю) нашел, когда ходил к тете, так как дело было к осени, щавель кончился и я больше недели ничего не ел, но вернулся в свою деревню.

Осень, копаем картошку. Пришли немцы, ищут расселение, очень брезгливые. Заглянут в хату – а тут на полу картошка рассыпана, закрыли дверь, ушли. Тетя недолго думая сказала, чтобы сухую картошку в подпол не убирать, а насыпать еще из подпола, чтобы немцы не поселились.

Приходил немец без автомата: плакал, показывал фото жены и детей, говорил, что воевать не хочет, его заставляет Гитлер – видимо, это был антифашист. Ночью приходил наш солдат, просил что-нибудь поесть, готов отдать гимнастерку. Шли ночные бои за передислокацию.

Днем немцы исчезли, пришли наши зимней ночью. В нашей хате остановился, видимо, караул, 12 человек. Печь топилась круглосуточно. Одни солдаты приходили и ложились спать на полу, другая группа уходила снаряженной. Напротив, в хате дяди Андрея, расположились штаб и кухня, откуда на передовые расчеты возили обед.

Пацаны деревни нашли меня, сказали, что нашли гранату и решили мне ее показать (я пользовался авторитетом, так как был круглый отличник в школе и был круглым сиротой). Показали гранату на площадке возле оврага. Я пошел ее рассмотреть, а они сразу разбежались и залегли. Я взял противотанковую гранату, она стояла на попа, в днище ее было глухое отверстие, взрывателя там не было. Я решил ее показать в штабе ст. лейтенанту. Он сначала шарахнулся, увидев гранату, но потом успокоился и подошел, посмотрел, взял ее и сказал, чтобы впредь никакое оружие не поднимал.

Все разошлись, а я остался. Мне некуда был идти. Он спросил меня об этом, пригласив, накормил меня, и я у них в хате остался. Солдат, возивший обед передовым расчетам, которые вели стрельбу по врагам (взаимная перестрелка), взял меня на передовую за малиной. Я там собирал малину в стеклянную банку. Малины было очень много, один куст краше другого. Я далеко ушел, солдат потом меня искал. Нашел. Обед возили на телеге, запряженной лошастью. Солдат угостил командира малиной, который его поблагодарил и обругал – а если бы снаряд убил мальчика? Запретил ему меня брать с собой в район перестрелки.

На телеге, запряженной лошастью, подъезжает девушка и просит меня сесть в телегу и ехать с ней. Солдат меня накормил, и я уехал с ней и группой ребят, которых она взяла по дороге.

Приехали мы на КПП. Майор усадил нас на «Студебеккер», и по болотистой дороге, устланной бревнами и валежником леса, нас привезли на ж/д станцию Торопец. Далее дорогу не помню, в общем, привезли нас (детей) в детский дом села Головинно Чердаклинского р-на Ульяновской обл. Там нас встретили торжественно, как фронтовиков.

До осени все было хорошо. Потом вдруг кончились продукты, и нас соединили с детским домом № 33 села Старая Майна, так как у нас начался голод – продукты, оказывается, в детском доме села Головина украли. Нас посадили на продукты детдома № 33 села Старая Майна. Дети пели: «Пей вода, ешь вода – катать не будешь никогда». Картошки мало, овощей мало: «Крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой». Хлеб

80 граммов на человека в сутки. На базаре эта пайка 80 граммов стоила 3–5 стаканов махорки. Девочки перебрали все мусорные отходы (выброшенную квашеную капусту и т. п.). Больных отравлением и вообще очень слабых (не могущих ходить) отправляли в изолятор и давали двойную норму. Один мальчик умер – ему давали тройную норму, притом без ограничений, а он не мог уже есть и умер. Хоронили всем селом. Нашелся какой-то хулиган, который коробочку сахара высыпал в общую бочку воды, стоящую возле кухни. Все бросились пить сладкую воду (примерно 200 чел). Отхаживали потом всем селом (отпаивали молоком). Летального исхода не было.

Внутри детского дома организовали школу, 3-й класс. Кажется, четыре группы, учителей пригласили из села, из общеобразовательной школы, т. е. 3-й и 4-й классы мы окончили в детдоме, а 5-й и 6-й – в селе, в общеобразовательной школе в обычном порядке.

На весь детский дом я был единственный круглый отличник. Одни относились ко мне с уважением, особенно девочки, другие дразнили «отличник». Это меня сблизило с воспитателями детдома, это у них была опора в группах.

Один воспитатель повесился при непристойном поведении. Был очень жестоким к детям: бил их любым предметом – стулом, табуреткой, что под руку попадет.

Более взрослые дети задействовались на работе. По три мальчика в сутки дежурили на кухне. В их обязанности входило: возить воду из речки к кухне в бочке 50–60 литров, вмонтированной в телегу, запрягаемую коровой или бычком; пилить и колоть дрова; выполнять силовые работы; на весы развешивать хлеб и разносить по столам (столовая и кухня в одном здании). Дети весьма разнообразных воспитаний и возрастов. Большинство любящих украсть. Меня все время принуждали что-нибудь украсть ночью на складе, так как я любил справедливость и честность. Я согласился. Взял две горсти чечевицы. Но потом разъяснил ребятам, у кого воруют: сами у себя, с этого склада мы берем на кухню варить.

Внутреннее воровство прекратилось. В этом я убедился осенью, когда с нашего детдомовского участка привезли картошку и ссыпали через окна в подвал, а над ним, над подвалом – наше общежитие. Завхоз спросил, есть ли кто в подвале, так как уже стемнело. Никто не ответил, и он закрыл подвал на замок, а там остались трое: я – дежурный по кухне, Илюша Чемоданов и еще один – фамилию не помню. Меня ребята на кухне заменили и через потолок подвала (через пол у себя) стучат – подают сигнал, что они все знают. Все дети, и никто не знает, как открыть замок. Смог только Илюша Чемоданов. Вылез из подвала через дренажное окно в двери и открыл. Я сказал: берите все, что хотите, но никто ничего не взял. Все были озадачены, как закрыть замок, так как у Илюши смекалки не хватило. Тогда я взял проблему на себя. Сказал, что у завхоза возьму ключи, как это делал раньше, и открою замок. Он и не заметил. Всем стало стыдно, и мы дружно ушли с санями на горку кататься.

После голода нам (детдому) выделили участок земли. Все способные работать вооружены лопатой, граблями и мотыгой на обработку участка для посадки огородных культур. Полученный урожай пополам: 1/2 – для фронта и Победы, 1/2 – себе.

Позже образовалась группа «дикарей» из детдома. Я был у них связным: обеспечивал их хлебом и солью, а они меня огородными культурами: овощами, фруктами, картошкой. Воспитатели знали, но молчали, к тому же это было выгодно детдому. А осенью их опять приглашали в детдом. Я, кроме того, периодически пас ночью рабочий скот, так как днем они работали, а потом пас и весь детдомовский скот – днем. По возможности учился в столярной мастерской. С помощью мастера Михаила Ивановича – инвалида сделал себе тумбочку. Время шло, я отремонтировал мотыгу и собрался в поле на участок детдома. Вдруг слышу крик: Победа! Все бегут к центру села Старая Майна, я с мотыгой тоже побежал; на площади был митинг, многие плакали, плакал и я по мере осмысления.

Директором детдома был ниже среднего роста полный мужичок, мы его звали Самовар, года через два он ушел на пенсию, а вместо него пришла женщина Зоя Павловна Цветаева, мы ее звали Зойка. После войны пришел военный директор детдома, мы его звали Гипноз. Через некоторое время было объявлено детям, чтобы они написали домой и родным, что они скоро приедут. И я написал в Москву сестре Константиновой Марии Арестовне, она работала на заводе «Динамо» им. Кирова, ранее она работала по найму служанкой.

Вдруг директор детдома дает мне задание: отвезти пакет с документами и деньгами в г. Ульяновск в бухгалтерию. До станции ехала преподавательница алгебры. Туда она меня довезла, посадила на поезд и повторила, как мне действовать в г. Ульяновске. Бухгалтерию в Ульяновске я нашел. Бухгалтер взяла меня с собой домой. Я у нее дома переночевал, она посадила меня на пароход, который привез меня в село Старая Майна. Задание выполнено. И получаю телеграмму от сестры из Москвы: приезжай, целую, Маня. Я прошу директора включить меня в группу, в которой воспитатель будет развозить детей через Москву, в Москве оставить меня у сестры, а на обратном пути забрать обратно. Директор согласился, так и сделал, только сестра меня обратно не отпустила. Вышла замуж и оставила меня у себя. Устроила в ремесленное училище. Я его успешно закончил и одновременно закончил 7-й класс, так как в детдоме я окончил всего 6 классов. Сразу успешно поступил и закончил техникум трудовых резервов.

Меня призвали в военное училище, закончил с отличием Качинское Краснознаменное училище летчиков в 1955 г., где освоил самолеты: ЯК-18, ЯК-11, МиГ-15. В боевом полку освоил: МиГ-17, МиГ-17С, МиГ-19, МиГ-19С и Су-7, Су-7Б, Су-7БМ, Су-7БКЛ, Су-7у. Предотвратил серию катастроф.

Последнюю посадку на самолете Су-74 согласно учениям выполнил на аэродроме Мальвинкель на юге ГДР.

В 1972 году был уволен из Советской Армии в запас по болезни. В Минюсте работал более 3-х лет специалистом 1-й категории отдела Департамента государственной службы и кадров.

А.А. Константинов. Воспоминания. 4 августа 2009 г.

КОРОЛЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Наталья Алексеевна Королева родилась 15 сентября 1927 г. Труженик тыла военных лет. Малолетний узник фашизма.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Я родилась в 1927 году, 15 сентября, в Тульской области. В 1937 году мои родители с детьми (нас было пять человек — я самая старшая и четыре мальчика) переехали в Калужскую область, Тарусский район, деревня Хлопово.

В 1939 году родился еще один брат, и так нас стало шесть детей. Жили мы очень бедно, да не только мы. В деревне, у кого было по 6–7 детей, все так же жили, как и наша семья.

Помню, был теплый ясный день, и мы пошли в лес за земляникой, в это лето ее было очень много. Когда вернулись из леса, мама нам сообщила, что началась война, папа и все мужчины из деревни были призваны в Тарусу, чтобы их отправить на фронт. Мы с папой даже не попрощались, хорошо хоть он вернулся. А приблизительно в сентябре 1941 года к нам нагрянули немецкие разведчики, на лошадях очень больших, у нас в колхозе таких не было. Просили овес для лошадей, но у нас его не было. Все обошлось, они усаkali дальше. Не помню, в каком месяце, но уже было холодно, хотя и без снега, немцы заняли нашу деревню, деревня небольшая. Вот тут началось: они стали отбирать скот и птицу и забивать, чтобы кормить своих солдат. У нас корову не взяли, так как она была хромая и очень костлявая, от нее толку мало. Но кур подстреливали и забирали.

Изба у нас была маленькая и ветхая. К нам немцев не поселили, а переселили из соседнего дома двух стариков. А в их доме обосновали комендатуру. За нашим домом установили какое-то орудие. Во время боя с соседней деревней, где находилась Красная Армия, наш домик весь содрогался.

Потом немцы решили всю деревню угнать в Германию, об этом объявили накануне вечером, чтобы мы подготовились в дорогу. Утром пришли немцы и стали нас торопить к отъезду. Было очень холодно. А у нас и надеть-то нечего было из теплых вещей, зимой мы ходили в валенках, но они были все изношены, и в такую дорогу дальнюю все было непригодно. Мама кое-что собрала, во что нас одеть и завернуть совсем маленьких братиков. Приготовила кое-что поесть с собой в дорогу на всякий случай, думала, что все-таки оставят они нас дома, сжалятся, глядя на нас. Как мы собрались вокруг мамы и ревом ревели все шесть человек – один немец отошел к окну и вытер слезы с глаз.

Мама взяла младшего брата, которому еще не было и двух лет, села на табуретку и сказала: «Никуда я не поеду такой оравой, хоть убейте, ведь в дороге все равно погибнем». Какая героическая моя мама – защищая своих детей, она не побоялась сказать такие слова. В доме полно немцев, один немец, вернее финн, наставил на маму автомат, но его немцы остановили. Мама сидит одеревеневшая, ни одной слезинки, только побелевшая как мел. Ни одного слова она больше не могла произнести. Только мы ревели без остановки. Нас с братом, который моложе меня на три года, выгнали из избы на мороз босых на снег, мы очень замерзли и решили вернуться в избу, хотя очень боялись.

Потом пришел комендант, у коменданта в сапоге около ноги был наган. Он что-то говорил с немцем, но недолго. Потом переводчик, обращаясь к маме, сказал, чтобы мы не противились. Ведь комендант может нас всех расстрелять, пришлось подчиниться. Мама собрала кое-какую одежку и обувь, кого-то завернула во что-то. Нас посадили в сани, что остались от колхоза, лошадь также колхозная. Погнали нас на Калугу, конвоировали нас немцы на лошадях в седлах. Но по какой-то причине, да уже и было темно, нас, не доехавших до Калуги, загнали в бывший телятник в деревне Сашкино.

Хорошо, что в телятнике была солома, на которой было лучше, нежели на голой земле. Было очень холодно и тесно, сидели или лежали, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Охраняли нас немцы с собаками в этой деревне – там же были немцы. Нам было очень страшно, голодно и холодно. Что взяли с собой, было съедено. Немцы давали только черный хлеб и воду, но в очень маленьком количестве. Приходилось делить на всех по маленькому кусочку.

Мне очень тяжело это все вспоминать. Были мы в таком ужасе около двух месяцев. Потом нас освободила наша доблестная Красная Армия. Вышли мы оттуда скелеты. Я сейчас не помню, как мы добрались до деревни, думаю, нам помогла наша Красная Армия. Деревня наша была освобождена от немцев, мы были дома, это такое счастье. Хорошо, что нашу корову старики сохранили. Зимой 1941–1942 годов мы кое-как пережили, часто болели, ведь еды практически не было, осталось немного картошки, но ее нужно было экономить, чтобы потом посадить. Из картошки мама варила суп, а очистки сушили, потом их толкли в ступе, и мама что-то из этого пекла и кормила нас, но сама почти всегда была голодна. Мама подаст нам суп в миске (тогда мы все ели из одной миски), мама подаст нам эту

миску супа, и если за чем-нибудь отойдет от стола, подойдет – миска уже пустая. Так наша мама прожила с нами очень тяжелое время.

С наступлением весны стало получше, мы ходили по полям и собирали гнилой картофель, из которого мама, добавляя траву, которую мы собирали, в основном цветы клевера, пекла лепешки. Мама работала в колхозе, мы также кто постарше, посадив свой огород, трудились в колхозе. Нас посылали полоть картофель и овощи, когда нужно было собирать урожай, возили в заготзерно, на машины почти одни дети грузили мешки. Потом собирали колоски, чтобы не пропало ни одного зернышка, все было направлено для победы над ненавистным врагом. Жили мы за счет своего огорода и хозяйства. Но за трудовые дни ничего не получали. Все зерно вывозили для наших защитников, чтобы хоть они не голодали.

В 1944 году я пошла работать в Тарусскую МТС. Иногда я получала там какой-то паек. Поработала в МТС до 1946 года.

В июне 1946 года я уехала в Москву, работала в Главном ботаническом саду, закончила техникум, получила профессию техник-садовод, работала до 1950 года, с 1950 по 1965 год работала паспортисткой в домоуправлении 41 Куйбышевского района.

С 1965 по 1970 год работала в Прокуратуре РСФСР комендантом. С 1970 по 1977 год – в Минюсте, сначала СССР, потом РСФСР.

Имею много благодарностей, где бы я ни работала.

Награждена медалями: «За долголетний добросовестный труд», «200 лет Минюста России», «За усердие», Знак за успехи в работе, 50- и 60-летие Победы, «850-летие Москвы». Являюсь несовершеннолетним узником фашистских лагерей.

Н.А. Королева. Воспоминания. 1 июня 2009 г.

КРАВЦОВ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ

Борис Васильевич Кравцов родился 28 декабря 1922 г. в Москве. Окончание школы пришлось на 21 июня 1941 г. Б.В. Кравцов дежурил на крышах домов, сбрасывал «зажигалки», гасил пожары. В августе 1941 г. поступил в Одесское артиллерийское училище, вскоре эвакуированное в Свердловскую область в Сухой Лог. Через восемь месяцев лейтенантом он был отправлен в действующую армию.

На фронт прибыл в должности командира вычислительно-го взвода артиллерийского полка 300-й стрелковой дивизии, оборонявшей Сталинград. Здесь 19-летний лейтенант принял боевое крещение.

В последующем в составе 60-й гвардейской стрелковой дивизии ст. лейтенант Кравцов освобождал города и села Украины, дошел до Днепра, где совершил героический подвиг. Перед форсированием Днепра начальник разведки артдивизиона Б.В. Кравцов вместе с десанниками и возглавляемой им группой артиллеристов-разведчиков был направлен на остров Хортица с задачей корректировать огонь артиллерии дивизии. Внезапным броском бойцы захватили вражеский блиндаж, установили связь с левым берегом. Корректируя огонь нашей артиллерии, бойцы Б.В. Кравцова вместе с тем отбивали неоднократные атаки немцев, пытавшихся вернуть выгодный плацдарм. Фашистам удалось прорваться сквозь заградительный огонь и подойти вплотную к блиндажу артиллеристов-разведчиков. В создавшейся критической боевой ситуации Кравцов принял решение вызвать огонь нашей артиллерии на себя. В этом бою он был тяжело ранен, но боевая задача была успешно выполнена. Вскоре прибыло подкрепление, и остров был очищен от противника.

За проявленное мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 г. Б.В. Кравцову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Б.В. Кравцов награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, Дружбы

народов, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Украины», «За освобождение Запорожья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Б.В. Кравцов – Министр юстиции СССР (1984–1989 гг.). Прокурор РСФСР (1971–1984 гг.).

Государственный советник юстиции 1-го класса. Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. Почетный работник Прокуратуры России.

Кравцов Борис Васильевич – государственный советник юстиции 1-го класса, Заслуженный юрист РСФСР, Герой Советского Союза, вице-президент Международного фонда защиты человеческого достоинства и безопасности, председатель Попечительского совета Фонда помощи осужденным и освобожденным из мест лишения свободы «Лишение свободы без унижения».

Родился 28 декабря 1922 г. в Москве.

11 августа 1941 г. Борис Кравцов уехал на Урал, где до октября являлся курсантом саперного батальона, расквартированного в городе Чебаркуль Челябинской области. В октябре последовало направление в Одесское артиллерийское училище, эвакуированное в то время в город Сухой Лог Свердловской области. По окончании училища в звании лейтенанта был направлен на Юго-Западный фронт.

Военную службу проходил сначала в должности командира взвода топографической разведки 2-го дивизиона 822-го артиллерийского полка 300-й стрелковой дивизии. С июля 1942 года в той же должности воевал во 2-м дивизионе 846-го артиллерийского полка 278-й стрелковой дивизии. В 1943 г. в звании гвардии старшего лейтенанта назначен на должность начальника разведки 2-го дивизиона 132-го гвардейского артиллерийского полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Принимал участие в оборонительных боях на Харьковском направлении, в обороне Сталинграда, окружении 6-й немецкой армии, в освобождении Павлограда (за что дивизии было присвоено наименование Павлоградской), города Запорожье. За мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра в октябре 1943 г., удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1944 г. капитан Кравцов вынужден был уволиться из армии по ранению. В 1945 г. он поступил в Московскую юридическую школу, а по ее окончании – во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ). Во время учебы в институте работал судьей, а с 1950 г. – в аппарате Министерства юстиции СССР в должности старшего инспектора-ревизора, тогда же был избран секретарем парткома Министерства юстиции СССР. С ноября 1955 г. – инструктор отдела административных органов ЦК КПСС.

28 января 1960 г. Борис Кравцов назначен первым заместителем Прокурора РСФСР, а в январе 1971 г. – Прокурором РСФСР.

В апреле 1984 г. Борис Кравцов назначен на должность Министра юстиции СССР и избран депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

В 1990 году Борис Васильевич избирается членом правления Клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы; с 1993 года – вице-президент Российской ассоциации Героев.

Является автором более ста публикаций в журналах «Советское государственное право», «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Огонек», «Ветеран» и других.

Борис Васильевич Кравцов награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Дружбы народов, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Украины», «За освобождение Запорожья», «За победу над Германией», Анатолия Кони, «За усердие». Почетный работник прокуратуры, почетный работник юстиции, почетный гражданин городов Каменск и Дербент. Действительный член Академии военно-исторических наук. Автор книги «Записки Прокурора республики».

О Борисе Васильевиче Кравцове

Нет столетия в жизни человечества, которое бы не принесло людям радости или горя, не было бы отмечено успехами или разочарованиями. И в древней, и в новейшей истории каждое столетие оставило свой след.

Вторая мировая война имела колоссальные последствия и оставила глубокий след во всемирной истории. Для Советского Союза последствия Великой Отечественной войны были особенно огромны. Не морозы и не обширные пространства нашей Родины победили Гитлера: его победило сопротивление русского и других советских народов.

Все народы СССР отстаивали свое право на независимое национальное существование, сделали это с такой неукротимой волей к победе, с таким истинным, презирующим всякую шумиху героизмом, с таким подъемом духа, как никакой другой народ в мире. Другие страны, несмотря на огромную помощь финансовых и промышленных воротил, не могли все-таки самостоятельно избавиться от Гитлера и его приспешников.

Поистине народная война 1941–1945 годов сказалась в героизме наших солдат на полях битв с фашистами, сказалась в вооруженных выступлениях партизан против завоевателей, в успешных усилиях простых людей противостоять армии оккупантов. Победа в Великой Отечественной вызвала столько справедливой гордости, столько уверенности в себе.

11 августа 1941 года я получил повестку из военкомата: предлагалось быть на сборном пункте у Белорусского вокзала. На привокзальной площади шумно, много людей. В основном молодежь призывного возраста и провожавшие их родители, а точнее, родительницы. Для прощальных разговоров времени не было. Только успел я найти свою группу, как последовала команда: «По машинам!». Грузовики, специально оборудованные для перевозки людей, повезли нас к месту посадки в эшелон.

Никто толком не знал, куда нас повезут по железной дороге. Но большинство склонялось к тому, что раз едем от Белорусского вокзала, значит, на запад, на фронт.

В товарном вагоне с дощатыми в два яруса полками для спанья разместилось человек тридцать пять. Все москвичи, вчерашние десятиклассники. Через несколько дней эшелон разгружался на станции Чебаркуль в Челябинской области. Здесь располагались большие военные лагеря.

Два месяца мы были курсантами отдельного 910-го учебного саперного батальона. Жили в землянках, затем построили большие шалаши, накрыли их еловыми лапами, на лапах и спали. Условия были нелегкие: с утра до вечера земляные и строительные работы, военная подготовка – теория и практика. При серьезной физической нагрузке питание было довольно скудным, однообразным – щи да каша. Тем не менее я не помню случая, чтобы кто-то из курсантов пытался уклониться от работы. Почти не было среди нас и больных.

Иногда вечером, когда весь взвод собирался в шалаше, дружно пели песни: «По морям, по волнам...», «А море бурное шумело и ревело...» и другие. Вдохновляли нас и песни, которые звучали по радио. Конечно, «Вставай, страна огромная...», «Иди, любимый мой, иди, родной...» и другие. Радовала красивая уральская природа, огромное чистое озеро с прозрачной холодной водой.

В конце сентября в расположение батальона прибыла специальная военная комиссия, и за несколько дней все курсанты были распределены по различным военным училищам и школам. Те, кто имел полное среднее образование, получали направления в артиллерийские училища. Кто был без среднего образования, направлялся в пехотные училища, авиатехнические школы и т. д.

Я попал в Одесское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе, которое находилось в то время в городе Сухой Лог Свердловской области.

По прибытии к месту учебы нас разместили в казарме-бараке. Вдоль длинных стен стояли двухъярусные кровати с заправленными постелями. У каждого курсанта была тумбочка. Сразу выдали курсантское обмундирование, гимнастерки были с красивыми артиллерийскими петлицами.

После принятия в торжественной обстановке присяги за каждым курсантом была закреплена винтовка. Вся обстановка в училище разительно отличалась от того, что мы испытали в саперном батальоне. Здесь чувствовался порядок во всем. Особенно впечатляла чистая и светлая столовая.

С офицеров училища хотелось брать пример – все как на подбор симпатичные, стройные, в хорошо подогнанном обмундировании. Именно таким предстал и командир нашего второго взвода батареи топографической разведки лейтенант Рыков. При первой же встрече лейтенант подробно рассказал, что обучение, рассчитанное на три года, мы должны пройти за семь–восемь месяцев. Девизом обучения является эпиграф к «Правилам стрельбы наземной артиллерии» (основной документ артиллерии РККА): «Быть хорошим артиллеристом, особенно артиллерийским командиром, означает быть всесторонне образованным человеком. Ни один род

войск не требует такого ума, воли, мужества и культуры, как артиллерия». Лейтенант рассказал, что в составе училища имеются три дивизиона, из которых два готовят артиллеристов-огневигов и один дивизион артиллерийской инструментальной разведки (АИР), в его состав входит и наша батарея топографической разведки. И еще он добавил, что АИР-дивизион готовит офицеров наивысшей квалификации. Эти слова еще больше прибавили нам оптимизма и гордости.

Обучаясь в училище, я пришел к выводу, что в широком смысле в армии хорошо тогда, когда в ней лучше, чем на какой-либо другой работе, – может быть, даже лучше, чем дома. К сожалению, времена меняются. И чтобы в настоящее время изменить отношение к армии и положение в ней, нужно изменить обстоятельства, армия должна быть привлекательной.

Сразу же, с ходу началась учеба: строевая и физическая подготовка, арттренажи, занятия по тактике, марш-броски, изучение оружия и боевой техники, уставов, военной топографии, других предметов. В то время, как известно, жизнь, быт и обучение войск были максимально приближены к боевым условиям.

Учились курсанты добросовестно, жадно. Дисциплина и исполнительность были высочайшими. Понимали: война не потерпит недоучек.

В казармах училища и классах было холодно, поэтому на занятиях курсанты сидели в шинелях. Уральские морозы зимой 1941–1942 годов на редкость были очень чувствительными. Постоянно напоминал о себе и голодный желудок. Тем не менее занятия по большинству предметов проходили для нас интересно.

В связи с этим на грустные раздумья наводит показанный в январе 2005 года телесериал «Курсанты». Для меня совершенно очевидно, что в сериале представлены надуманно-лживые сцены, которые никак не соответствуют действительности того времени. В офицерской среде, особенно от выпускников военных училищ, я никогда не слышал о том, чтобы что-то похожее на показанное в сериале имело место в процессе их обучения в училищах.

...Шел апрель 1942 года. Позади десять месяцев жесточайших сражений советских войск с немецко-фашистскими захватчиками. Завершилась битва под Москвой, развеявшая миф о непобедимости гитлеровской армии. Нам, курсантам училища, был показан документальный фильм о сражении под Москвой. Настрой у всех был боевой. В один из тех апрельских дней выпускников училища собрали в городском клубе. Как только начальник училища генерал-майор Краснопольский произнес слова «Приказ Верховного главнокомандующего», в зале воцарилась тишина. В Приказе говорилось о присвоении воинского звания лейтенанта или младшего лейтенанта – в зависимости от результатов учебы – и указывалось, на какой фронт направляется та или иная группа выпускников. Я попал в группу лейтенантов, которая направлялась на Юго-Западный фронт. В штабе 38-й армии мне сказали, что служить буду в 300-й стрелковой дивизии – командиром взвода топографической разведки артиллерийского дивизиона.

До штаба дивизии, державшей оборону в районе украинского села Новый Бурлук, я шел пешком. Весна была в разгаре – густо зеленела у дороги трава, алели

полевые цветы, на яблонях появилась завязь. Тихо и тепло вокруг. И, казалось, нет никакой войны. В лесу, где располагался штаб дивизиона, тоже тишина. Правда, порой неподалеку раздавались одиночные выстрелы и короткие пулеметные очереди. Командир дивизиона капитан Бондарь и комиссар Родин приняли меня доброжелательно.

К вечеру, приняв свой взвод, я уже отправился разведывать цели на переднем крае противника. 12 мая в 6.30 на нашем участке началась часовая артиллерийская подготовка: готовилось крупное наступление советских войск. Как только орудия и минометы умолкли, пошли в атаку стрелковые подразделения при поддержке танков. Вскоре, однако, людей прижал к земле плотный артиллерийский огонь противника. Насыщенность огневыми средствами у врага на этом участке оказалась очень большой. Тем не менее в течение 19-го и 20 мая дивизия продолжала наступление...

...О лете 1942 года остались весьма грустные воспоминания. До сих пор перед моим взглядом серые от пыли лица, воспаленные от недосыпания глаза. Часто меняем направление движения, прячемся, услышав гул моторов. Случалось, попадали в засаду. Немцы открывали довольно плотный минометный и пулеметный огонь. Были убитые и раненые. Однако противник (видимо, небольшая разведгруппа или десант) нас не преследовал и, я полагаю, огонь вел скорее для того, чтобы посеять панику.

Наступил день, когда перед нами заблестела река Дон.

Ставка Верховного главнокомандования предприняла решительные меры по стабилизации положения на юге страны. Тогда же был образован новый, Сталинградский фронт. Помимо общевойсковых и танковых соединений, в него вошли и уцелевшие части нашей 38-й армии. Был осуществлен ряд других организационно-структурных мероприятий. К примеру, 278-я стрелковая дивизия, которая сражалась на Купянском направлении и понесла большие потери, пополнилась за счет нашей, еще более обескровленной 300-й дивизии.

Наш артиллерийский полк, заняв боевые порядки в районе хутора Ластушенский, поддерживал огнем действия стрелковых подразделений, удерживавших плацдарм на правом берегу Дона, чтобы не допустить форсирования гитлеровцами реки и не дать им продвинуться к Сталинграду.

Настроение бойцов поднялось, понимали, что располагались основательно. А вскоре это было подтверждено известным приказом наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года, категорически потребовавшим: «Ни шагу назад!».

По своему характеру этот документ являлся нормативно-правовым актом. В приказе перечислялись меры по укреплению боевого духа, дисциплины, подчеркивалась необходимость борьбы с трусостью, паникерством. Командирам и политработникам ставилась задача: обеспечить резкий перелом в ходе войны...

...Дальнейшим наступательным действиям серьезно мешали вражеские войска, засевшие на острове Хортица. Гитлеровцы имели здесь сильные укрепления, кото-

рые предстояло брать, форсируя глубоководный в своем нижнем течении Днепр. Эта задача стояла перед подразделениями 60-й гвардейской стрелковой дивизии.

В штабе командир дивизиона сразу поставил задачу: «Приказано форсировать Днепр, произвести высадку на Хортицу. Ты с группой разведчиков и радистом пойдешь вместе со штурмовым батальоном. Будешь корректировать огонь артиллерии». Командир дивизиона понимал, на что идут разведчики, и, будто извиняясь, добавил: «Мы поддержим вас. Дай только координаты».

Форсирование Днепра и штурм острова Хортица – незабываемые эпизоды для участников тех событий. Сколько молодых парней, плывущих к берегам Хортицы, поглотили воды Днепра! Каждый из нас понимал: выжить может быть один шанс из ста. Но приказ есть приказ. Его надо беспрекословно выполнять. Советские воины выполняли такие приказы не из страха быть наказанными за неисполнение, а по зову чести, долга и ответственности перед Отечеством.

В ночь на 25 октября 1943 года десантники скрытно сосредоточились на исходных рубежах. Отплыли на остров на понтонах в полной темноте. Тут наш понтон сел на мель. Случайно выпущенная ракета осветила нас. Молчаливый доселе берег превратился в ад. Стрекот пулеметов, разрывы снарядов и мин создали для десантников почти непроходимую огненную стену.

Противник, впрочем, опоздал: десантники бросились в воду и, поднимая над головой оружие, средства связи, другое имущество, устремились к берегу вброд. Замыкающие отряды десантников еще преодолевали кипящую от разрывов реку, а на берегу уже гремело многоголосое русское «Ура!». Немцы не выдержали яростного натиска гвардейцев, отступили в глубь Хортицы.

Фашисты повели по позициям десантников шквальный минометный и пулеметный огонь. В условиях непроглядной октябрьской ночи трудно было определить направление контратаки противника. Мы понимали, что враг постарается во что бы то ни стало сбросить смельчаков в Днепр.

Всю ночь пришлось корректировать огонь левобережных батарей, помогая пехоте отбивать наседающего противника. Всю ночь в эфире звучали команды: «Ориентир три, два снаряда, огонь! Прицел меньше два, огонь! Шесть снарядов, беглый огонь!». И так до рассвета.

За ночь пехотинцы восемь атак отбили. Мы были в блиндаже: радист возле радиации, я у входа, чтобы наблюдать, где разрываются наши снаряды. «Огонька, огонька добавьте!», – просил я берег, и они добавляли. Враг нес от работы наших батарей большие потери. На рассвете фашисты бросились в атаку в очередной раз. Очевидно, немцы засекли радию: на полуразрушенный блиндаж обрушился минометный шквал. Вражеские автоматчики прорвались сквозь заградительный огонь, наш правый фланг был смят. Патронов у нас почти не оставалось.

И вот уже доносятся крики: «Рус, рус, сдавайс! Рус капут!». Мы понимаем, что сейчас с нами будет покончено: мы окружены, патронов нет. Тут мы заметили ползущих к блиндажу фашистов. Решение возникло мгновенно. «Вызываю огонь на себя! Цель – наш НП!», – прокричал я радисту. А по накату уже топали тяжелые

сапоги. Наступали тягостные минуты: поняли или нет нас там, на левом берегу, выполняют ли нашу просьбу? Тревожную мысль прервал оглушительный взрыв гранаты в проходе в блиндаж. В тот же миг ощутил острую боль в левом плече, подумал: только бы кость не задело! Увидев разбитую радию, успокоил себя: а какая, собственно, разница...

В этот миг мы услышали знакомый нарастающий свист. Стреляли наши! Два снаряда разорвались в нескольких метрах, третий попал в край бревен блиндажа. Поплыл, посыпался песок, рухнула крыша.

Очнувшись, я понял, что завален обломками с землей. Немцев вокруг не было. Наскоро перевязав раны, мы поползли к окопам пехотинцев. Солдат-связист несколько раз крутанул ручку зеленого ящика и протянул мне телефонную трубку. «Фиалка на проводе», – послышался в трубке знакомый голос. Сразу объяснил, что я Кравцов, что у меня легкое ранение, и попросил передать команду: «Данные для стрельбы те же. Открыть заградительный огонь!». Снова атакуют. Пушки били по наступающим цепям вражеской пехоты, не позволяя ей приблизиться к позициям наших бойцов. Враг, однако, тоже не оставался в долгу и вел ожесточенный огонь.

Атаки врага повторялись методично и упорно. Отбивать их становилось все труднее. Положение было чрезвычайно напряженным. Патроны на исходе, гранат мало. А впереди еще шесть часов светлого времени. Боеприпасы берегли и, по возможности, подпускали противника на расстояние прицельного выстрела.

Никогда еще день не казался мне таким долгим. Мучила жажда. От пыли и дыма нечем было дышать. Последняя атака противника на острове, в отражении которой я принял участие, была особенно ожесточенной. Давали подойти немцам чуть ли не вплотную к передней траншее и забрасывали гранатами. Офицеры, у кого еще были патроны, стреляли из пистолетов и автоматов. На левом фланге в ход шли штыки и лопаты. В окопах оставалось менее трех десятков здоровых людей. Многие получили тяжелые ранения. Атаку все-таки отбили...

К ночи на Хортицу, выше по Днепру, высадился десант. На нашем участке началась эвакуация раненых. Артиллеристов вместе с другими ранеными десантниками переправили на левый берег. Стало ясно, что наш десант был брошен для отвлечения внимания противника, чтобы дать основным силам в другом месте форсировать водную преграду и захватить плацдарм: у войны свои законы, свои правила игры...

...Главное о войне, я убежден, уже сказано, но в последние годы у нас продолжали выходить литературные произведения, фильмы, статьи в журналах и газетах, посвященные Второй мировой войне. Это довольно разноречивая творческая продукция с широким спектром оценок, подчас диаметрально противоположных. Понятно стремление авторов сказать о войне то, что прежде умалчивалось, но на гребне обновленческой волны появилось много мутной, даже грязной пены. Отдельные авторы пытаются переоценить крупнейшие сражения войны, преуменьшить значение завоеванной Победы, бросить тень на имена наших прославленных полководцев. Наконец, есть авторы, которые идут еще дальше. Они обеляют поли-

тику гитлеровской Германии, пытаются реанимировать легенду о «превентивном характере» нападения Гитлера на СССР. Я имею в виду, прежде всего, книгу «Ледокол» Суворова, другие его сочинения. Сразу же напомним, что Суворов – это псевдоним бывшего советского майора-разведчика Резуна, который за измену родине приговорен к смертной казни. В своих книгах автор искажает известные факты, стремясь возложить ответственность за войну... на СССР. Неудивительно, что на Западе многие солидные авторы называли «Ледокол» бездарной фальшивкой, рассчитанной на непритязательного обывателя.

О правовых аспектах минувшей войны надо сказать следующее. Впервые в истории войн уроки и итоги второй мировой получили не только политическую, но и правовую оценку. Я имею в виду Нюрнбергский процесс, осудивший главных военных преступников, а также процессы в Германии и других странах, покаравшие преступников рангом поменьше, непосредственно исполнявших злодейские замыслы Гитлера и его приспешников. Это, конечно, суровое предостережение и на будущие времена. Следует заметить, что на Нюрнбергском процессе убедительно доказано: агрессию против СССР совершила Германия. Гитлер – главный виновник войны.

Все ветераны Великой Отечественной войны с большим удовлетворением воспринимают мероприятия, проводимые в России в связи с приближающейся 65-й годовщиной со дня Великой Победы. О войне сказано очень много, но для нас – непосредственных участников боев с фашизмом – важно не только то, что о ней говорится, но также и то, чтобы история и героический подвиг советских людей освещались правдиво, без искажений. Мне уже не раз приходилось и писать, и выступать против фальсификаторов истории Великой Отечественной войны, против произвольных, бездоказательных оценок тех или иных событий военных лет.

В связи с этим не могу не отметить в качестве весьма положительного факта выступление Президента России Д.А. Медведева на заседании Российского организационного комитета «Победа», состоявшегося в Санкт-Петербурге 27 января 2009 г. Президент решительно осудил поистине чудовищный факт, который свидетельствует не только о неуважении к подвигу нашего народа, но и о пренебрежительном, я бы даже сказал, оскорбительном отношении к участникам войны, труженикам тыла, ко всем народам бывшего Советского Союза. На заседании был зачитан отрывок из тематических тренировочных заданий, где содержался вопрос по истории России к Единому государственному экзамену. В числе вариантов ответа на вопрос: «Что является следствием коренного перелома в ходе войны?» были указаны такие: «выход Японии из войны»; «переход стратегической инициативы к Красной Армии»; «распад антигитлеровской коалиции» и, наконец, «расстрел всех немецких солдат, находившихся в советском плену» (!). Нетрудно себе представить, каких патриотов Родины можно воспитать подобными учебными пособиями! Нам, ветеранам, хочется все же верить, что у тех, кто сложил голову в великой той битве, должны быть достойные наследники. Пусть они сделают то, что не смогло

сделать наше поколение. Хочется верить, что и мы, ветераны, на своем «дожитии» еще почувствуем нормальную человеческую жизнь, достойную Победителей.

Так я стал прокурором

После выхода первого и второго изданий «Записок...» я получил немало писем, в которых читатели просили рассказать о том, как сложилась моя судьба после войны, чем я занимался до того, как стал прокурором России.

В данном случае речь идет о периоде с середины 40-х до начала 70-х годов XX века. Эти годы я тоже хорошо помню, тем более что они протекали на фоне по-своему интересной и увлекательной жизни нашей страны в целом.

Как уже отмечалось, после ранения я более четырех месяцев находился в госпитале в г. Ленинакане (ныне – Гюмри) Армянской ССР.

Утром 17 мая 1944 года нас – двух офицеров и нескольких солдат – посадили в плацкартный вагон. Мы выехали в Тбилиси. Там сделали служебную остановку для оформления проездных документов до Москвы. Через десять дней поездом «Тбилиси – Москва» я прибыл на Курский вокзал столицы. Спустился в метро. Увидел непривычно чистые вагоны. Пассажиров было не много: в основном в военной форме с погонами, а большая часть – инвалиды, раненые без погон. И вот она – родная, самая красивая станция метро «Маяковская»...

...Пребывание в больнице запомнилось тем, что именно тогда я определился с планом своей дальнейшей жизни. Вместе с товарищем по институту Александром Корнеевым, тоже инвалидом войны, мы приняли решение поступать в Московскую юридическую школу. Выбрали это учебное заведение по разным причинам. Прежде всего, оно соответствовало нашим физическим возможностям, кроме того, нам очень понравилась программа обучения, ну и не последнюю роль сыграло то, что учиться нужно было всего два года. И эти два года остались незабываемыми.

В июле 1947 года мы сдавали государственные экзамены. Все слушатели, выдержавшие их, получили направления на конкретную работу. По представлению Министерства юстиции СССР я был избран судьей Московского транспортного суда. Думаю, что при выдвижении меня на столь высокий пост учитывался полученный мною красный диплом (с отличием).

Суд под моим председательством рассматривал уголовные дела о преступлениях на транспорте. Много было дел об авариях, хищениях грузов, хулиганстве, но не помню, чтобы в производстве были дела об убийствах. Часто надо было выезжать в города Рязань, Муром, Тверь, Рыбинск по месту совершения преступлений. Судебная работа мне нравилась. Скучать было некогда. К тому же существовала еще серьезная дополнительная нагрузка – учеба в заочном юридическом институте.

В 1950 году меня назначили на должность старшего инспектора-ревизора Министерства юстиции СССР. Но эта работа была мне не совсем по душе. Я считал, что делать замечания на докладные записки и статистические отчеты председателей судов, проводить ревизии в судах, анализировать и обобщать судебную практику – какая-то сухая работа. Но со временем мое отношение к этой работе изменилось, и я даже получал от нее некоторое удовлетворение.

В 1955 году я был избран освобожденным секретарем парторганизации министерства. Конечно, этому предшествовали разговоры с секретарем Дзержинского райкома партии и с министром Константином Петровичем Горшениным. Я сопротивлялся, говорил, что это не моя стезя, не моя профессия, но вынужден был согласиться – партия приказала.

Однако ничто не вечно: в 1955 году Министерство юстиции СССР было ликвидировано, партийные дела я сдал и ожидал решения вопроса о своем трудоустройстве. Вскоре меня пригласили в отдел административных органов ЦК инструктором отдела. Отдел занимался самыми разнообразными вопросами, и прежде всего подбором и расстановкой кадров. При этом особое внимание уделялось культуре в работе: в отношениях между сотрудниками, в подготовке документов и в обращении с посетителями. В коллективе была атмосфера теплая, доброжелательная.

Вскоре произошла моя встреча с прокурором РСФСР Алексеем Андреевичем Кругловым. Когда он вошел в комнату, я подумал, что у него есть вопросы по недавно проведенной нами проверке работы прокуратуры с жалобами граждан. Но Алексей Андреевич улыбнулся, спросил о здоровье и сразу предложил должность заместителя Прокурора Республики, добавив, что знает меня как опытного юриста и надеется на дружную совместную работу. Я попросил один день, чтобы подумать.

Однако на следующий день утром меня пригласил к себе заведующий отделом В.И. Тищенко, напомнил о XX съезде КПСС и о важной роли правоохранительных органов в деле выполнения решений съезда. Он также сказал, что правоохранительные органы нуждаются в укреплении их кадрами и что отдел будет рекомендовать меня на должность первого заместителя прокурора РСФСР. Владимир Иосифович предупредил меня, что в случае моего отказа второго предложения не будет. Я ответил, что согласен, и поблагодарил за доверие.

28 января 1960 года приказом Генерального прокурора я был назначен первым заместителем Прокурора РСФСР.

В Прокуратуре республики на меня было возложено руководство отделами по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел, по делам несовершеннолетних, по надзору за местами лишения свободы, а также аттестационной комиссией и методическим советом. В дальнейшем вместо отдела по надзору за местами лишения свободы я курировал работу канцелярии и приемной прокуратуры РСФСР.

На меня же возлагалось и осуществление контроля за исполнением соответствующих приказов Генерального прокурора и Прокурора РСФСР на местах, организация проверок и конференций по обмену опытом работы, еженедельный прием граждан. В отсутствие Прокурора республики доводилось исполнять его обязанности. Не раз я выезжал для расследования чрезвычайных происшествий в составе правительственных комиссий.

Вспоминается такой эпизод: весной 1961 года в городе Каменск Ростовской области произошел крупный пожар. А для меня этот город памятен еще с войны тем, что там сражалась наша дивизия. На одной из нефтебаз города загорелась большая емкость с бензином, пожар уничтожил несколько домов, в огне погибло

более 40 человек, в том числе дети. Как куратор деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением законов в отношении несовершеннолетних, я был направлен на это чрезвычайное происшествие в качестве руководителя специально созданной правительственной комиссии.

Предстояло выяснить причину пожара. Это был главный вопрос, который я поставил перед следователем и специалистами пожарного надзора. Конкретные обстоятельства дела потребовали привлечения к расследованию металлографов и экспертов по электросварке. В конце концов удалось выяснить, что находившаяся на базе экспериментальная емкость была заполнена сверх нормы и из-за плохого качества сварки швы не выдержали. Разрыв металла высек искру...

Следствие выявило виновных. При этом, учитывая тяжесть последствий, начальник базы, инженер по надзору за строительством, сварщик и прораб были арестованы.

С октября 1963 года Прокурором РСФСР был Владимир Михайлович Блинов. В сентябре 1970 года он был назначен Министром юстиции РСФСР. С этого момента в течение четырех месяцев я являлся исполняющим обязанности Прокурора РСФСР и одновременно выполнял работу первого заместителя Прокурора республики. Это было нелегко.

В.М. Блинов (теперь уже бывший прокурор) не поддерживал мою кандидатуру на должность Прокурора республики. Еще ранее, проработав в прокуратуре всего несколько месяцев, он вносил предложение об освобождении меня от должности заместителя Прокурора РСФСР и о назначении на должность прокурора Московской области. Спасибо Александру Яковлевичу Сухареву (тогда заведующему сектором отдела административных органов ЦК КПСС) – он не поддержал это предложение и не советовал мне соглашаться на него. Через некоторое время в административном отделе рассматривался вопрос о назначении меня Прокурором Казахстана. Но и с этим предложением я не согласился.

Таким образом, позиция В.М. Блинова относительно назначения меня на пост Прокурора РСФСР была мне понятна. Сторонники же моей кандидатуры исходили из того, что одиннадцать лет работы в должности первого заместителя – достаточный опыт руководящей работы.

Несомненно, были и другие кандидатуры – это нормально.

Наконец лед тронулся, и вот в конце декабря меня пригласил Роман Андреевич Руденко. Беседа длилась недолго. Встретил он меня с улыбкой, посадил за стол, где он обычно беседовал с гостями. «Ну что ж, – говорит он, – хочу вам испортить настроение под Новый год». На мгновение это меня смутило, но я тотчас понял, что это шутка. После небольшой паузы он спросил: «Как Вы смотрите на назначение Вас Прокурором РСФСР?». Когда я сказал, что согласен и поблагодарил за доверие, Роман Андреевич напомнил мне о Казахстане, и заметил при этом, что России я нужнее.

21 января 1971 года приказом Генерального прокурора СССР я был назначен Прокурором РСФСР. Находился на этой должности более 14 лет.

В.Б. Кравцов. Из книги «Записки прокурора республики (2009 г.)»

12 апреля 1984 г. Б. В. Кравцов назначается Министром юстиции СССР. Менее чем через год, 11 марта 1985 г. руководителем партии на внеочередном Пленуме ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, провозгласивший курс на ускорение, перестройку, гласность, социальную политику во имя человека, на благо человека, развитие демократии, повышение общественного сознания, трудовой и социальной активности советских людей.

23 апреля 1985 г. состоялся апрельский Пленум ЦК КПСС, который в очередной раз стал считаться переломным в жизни СССР.

Итоги работы Министерства юстиции СССР «от съезда к съезду» подвел Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов. Он отметил, что наступил качественно новый этап в работе по укреплению правовой основы государственной и общественной жизни – важного слагаемого дальнейшего развития социалистической демократии.

Продолжалась работа в области совершенствования законодательства. Законодательные мероприятия осуществлялись на плановой основе, планировалась кодификационная работа. Было осознано первостепенное значение хозяйственного законодательства, стала заметна работа по совершенствованию жилищного, трудового законодательства, законодательства о народном образовании, использовании и охране земель, вод, лесов, атмосферного воздуха, животного мира. Впервые в Конституции была упомянута индивидуально-трудовая деятельность. Встала задача создания общесоюзного акта, устанавливающего ее режим.

Активно велась работа по упорядочению законодательства, обеспечению большей доступности и стабильности. Значительным событием стало издание десяти-томного Свода законов СССР, в которое вошли 1 367 законодательных актов и постановлений Правительства СССР, а до этого издания была проведена большая работа по значительному обновлению законодательства. Особо следует отметить официальный характер Свода законов СССР – на тексты актов можно ссылаться. Были подготовлены своды законов во всех союзных республиках. Свод издавался на разъемных листах, обладал гибким механизмом обновления, он был рассчитан на поддержание в контрольном состоянии.

В мае 1985 г. было принято направление на достижение всеобщей трезвости. Создавались «зоны трезвости», сворачивалось винно-водочное производство. Вернулась борьба с так называемыми нетрудовыми доходами, что, к сожалению, зачастую отрицательно сказывалось на личном подсобном хозяйстве и снабжении городов сельхозпродуктами.

Приоритетной проблемой этого периода стало укрепление общественного порядка и усиление борьбы против пьянства и алкоголизма. Все основные мероприятия в этой области проводились с участием министерств юстиции СССР и РСФСР. Было установлено, что проблемы, которые встали перед ними, следующие: недостаточное использование судами выездных судебных заседаний; отсутствие контроля за исполнением судебных решений.

Следовало ограничить дееспособность лиц, злоупотребляющих спиртным, так как пьянство и алкоголизм – распространенные причины совершения преступлений,

отягчающие ответственность. Необходимо было решать вопросы о принудительном лечении от алкоголизма, своевременном направлении в лечебно-трудовые профилактории. Сложными оказались дела по самогеноварению, о нарушениях правил торговли и о спекуляции спиртными напитками. Серьезной была проблема вовлечения в пьянство несовершеннолетних. Было признано необходимым развивать гласность судебного производства по делам о пьянстве и алкоголизме.

XXVII съезд КПСС, состоявшийся в феврале–марте 1986 г., развил положения апрельского (1985 г.) Пленума и выдвинул курс на перестройку всех сторон жизни страны. Делегатами съезда были министр юстиции СССР Б.В. Кравцов и министр юстиции РСФСР А.Я. Сухарев. Задачи органов и учреждений юстиции и судов, вытекающие из решений XXVII съезда КПСС, сформулировал Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов.

В мае–июле 1986 г. на базе Верховного Суда Грузинской ССР по решению Минюста СССР проведен учебно-методический семинар о формах и методах применения в судебном производстве современных видов научно-технических средств. Особое внимание было обращено на практику применения звукозаписи и видеомagneтофонов, которые предоставляют суду качественно новые возможности.

На заседании коллегии в июле 1986 г. рассматривалась работа органов юстиции и судов по предупреждению необоснованного осуждения граждан. Поднималась проблема развития нотариальных услуг населению.

После январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС большие задачи были поставлены перед теорией права, юридической наукой. Возникли новые теоретические проблемы: социалистической собственности, в частности использования кооперативных форм, правовой регистрации индивидуально-трудовой деятельности, правовых аспектов планирования товарно-денежных отношений, хозрасчета, самоокупаемости, избирательной системы, выборности утверждения руководящих работников, соотношения принципов единоначалия и коллегиальности, роли выборных и исполнительных органов.

Правовые исследования и конкретные предложения по совершенствованию законодательства должны были способствовать ускорению процесса углубления социалистической демократии и, соответственно, перестройки. Провозглашалось, что демократия неразделима с гласностью, критикой, поэтому нужны нормативные акты, гарантирующие гласность, открытость в деятельности государственных органов.

В феврале 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». ЦК КПСС обязал, в частности, Министра юстиции СССР Б.В. Кравцова, устранять недостатки в деятельности органов юстиции, улучшать руководство ими, повышать требовательность к кадрам, совершенствовать профессиональную подготовку работников юстиции всех уровней и призвал покончить в судебных разбирательствах с проявлениями предвзятости, тенденциозностью, волокитой, черствостью, безразличием к судьбам людей.

В апреле 1987 г. коллегия Министерства юстиции СССР рассмотрела результаты проверки Минюста и судов Узбекской ССР по перестройке стиля и методов деятельности, борьбе с корыстными преступлениями, нетрудовыми доходами.

12–15 мая 1987 г. в Будапеште состоялось IX Совещание министров юстиции социалистических стран с приглашением делегаций семи развивающихся стран. Была отмечена активная роль министерств юстиции в развитии национального законодательства. На совещании шел разговор о расширении договорной основы сотрудничества в целях оказания взаимной правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов сделал доклад о принимаемых в СССР мерах по правовому обеспечению перестройки в народном хозяйстве и социальной сфере. На совещании рассматривались вопросы о правах человека, о практическом применении многосторонней Конвенции от 19 мая 1978 г. о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются.

В июне 1987-го был принят Закон «О государственном предприятии (объединении)», который предусматривал новые начала хозрасчета и самофинансирования. Начиная с этого момента централизованные инвестиции и директивы плановых органов существенно сокращали свою сферу деятельности. В свете указанных решений возросла роль правовой работы в народном хозяйстве. На коллегиях Минюста СССР изучались проблемы внедрения передового опыта правовой работы по обеспечению научно-технического прогресса.

Совещание-семинар, проведенное Минюстом СССР совместно с Госстандартом СССР в сентябре 1987 г., решало проблемы координации работы юридических служб объединений, предприятий и органов государственной приемки по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1986 г. № 540 «О мерах по коренному повышению качества продукции». В связи с этим перед юристами на предприятиях, перед Управлением правовой работы в народном хозяйстве Министерства юстиции СССР встали новые вопросы по правовому обеспечению качества продукции.

Вопросы работы судов не раз ставились в этот период в Министерстве юстиции СССР. На заседании коллегии Минюста СССР был проведен анализ фактов незаконного осуждения граждан – в основном это допускалось народными судами по таким категориям преступлений, как нарушение правил административного надзора, систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством, спекуляция, занятие запрещенным промыслом. Осуждались такие лица, как инвалиды, беременные женщины и женщины с малолетними детьми.

Были определены основные задачи на перспективу: коренное улучшение деятельности судов, обеспечение строжайшего соблюдения демократических принципов правосудия, упрочение гарантий прав и интересов государства и граждан, расширение видов правовых услуг и качества правовой помощи, повышение уровня методического руководства правовой работой в народном хозяйстве, оказание помощи юридическим службам предприятий, работающих в условиях хозрасчета

и самофинансирования, обеспечение высокого уровня кадров, ответственности за порученное дело.

Впервые в истории советского государства имели место выборы в народные судьи из двух кандидатов.

В июне–июле 1988 г. состоялась XIX партконференция (партконференции созывались в особых случаях между съездами; XVIII партконференция проводилась в 1941 г.). Краеугольной проблемой, поднятой на конференции, была программа радикальной демократизации общественно-политической жизни и реформа политической и правовой системы. На конференции провозглашались демократизация, гласность, плюрализм, борьба с бюрократизмом, говорилось о межнациональных отношениях. Процесс последовательной демократизации советского общества должен был завершить формирование социалистического правового государства, главной характеристикой которого должны были стать обеспечение верховенства закона и принцип разделения властей. Эти преобразования предполагалось осуществить в рамках общего реформационного процесса.

Таким образом, XIX партийная конференция отметила одно из ведущих направлений концепции правового государства, что право должно служить не государству, а обществу, осудила административно-командный метод руководства, подчеркнула необходимость создания правовой базы для проведения экономических реформ и защиты прав граждан.

В феврале 1989 г. был утвержден Устав Союза адвокатов СССР, а в июне 1989-го – Устав Союза юристов СССР. Это были последние крупные решения Министра юстиции СССР Б.В. Кравцова, в июне 1989 г. Борис Васильевич ушел на заслуженный отдых.

По книге «На службе закону и справедливости».
Р. Звягельский (2002 г.)

КУЛИКОВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА

Елизавета Михайловна Куликова родилась 23 февраля 1922 г. Участвовала в боях по охране неба Москвы в войсках МПВО. Сержант.

Награждена медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

В Минюсте России – начальник Канцелярии.

Я в 1941 г. добровольно ушла в армию. Служила в Московской противовоздушной обороне в 425-м батальоне. Была химинспектором роты. Читала лекции солдатам по химическому обороне, отравляющим веществам, готовила солдат к отражению химатак. Распространяла листовки для населения с информацией о самообороне. Дежурила после бомбардировок на улице.

Дежурили в московских госпиталях, помогая спасать раненых. Выступали с концертами в госпиталях с песнями о войне.

Демобилизовалась в 1945 году. После окончания войны поступила и успешно закончила Московскую юридическую школу, затем училась во Всесоюзном юридическом заочном институте. Работала в Фурманове Ивановской области нотариусом, в Москве в Моссовете. С 1960-х годов по начало 1980-х работала в Министерстве юстиции начальником канцелярии.

Е. М. Куликова. Воспоминания

КУЛИКОВА РИММА МАТВЕЕВНА

Римма Матвеевна Куликова родилась 11 января 1924 г. Труженик тыла военных лет.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В Минюсте – заместитель начальника Канцелярии.

«...Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля...».

Под этот торжественный гимн просыпался весь советский народ, но вот наступило воскресенье – 22 июня 1941 года, и все изменилось. В 12 часов 00 минут Молотов В.М. выступил по радио и объявил о том, что в 4 часа 00 минут утра фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз, начав бомбить нашу землю. Вот так закончилась наша спокойная, счастливая жизнь, и началась Великая битва за свободу нашей Родины.

Весь народ встал на защиту своей страны и по всей стране зазвучала другая песня: «...Пусть ярость благородная вскипает, как волна, Идет война народная, священная война...». Эта песня звала нас на беспощадную борьбу с врагом.

Уже в августе-сентябре 1941 года правительство нашей страны приняло решение об эвакуации из Москвы и других городов и районов промышленных предприятий (в первую очередь работавших на оборону страны) на Урал, в Сибирь, в Казахстан и в другие отдаленные от центра страны районы.

Мой старший брат, Константин работал на авиационном заводе № 22, расположенном в районе Фили города Москвы. Это предприятие подлежало эвакуации. В октябре 1941 года оно уже было готово к отправке, погрузив все свое имущество и людей в товарные вагоны. Вот так я оказалась в городе Казани, где поступила работать на эвакуированный авиационный завод № 22. На этом заводе я проработала всю войну с 1941 года по 1945-й. Работали «не покладая рук», поставляли фронту самолеты, в которых так нуждалась наша армия. Жили одним девизом: «Все для фронта, все для победы!».

Немного о быте в военное время: нам всем много приходилось работать на заводе. Смена составляла по 12 часов и больше. Работали столько, сколько было необходимо для производства. Кроме того, нам приходилось обеспечивать себя продуктами. Мы собирались по 4–5 человек и ехали или шли в деревни, где меняли имеющиеся вещи на продукты, в основном на картошку. Рассуждали так: «Есть хлеб (800 граммов в сутки – рабочий паек), есть картофель – и ты уже сыт». Такие поездки за продуктами мы совершали систематически всю войну.

Я до сих пор помню один случай, произошедший в тот период со мной. Мы приехали в марийскую деревню, постучали в дом, нас пустили. Надо отметить, что население деревень к нам относилось доброжелательно: и чаем напоят, и обедом накормят. В доме, куда мы попали, оказался старичок. Он обратил внимание на мою городскую шапку (дело было зимой, температура воздуха доходила до минус 25–30 градусов) и, смущаясь, предложил мне свою шапку-ушанку, чтобы я не застудила голову. Я всю войну проносила эту шапку и вспоминала доброту этого пожилого человека.

А еще я в войну была донором. Сдавала кровь, один раз в два месяца, больше у нас не брали, т. к. мы были в то время сильно истощены.

Несколько слов о партизанах, которые в тылу врага боролись с фашистами, тем самым помогая нашей армии уничтожать врага. Партизанское движение внесло большой вклад в нашу победу над фашистами.

И вот пришла весна 1945 года и принесла радостное известие, от которого захватывало дух. Был подписан мирный договор о капитуляции Германии и победе Советского Союза над фашизмом. Эта весть набатом прокатилась по всей стране. Весь народ, стар и мал, вышел на улицы, чтобы приветствовать нашу Победу. Трудно описать состояние, в котором пребывало население. Одним словом – в восторге. На улицах бушевали радость и веселье. Я вместе со всеми радовалась и была счастлива, что война закончилась и наступили трудовые будни. По всей стране трудовой народ встал на Стахановскую вахту, чтобы ускорить восстановление разрушенного Гитлером хозяйства страны.

Во время войны я работала в Казани на авиационном заводе, который снабжал фронт самолетами.

Можно было подумать о возвращении в Москву, к маме. В августе 1945 г. я из эвакуации вернулась в Москву на старое место жительства. Устроилась работать в Верховный суд РСФСР на должность секретаря судебного заседания, где про-

работала 18 лет. В 1947 году принимала участие во Всесоюзном параде физкультурников на Красной площади.

Во время работы в Верховном Суде РСФСР закончила вечернее отделение юридической школы и была переведена работать консультантом Уголовной коллегии. Поскольку я до войны не успела закончить 10 классов, я пошла учиться в 9 класс школы рабочей молодежи, где проучилась два года и получила аттестат зрелости. Год спустя я поступила в ВЮЗИ на вечернее отделение, где проучилась 5 лет и получила диплом о высшем образовании. После окончания ВЮЗИ меня назначили на должность заместителя начальника отдела жалоб, где я проработала до ухода из суда.

В 1963 году я перешла работать в Юридическую комиссию Совета Министров РСФСР, которая в 1970 году была преобразована в Министерство юстиции РСФСР, где я осталась работать на должности заместителя начальника канцелярии.

За мои скромные трудовые заслуги во время войны я была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После ухода на пенсию мне была вручена медаль «Ветеран труда», затем медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 850-летия Москвы», «60 лет Победы в Великой Отечественной 1941–1945 гг.», «В память 200-летия Минюста России».

Р.М. Куликова. Воспоминания. 1 июля 2009 г.

ЛАДИК НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Николай Афанасьевич Ладик родился 19 декабря 1919 г. На фронте с июня 1941 г. Политрук роты, комиссар батальона, инструктор политотдела. Имеет два ранения. Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Генерал-майор юстиции. В Минюсте работал в Управлении военных трибуналов.

Николай Афанасьевич Ладик родился 19 декабря 1919 г. в Белоруссии. В 1939 г. призван на военную службу. В 1941-м закончил курсы младших политруков. Прошел большой боевой путь. Воевал на Северо-Западном фронте. С июня 1941 г. по июль 1942-го Н.А. Ладик – политрук стрелковой роты, политрук пулеметной роты, политрук минометной роты, комиссар минометного батальона 117-го полка 23-й стрелковой дивизии. С августа 1942 г. по март 1943 г. – инструктор политотдела 40-й отдельной лыжной бригады; получил два ранения. С марта 1943 г. по август 1943 г. – инструктор политотдела 34-й армии.

С августа 1943 г. Н.А. Ладик – слушатель Военно-юридической академии Советской Армии, закончил академию с дипломом военного юриста в 1947 г.

После войны служил в органах военной юстиции: 1947–1949 гг. – член военного трибунала Хабаровского гарнизона (Дальневосточный военный округ); 1949–1951 гг. – председатель военного трибунала 51-го отдельного полка (Забайкальский военный округ); 1951–1953 гг. – председатель военного трибунала гарнизона советских войск в МНР (г. Чойбалсан); 1953–1961 гг. – член военного трибунала, заместитель председателя военного трибунала Забайкальского военного округа (г. Чита); 1954–1957 гг. – член Военной коллегии (запасной) по реабилитации политических заключенных и лиц, незаконно репрессированных (Верховный Суд СССР); 1961–1964 гг. – заместитель председателя военного трибунала Прикарпатского военного округа (г. Львов); 1964–1968 гг. – председатель военного трибунала

Приволжского военного округа; 1968–1972 гг. – председатель военного трибунала Краснознаменного Северного флота (г. Североморск); 1972–1974 гг. – председатель военного трибунала Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Мы вели машины,
объезжая мины,
по путям-дорогам фронтовым.

ЛАПШИН ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Владимир Федорович Лапшин родился 29 ноября 1926 г. Был призван в ряды Красной Армии, когда ему еще не исполнилось и 17 лет. Служба началась в учебном автополку, который дислоцировался в г. Хвалынске Саратовской области. После пяти месяцев учебы получил удостоверение военного шофера.

В апреле 1944 г. В.Ф. Лапшин был доставлен в формирующийся с целью уничтожения небольших немецко-фашистских группировок 71-й отдельный механизированный батальон особого назначения. Батальон дислоцировался в районе ст. Кубинка под Москвой. В.Ф. Лапшин был механиком-водителем плавающей лодки «Форд-амфибия».

В мае 1944 г. батальон был доставлен в район г. Орша в Белоруссии, где готовилась грандиозная операция – 5-й Сталинский удар. Часть вошла в состав 3-го Белорусского фронта, командующим которой был генерал армии Черняховский. Батальон подчинили ставке главнокомандующего при 3-м Белорусском фронте. В июне 1944 г. началась эта крупномасштабная операция, в которой В.Ф. Лапшину довелось принимать участие. Позже он был направлен в запасной полк, а затем в 27-й отдельный танковый батальон, который также входил в состав 3-го Белорусского фронта. Батальон обслуживал 53-ю танковую бригаду, которая прошла с боями и участвовала во взятии городов Восточной Пруссии и вышла под Кенигсберг. В боях В.Ф. Лапшин был ранен, но вернулся в 27-й отдельный танковый батальон. В Восточной Пруссии на берегу Балтийского моря В.Ф. Лапшин встретил День Победы. После окончания войны ему пришлось еще служить в Вооруженных Силах до 1950 года.

В.Ф. Лапшин награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многими юбилейными медалями.

В Минюсте СССР – главный специалист Управления общих судов.

Эти слова в эпиграф из известной песни мной взяты не случайно. Судите сами.

Сентябрь 1943 года. Мне еще не исполнилось и 17 лет (родился 29 ноября 1926 года), а я был призван в ряды Красной Армии. Служба началась в учебном автополку, который дислоцировался в г. Хвалынске Саратовской области. Пять месяцев учебы. Экзамен. Нам вручили удостоверение военного шофера.

В апреле 1944 года часть солдат учебного полка доставили в формирующуюся воинскую часть. Этой частью оказался 71-й отдельный механизированный батальон особого назначения. Как потом нам разъяснили, цель создания такого батальона – принятие участие в уничтожении небольших немецко-фашистских группировок.

Батальон дислоцировался в районе ст. Кубинка под Москвой. Он состоял из трех рот. Одна рота – автоматчики, вторая – минометчики, и одна рота состояла из солдат, вооруженных американскими ружьями типа немецких фаустпатронов. Цель последней роты – нанесение ударов по танкам противника.

Мобильность батальона заключалась в том, что весь личный состав был обеспечен автомашинами американского производства – «Форд-амфибия», плавающая лодка. Ее состав: водитель-механик, а также четыре автоматчика или минометчика или четыре фаустпатронщика.

В мае 1944 года наш батальон был погружен в железнодорожный состав и доставлен в район г. Орша в Белоруссии. Как мы впоследствии поняли, готовилась грандиозная операция – 5-й Сталинский удар. Наша часть вошла в состав 3-го Белорусского фронта, командующим которой был генерал армии Черняховский. Батальон подчинили ставке главнокомандующего при 3-м Белорусском фронте.

В июне 1944 года началась эта крупномасштабная операция, в которой мне пришлось в какой-то мере принимать участие.

Первое боевое крещение мы получили на берегу белорусской реки Березина. Как помню, небольшая, разбитая немецкими войсками переправа. Посреди реки почти по башню в реке наш танк, на котором сидел танкист. Через реку Березину была организована временная переправа.

Батальон спешил. За опушкой леса находилась небольшая деревушка, взять которую не давал активно обороняющийся танк «Тигр». Началась безрезультатная для нас перестрелка. «Тигр» не подпускал солдат метров на 250–300. Американские фаустпатроны были беспомощны. Они могли поразить цель примерно метров с 50-ти, что при обороняющемся «Тигре» было почти невозможно. Перестрелка длилась несколько часов. Потерь с нашей стороны не было. Но и белорусскую деревушку наши не взяли.

К вечеру к переправе подъехал верхом на лошади неизвестный мне генерал. Я был свидетелем следующего разговора. Генерал давал команду майору-артилле-

ристу. Он говорил, что без взаимодействия деревню не взять. Он назначил данного майора начальником переправы, приказав навести понтонные мосты, а затем в первую очередь пропустить артиллерию, а потом уже наш батальон.

Однако командованию батальона поступил приказ сменить направление наступления. И мы с короткими боями освобождали белорусские села, которые немцы при отходе жгли, а жителей уничтожали.

На второй-третий день батальон вышел на дорогу Минск–Молодечно. Молодечно – относительно небольшой городок, и его оборонял один немецкий танк «Пантера». Бой примерно такого же содержания продолжался несколько часов. Появились раненые, убитые.

К концу дня в этом направлении появились установленные на студебеккерах наши «катюши». Они произвели несколько выстрелов, и «Пантера» скрылась в неизвестном направлении.

Однако немцы город Молодечно обороняли и авиацией. Нас обстреливали и бомбили с воздуха. При одном из налетов «Мессершмиттов» моя лодка-амфибия была выведена из строя. Но из личного состава, а со мной было четыре автоматчика, никто не пострадал.

Немцы оставили г. Молодечно, мою машину отвезли в г. Борисов, который стоит на реке Березине. В г. Борисове сосредоточились наши войска. Немцы регулярно, даже ночью, бомбили наши соединения, хотя фронт был уже за г. Молодечно.

После пребывания в г. Борисове через несколько дней меня направили в запасной полк, а затем в 27-й отдельный танковый батальон, который также входил в состав 3-го Белорусского фронта. Батальон обслуживал 53-ю танковую бригаду, которая прошла с боями и участвовала во взятии городов Восточной Пруссии – Эдкунен, Шталупенен, Гумбинен, Топиау, Инстенбург и вышла под Кенигсберг.

В одном из боев был подбит танк Т-34, который необходимо было осмотреть – живы ли танкисты. Когда я взобрался на башню, недалеко взорвался вражеский снаряд и я был сбит с танка, контужен и попал в военно-полевой госпиталь. Там мне сделали операцию на правой руке, но вскоре я вернулся в 27-й отдельный батальон.

Находясь на берегу одного из заливов Балтийского моря, я встретил День Победы. Это была неопишуемая радость. Стреляли из всех видов оружия.

После окончания войны мне пришлось еще служить в Вооруженных Силах до 1950 года. Причина тому – Фултоновская речь Черчилля, объявившего холодную войну СССР.

Демобилизовавшись, я окончил десятилетку, затем Ленинградский университет – юрфак. Более 40 лет работал в органах прокуратуры, областном суде, отделе юстиции, Минюсте СССР.

Из ходатайства Министра юстиции СССР Героя Советского Союза Кравцова Б.В. в Комиссию по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР «Об установлении персональной пенсии т. Лапшину В.Ф.»: «Тов. Лапшин с 1953 года непрерывно работал в правоохранительных органах: следователем и старшим следователем прокуратуры района и области, членом областного суда,

а с 1972-го по 1983 год – заместителем начальника отдела юстиции исполкома Тамбовского областного Совета народных депутатов. Занимая эту должность, т. Лапшин В.Ф. являлся ответственным за координацию и проведение правового воспитания населения, а также за методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве. При его активном участии в области была разработана целенаправленная система правовоспитательных мероприятий, создана юридическая служба на селе. Положительный опыт проводимой работы освещался в газете «Известия» и в журнале «Человек и закон»».

По семейным обстоятельствам я вынужден был переехать в Москву.

Из ходатайства. «В 1983 году тов. Лапшин В.Ф. был переведен на работу в аппарат Министерства юстиции СССР на должность старшего консультанта, в 1985 году он был выдвинут на должность главного консультанта Управления общих судов. За время работы в аппарате Министерства юстиции СССР зарекомендовал себя высококвалифицированным, опытным юристом.

Совместно с работниками Верховного Суда СССР им подготовлен ряд обобщений судебной практики по гражданским и уголовным делам, обзоры которых направлены в суды и органы юстиции, внесены представления в республиканские и центральные ведомства для устранения причин и условий, способствовавших нарушениям законности. По результатам обобщения судебной практики о хищениях народно-хозяйственных грузов на железнодорожном транспорте и применения законодательства, регулирующего закупку сельскохозяйственной продукции, были опубликованы статьи в журналах «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Советская милиция», «Хозяйство и право»; обзоры помещены в бюллетене Верховного Суда СССР».

За долголетний добросовестный труд я награжден медалью «Ветеран труда», Почетной грамотой Министерства юстиции СССР и ЦК профсоюза работников госучреждений, знаком Министерства юстиции СССР «За успехи в работе». В январе 1990 года в возрасте 64 лет вышел на пенсию.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и многими юбилейными медалями.

Так что фронтовики не сдаются. Фронтовики, наденьте ордена!

В.Ф. Лапшин. Пути-дороги солдата образца 1943 года. Воспоминания.
22 марта 2005 г.

«Подвиг и жизненный путь ветеранов, их великая любовь к России всегда будут служить примером для нашей молодежи»
Президент Российской Федерации Д. Медведев

Можно с уверенностью и без ложной скромности сказать, что вышеприведенные слова Президента в полной мере относятся и к службе вашего покорного слуги. Свидетельство тому – нижеприведенные аргументы: покинул

пост юридической службы почти в 80 лет, а в графу «Сведения о поощрениях» трудовой книжки внесено двадцать четыре записи.

Конечно же, трудно, да и не к месту, комментировать каждую запись, но об одной стоит рассказать. По представлению Председателя Президиума Верховного Совета СССР – Министра юстиции мне была объявлена благодарность с выдачей денежной премии за активную и добросовестную работу, связанную с осуществлением мероприятий по подготовке проведения Съезда народных депутатов СССР. Только в органах юстиции меня поощряли 13 раз.

После семилетней службы в рядах Советской Армии я поступил в Ленинградскую следственную школу Прокуратуры СССР. В стенах этой школы вел общественную работу, на меня возложили выпуск стенной газеты «Народный следователь». За активность и хорошую учебу был зачислен на юридический факультет Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова, который закончил в 1956 году.

Приказом прокурора Тамбовской области был принят на должность народного следователя Пичаевского района. Это назначение по существу стало моей стажировкой. А на следующий год я был переведен в Моршанский район на такую же должность. Город Моршанск был знаменит не только своей махоркой, но и тем, что бывший работник Прокуратуры СССР Лев Шейнин написал рассказ «Туфельки». Основная идея повествования заключалась в том, что народный следователь этого района изобличил преступника, применив психологический прием: поставил на подоконнике прикрытые газетой туфельки, вид которых воздействовал на психику преступника, и он признался в содеянном.

Так и мне пришлось, сидя в этом кабинете, расследовать не одно убийство. Проработал я на этом месте 5 лет. Здесь я получил свою первую благодарность именно за раскрытие убийства. За словами объявленной благодарности прокурором области за добросовестное отношение к порученному делу скрывались следующие события. Раздался звонок начальника следственного отдела облпрокуратуры: «Владимир Федорович, прокурор области поручил вам провести оперативную работу с обвиняемым, подозреваемым в убийстве». Обстоятельства на тот момент сложились так, что в производстве облпрокуратуры находилось следственное дело, которое невозможно было отправить в суд из-за недостаточных собранных доказательств вины подозреваемого, и мне необходимо было получить признательные показания. Не вдаваясь в подробности оперативных действий, скажу, что добился признательных показаний, которые были проверены в суде, и обвиняемый был осужден.

В прокуратуре Моршанского района я прослужил до марта 1959 года. Эти годы – незабываемы по своей напряженности. В криминальном отношении район был очень сложным, и мне пришлось расследовать дела различных категорий. Это была настоящая практическая школа следователя.

Помню, как однажды раздался звонок начальника отдела кадров прокуратуры, который предложил мне работать в аппарате на должности старшего следователя,

а по-нынешнему – следователем по важнейшим делам. Так я и стал старшим следователем Тамбовской областной прокуратуры. В связи с этим возникли новые, теперь уже бытовые трудности – отсутствие квартиры и работы учителя для жены. Проработал я в этой должности по декабрь 1966 года.

Нельзя не упомянуть о ряде дел, которые создали мне определенно положительный имидж. Первым непростым расследованием было дело Бориса Сенникова. Поступили данные, что убийство подростка Праслова около 10 лет назад совершили не двое осужденных за его убийство, а некий Сенников, который на тот момент находился в местах лишения свободы за другие преступления. Розыск, этапирование и Сенников – передо мной в камере следственного изолятора г. Тамбова. Допрос происходил в течение суток, а преступник не проронил ни одного слова об убийстве прошлого. Сложность данного дела заключалась не только в давности происшедшего. Главными причинами осложнения было то, что затрагивались интересы работников милиции, принимавших участие в расследовании и привлечении двух невиновных, а также интересы прокурорских работников, утверждавших обвинительное заключение и поддерживавших обвинение в суде, и судей первой и второй инстанции, рассматривавших дело по существу. Признаюсь, что давление нагнеталось с невероятной силой, особенно со стороны милиции: присутствовали шантаж и угрозы. Сенников признался мне во всех своих действиях и мотивах убийства. Чтобы не произошло еще одной ошибки, я предложил допросить Сенникова лично прокурора области, так как ему по долгу полагалось утверждать обвинительное заключение. В результате два незаконно осужденных подростка были реабилитированы, а Сенников осужден. Справедливость восторжествовала!

Много было расследовано так называемых хозяйственных дел. Одним из таких было дело по обвинению председателя Избердеевского райисполкома Седова. Его должность относилась к номенклатуре обкома КПСС, и в защиту Седова ходатайствовало много должностных лиц. Были еще два дела с хищениями в системе потребкооперации, по которым было осуждено 54 человека – многоэпизодные, многотомные дела. Одно обвинительное заключение составляло 300 страниц.

Все вышеприведенные примеры – дела с обвинительным уклоном. Но мое жизненное кредо – независимость, защита чести и достоинства граждан любого ранга, строгое соблюдение законности и правопорядка. Было в моей практике непростое хозяйственное дело. В г. Тамбове источником тепловой энергии являлась ТЭЦ, работающая на угле. При ТЭЦ был создан золоотстойник – водохранилище объемом несколько га, куда стекала зола. Однажды ночью золоотстойник прорвало, и водяная масса вместе с золой была выброшена в реку Цну.

Вокруг личности директора ТЭЦ был поднят ажиотаж. Центральная пресса, а затем и облисполком выступили с негативной критикой в адрес директора ТЭЦ. Последовали заключения областной рыбной инспекции и санэпидстанции с установлением крупного рыбного ущерба. Возбудили уголовное дело против директора. При формальном подходе и поверхностном расследовании судьба директора была бы предрешена, поскольку в то время оказывали огромное влияние критические

выступления печатного органа ЦК КПСС («Советская Россия»), а также решение облисполкома, да и прокурор области был склонен привлечь директора к уголовной ответственности. Все перипетии хода расследования трудно пересказать. Требовалось проведение судебно-биологической экспертизы. Тамбовские специалисты пошли, конечно же, на поводу у прессы и властей. Но в качестве эксперта мною был назначен доктор биологических наук из МГУ им. Ломоносова. Заключение экспертизы оказалось неожиданным для многих. Произошедший прорыв золоотстойника не только не уничтожил рыбный массив, а, напротив, обогатил реку Цну своими рыбными запасами. Дело в том, что уголь как топливо и его зола по своему составу нейтральны. Как заявил эксперт, именно такой золой удобряются озера, где разводят рыбу. А поскольку в золоотстойнике развелась масса рыбы, прорыв не уничтожил, а обогатил реку Цну. Судьба и честь директора были защищены, и уголовное дело было прекращено.

Видимо, руководство областного суда обратило внимание на качество моей работы, ведь все проводимые мною уголовные дела были подсудны Тамбовскому областному суду, поскольку санкции всех статей, которые я вменял обвиняемым, предусматривали смертную казнь. Одним из таких дел было обвинение трех преступников, совершивших убийство сторожа магазина села Хоботова. Все трое были приговорены к смертной казни. Приговор Верховный Суд РСФСР оставил все без изменения, и их ходатайства о помиловании были отменены. Приговор был приведен в исполнение.

Председатель областного суда предложил дать согласие на мою работу в Тамбовском областном суде, членом которого я был избран в декабре 1966 г. В облсуде, помимо рассмотрения уголовных дел по первой инстанции, я ежедневно принимал участие в работе с кассационной инстанцией, а также готовил дела для рассмотрения Президиумом областного суда в обзорном порядке. Помимо этого на меня возложили обязанности по подбору кадров народных судей и народных заседателей и решение других кадровых вопросов.

Основным показателем, характеризующим уровень юридической грамотности областного суда, является качество рассматриваемых им уголовных дел по 1-й инстанции. Учитывая мой опыт, мне передавались для рассмотрения в основном дела, связанные с убийствами.

За почти шестилетний срок работы в должности члена облсуда у меня не было отмененных и измененных приговоров, обжалованных и рассмотренных Верховным Судом РСФСР. Не было огрехов и в рассмотрении дел в кассационном порядке. Об этом свидетельствуют две почетные грамоты обкома профсоюза и областного суда, врученные мне.

30 июля 1970 года вышло в свет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в котором было признано целесообразным организовать Министерство юстиции. Министерство юстиции СССР возглавил В.И. Теребилов. Начался процесс образования министерств юстиции союзных республик. Так Министерство юстиции Российской Федерации появилось в январе 1972 г. Мне предложили должность заместителя начальника отдела юстиции Тамбовского облисполкома. Дал согласие,

коллегия Минюста РСФСР утвердила меня на этой должности. 18 лет я прослужил в органах юстиции – с 10 января 1972 года по 16 января 1990 года.

Есть что вспомнить и что рассказать. Приказом по отделу юстиции на меня возложили руководство совсем новыми участками, ранее не существовавшими в юриспруденции. Я осуществлял методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве и Координационно-методическим советом (КМС) по правовой работе и правовому воспитанию граждан. Так уж повелось: куда бы нас, фронтовиков, ни направляли работать, мы отличались профессионализмом, целеустремленностью, преданностью служению долгу, ответственностью. Теперь открывался новый фронт работы – неизвестный ни в СССР, ни в какой другой мировой практике. На тот момент фактически отсутствовало понятие правового воспитания в народном хозяйстве и правового воспитания населения. Возник вопрос: с чего начинать. В первый же день утверждения меня на коллегии я попросил руководство Минюста России дать мне возможность ознакомиться с материалами отделов юстиции, где такая работа уже проводилась, а также ознакомиться со справками проверки Минюста такой деятельности на местах.

Следствием этих ознакомительных мероприятий явилось создание двух советов при отделе юстиции – во-первых, это Координационно-методический совет (КМС) по правовому воспитанию, в который вошли представители правоохранительных органов, средства массовой информации, отдела культуры, облоно, профтехобразования, облпрофсоюза, облсовпрофа и представители ряда институтов. Второй созданный совет – это Совет по методическому руководству работы в народном хозяйстве – работа юридических служб на предприятиях, в учреждениях и организациях. Здесь работа строилась в тесном контакте с Госарбитражем при облисполкоме. Одновременно КМС по пропаганде права были созданы и на местах, которые возглавлялись работниками суда и прокуратуры. Эта работа проводилась в тесной взаимосвязи с деятельностью Общества знания и облсовпрофа.

Результаты нашей деятельности не заставили долго ждать. Не прошло и года, как к нам в область приехал заместитель главного редактора союзного журнала «Человек и закон». В ноябре 1972 года на страницах журнала была опубликована статья «Будни отдела юстиции», в которой автор рассказал читателям о нашем титаническом труде, связанном с правовым воспитанием, а также о деятельности некоторых КМС на местах. О результатах правовой работы в народном хозяйстве свидетельствовали следующие цифры. До создания отдела юстиции, например, в области работал один юрисконсульт при управлении сельского хозяйства и один – при управлении хлебопродуктов. Благодаря принятым нами мерам, почти во всех районах были введены юрисконсульты, которые защищали интересы хозяйств и области.

Министр заготовок СССР Г.С. Золотухин считал необходимым опыт работы Тамбовской области по обеспечению элеваторов юридическими службами – распространить и внедрить по всей стране. О создании юридических служб на селе нашей области была опубликована статья в журнале «Советская юстиция», а мною

был сделан доклад на совещании руководителей всех ведомств при облисполкоме, а также в институте при Минюсте СССР для министров юстиции союзных республик и начальников отделов юстиции и облисполкомов.

Вскоре для изучения опыта нашей работы к нам приехал представитель тогда дружеской республики Болгарии. В этой стране также издавался правовой журнал типа нашего «Человек и закон», но большего формата. Наш изученный опыт по правому воспитанию и правовой работе неоднократно широко освещался на страницах зарубежного журнала. Разумеется, различные направления правовой воспитательной деятельности освещались и в наших журналах. Наша плодотворная деятельность не была оставлена без внимания Министерством юстиции РСФСР. Восемь раз меня поощряли различными премиями.

4 июля 1983 года в порядке перевода приказом Министра юстиции СССР я был назначен на должность старшего консультанта, а затем главного консультанта 1-го зонального отдела Управления общих судов Минюста СССР. Работая в этой должности, я обязан был курировать деятельность Минюста РСФСР и Верховного Суда РСФСР. Однако в основном моя деятельность сводилась к проверке и оказанию различной правовой помощи в республиках: Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, куда меня неоднократно направляло руководство. Практиковались выезды и в автономные республики совместно с работниками аппарата ЦК КПСС – в Чечено-Ингушетию и в Кабардино-Балкарию. Участвовал я в комплексной проверке в бригаде ЦК КПСС деятельности правоохранительных органов Одесской области и в проверке резолюций и указаний Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по Тамбовской области и УССР. По указанию руководства Минюста неоднократно привлекался к работе съездов Верховного Совета и Пленума ЦК КПСС.

Что же касается работы в аппарате самого Министерства юстиции СССР, то мне представляется, что следует привести данную мне характеристику при ходатайстве о назначении персональной пенсии республиканского значения – вот как она звучала: «За время работы в аппарате Минюста СССР зарекомендовал себя высококвалифицированным опытным юристом. Совместно с работниками Верховного Суда СССР им подготовлен ряд обобщений судебной практики по гражданским и уголовным делам, обзоры которых были направлены в суды и органы юстиции, внесены представления в республиканские и центральные ведомства для устранения причин и условий, способствовавших нарушению законности».

По результатам обобщения судебной практики о хищении народно-хозяйственных грузов на железнодорожном транспорте и применения законодательства, регулирующего закупку сельхоз продукции, были опубликованы статьи в журналах «Социалистическая законность», «Советская милиция», «Хозяйство и право», обзоры помещены в Бюллетени Верховного Суда СССР.

За многолетний добросовестный труд награжден медалью «Ветеран труда», почетной грамотой Минюста СССР и ЦК профсоюза работников госучреждений, знаком Министерства юстиции СССР за успехи в работе. Награжден орденом Оте-

чественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу в Великой Отечественной войне» и многими юбилейными медалями, в их числе «Анатолий Кони», «За усердие» II степени, «В память 200-летия Минюста России». Президент Белорусской республики наградил меня медалью «За освобождение Белоруссии».

В январе 1990 года в возрасте 64 лет я вышел на пенсию. Но на этом не закончилась моя юридическая деятельность. Как говорится, не успел дойти до дома, как поступило предложение приступить к работе руководителем юридической службы научно-производственного кооператива «Спецэнерго». Но это оказался не тот объем работы, к которому я привык. Родилась мысль создать хозяйственную ассоциацию спецэнергооснастки. На меня возложили должность заместителя гендиректора по правовой работе и кадрам. Но вскоре меня переводом поставили на должность директора юридической службы комбината «Мосинжбетон», где я проработал по декабрь 1996 года.

Вот итог трудового пути солдата образца 1943 года, участника Великой Отечественной войны. Из 83-х лет жизни 7 лет отдано служению в рядах Советской Армии, 49 лет посвящены укреплению законности и правопорядка, защите прав и интересов граждан. 16 лет пришлось на правовую работу в народном хозяйстве – всего 65 лет активной деятельности!

Закончить свое повествование о службе на гражданке солдата образца 1943 года хочется словами моего коллеги по профессии, если так можно выразиться, губернатора Тамбовской губернии, первого Министра юстиции России Гавриила Романовича Державина: «..Ваш долг есть: сохранять законы, на лица сильных не взирать...».

Пусть все лучшее, что сделано мною на службе Отечеству, окрыляет сознание труда на благо России.

Фронтовики, наденьте ордена!

В.Ф. Лапшин. Жизненный путь ветерана Великой Отечественной войны
образца 1943 г. на гражданке. Воспоминания. Июнь 2009 г.

ЛЕВИЦКИЙ ВИКТОР ПАНФИЛОВИЧ

Виктор Панфилович Левицкий родился в 1927 г. В сентябре 1943 г. поступил в Киевскую артиллерийскую спецшколу, по окончании которой был направлен в военное артиллерийское училище. Офицер, военный юрист, генерал-майор юстиции. Ветеран боевых действий в Афганистане. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и многими другими. В Минюсте России был начальником Управления по вопросам государственной службы и кадров.

Когда мне поступило предложение написать очерк о прожитой жизни, вспоминая ее, я пришел к убеждению, что, несмотря на встречавшиеся немалые невзгоды и трудности, сложилась она в целом удачно. Я достиг почти всего, о чем мечтал и к чему стремился: прослужил на военной службе по избранной специальности в органах военной прокуратуры до увольнения в отставку, получил высокое воинское звание генерал-майор юстиции, которым горжусь, заслужил и получаю хорошую военную пенсию, позволяющую жить вполне нормально. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.08.1984 г. мне присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Теперь о жизни. Я, Левицкий Виктор Панфилович, родился в 1927 году в семье сельских интеллигентов: мать был учительницей, отец врачом. В середине 1930-х годов отца как специалиста призвали на военную службу, и нам пришлось поехать с ним по воинским гарнизонам. Так наша семья к началу Отечественной войны оказалась в г. Черткове Тернопольской области.

В середине июня 1941 года штаб дивизии, где служил отец, был поднят по тревоге и выступил в сторону границы с Германией, а в день начала военных действий все семьи военнослужащих были спешно свезены на железнодорожную станцию и погружены на платформы. Эшелон двинулся на восток, но куда, никто не знал. Нас привезли в Донбасс и поселили в здании школы, но через несколько дней остав-

шиеся семьи (большинство успело разъехаться по родственникам) вновь погрузили в вагон и повезли на восток. На ст. Переволоцк Чкаловской (ныне Оренбургской) области нас выгрузили и расселили в домах местных жителей, где мы прожили почти до конца войны. Мама сразу пошла работать на находившийся там воинский склад, а я стал работать в местном колхозе. Пишу об этом, чтобы подчеркнуть проявленные в то тяжелое время внимание и заботу о семьях военнослужащих со стороны военных и местных властей.

В сентябре 1943 года поступил в Киевскую артиллерийскую спецшколу (это предшественники нынешних суворовских училищ), по окончании которой был направлен в военное артиллерийское училище.

Офицером служил в войсках Прикарпатского военного округа, затем в 1951–1955 годах учился в Военной юридической академии в г. Москве. Став военным юристом, служил на должностях: военного следователя, старшего военного следователя в военных прокуратурах Иркутского и Читинского гарнизонов, заместителя военного прокурора Улан-Удэнского гарнизона, военного прокурора Оловянинского гарнизона, заместителя военного прокурора и военного прокурора Уральского военного округа, старшего помощника Главного военного прокурора – начальника отделов организационного и по надзору за соблюдением законности при рассмотрении уголовных и гражданских дел в военных трибуналах. Являюсь ветераном военной службы (ветеран боевых действий в Афганистане).

После увольнения работал в аппарате Генеральной прокуратуры СССР, затем в аппарате Прокуратуры Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации в ноябре 1993 г. присвоен классный чин «государственный советник юстиции 2-го класса».

С конца ноября того же года работал в центральном аппарате Министерства юстиции Российской Федерации, где в Управлении кадров находился на должностях ведущего специалиста, начальника отдела штатов и кадров центрального аппарата. В июле 1996 года был назначен начальником Управления по вопросам государственной службы и кадров, но находился на этой должности недолго, до 15 сентября 1997 года.

В начале этого месяца Министром юстиции Российской Федерации был назначен Степашин. Через несколько дней он вызвал меня и повел разговор о том, что слышал обо мне только хорошие отзывы, но предпочитает, чтобы на этой должности находился человек, которого он хорошо знает, полностью ему доверяет и с которым прежде работал многие годы. Он предложил мне добровольно оставить занимаемую должность, пообещав, что назначит меня на любую другую должность по моему выбору. Прямо скажу, что разговор был длинным и неприятным. Но в ходе его я подумал, что возраст, которого я достиг к тому времени, позволяет уволить меня без моего согласия в любое время, и согласился. В тот же день я подал заявление о переводе на должность советника, что и было сделано. На этой должности находился до увольнения 13 апреля 2001 года по собственному жела-

нию в связи с переходом на пенсию. Таким образом, в целом я трудился, считая военную службу, более 55 лет.

Сейчас мне сложно писать о трудностях, которые были или случались во время работы. Они действительно были, гладкой работа в принципе не бывает, но их удавалось преодолевать, и со временем о них просто забываешь. Главным образом, они были связаны с отсутствием опыта, но трудился я, как говорят, от души. Мне очень нравилось непосредственно общаться с людьми, работать с ними и учиться на их примере.

Много человеческих судеб прошло передо мной. Были и горькие разочарования, но гораздо больше было тех, кто попал в неприятные истории в результате недомыслия или по иронии сложившейся судьбы. Таким хотелось от души помочь, но, безусловно, приходилось это делать в рамках законодательства. Могу смело сказать, что даже от тех, кого приходилось строго карать, я не слышал никаких нареканий.

Когда был следователем, было немало дел, по которым совершенные преступления приходилось, как говорят юристы, «раскрывать», что требовало особого и немалого умственного и физического труда. Но в таких случаях, особенно когда по делу были потерпевшие, чувствовал особое удовлетворение и даже гордость за свою работу, которая помогала установлению истины. Немалое удовлетворение получал и от работы на последующих более высоких должностях. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и многими другими. Имел немало различных поощрений по работе и от общественных организаций.

В.П. Левицкий. Воспоминания. Июнь 2009 г.

ЛЬВОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

*А*лексей Николаевич Львов родился 13 марта 1925 г. Участвовал в боях в составе 2-го Белорусского фронта. Сержант.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Кенигсберга» и др.

В Минюсте СССР – старший экономист планово-финансового управления.

Дата рождения – 13 марта 1925 года. Русский, член КПСС с 1952 года. До войны закончил среднюю школу. После войны получил экономическое образование. Последнее место работы – Министерство юстиции СССР – с сентября 1971 года по май 1985-го.

1 февраля 1943 года признан комиссией Клинского военного комиссариата годным к военной службе и направлен в действующую армию, из которой демобилизован 15 сентября 1950 года на основании постановления Совета Министров СССР от 28 января 1950 г.

Февраль – сентябрь 1943 года – 232-й запасной стрелковый полк – стрелок. Сентябрь – ноябрь 1943-го – 33-й запасной артиллерийский полк. С ноября 1943 года по 1946 год – 424-й пулеметный артиллерийский батальон, 91-й укрепрайон.

С 19 сентября 1944 года по 9 мая 1945-го участвовал в Великой Отечественной войне в составе 424-го пулеметного артиллерийского батальона разведчиком. Воинское звание – сержант. Награжден медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота». В 1985 году в честь 40-й годовщины Великой Отечественной войны награжден орденом Отечественной войны.

Заканчивал освобождение Белоруссии в составе 2-го Белорусского фронта, участвовал в боях за Наревский плацдарм, в Висло-Одерской операции по освобождению Польши (Восточная Померания). Освобождал города на побережье

Балтики – Лаунберг, Кёзлин-Кольберг. Войну закончил в районе немецкого городка Штольмюнде на берегу Балтийского моря. С 1946 по 1950 год служил в военной части 64346 в авиационном полку мотористом, затем курсантом 23-й школы (1947 г. – апрель 1948-го), заканчивал службу в воинской части 35539 механиком по авиаприборам.

После демобилизации из Вооруженных Сил был направлен по месту жительства в Московскую область. Во время войны немцы сожгли нашу деревню, и мне пришлось покинуть родные места. Работал в легкой промышленности, по путевке Латышинского РК КПСС Московской области до 1958 года в качестве инструктора принимал участие в восстановлении разрушенных в войну колхозов. В результате нашей работы более половины колхозов района стали миллионерами. Получив экономическое образование, до 1971 года работал в учреждениях на различных должностях по административно-хозяйственной части.

С сентября 1971 года, с момента воссоздания Министерства юстиции СССР и до 1985 года работал экономистом и старшим экономистом в Планово-финансовом управлении центрального аппарата Минюста СССР. За время службы в министерстве награждён медалями «Анатолия Кони», «За усердие» II ст., «В память 200-летия Минюста России», имел другие поощрения. С чувством признательности вспоминаю своих руководителей Терехилова В.И., Кравцова Б.В., Осетрова Н.А., Вышинского М.П., Тищенко Т.Ф., Суэтова В.А., многих других коллег. Как ветеран Минюста России, находясь на пенсии, выражаю мою благодарность руководству министерства и ветеранской организации за постоянную заботу, помощь и внимание к участникам Великой Отечественной войны.

А.Н. Львов. Воспоминания

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Сергей Сергеевич Максимов родился 21 августа 1920 г. Участник Великой Отечественной войны. Награжден шестью орденами и многими медалями. Генерал-лейтенант юстиции. Заслуженный юрист РСФСР. В Минюсте СССР – начальник Управления военных трибуналов.

Сергей Сергеевич Максимов родился 21 августа 1920 года в г. Москве. В 1941 году закончил Военно-юридическую академию. Участник Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы проходил службу в Управлении военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР. С 1959 года – председатель военного трибунала Группы советских войск в Германии. В 1964 году назначен первым председателем военного трибунала Ракетных войск стратегического назначения. С 1972 года заместитель, а с 1974 по 1988 год – начальник Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР. Награжден 6-ю орденами и многими медалями. Генерал-лейтенант юстиции. Заслуженный юрист РСФСР.

МАЛАХОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

До войны Н.П. Малахов работал завхозом типографии «Сталинская пресса». В начале войны записался в ополченческий отряд в Химках. В 1941 г. в Тамбове работал зам. командира по политической части при военкомате, формировал отряды.

В 1942 г. был переброшен на границу с Японией, где шла подготовка воинов на фронт. В 1943 г. началась подготовка к войне с Японией. Был комсоргом батальона. Закончил сержантские курсы, получил звание старшины, затем – замполита, комсорга полка.

С 1944 г. воевал в стрелковой Виленской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского дивизии.

Японцы оказывали сильное сопротивление, при отходе заминировали мост. Николай Петрович и двое других солдат под обстрелом разминировали этот мост, за что Н.П. Малахов был представлен к ордену. Награжден медалью «За победу над Японией».

МАРКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Е.Н. Марков родился в 1934 г. в Туле, где пережил войну. С 1944 г. по 1953-й учился в Тульском суворовском военном училище. Как воспитанник суворовского училища военных лет был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Полковник юстиции. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник органов юстиции. В Минюсте СССР и России – главный специалист, заместитель начальника отдела, консультант Департамента общественных и религиозных объединений.

Родился я в 1934 году в городе русских оружейников – Туле, которому за мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, присвоено высокое звание Города-героя.

Когда началась война в июне 1941 года, мне было почти 7 лет. Хорошо помню, как с началом войны моего отца Маркова Николая Васильевича призвали в армию и мы всей семьей провожали его на призывной пункт. Мама и бабушка плакали, призывали отца беречь себя. Осталась мама одна с тремя малолетними детьми. Я был среди них старшим по возрасту.

Уже осенью 1941 года мы непосредственно почувствовали приближение фронта к Туле, где мы оставались, надеясь, что скоро немцев Красная Армия разгромит, к тому же нам некуда было эвакуироваться. Изредка по радио я слышал сводки с фронта. Помню, как мама и бабушка тревожились в связи с приближением немцев к нашему городу. Между тем участились налеты немецкой авиации. По ней стреляли наши зенитные орудия. Мы по сигналу воздушной тревоги уходили в подвал соседнего кирпичного дома, где было оборудовано бомбоубежище. Нередко приходилось ночевать в бомбоубежище или проводить там целые сутки. В это время в городе готовились к обороне, население мобилизовывалось на рытье траншей.

Улицы города были изрыты противотанковыми рвами и окопами. Появились противотанковые ежи, сваренные из рельсов. В ноябре к городу вплотную подошли немецкие войска. Наши войска отступали, уходили из города. К бомбежкам

прибавились еще артиллерийские и минометные обстрелы. Недалеко от нашего дома упала фугасная бомба. Взрывной волной наш деревянный дом был сильно поврежден, были выбиты все оконные рамы и стекла. При этом получил контузию мой двоюродный брат и остался на всю жизнь заикой. Нам помогли забить окна досками, и так мы без дневного света жили, наверное, года два.

На оборону города встали рабочие тульских заводов, из которых был сформирован Тульский рабочий полк. Бои за город шли жестокие. Немцы были на окраинах и рвались к центру города, но были отброшены защитниками. Круглые сутки мы слышали звуки стрельбы. По немецким танкам, как я потом узнал, успешно прямой наводкой стреляли зенитные орудия.

Где-то уже зимой 1942 года наши регулярные войска подошли к Туле и сняли фактически полную блокаду города. Стало немного спокойнее, но бомбежки города еще продолжались. Благодаря героизму, стойкости и мужеству защитников, город выстоял и немцев не пустил. В этом также можно было убедиться, когда мы с группой ребят с риском для себя осматривали из мальчишеского любопытства поле боя в центре и на окраине города. Мы видели подбитые немецкие танки, искореженные орудия и автомобили, валяющиеся на земле снаряды и оружие. Кое-кто из ребят прихватил в качестве трофея с собой кое-что из брошенного оружия и снаряжения. Впоследствии оно было изъято.

Осенью 1942 года в возрасте 8 лет я поступил в 1-й класс школы. Учебников и учебных пособий не было. В основном, воспринимали слова учителя на слух. В качестве тетрадей использовались старые книги, где мы учились писать между печатных строк. Вместо чернил использовали разведенную в воде печную сажу.

Однажды во время занятий был вновь совершен налет немецкой авиации, и бомба попала в недалеко расположенное от школы здание, где был магазин, и там было много людей, стоявших в очереди за продуктами. Потом руины этого здания долго стояли как напоминание о войне и ее жертвах.

В сентябре 1942 года нас постигло большое невосполнимое горе. Пришло известие о гибели на фронте смертью храбрых на территории Орловской области нашего отца. Впоследствии мы узнали о гибели под Ленинградом двоих родных братьев мамы, моих родных дядей.

С питанием дело обстояло плохо. Даже не помню, чтобы мы ели что-то из сладкого, мясного. Хотя продукты получали по карточкам, но этого явно не хватало на семью. Мама как-то крутилась. Обменивала отцовские и свои вещи на сахарин, жмых, картофель и т. д. Помню, как мы ели постный суп из крапивы и лебеды. До глубокой осени ходили босиком, так как не было обуви. Мама и бабушка шили для нас из плотной материи стеганые на вате сапожки (мы называли их «бурки»). Точно так же сами перешивали, переделывали взрослую одежду для меня, брата и сестры. Но самое главное – выжили, за что спасибо нашей маме.

В 1944 года в Туле было создано Тульское суворовское военное училище, куда я был зачислен в августе того же года. 9 мая 1945 года в училище было торжественное построение и митинг в связи с объявленным Днем Победы. Радости не было границ,

но мы и тогда помнили обо всех жертвах войны и понимали, что это – праздник «со слезами на глазах». Старшие курсы нашего училища приняли участие в июне 1945 года в Параде Победы на Красной площади, младшие воспитанники слушали их рассказы об этом событии и очень им завидовали. Через какое-то время и мы стали участвовать в парадах на Красной площади. В 1953 году я закончил суворовское училище, проучившись в нем девять лет.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР воспитанники суворовских училищ военных лет, в том числе и я, были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

После окончания суворовского училища я был направлен для учебы в Московское общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, которое закончил осенью 1956 года с присвоением мне первичного офицерского звания «лейтенант». Для дальнейшего прохождения военной службы меня направили в войска ПВО на должность командира взвода, где принял непосредственное участие в обеспечении испытаний атомного оружия.

В дальнейшем по состоянию здоровья был уволен из армии в запас и поступил на очное отделение Саратовского юридического института, который закончил в 1962 году с отличием. Тогда же был направлен в Тулу, где был избран народным судьей Тульского городского суда, а в 1965 году стал председателем Зареченского городского суда Тулы. Осенью 1967-го я согласился с предложением военкомата и вернулся на военную службу в качестве политработника, закончил Высшие офицерские академические курсы «Выстрел», а весной 1970 года перешел на работу в военные трибуналы, где последовательно занимал должности военного судьи Ярославского гарнизона, Московского военного округа, заместителя председателя военного суда Северного флота.

С августа 1980 года я проходил военную службу в центральном аппарате – Управлении военных судов: старший инспектор, помощник начальника управления, начальник отдела судебной практики и статистики, начальник организационно-инспекторского отдела. В сентябре 1989 года в звании «полковник юстиции» я был уволен в запас по возрасту, достижению предельного срока военной службы. После этого я еще 10 лет работал в органах юстиции – Министерстве юстиции СССР и Министерстве юстиции Российской Федерации на должностях: главного специалиста, заместителя начальника отдела. Последняя моя должность – консультант Департамента общественных и религиозных объединений Минюста России.

За период военной службы и работы в судебных органах и органах юстиции награжден двумя орденами, в том числе орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», и многими медалями. Указом Президента Российской Федерации мне присвоено высокое звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», я награжден знаком «Почетный работник органов юстиции».

В настоящее время нахожусь на пенсии и стараюсь поддерживать по мере возможности отношения с бывшими сослуживцами по военной службе и работе в органах юстиции и суде.

Е.Н. Марков. Воспоминания. 8 сентября 2009 г.

МИРЕЦКИЙ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Сергей Георгиевич Мирецкий родился 28 декабря 1924 г. В войну сопровождал грузы в составе сторожевых кораблей Северного флота; участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями. Полковник юстиции. В Минюсте – начальник отдела судебной практики и статистики Управления военных трибуналов.

Сергей Георгиевич Мирецкий родился 28 декабря 1924 г. Во время Великой Отечественной войны в 1943 г. сопровождал грузы в составе сторожевых кораблей Северного флота; в 1944-м участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

Закончил интендантское училище ВМФ в 1944 г., Военно-юридическую академию Советской Армии с дипломом военного юриста в 1953-го.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями.

Сергей Георгиевич Мирецкий, наряду с исполнением других служебных обязанностей, более двадцати лет посвятил выпуску Бюллетеня Управления военных судов и Военной коллегии Верховного Суда (ныне издаваемый Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации Информационный бюллетень военных судов).

Информация, публикуемая в Бюллетене, отличалась высоким качеством изложения и анализа. По инициативе С.Г. Мирецкого на страницах Бюллетеня, кроме примеров судебной практики, поднимались проблемы судебной этики, стали освещаться вопросы воспитательной работы, проводимой военными судами, появились статьи, подготовленные военными судьями и другими работниками военно-юридических органов.

МИТИН ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ

Василий Ефимович Митин родился 23 февраля 1923 г. 7 января 1942-го. В.Е. Митин был призван в армию в состав 146-й стрелковой дивизии. В полковой школе ему было присвоено звание старшего сержанта с назначением командиром отделения разведки. В районе высоты Зайцева гора в Калужская области принимал участие в освобождении из окружения 1-го Гвардейского кавалерийского корпуса. В 1943 г. при отсечении Прибалтийской группировки немцев «Север» В.Е. Митин был командиром взвода разведки. Был ранен, потерял руку.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и многими другими.

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. В Минюсте РСФСР – начальник Управления отдела кадров – член коллегии министерства. В Минюсте СССР – заместитель начальника Секретариата.

Василий Ефимович Митин родился 23 февраля 1923 г. в дер. Ишино Чеховского района Московской области.

В 1940 г. после окончания школы поступил в фабрично-заводское училище при Подольском механическом заводе, по окончании которого работал на этом заводе слесарем.

7 января 1942 г. В.Е. Митин был призван в армию в состав 146-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Татарстане. Он закончил полковую школу, и ему было присвоено звание старшего сержанта с назначением командиром отделения разведки.

На Западном фронте дивизия вела завершающие бои за Москву. В районе высоты Зайцева гора на Варшавском шоссе (Калужская область) дивизия принимала участие в освобождении из окружения 1-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора П.А. Белова. За свои действия в этих боях В.Е. Митин был награжден медалью «За отвагу». Он был назначен командиром

взвода управления 280-го артиллерийского полка, ходил в разведку, брал «языка». Весной 1943 г. был награжден медалью «За отвагу» за то, что сумел пробраться на нейтральную территорию между русскими и немецкими позициями к разбитому вражескому танку и оттуда корректировал огонь наших батарей.

После взятия Спас-Деменска, Рославля, Хиславичей, форсирования рек Остер и Сож в октябре 1943 г. дивизия была переброшена на 2-й Прибалтийский фронт, где вошла в состав 3-й Ударной армии. Главной целью дивизии было отсечение Прибалтийской группировки немцев «Север». В.Е. Митин был назначен командиром взвода разведки в звании лейтенанта. В одном из наступлений В.Е. Митин был ранен, потерял руку.

146-я стрелковая дивизия закончила войну, став Островской Краснознаменной ордена Суворова II степени, а 280-й артиллерийский полк стал полком ордена Александра Невского.

В.Е. Митин был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и рядом других.

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. В Минюсте СССР – заместитель начальника Секретариата.

Родился я 23 февраля 1923 года в дер. Ишино Чеховского района Московской области в многодетной семье. Пошел в школу с 7 лет. После окончания школы в 1940 году поступил в фабрично-заводское училище при Подольском механическом заводе, по окончании которого некоторое время работал на этом заводе. С начала Великой Отечественной войны пытался уйти на фронт, но как подающего надежды молодого специалиста меня оставили на заводе для выполнения военных заказов. Осенью 1941 года завод был эвакуирован за Урал, а меня с отцом и рядом других оставили для обеспечения необходимых служб завода.

7 января 1942 года я был призван в армию в состав 146-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Татарстане. В селе Ямашурма, где комплектовался 280-й артиллерийский полк этой дивизии, я успешно учился в течение месяца в полковой школе, по окончании которой мне было присвоено звание старшего сержанта с назначением командиром отделения разведки.

По завершении учебы дивизия двинулась на Западный фронт, где шли завершающие бои за оборону Москвы. Она сразу же вступила в тяжелую схватку за овладение господствующей высотой Зайцева гора на Варшавском шоссе (Калужская область). В этом районе находился в окружении громивший немцев под Москвой 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-майора П.А. Белова. Перед нами была поставлена задача в неравной по боевому оснащению борьбе прорвать замкнутое кольцо. Бои носили ожесточенный и кровопролитный характер. В тяжелой обстановке голодные и промокшие в весеннюю распутицу дивизия билась отчаянно.

Части дивизии неоднократно подходили вплотную к Варшавскому шоссе, но, потеряв 3/4 личного состава, не смогли закрепить успех.

Одним из наших замыслов было использовать подбитый танк на нейтральной полосе недалеко от позиций немцев, проникнуть в башню танка и корректировать оттуда огонь артиллерии для очередного наступления. Такое задание было дано мне и связисту. Когда мы ползли к танку, немцы нас обнаружили и открыли шквальный огонь. Несмотря на это, нам удалось приблизиться к танку и в темноте проникнуть в башню. Но связь (проволочная) была оборвана минометным огнем немцев, и мы были вынуждены с огромным риском для жизни покинуть танк. За эти действия я был награжден медалью «За отвагу».

Своими наступательными порывами дивизия сыграла немалую роль для обеспечения выхода из окружения поредевших рядов корпуса П.А. Белова.

В одном из боев погиб мой однофамилец Митин – командир взвода управления 280-го артиллерийского полка. Вместо него командиром взвода был назначен я – Митин В.Е.

Воинам и соединениям, проявившим героизм в боях в Подмоскowie, на Зайцевой горе, воздвигнут монумент Славы. На нем золотом выбито наименование нашей 146-й стрелковой дивизии.

Будучи измотанной и обескровленной, дивизия в конце апреля 1942 года заняла активную оборону. Постоянно велись бои местного значения за захват более выгодных позиций. Дважды мы переходили в наступления на Спас-Деменском и Смоленском направлениях.

Для прощупывания вражеских позиций приходилось ходить в разведку. Одна из них летом 1943 года закончилась взятием «языка», который дал очень ценные сведения. Командир полка обещал представить к награде, но, видимо, наступательный порыв не дал возможности выполнить данное слово.

После взятия Спас-Деменска, Рославля, Хиславичей, форсирования рек Остер и Сож в октябре 1943 года дивизия была переброшена на 2-й Прибалтийский фронт, где вошла в состав 3-й Ударной армии. Она вскоре перешла в наступление в направлении на северо-запад. Главной целью было отсечение всей Прибалтийской группировки немцев. В то время я был назначен командиром взвода разведки.

В одном из наступлений, после мощной артиллерийской подготовки, когда я с двумя радистами пытался выдвинуться на передний рубеж атаки, мы были накрыты вражеским снарядом. Остался жив только я, будучи изрешеченным осколками с большой потерей крови. Кроме ранения головы, других частей тела, у меня было обширно раздроблено плечо и предплечье правой руки. Очнулся я только после операции в полевом госпитале, где была произведена экзартикуляция правого плеча. Одним словом, я остался без руки. Затем был прифронтовой госпиталь (г. Осташков), а потом госпиталь в глубоком тылу (г. Свердловск), где еще дважды оперировали для извлечения осколков.

В госпиталях лечился около восьми месяцев, откуда вышел инвалидом 2-й группы. Имею боевые награды: орден Отечественной войны I степени, медаль «За отвагу» и ряд других.

Наша 146-я стрелковая дивизия закончила войну, став Островской Краснознаменной ордена Суворова II степени, а 280-й артиллерийский полк, где я был командиром взвода разведки в звании лейтенанта, стал полком ордена Александра Невского.

Для каждого из нас была своя, но вместе с тем общая фронтовая дорога, своя судьба, и каждый из нас испил до дна горькую фронтовую чашу.

Весть об окончании войны в мае 1945 года вызвала у меня двоякое чувство. С одной стороны – радость и гордость, что мы выстояли и победили, сломали хребет немецко-фашистской армады. С другой стороны – состояние шока и горечи за тяжелейшие, порой неоправданные утраты. В первом боевом крещении в феврале–марте 1942 года под Зайцевой горой, о которой я упоминал, когда жизнь была на волоске, я был свидетелем тысяч трупов на поле боя. Там же перенес голод, что сильно сказалось на моем дальнейшем моральном и душевном состоянии.

В целом война унесла миллионы человеческих жизней, которые до конца еще не подсчитаны. Причинен колоссальный ущерб народному хозяйству, тысячи и тысячи людей прошли через горнило фашистских концлагерей, тысячи и тысячи вернулись с фронта ранеными и с тяжелыми увечьями, от которых страдают и поныне.

Победил советский народ, независимо от того, кто и как добывал Победу – или фронтовик с оружием в руках, или тыловик, днем и ночью неся бессменную трудовую вахту. Победа одна и неделима.

После тяжелого ранения и полной утраты правой руки я не пал духом и нашел в себе силы быть полезным обществу. О юстиции я ничего не знал, но с помощью будущей жены Митиной Клавдии Васильевны я стал юристом и не ошибся. Я потом влюбился в эту профессию и отдал ей все силы и жизненный опыт.

Восьмимесячное излечение в эвакогоспитале я не использовал для длительного отдыха и через месяц, в сентябре 1944 года, поступил в Московскую юридическую школу, готовившую в условиях военного времени и в ускоренном режиме юристов всех уровней. Там, в основном, были бывшие фронтовики-инвалиды.

По окончании школы в июле 1946 года начался сложный процесс освоения профессии юриста.

В те времена действовала жесткая система распределения молодых специалистов. В этом водовороте оказался и я, будучи направленным на судебную практику в Орловскую область. Битва на Курской дуге превратила город Орел практически в руины. Я и некоторые другие товарищи ютились в одной из комнат Управления Министерства юстиции по Орловской области. Спали на рабочих столах, ели что придется. Около месяца стажировался в Орловском областном суде.

Вскоре у меня открылась фронтовая рана, и по заключению медицинских специалистов я был направлен в госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны, находившийся в Московской области. После сложной операции и двухмесячного лечения в госпитале я был вынужден остаться в г. Подольске Московской области, где ранее проживал. Вскоре был принят на работу нотариусом Подольской городской нотариальной конторы. Это вызвало негодование Министерства юстиции РСФСР. Ставился вопрос о неправомерном оставлении работы в г. Орле. В конце концов

было принято разумное решение, и я остался работать нотариусом. Объем работы был огромный, ибо контора обслуживала три района (Подольский, Краснопахорский и Ленинский). Выходных дней не было. Приходилось выполнять до 36 000 нотариальных действий в год. Объяснялось это еще и тем, что тогда действовала система выдачи нотариусом исполнительных надписей на взыскание долгов за жилищно-коммунальные услуги и другие. Архив конторы был в хаотическом состоянии. Нужен был адский труд, чтобы привести его в порядок. С этой целью я с помощью отца изобрел так называемый «скоросшиватель», который позднее был внедрен во все конторы Московской области.

Сочетая учебу с практикой, я успешно закончил в 1952 году Всесоюзный юридический заочный институт.

Мой труд не остался незамеченным. Я был признан лучшим нотариусом Московской области, а потом как перспективный специалист Подольским горкомом КПСС выдвинут в 1954 году на судебную работу. Так на 15 лет я оказался в судебском кресле: был народным судьей 3-го участка г. Подольска, членом Московского областного суда, где возглавлял один из составов судебной коллегии по уголовным делам.

В связи с образованием в 1960 году районных (городских) народных судов я решил попробовать свои силы на новой работе, и мне поручили возглавить один из крупнейших судов Московской области – Подольский городской народный суд в составе 16 народных судей. Нужны были титанические усилия для образования из участковых судов, размещенных в разных местах, единого суда и руководства им. В то время у суда, кроме рассмотренных дел, были и другие функции: отчетные доклады перед избирателями, организация и контроль за работой судебных исполнителей, более жесткие сроки рассмотрения дел, особенно трудовых.

На судебском посту неоднократно избирался депутатом городского, районного, а так же был депутатом Московского областного Совета депутатов трудящихся. Возглавлял в совете комиссию по социалистической законности. Несколько лет был секретарем первичной партийной организации суда, прокуратуры и адвокатуры.

В 1966 году Подольским горкомом КПСС выдвинут на должность подольского горпрокурора, а в 1968 году с согласия ЦК КПСС я стал начальником отдела кадров Верховного Суда РСФСР, который в те годы выполнял и ряд функций бывшего Министерства юстиции.

В 1970 году вновь было образовано Министерство юстиции РСФСР, и по просьбе министра В.М. Блинова я переведен на эту же должность в министерство с повышением в ранге – членом коллегии. Несколько позднее, с увеличением объема работы, я стал начальником Управления отдела кадров – членом коллегии министерства.

Это был важный пост, так как предстояло сформировать высокопрофессиональный коллектив самого министерства, а также регионов Российской Федерации: верховных судов АССР, краевых, областных судов, министерств юстиции автономных республик, краевых, областных отделов юстиции, оказать помощь нотариальным

конторам, научно-исследовательским и другим учреждениям, входящим в единую в стране систему юстиции.

Для решения этих задач я часто выезжал в командировки с проверками и оказанием помощи, нередко возглавлял бригады по проверке органов и учреждений юстиции. Ряд проверок выполнялся по заданию ЦК КПСС. Результаты многих проверок обсуждались на заседаниях Коллегии Министерства юстиции РСФСР с принятием соответствующих решений. Практически исколесил всю Россию и большую часть СССР.

Являюсь заслуженным юристом РСФСР. За успехи в труде награжден орденом «Знак Почета».

По достижении пенсионного возраста, как инвалид Великой Отечественной войны, в 1981 году я ушел на заслуженный отдых с назначением мне персональной пенсии республиканского значения.

Но Министерство юстиции СССР не дало мне времени на отдых, пригласив тут же на работу в центральном аппарате, где десять лет (до ликвидации министерства) я был ведущим специалистом, старшим консультантом, ответственным секретарем коллегии министерства, а закончил – заместителем заведующего Секретариатом при Министерстве юстиции СССР.

Всего на ниве юстиции, будучи без правой руки, я трудился 45 лет, из них 21 год в аппарате Министерства юстиции РСФСР и Министерства юстиции СССР.

В.Е. Митин. Ратный путь. Воспоминания. Май 2009 г.

МОСКАЛЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Алексей Владимирович Москалев родился в 1926 г. В Советской Армии с 1942 г. Участвовал в боевых действиях в составе 8-й армии 1-го Белорусского фронта. С ноября 1943 г. по июль 1945 г. был пулеметчиком, автоматчиком, разведчиком, зам. командира взвода армейских курсов младших лейтенантов. Участвовал в боевых действиях, имеет ранения. По окончании Свердловского пехотного училища в 1948 г. служил командиром парашютно-десантного взвода. Закончив в 1957 г. юридический факультет ВПА им. В.И. Ленина, работал членом военного трибунала Танковой армии, Балтийского флота, Центральной группы войск, начальником отдела кадров Управления военных трибуналов. Был председателем военного трибунала Московского округа ПВО.

Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и многими другими наградами.

Генерал-майор юстиции. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник юстиции России.

В Минюсте служил в системе военных судебных органов, и.о. начальника отдела по работе с судьями и работниками юстиции Управления кадров.

Вспоминая свою прожитую жизнь, я не раз ловил себя на мысли, что в Армейской службе мне здорово повезло. Повезло, как я считаю, что чудом остался жив. По моим подсчетам в меня, семнадцатилетнего гвардии ефрейтора, пулеметчика, автоматчика, полкового разведчика, а затем и помощника командира взвода армейских курсов младших лейтенантов немцы стреляли персонально и порой в упор примерно семь или восемь раз. При этом я не считаю свое многоразовое нахождение под артиллерийско-минометным обстрелом и бомбежкой, когда

все поле вокруг окопчика было испещрено воронками от разрывов снарядов, мин и бомб. Никогда не забуду, как в одной из атак немецкой пулей было расщеплено цевье моей винтовки, как был пробит магазин моего ручного пулемета. Перед одной из атак пришлось залечь, и только начал окапываться, как снайперской пулей из моих рук была выбита малая саперная лопата, а пуля чиркнула по краю каски. Я сразу понял «нарек» немецкого снайпера и много часов до команды: «Рота встать! В атаку вперед!» не шевельнулся, лежа в ячейке. Лишь когда мы вышли из боя, узнал, что было убито тринадцать человек. Прямым попаданием снайперской пули в переносицу был убит наш командир роты старший лейтенант Котляр Иван Федорович, залегший невдалеке сзади своей роты. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

За участие в войне я получил государственные награды. И остаюсь, как и раньше, преданным идее служения общественным интересам с пользой для народа, с утверждением при этом добра, человечности и справедливости, в чем испытываю глубокое душевное удовлетворение.

С первых дней пребывания на военной службе и в последующие после нее сорок четыре года у меня фактически не было при решении жизненно важных вопросов свободы выбора. Этой свободы выбора не было на фронте, не было и в мирное время. Все делалось не по моей просьбе, обращенной к моим начальникам, т. е. внешне не по моей воле, но все выходило как бы в соответствии с моим желанием. И то, что я остался чудом жив в этой страшной, беспощадной, кровопролитной и смертельной войне, а затем стал юристом – это была кажущаяся до поры до времени большая сумма случайностей, это, как я с годами стал понимать, была по сути своей непосредственно управлявшая мной неизбежность, называемая судьбой. Иначе как это все объяснить? Выходит, правильно говорится: каждому воздается по делам его, желает он того или нет.

Я с глубоким удовлетворением принял предложение подготовить к печати материал о моем участии в Великой Отечественной войне и как я стал юристом. Задача написания этого материала не является простой. Во-первых, когда мы, нынешние ветераны этой войны, служили, то не думали об этих вопросах, блокнотных записей не вели, а с тех пор, как ушли в запас или отставку, прошло много лет. Во-вторых, душевно тяжело снова вспоминать и к тому же правдиво описывать, хотя бы кратко и не всё, что пришлось пережить за время пребывания на фронте в действующей армии.

Просьба поделиться своими воспоминаниями для меня является большой честью, ведь создание спланированного материала ко Дню Победы может стать драгоценным источником знаний для молодого поколения о том, как тяжело эта победа достигалась, а также источником знаний о причинах, повлекших бывших защитников Родины в послевоенное время стать юристами, то есть защитниками правды, добра, справедливости и, разумеется, стражами Закона.

Вообще судьба в данном случае просто ко мне благоволила. По моим подсчетам, что мне только удалось заметить, в меня, семнадцатилетнего гвардии ефрейтора,

пулеметчика автоматчика, полкового разведчика, а затем и помощника командира взвода армейских курсов младших лейтенантов уже на исходе войны, немцы стреляли персонально и порой в упор примерно семь или восемь раз. При этом я не считаю свое многоразовое пребывание под артиллерийско-минометным огнем и бомбежками, когда все поле вокруг моего окопчика было испещрено воронками от разрывов мин, снарядов и бомб.

Итак: впервые взялся за перо. Уж очень строго не судите – все это было так давно, но было, было... Так прочтите о том, как был я на войне и почему я стал юристом.

23 октября 1943 года мне, жителю г. Шуи Ивановской области, ученику 10-го класса средней школы № 1, исполнилось 17 лет. Буквально на второй или третий день я получил из горвоенкомата повестку о призыве на военную службу. В ней указывалось, когда, в чем быть одетым и что взять с собой, чтобы 9 ноября в теплушках с надписью «40 человек, 18 лошадей» отправиться в предназначенную войсковую часть. До этого я уже в течение года являлся бойцом шуйского истребительного батальона, был вооружен какой-то бельгийского изготовления винтовкой, ибо наши русские винтовки уже участвовали в боях, и выполнял различные, можно сказать, и боевые задания в глубоком тылу наших войск.

Моя военная служба началась в 375-м учебном стрелковом батальоне, готовившем младший командный состав для 62-й, ставшей затем 8-й гвардейской Сталинградской армии, которой командовал генерал В.И. Чуйков.

О фронтовых делах можно рассказывать много – память о них не изгладится никогда, пока мы живы. Не менее памятливы и годы службы в мирных условиях, особенно при прохождении военной службы в составе Московского округа ПВО. Из сорока четырех календарных лет военной службы последние двенадцать лет, с 1975 по 1987 годы, мне посчастливилось служить в нем в должности председателя военного трибунала округа в воинском звании генерал-майора юстиции. Сюда, в Москву, я окончательно, в седьмой раз из гарнизона в гарнизон перевоза, доставил свою семью. Благо, что моя любимая боевая супруга, Анна Михайловна Титова, ставшая Москалевой, капитан Советской Армии, старший преподаватель иностранных языков Свердловского, а затем Томского пехотного училища, прочно обеспечила «мой тыл», оказалась такой надежной и выносливой.

Мое пребывание на фронте в войсковых частях действующей армии началось 26 июня 1944 года, когда эшелон 17-летних ефрейторов, выпускников 375-го учебного стрелкового батальона, прибыл на железнодорожную станцию Сарны, находящуюся в Западной Украине. Почему нас не выпустили сержантами, я не знаю, сам же я, как лучший курсант этого учебного батальона, отличник боевой и политической подготовки, получил это воинское звание к 23 февраля 1944 года, проучившись после призыва чуть больше трех месяцев. В роте нас таких ефрейторов было только четыре человека. Остальным это воинское звание было присвоено лишь в июне того года при окончании учебы.

Пока наш эшелон двигался в сторону фронта, то уже в Брянске мы попали под сильную бомбежку вражеской авиации, однако не пострадали, поскольку машинист

эшелона сообразил быстро вывести эшелон с территории станции, а вот второй такой же эшелон с молодым пополнением из Восточной Сибири был разбит. Вторично наш эшелон попал под бомбежку вражеской авиации, когда пересекли Днепр и проехали Киев. Но и тут, в основном, все закончилось для нас относительно благополучно.

Выгрузившись на станции Сарны, мы прошли пешком примерно 25 км и оказались в расположении войск 8-й гвардейской армии, которая сама только что к 21 июня передислоцировалась с Днестровского плацдарма и сосредоточилась в лесах в 130 км восточнее г. Ковеля. Видимо, как мы поняли, эту отличившуюся в боях при обороне Сталинграда армию по решению Верховного Главнокомандующего специально передислоцировали в состав 1-го Белорусского фронта, заранее нацелив ее на взятие Берлина. Так и получилось.

При распределении нашего молодого пополнения по войсковым частям армии я оказался в 4-й роте 2-го батальона 100-го гвардейского стрелкового полка 35-й гвардейской стрелковой дивизии на должности второго номера ручного пулемета. Первым номером был солдат в два раза старше меня, только что освобожденный из оккупации.

100-й гвардейский полк, как оказалось, был не простой, а наиболее надежный в бою. Поэтому ему поручалось выполнение самых ответственных боевых задач. В этом полку во время Сталинградской битвы командовал пулеметной ротой Герой Советского Союза капитан Рубен Иббарури – сын легендарной Пассионарии, испанской коммунистки и члена КПСС Долорес Иббарури. 23 августа 1942 года в бою при обороне Сталинграда он, отражая шестую по счету атаку противника, в самый ответственный момент боя, когда вышли из строя несколько расчетов станковых пулеметов, сам лег за пулемет и открыл огонь по наступающей вражеской пехоте. В этом бою Рубен был тяжело ранен и вскоре скончался. Уже после войны останки Рубена были захоронены в Сталинграде на площади Павших борцов. Поэтесса Ольга Берггольц так откликнулась на это:

Пассионарии сын и солдат,
Он в сорок втором защищал Сталинград,
Он пел, умирая за эти края:
«Россия, Россия, Россия моя!»

С Рубеном, разумеется, я не был знаком, а вот со вторым замечательным воином этого полка я удостоился чести быть не только знакомым, но и общаться с ним в послевоенное время. Это был тогда лихой начальник артиллерии 100-го гвардейского полка гвардии старший лейтенант Варенников Валентин Иванович, Герой Советского Союза, генерал армии. Кстати, это единственный человек из так называемых ГКЧ-пистов, который и здесь проявил мужество, отказавшись от амнистии и просивший судить его судом Военной коллегии, в результате чего он был полностью оправдан.

В ходе наступления, участвуя в стратегической операции «Багратион», наша дивизия шла на левом фланге 1-го Белорусского фронта и к 20 июля вышла на Государственную границу СССР по левому берегу реки Западный Буг. Мы форсировали ее и вступили на территорию Польши. Наш полк находился в третьем

эшелоне и непосредственно в этих боях не участвовал. Мы шли по 50–60 км в сутки, подвергаясь постоянно бомбежкам и обстрелам вражеских бомбардировщиков и истребителей. Шли мы в полном боевом снаряжении и больше в ночное время. Во время таких марш-бросков мы мечтали только о том, чтобы хотя бы одной рукой немного подержаться за мимо проезжавшую нашу повозку и на ходу подремать, ибо здорово не высыпались. К тому же мы были весьма уставшими, болели ноги. Поэтому была и вторая мечта – это чтобы вражеские войска прекратили так стремительно отступать под натиском 8-й гвардейской армии, заняли бы оборону, а мы передохнули.

После 400-километрового марша из-под г. Ковеля наш полк 29 июля был введен в первый эшелон наступающих войск армии и к исходу дня достиг восточного берега р. Вислы. Личному составу полка предстояло форсировать эту большую водную преграду шириной до 800 м, как нам говорили наши командиры. После крушения обороны врага в Белоруссии гитлеровцы рассматривали Вислу как последний, наиболее выгодный для обороны рубеж на подступах к территории Германии. Именно поэтому противник сосредоточил основные силы на этом наиболее опасном с его точки зрения направлении.

Командиром 100-го гвардейского стрелкового полка в то время был 23-летний майор А.М. Воинков, уже отличившийся в боях офицер, награжденный многими боевыми наградами. К сожалению, он погиб при наступлении на Берлин и похоронен на Зееловских высотах. Ему посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

К исходу дня 30 июля нашу четвертую роту командир полка расположил в густом молодом ельнике в непосредственной близости от высокого берега Вислы и приказал окопаться с маскировкой, т. е. вырыть каждому для себя ячейку «сидя» и замаскировать сверху еловым лапником, чтобы не быть замеченными вражескими самолетами-разведчиками, «рама», как мы их называли. Тут же нам сообщили, что наша рота составляет основу передового разведотряда, которому предстоит в четыре часа утра 1-го августа начать форсирование Вислы. Рота была усилена пулеметным взводом и взводом 82-мм минометов. Кроме того, ее должна поддерживать полковая артиллерия под командованием старшего лейтенанта Варенникова В.И.

К утру 31 июля из разведданных стало известно, что на противоположном берегу Вислы в окопах полного профиля установлены крупнокалиберные пулеметы и 22-мм скорострельные пушки. Перед нашей ротой была поставлена задача в течение ночи, как говорилось, превратиться в разведотряд, а с рассветом начать форсирование Вислы, захватить плацдарм и, развивая успех, создать соответствующие условия для переправы остальных сил полка. Нашей ротой командовал старший лейтенант Иван Федорович Котляр, а командиром передового разведотряда был назначен заместитель командира 2-го батальона капитан Михаил Михайлович Кириченко. Оба они в дальнейшем стали Героями Советского Союза.

Вечером нас неожиданно покормили молочной лапшой. Это специально было сделано для того, чтобы в случае ранения в живот бойца надежнее было спасти

от смерти. Такое молочное блюдо я за свои пять лет срочной военной службы ел первый и последний раз. Когда разливали эту молочную лапшу в наши котелки, то я с мальчишеской наивностью спросил старшину роты старшего сержанта еще кадровой службы Миронова, будущего после смерти Котляра И.Ф. нашего командира роты, о том, как и на чем мы будем форсировать Вислу, ведь 800-метровую ее ширину вплавь и с полным снаряжением без подручных средств не преодолеть. Миронов ответил: «У тебя есть винтовка, вот на нее и садись. Левой рукой держись на цевье, а правой отгребай». Конечно, это была командирская шутка, но вопрос для меня остался открытым, так как никаких подручных средств у нас не было и лишь приказали сдать шинели и противогазы.

Наступило утро 1-го августа 1944 года, и вдруг мимо нас по лесной просеке в направлении к берегу стали медленно проезжать автомашины-амфибии. Раздалась команда: «Четвертая рота, по шесть человек на каждую автомашину бегом марш!». Я быстро выскочил из своей ячейки, вскочил на первую же «амфибию», которая с шестью бойцами быстро понеслась к реке. Куда делся мой первый номер с ручным пулеметом, я почти два последующих дня боев не знал. У него на пулемете был магазин с 27-ю патронами, а два остальных магазина были у меня в сумке.

За ночь с 31 июля на 1 августа оказалось, что наши саперы несколько, но не до конца, срыли в ряде мест высокий берег Вислы и наша машина, как с трамплина, полетела и плюхнулась в воду. Сразу же заработал ее винт. Лодка понеслась к левому берегу Вислы. Вскоре, как только мы вышли из туманной полосы, с противоположного берега ударили крупнокалиберные пулеметы, открыли огонь и скорострельные 22-мм пушки противника. Спокойная гладь воды вспенилась от разрывов снарядов.

Я не браврирую словами, но в этот первый по-настоящему боевой день, как и все последующие дни, вплоть до Дня Победы, у меня почему-то не было страха смерти. Было только одно желание, одно стремление: честно, с полной отдачей сил выполнить свой солдатский долг перед Родиной. Еще в мирное время, когда был совсем мальчишкой, отец научил меня метко стрелять. При нахождении в учебном батальоне это мастерство добавилось. Скажу откровенно, не в этот день, а в последующих боях, я боялся только плена, особенно когда ночью дремал в траншее. В остальном старался действовать смело, как в тогдашней песне мы пели «смелого пуля боится, смелого штык не берет», однако излишне и без соображения не возникать.

Мы успели проплыть лишь несколько десятков метров, как были расстреляны из крупнокалиберного пулемета или из скорострельной 22-мм пушки. Меня лишь обрызгало мозгами водителя, кто-то из нас шестерых был убит или ранен. «Амфибия» потеряла управление и стала наполняться водой, ее беспорядочно понесло вниз по течению. Я сразу выпрыгнул из нее и тут же с головой ушел на дно. Туда тянула винтовка, два полных патронами магазина к ручному пулемету, вещевой мешок с боевыми патронами, малая саперная лопата и гранаты. Но я не запаниковал, поскольку плавать научился с детства в родной речке Тезе, на берегу которой стоит такой же родной город Шуя Ивановской области. До нашего берега было еще

не так далеко. Оттолкнувшись от дна, я всплыл, вдохнул воздуха и снова ушел на дно. Так было несколько раз, пока меня несло сильным течением. Рядом никого не было, но судьба ко мне благоволила – меня вынесло на песчаную косу.

По этой косе вполуплавь я добрался до прибрежных кустов и увидел там таких же, как и я, солдат из нашей роты. Все мы не знали, лежа в низине на земле, что дальше делать, а вокруг нас разрывались вражеские мины, и нас осыпало их осколками. Вдруг к нам с автоматом в руках подбежал командир полка майор Воинков и скомандовал: «Шесть человек бегом на свободную «амфибию!» – и указал место ее нахождения. Я быстро забрался на эту машину, и она тут же понеслась к противоположному берегу Вислы. Как только мы преодолели полосу тумана, стараясь приблизиться к западному берегу Вислы, то две «амфибии», плывшие левее нас, были буквально изрешечены огнем крупнокалиберных пулеметов и сразу же пошли ко дну. Видимо, погибли и все находившиеся в них солдаты. Наша же «амфибия» на максимальной скорости продолжала движение. Нам казалось, что теперь противник сосредоточил весь огонь на нашей «амфибии». Мы видели, как перед ее носовой частью встала сплошная стена фонтанов от разрыва снарядов. Пулеметная очередь хлестнула и по нашей «амфибии», двое солдат были тут же убиты.

Не доезжая до берега с десятков метров, водитель «амфибии», видимо, не выдержав нервного напряжения, резко развернул ее назад с криком: «Выпрыгивай!». Я тут же выпрыгнул и оказался по грудь или по пояс в воде. Со мной было еще три солдата. До сих пор помню, как водитель напоследок крикнул мне: «Ну, действуй, паренек!». Он был по возрасту старше меня. «Амфибия» на полной скорости унеслась к нашему берегу.

Выбравшись на берег и маскируясь среди росших кустов, я стал пробираться в сторону противника и вдруг обнаружил, что водитель высадил нас не на основной берег реки, а на остров и от него до берега надо еще плыть 30–40 метров. Пришлось плыть, но в этом месте было очень сильное течение и меня понесло вправо вдоль вражеского берега. Поэтому я оказался вне ружейного обстрела, спокойно подобрался к берегу и как раз под тем местом, откуда строчил пулемет. Моя мысль сработала сразу – бросить туда гранаты, что я и сделал. Пулемет замолк, а я несколько сдвинулся влево в сторону направления наступления нашего разведотряда, где и выскочил на берег. Пробежав несколько метров, я оказался в немецкой траншее. В ней уже были наши солдаты. Какой-то боец лежал раненым на дне траншеи, и его перевязывали.

Прошло какое-то время. К нам присоединились еще несколько солдат из нашей роты, и тут же поступила команда идти вперед, не давать вражеским солдатам убежать от нас. Мы повели наступление на вторую линию окопов врага, прочесали какую-то польскую деревню, в которой никого не оказалось. Пробегая через огород, я сорвал свежий огурец и съел его. Это было все, что мне удалось съесть за этот день. Несколько раз слышались предупреждающие команды наших командиров о возможной контратаке вражеских танков, однако их не было. Под нашим напором большая группа вражеских солдат отошла в лесной массив, что виднелся на правом фланге разведотряда. К восьми часам наш разведотряд достиг шоссе

дороги, ведущей на Рычилов, вклинился до двух километров в глубину обороны противника.

Будучи рядовым бойцом, я не все воспринимал, что делалось вокруг меня в тот памятный день 1 августа 1944 года. Помню, что мы шли цепью, быстро стреляя на ходу по появляющимся вражеским солдатам, чтобы не дать им окопаться, подальше отогнать их от берега, расширить плацдарм, чтобы быстрее весь полк переправился на левый берег Вислы. Потом через много лет в Москве я встретился с командиром нашего передового разведотряда гвардии капитаном Кириченко Михаилом Михайловичем. От него я узнал, что в районе упомянутого мной леса разведотряд встретил упорное сопротивление пехоты противника, которую поддерживали три штурмовых орудия. Я тогда просто вел огонь из своей винтовки по тем целям, которые появлялись передо мной. Кириченко дал команду радисту связать его с командиром полка, однако рация гвардии майора Воинкова молчала. На позывные радиостанции разведотряда ответила радиостанция командира 35-й гвардейской дивизии генерала Кулагина И.Я. Ему Кириченко доложил обстановку, что занял круговую оборону, так как немцы силой до двух рот пехоты атакуют со стороны хутора. При них два штурмовых орудия, которые, поддерживая свою пехоту, бьют прямой наводкой по нашему разведотряду.

Доклад гвардии капитана Кириченко М.М. сыграл свою положительную роль. По нашим точным координатам отлично сработали артиллеристы 118-го арtpолка. По просьбе Кириченко наши артиллеристы прикрыли правый фланг разведотряда и поставили заградительный огонь на опушке леса, что был справа от хутора. Затем дивизион «катюш» дал залп по хутору. Минометчики 279-го минометного полка открыли ураганный огонь по лесу, что находился на правом фланге разведотряда. Фонтаны разрывов, огонь и дым на некоторое время скрыли хутор. Кириченко, корректируя огонь артиллеристов и минометчиков, просил перенести огонь вперед и вслед за разрывами снарядов и мин повел нас в атаку. Мы выбили немцев из хутора и начали их преследовать. Враг отходил в сторону города Магнушев. В это время по радиации командир дивизии сообщил Кириченко, что на командном пункте находится командарм В.И. Чуйков, который поздравляет Кириченко с правительственной наградой и просит передать благодарность все бойцами и офицерам разведотряда за успешные действия. После мы узнали, что гвардии капитан Кириченко М.М. стал Героем Советского Союза. Кстати, меня мои командиры тоже не забыли – я был награжден орденом Славы III степени.

Так прошел день. Наступила тишина. Окопались на каком-то картофельном поле, в грязи, так как не переставая шел дождь. Я был в той же мокрой одежде после купанья в Висле. Даже отжать одежду было невозможно. Недалеко находился еще какой-то хутор, откуда еще слышалась немецкая речь. Затем, к рассвету, она стихла. Видимо, противник отступил.

Об этих боях по захвату Магнушевского плацдарма, с которого впоследствии, то есть в январе 1945 года, началось наступление 8-й гвардейской армии на Берлин, дивизионная газета «Сталинская Гвардия» от 2 августа писала: «Неудержимо

устремились советские воины на противоположный берег. Ни ураганный артиллерийский и минометно-пулеметный огонь фашистов, ни водная преграда не смогли остановить нашего продвижения. Когда гитлеровцы довели огонь до наивысшего напряжения, наши бойцы приняли бой на воде и, подавляя на ходу огневые точки противника, продолжали двигаться вперед. А когда переправочные средства, не достигнув берега, засели на мели, гвардейцы вброд форсировали оставшийся отрезок водного пути, стремительным броском смяли передний край обороны немцев и обратили врага в бегство. Подлинный героизм проявил в ходе боя офицер М.М. Кириченко. Он со своим разведотрядом отразил несколько яростных атак немцев и уничтожил при этом более 200 гитлеровских солдат и офицеров».

На рассвете 2 августа нашу 4-ю роту быстро подняли из ячеек и повели в направлении Магнушева. Разведотряд как таковой перестал существовать. Мы снова стали одним из подразделений 2-го батальона 100-го гвардейского полка. Рота здорово поредела. Мы продвигались вдоль дороги, идущей к окраинам Магнушева. На подступах к нему мы сравнительно легко сбили отряд прикрытия противника и продолжили продвигаться вперед. Бойцы роты уверенно вели наступление, поскольку видели в наших боевых порядках своих офицеров, которые смело вели нас в атаки на противника и со знанием дела организовывали оборону при контратаках, которые гитлеровцы неоднократно предпринимали в течение дня. Это воодушевляло нас, придавало силы, и мы решительно преследовали отступающего противника. Основные силы фашистских войск на этом участке фронта, как выяснилось позже, были сосредоточены на окраине Магнушева. Когда рота прорвалась непосредственно к городу, враг открыл сильный пулеметный огонь. Рота залегла. В это время личный состав роты понес большие потери. От пули снайпера погиб и командир роты гвардии старший лейтенант Котляр И.Ф. Посмертно ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В это время я лежал весь до ниточки мокрый в открытой мной ячейке на расстоянии примерно 500–600 метров от крайних домов Магнушева. Иван Федорович Котляр тогда находился метрах в 150–200 сзади меня. Пуля снайпера попала ему прямо в голову. Смерть наступила мгновенно. Такой же пули этот снайпер удостоил и меня. А получилось это так: поскольку никто из командиров в атаку меня не поднимал, а моя ячейка уже наполнялась водой, так как продолжал идти дождь, то я решил вырыть для себя вместо ячейки «лежа» ячейку «сидя» и прикрыться рядом находившимся снопом сжатой пшеницы, для чего вынул из чехла свою малую саперную лопату, приподнялся на левом локте, копнул и бросил откопанный кусок земли вперед себя на бруствер, но тут же пуля снайпера выбила у меня из рук лопату и скользнула по самому краю каски. Я потом заметил на каске след от нее. И хотя мне было семнадцать лет, но «нарек» снайпера я понял, то есть понял, что стрелял в меня снайпер, а не простой солдат, ибо на такое расстояние такой меткий выстрел мог сделать только снайпер. Это подтвердилось тем, что снайпер не только убил нашего командира роты. Он такими же выстрелами убил лежавших слева и справа от меня тринадцать солдат нашей роты и еще четверых солдат из

двух расчетов противотанковых ружей. Этого снайпера я потом видел лежавшим за трубой на крыше крайнего дома. Его убили наши пулеметчики из станкового пулемета «Максим», дав по нему очередь «закрепленным в точку», как мне потом говорили.

По залегшим бойцам нашей роты велся не только снайперский и пулеметный огонь. Прямой наводкой персонально в залегшего на поле солдата вели огонь два самоходных орудия противника, а у нас не было никаких противотанковых средств после гибели двух расчетов противотанковых ружей. Мало того, над нами появилась вражеская авиация. Я видел даже лица летчиков, когда самолет как-то боком к нам разворачивался, поливал нас пулеметным огнем и сбрасывал какие-то емкости, которые в воздухе раскрывались и из них высыпались маленькие бомбочки в виде гранат, поражавшие нас.

В этой сложнейшей боевой обстановке, когда смерть буквально косила нас, я, поняв «намерение» немецкого снайпера, прикинулся мертвым и лежал неподвижно примерно до 17 часов, пока не услышал команду: «Рота, встать! В атаку вперед!». В атаку встали и смело пошли вперед лишь остатки нашей роты. Враг упорно сопротивлялся, вел по нам огонь из всех видов оружия, но не выдержал нашего натиска и постепенно стал отступать. К вечеру Магнушев был нами взят. О том, что по нашей 4-й роте противник вел сильный огонь и что судьба снова ко мне благоволила, свидетельствовали расщепленное цевье моей винтовки, в которое попала вражеская пуля, и пробитый пулей врага магазин к ручному пулемету, который находился у меня в сумке, висевшей на плече. Верно, какой-то осколок мины или снаряда пробил у меня на правой ноге обмотку и слегка поранил кожу, но я это даже не посчитал за ранение.

Ночь со 2-го на 3-е августа бойцы нашей роты провели под открытым небом, оставаясь мокрыми со времени форсирования Вислы не кормленными третий день. Но 3-го августа нас разместили в крайних домах Магнушева, привезли густую пересоленную похлебку. Ее пересолили специально. Чтобы мы с голоду не объелись за счет убитых. Наконец-то с поля, где залегала наша рота и другие подразделения полка и шел кровавый бой, были собраны все наши павшие в этом бою товарищи. Получилась большая братская могила. Над ней мы дали свой прощальный залп в память о героически погибших товарищах. А со мной случился казус: когда мы в польском домике натопили печку и стали наконец-то сушиться, то я стал одновременно сушить на плите свой комсомольский билет и красноармейскую книжку. Однако, видимо, перестарался, так как комсомольский билет по краям вдруг загорелся и пришлось его срочно тушить. До сих пор мне жалко, что он не остался у меня как память о том времени. Через несколько лет, когда мне вручали кандидатскую карточку, принимая меня кандидатом в члены ВКП(б), то этот билет пришлось сдать, ибо такой был порядок.

Как пишут наши военные историки, к исходу третьего дня боев наша 35-я дивизия захватила плацдарм 6 км по фронту и до 10 км в глубину, и гвардейцы 8-й армии за эти же три дня добились контролирования плацдарма по всей ширине

междуречья Пилицы и Радомки (эти две реки впадают в Вислу с ее левой стороны) более 20 км по фронту и в глубину до 10–12 км.

Бои по расширению Мангушевского плацдарма продолжались и дальше, но о них после, а сейчас речь пойдет о том, как и почему у меня появилась мысль стать юристом. Все это началось в той самой ячейке «лежа», когда я под пулеметным, ружейным и огнем снайпера, а также под разрывами мин, снарядов и бомб, когда вокруг меня все поле было усеяно воронками от их разрывов, в течение многих часов лежал и ждал команду встать и атаковать противника. Времени на раздумья, в том числе о смысле жизни, было много. Почему-то я, повторяю, не боялся быть убитым. Наоборот, я думал, что уже недалек день нашей Победы, а какая прекрасная и счастливая жизнь должна начаться для всего советского народа – народа-победителя в этой страшной войне! Ведь наш народ заслужил для себя такую светлую жизнь. И вот в такой мирной жизни в нашем советском обществе должны торжествовать добро и справедливость, чтобы каждый советский человек, переживший эту войну, был душевно свободен и радовался каждому дню своей жизни. А для утверждения таких отношений в нашем советском обществе должны потрудиться и юристы, всегда готовые помочь человеку, попавшему в беду, нуждающемуся в обеспечении своих законных прав и интересов, творящие добро и справедливость, отстаивающие правду во имя торжества законности и человечности. Я к этому, как мне думалось, душевно был уже готов и поэтому считал, что я должен выучиться на юриста.

Вот так неожиданно-негаданно и, возможно, с чьей-то подсказки, что не дано нам, к счастью, знать, пришла ко мне эта мысль и твердо застряла в моей душе. Разумеется, все эти мои мысли были довольно наивны. Ведь предстояло еще побывать во многих смертельных ситуациях, но я верил, что доживу до Победы. Боялся, повторюсь, только одного – это невзначай, например, во сне где-нибудь в окопе ночью попасть в плен немецких разведчиков в качестве «языка». Это был бы позор для всей моей честной и патриотически настроенной родни. Ведь все они могли бы подумать, что я трусил и сдался немцам в плен, хотя такое качество души за мной никогда не наблюдалось. Особенно переживал бы мой отец – поручик Российской армии, служивший командиром пулеметной команды в Астраханском гренадерском полку, которым в свое время командовал А.В. Суворов. За смелость, проявленную в бою во время знаменитого Брусиловского прорыва, он был представлен к награждению орденом «Станислава». В настоящее же время он, с учетом его пожилого возраста, военную службу проходил в тыловых частях, куда был призван в начале войны, и имел воинское звание «капитан».

А может быть, появлению у меня мысли стать после окончания войны юристом сыграли свою положительную роль какие-то родительские гены отца. Ведь я же оказался при рождении сыном юриста в буквальном и без присущего В.Ж. юмора смысле этого слова. Мой отец был исключительно, можно даже сказать кристально, честным, справедливым и добрым человеком, всегда готовым прийти на помощь нуждающимся в ней людям. Эти его человеческие качества сыграли свою поло-

жительную роль во время февральской революции 1917 года, когда после развала власти образованный в полку солдатский комитет избрал поручика Москалева Владимира Алексеевича заместителем командира полка, учтя его добрые отношения к нижним чинам, другие его человеческие и профессиональные качества. Видимо, как мне думается, эти же качества и вера в светлое будущее России, а также ознакомление с идеями марксизма-ленинизма привели его к тому, что в 1920 году он стал членом РКП(б). С этого времени начался его путь юриста, хотя никакого юридического образования он не имел, перед войной закончил в Москве только реальное училище, то есть имел среднее образование.

Начинал он эту юридическую работу сначала следователем, затем был заместителем прокурора Ивановской области по Шуйскому региону, народным судьей, а закончил юрисконсультом на большой шуйской прядильно-ткацкой фабрике, где до самой своей кончины, уже являясь пенсионером, оставался членом партийного бюро партийной организации фабрики и был ответственным редактором фабричной газеты.

Мой отец был большой трудолюб по оказанию бескорыстной юридической помощи простым людям, нуждающимся в ней. Тем более что это было в тридцатые годы, когда вокруг нас арестовывались и пропадали люди и надо было иметь определенное мужество, оказывая юридическую помощь таким людям. В благодарность эти приходившие к нам в дом простые бедные люди вытаскивали из кармана и ставили на стол бутылку водки, говоря: «Владимир Алексеевич, не обессудьте. В благодарность за Ваши труды выпьемте со мной». Отец давал мне пример своей честностью, бескорыстностью, порядочностью и трудолюбием, а мать олицетворяла также доброту и постоянную готовность чем-то помочь людям. Заработок у отца и матери был небольшой, но в доме жили люди гораздо беднее нас, и они постоянно шли к маме с просьбами: «Людмила Ивановна, выручите нас, дайте займы 5–10 рублей». И мама всегда давала, хотя у нас-то почти ничего не было.

Видимо, положительное нравственное влияние и пример человеческого, доброго и справедливого отношения отца к людям, что я постоянно видел в предвоенное время, сказалось и на мне. Я всегда старался мирно, по справедливости разрешить конфликты и ссоры, возникавшие среди уличных мальчишек, не позволял им совершать несправедливость, видимо, и будучи мальчишкой, интуитивно понимал, что справедливость требует равно охранять права каждого.

Когда же я был призван на военную службу, то все время срочной службы, пока не стал офицером, особенно в голодные годы, по просьбе сослуживцев, видимо, заметивших у меня эти душевные качества, мне постоянно приходилось делить буханки хлеба на равные «пайки», разливать ровно супы и раскладывать по мискам кашу, то есть и при этом творить своего рода справедливость. И все знали, что я никогда не проявлю себялюбие, не «сшакалю», а себе возьму «пайку», оставшуюся последней.

Вот так я старался действовать и во фронтовой обстановке, ибо солдатское правило «Сам погибай, а товарища выручай» было для меня законом моей совести. А фронтовая обстановка после взятия Магнушева оказалась для нашей 35-й гвар-

дейской дивизии не менее, а весьма напряженной. Против нее оборону занимали 45-я гренадерская дивизия, хорошо вооруженная и представлявшая серьезную силу. Действовать против нас к 5 августа подошла 19-я Нижнесаксонская танковая дивизия. К 7-му августа ожидалось прибытие на Вислу танковой дивизии «Герман Геринг». 147 танков, 22 штурмовых орудия, 223 противотанковых орудия, 80 минометов, 15 тысяч солдат и офицеров готовы были обрушить на нас всю мощь своего огня. Штабу армии стало известно, и нас коротко информировали, что на подходе к нам находится 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова». Вместе с ней против нас, чтобы подавить, уничтожить, а остатки сбросить и потопить в Висле, будут участвовать 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 4-я танковая дивизия.

Из показаний пленных стало известно, что 3-го августа против нашего полка бои вела 17-я пехотная дивизия врага. Уже вечером 3-го августа 95-й пехотный полк этой дивизии пошел на нас сильной контратакой. Рота пехоты, поддержанная штурмовыми орудиями, атаковала позиции нашего 2-го батальона. Очень трудный был бой. Ведь нас в батальоне оставалось мало, однако врага мы встретили хорошо организованным огневым сопротивлением. Потеряв два штурмовых орудия и сорок человек убитыми, противник отошел на исходные позиции.

Тогда против нашего 100-го полка враг дополнительно бросил 135-й пехотный полк 45-й пехотной дивизии. 5-го августа к нам поступила команда командира корпуса закрепиться на захваченном рубеже и быть готовым к отражению контратак пехоты и танков противника. Действительно 7-го августа было отбито более двадцати попыток противника, его разведподразделений вклиниться в оборону нашей дивизии, прорвать ее, но, встреченная нашим организованным огнем, вражеская пехота отошла на исходные позиции. Тогда в воздухе появились вражеские самолеты, которые в течение примерно часа с небольшой высоты бомбили и стреляли в нас. Я различал даже лица летчиков, стрелял по самолетам из своей винтовки с нескромной мыслью: «Авось собою. Тогда буду представлен к ордену Отечественной войны. Но, к сожалению, от винтовочной пули самолеты почему-то не падали, хотя я и брал соответствующее упреждение, целясь в них.

Вслед за бомбардировщиками на нас пошли танки. Сюда, на участок обороны 2-го батальона 100-го гвардейского полка, был направлен их основной удар. Именно здесь, на узком участке фронта, противник пытался прорвать нашу оборону. Иногда нам казалось, видя эту прущую на нас танковую атаку, что нет такой силы, которая могла бы остановить эту бронированную лавину. И когда до танков врага осталось 300–500 метров, открыли огонь пушки 37 ИПТД, а также уцелевшая полковая артиллерия под командованием гвардии старшего лейтенанта В.И. Варенникова. До его ранения оставалось не так уж много. Он был ранен 14 августа и покинул полк.

За танками шла вражеская пехота. Было жарко как в прямом, так и в переносном смысле. Нещадно палило августовское солнце. Пыль, поднятая разрывами снарядов, авиабомб и гусеницами танков, перемешанная с пороховой гарью и дымом, неподвижно висела в воздухе, мешала вести прицельный огонь, затрудняла дыхание. К тому же мы четвертый день ничего не ели и даже не пили, так как были отрезаны

врагом от переправы через Вислу. Мой первый номер вел огонь из ручного пулемета по пехоте, а я из своей винтовки. В полной готовности у меня на бруствере нашего подковообразного окопчика лежала противотанковая граната, и я уже готов был и, можно сказать, с мальчишеским задором жаждал подбить первый же приблизившийся к нам танк врага, однако, как и с самолетами, получилась неудача. Наши артиллеристы так отчаянно и метко вели огонь по этим танкам, что противник, оставив перед нами несколько горевших танков, вместе с пехотой повернул обратно. До меня на расстояние броска гранаты танки так и не дошли.

Надо прямо сказать, что не на жизнь, а на смерть, проявляя массовый героизм, стойкость и выдержку, дрались в те дни мои однополчане. Вот как вспоминал об этих днях мой однополчанин капитан в отставке А.Б. Критский: «Заканчивалась первая декада боев на захваченном войсками 8-й Гвардейской армии Магнушевском плацдарме. Гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы столкнуть гвардейцев в Вислу. Мы в те страшные дни августа 1944 года хорошо понимали, что надо выстоять во что бы то ни стало. По 10–12 атак приходилось отбивать стрелковой дивизии. В кровавой круговерти мы потеряли счет времени, силы были на исходе. Пополнение в батальоны не поступало. В строй встали саперы, связисты и солдаты хозвзвода – все, кого можно было поставить в боевой порядок стрелковых подразделений».

Я полностью согласен с такими воспоминаниями А.Б. Критского, ибо все это мной лично было пережито, и вот небольшой эпизод из моего личного участия в этих боях. Ко мне в окопчик прибежал связной и передал мне приказание капитана Кириченко срочно прибыть к нему. Я по полуотрытым ходам сообщения быстро, пригнувшись, побежал к нему и доложил о своем прибытии. Капитан Кириченко тогда сказал мне, что нас – стрелков осталось в батальоне очень мало, не хватает автоматического оружия, а полоса обороны батальона большая, и нам необходимо автоматическое оружие, чтобы погуще была полоса огня, когда вражеская пехота контратакует нас. Подвоза с той стороны Вислы нет, а вот там, на нейтральной полосе, по которой нам до этого пришлось отойти назад, почти перед немецкими траншеями остался наш станковый пулемет «Максим». Его надо притащить к нам. Возьми лучшего бойца из роты и действуй. Пока вы оба туда идете, я дам команду батальону прекратить стрельбу. И такую команду действительно надо было давать, иначе бы нас посчитали за перебежчиков и свои пристрелили бы.

Самым лучшим, по моей оценке, был рядовой Кошкарев. Недаром он был связным нашего командира взвода. Мы с ним выскочили из нашей полутраншеи и трусцой побежали в сторону немцев. Тут стрельба прекратилась не только с нашей стороны, но и из траншеи противника. Видимо, они подумали, что мы бежим к ним сдаваться в плен. Когда я первым подбежал к пулемету, то увидел лежавшего рядом с ним нашего убитого пулеметчика. В его руке была крепко зажата палочка на веревочке, привязанной к дуге станка пулемета. Я и сам так делал, когда был в составе расчета станкового пулемета «Максим», чтобы низко не сгибаться при его перевозке и чтобы дульным срезом ствола не бороздить по земле.

Я быстро бросился к пулеметчику, высвободил из его руки палочку, за второй ее конец схватился Кошкарев, и мы, сколько было сил в наших ногах, понеслись к нашей траншее, а расстояние до нее было не меньше 200–300 метров. В свою траншею я летел почти вниз головой, пулемет на меня, а он был весьма тяжел. Как помнится, станок пулемета весил 32 кг, тело пулемета – 28 кг, щит – 8 кг, т. е. 68 кг, и это без четырех литров воды, заливаемой в кожух для охлаждения ствола, поскольку кожух был пробит. Кошкарев тогда остался в траншее с пулеметом, а я побежал в тыл доложить капитану Кириченко о выполнении его приказа. Кириченко, как сейчас зрительно помню, вынул из кармана немецкую трофейную длинную с круглыми леденцами конфету, разломил ее пополам и сказал: «Благодарю вас, а в награду возьми себе половину конфеты, вторую половину передай Кошкареву».

Потом мои сослуживцы из остатков нашего взвода удивлялись, что мы остались живыми. Как только мы схватили пулемет и побежали в сторону своей траншеи, то немцы опомнились и открыли по нам шквальный огонь, но, видимо, здорово торопились нас убить, а потом еще – не судьба была нам с Кошкаревым в этот день погибнуть. К сожалению, с Кошкаревым это случилось через пару дней. После очередного мощного артиллерийско-минометного налета, который добавил вокруг нас массу воронок, и отражения очередной психической контратаки пьяной вражеской пехоты с танками к нам в окопчик почему-то не прибежал рядовой Кошкарев. Обычно после такого артиллерийско-минометного налета и отражения контратаки вражеской пехоты и танков командир нашего взвода посылал его проверить, кто остался в живых. А в этот раз Кошкарев не прибежал к нам. Тогда я сам по полутраншее, она была глубиной сантиметров шестьдесят, поскольку у нас не было ни сил, ни времени отрыть ее в полный профиль, прибежал к ним и увидел обоих сидящими на дне своего окопчика, прижавшимися спинами к задней стенке. У обоих была ровно срезана верхняя часть черепа, виднелось нежно розовое вещество головного мозга. Их автоматы лежали на бруствере окопчика, рядом находились гранаты, а сзади них я заметил небольшую воронку от вражеской мины, осколками которой они оба и были убиты.

Ожесточенные, кровопролитные бои продолжались без всяких передышек. Командование противника готовилось ввести в бой свежие части танковой дивизии «Герман Геринг». Мы и без нее по много раз за день отражали контратаки противника, не считая их количество, а вот из статьи, помещенной в нашей дивизионной газете «Сталинская гвардия», до сих пор помню их число. Оказывается, что порой количество таких контратак доходило в течение дня до пятнадцати.

10 августа противник силой до двух батальонов пехоты при поддержке танков и авиации вновь атаковал подразделения нашего полка, стараясь прорвать нашу оборону. На исходе дня 30 танков и 27 бронетранспортеров нанесли удар в стык между нашим и соседним полком. Эта сильная атака противника нами также была отбита. Наша исключительная стойкость в обороне основывалась не только на мужестве и боевом мастерстве личного состава нашего полка, но и на спокойной уверенности в своих силах, а эту силу духа давала нам преданность родине.

Она давала нам ту силу, которая помогала выстоять, казалось бы, в самые безысходные моменты боя.

Кстати, бывшие курсанты 375-го учебного стрелкового батальона, которые попали в 100-й гвардейский полк, дольше всех держались в строю. В этом оказалась боевая подготовка, которую мы прошли за полгода учебы под руководством сержантов кадровой довоенной службы и офицеров, которые уже побывали в боях и после лечения по ранению в госпиталях проходили дальнейшую военную службу в нашем батальоне.

Когда мы уходили с занимаемой позиции, то передняя полоса перед нами была завалена многими трупами противника и до нас доносился смрад от их разложения.

Примерно в средних числах августа я попал в весьма опасную ситуацию, но опять чудом остался жив. В тот день мы атаковали вражескую пехоту, шли по лесу, дружно ведя огонь по отступающему противнику. На нашем пути оказалась траншея, в которую мы впрыгнули. Но вдруг услышали русскую речь. Нам кричали, что надо идти дальше, а когда мы выпрыгнули из траншеи, потеряв бдительность, а также прекратив стрелять, то были встречены лавиной огня, враг пошел в контратаку. Видимо среди солдат немецкой дивизии «Мертвая голова», а я потом видел на пилотках немецких солдат, убитых нами, изображение черепов, были и власовцы. Мы отступили в только что покинутую нами траншею и начали стрелять по вражеским солдатам. Я тогда расстрелял по контратаковавшей нас пехоте врага все патроны, которые были в магазине моей винтовки и в двух подсумках, а достать патроны из вещевого мешка не успел. Между мной и моим первым номером ручного пулемета упала вражеская граната. Я успел укрыться, быстро сообразив об этой необходимости, а вот мой первый номер, бывший, повторяю, раза в два старше меня, сплоховал. При взрыве гранаты он был убит, а ручной пулемет пришел в негодность. До бегущих на нас в контратаку вражеских солдат от меня оставалось метров 30–40, патроны у меня только в вещевом мешке, времени их достать уже не было, а слева и справа от меня наши бойцы стали драпать, как тогда говорили при объяснении отхода назад. До сих пор считаю подобную ситуацию самой страшной на фронте, когда солдату надо спастись от верной смерти или плена только бегством, и я побежал за ними.

Вражеские пули свистели мимо меня. Справа от меня бежавший наш солдат вдруг как бы споткнулся и упал, будучи убитым выстрелом в спину. Слева бежал подносчик из расчета станкового пулемета «Максим». Я это определил по коробке с лентой от этого пулемета, которую он нес в одной руке. Он также был убит выстрелом в спину. Оказавшись очередной целью, так как поблизости никого из солдат уже не было, я встал за толстую сосну, но сразу почувствовал, что огонь велся уже по мне, ибо от сосны отлетала кора. И вдруг стрельба прекратилась. Я тут же побежал дальше, но сзади раздался окрик здорового немецкого солдата: «Хальт!». Я, как меня учили в учебном батальоне, сделал своей винтовкой прием «Назад прикладом бей!», направив приклад в лицо этого солдата, который

на голову был выше меня. От неожиданности моих действий, видимо не ожидая такого поведения от пацана, которым я казался по сравнению с ним, он отпрянул назад и замер, а я снова бросился бежать, так как физические силы были явно неравные. Но тут справа мимо моего уха прошла очередь свистящих пуль и вдруг стрельба умолкла. Я тогда сразу побежал в сторону, откуда прошла эта очередь, вперед и чуть правее, выскочил прямо на расчет станкового пулемета «Максим». В расчете оставалось только два человека. Они-то затем и рассказали мне, что как только я начал убегать от вражеского солдата, то он вскинул свой автомат, чтобы почти в упор расстрелять меня. И тут они решили, была не была, дать очередь из пулемета, рискуя и меня убить вместе с немецким солдатом, но начали эту очередь вести слева направо, используя небольшой угол или промежуток между мной и немцем относительно линии направления стрельбы, и как только немецкий солдат был поражен и упал, то сразу прекратили стрельбу.

До сих пор, когда я вспоминаю жестокие бои на Магнушевском плацдарме, для меня остается загадкой тот факт, что я почему-то, когда смерть без разбора косила всех, кто был рядом со мной, оставался живым. Видимо, и здесь не судьба была мне погибнуть. Для чего-то я еще должен был оставаться на этом свете.

Так вот, в сентябре 1945 года, когда за время пребывания на военной службе мне впервые был предоставлен краткосрочный отпуск, я прибыл домой в родную Шую и чуть-чуть рассказал маме о том, что случилось со мной на фронте, умолчав о последнем случае, то мама сказала мне: «Алешенька, ты остался живым потому, что на твоём правом плече всегда был очень добрый ангел-хранитель». Мама верила в Бога. Во время войны ходила за 20 км в действующую сельскую церковь, так как все городские церкви были разрушены, и молилась за меня.

Втроем мы стали отходить в наш тыл. К нам присоединились еще два солдата из расчета противотанкового ружья. Отойдя немного назад, мы остановились возле пустого немецкого блиндажа. Немного успокоились, вокруг нас было тихо, дело шло к вечеру, мы были голодны. Кому-то из нас надо было доставать еду. Выбор пал на меня как на самого младшего солдата; хотя тогда мы не говорили о наличии «стариковщины», как сейчас говорят, однако это явление бытовало и тогда.

Кто-то вдобавок к моему котелку дал свой котелок для первого блюда, если будет, а под кашу снабдили второй каской. Опять получилось дело случая, но мне удалось найти нашу полевую кухню. Повар уже закрывал крышки на котлах. Рядом никого не было. Я подбежал к нему со словами: «Браток, черпани для ребят чего осталось». Из одного котла он налил мне в котелки суп, а в каски положил кашу. Я поблагодарил его и пошел к своим спасителям. И снова, повторяю, дело случая, что вовремя отошел, ибо вражеский танк прямой наводкой ударил из орудия по полевой кухне. Повар и лошадь были убиты, а я опять целым и невредимым явился с обедом к товарищам.

Поели, когда уже темнело, всем захотелось спать. Места в блиндаже хватало на всех, земля была покрыта соломой. Как самый молодой из нашей группы, я первым должен был дежурить, высунув голову из блиндажа, смотреть и слушать,

что делается вокруг. В середине ночи я должен был разбудить одного из расчета противотанкового ружья, а сам немного поспать. Я так и действовал. Но этот солдат заснул. На рассвете мы проснулись от шума моторов мимо проходящих по лесной просеке танков. На их башнях виднелись немецкие кресты. Танки шли на восток. Мы спрятались в блиндаж, пропустили их, а затем быстро пересекли эту просеку, вошли в молодую густую посадку ельника и тихо двинулись также на восток. Пулемет пришлось разобрать. Один из пулеметчиков нес ствол с кожухом и коробкой передач, второй – станок, а я, помогая своим спасителям, нес щит.

Когда мы, наконец-то, увидели своих, то оказалось, что пришли в свою санроту. Пришлось сориентироваться и идти на запад, чтобы попасть в свои подразделения. Вскоре я нашел остатки своей 4-й роты. В ней из 120-ти бойцов, начавших форсирование Вислы, в строю осталось около 15-ти человек. Командир 2-го батальона гвардии старший лейтенант Бердников Гаврил Васильевич, ставший после этих боев Героем Советского Союза, оказал мне доверие – взял меня в сформированное при себе отделение разведки. Так я стал разведчиком, сдал свою винтовку, оба магазина к ручному пулемету и вооружился автоматом ППШ, который у меня в бою действовал безотказно и я был просто влюблен в него.

Наступило 14 августа. Я вспомнил этот день, поскольку тогда был ранен будущий генерал армии Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант В.И. Варенников. К этому времени противник, хотя и продолжал атаковать наши оборонительные позиции, но делал это как-то вяло. Да и у нас чувствовалось перенапряжение моральных и физических сил, ибо уже в течение двух недель не выходили из ожесточенных боев. Прошла еще неделя, и вдруг командиру нашего батальона из штаба полка поступила команда отобрать из батальонного отделения разведки четырех наиболее расторопных, проверенных в бою бойцов, которых направить в штаб полка для формирования полкового взвода разведки. Оказалось, что наш прежний взвод полковой разведки в ночь ушел за правый берег реки Радомки, чтобы взять там «языка», но назад никто не вернулся. Все погибли.

Бердников откомандировал в числе четверых бойцов и меня. Так я стал полковым разведчиком. Во взводе нас было 12 человек во главе с сержантом из Казани Хайруллиным. Дважды пришлось выполнять приказ командира полка достать ему «языка». Второй раз это было в ночь на 26 августа, а уже днем полк форсировал реку Радомку. Опять были потери. В нашей 4-й роте осталось только пять человек. Был убит заместитель командира полка. Я видел его полусидящим с орденом Боевого Красного Знамени на груди, когда бежал, выполняя приказ командира полка, в роли связного мимо него. Видимо, он погиб от снайперской пули, которые свистели и рядом со мной во время перебежки, но я тогда был быстр на ногу, бежал короткими перебежками, и пули прошли мимо.

Правый берег реки Радомки, где сосредоточились передовые подразделения полка, которым удалось в этом месте форсировать реку, представлял собой низкую пойму шириной не более ста метров, дальше местность возвышалась до двух метров, и отсюда на небольшом уже удалении от нее начинался лес. На опушке этого леса

залег противник, но из своего стрелкового оружия он уже не мог стрелять в нас, кто был под прикрытием этого прибрежного двухметрового возвышения. Однако от минометного огня нам спасения не было.

Все это время я бегал как связной, выполняя приказания командира полка, так как телефонной связи с командирами батальонов и рот еще не было. За это время все бойцы полка, оказавшиеся на правом берегу Радомки, уже окопались, отрыв себе, как мы тогда говорили, «могилки», а я в беготне не смог этого сделать. Своей малой саперной лопатой копать для себя окопчик мне не хотелось, поскольку уж больно коротка была ее рукоятка и мал размер лезвия, в связи с чем надо было низко нагибаться и к тому же дольше копать. Поэтому я попросил у расчета станкового пулемета «Максим» их хорошую трофейную садовую лопату и стал этой лопатой копать себе «могилку» размером в длину своего тела.

Выкопав два или три слоя земли, нагнулся копать очередной слой и вдруг почувствовал боль в обеих ягодицах, были порваны вещевой мешок и спина гимнастерки. Слева, на ощупь, крови не оказалось. Видимо ударило комком земли, а вот при ощупывании правой ягодицы, в это время я лежал плашмя в окопчике лицом вниз, рука обильно окрасилась кровью. Я тут же вытащил из вещмешка свой санитарный пакет, самостоятельно перебинтовал себя, а затем на одной левой ноге попрыгал к командиру полка, чтобы доложить ему о своем ранении. Допрыгав до него, я доложил: «Товарищ майор, я ранен. Разрешите идти в тыл». В ответ майор Воинков стал громко упоминать Бога, мою мать и женщин легкого поведения на букву «б». Потом сказал: «Что ж ты допустил это ранение. С кем же я дальше буду воевать, с одним Маймулой? Ну, спасибо тебе. Иди». На мать-перемать, услышанную из уст 23-летнего командира полка, я не обиделся. Наоборот, я почувствовал, как, оказывается, высоко ценил меня командир полка. Рядовой Маймула был родом из Молдавии. Он к 17 часам 26 августа, когда меня ранило, оказался последним из 12 бойцов нашего полкового взвода разведки. Остальные 10 человек были в эти сутки убиты или ранены. Был смертельно ранен в живот и наш командир взвода сержант Хайруллин. Он был на год старше меня.

Получив разрешение командира полка, я переплыл Радомку, около двух километров прыгал на одной ноге от дерева к дереву до штаба полка, чтобы там взять свой комсомольский билет и красноармейскую книжку, которые мы накануне, перед тем как идти за «языком», сдавали. Там же я получил весьма болезненный укол в живот от столбняка, и мне было предложено сдать свой автомат, патроны и малую саперную лопатку. Кстати, у нас, полковых разведчиков, эти малые саперные лопатки были отточены как бритвы, хоть брейся ими, а если ударить по шее врага, то голова бы отлетела. Я воспротивился, ибо жалко было с автоматом и лопаткой расставаться, а я надеялся, что врачи быстро меня вылечат, поставят в строй и я снова могу вернуться в свой ставший родным 100-й гвардейский полк.

Однако мои желания остались только желаниями, а рана оказалась серьезной. Большой осколок мины, разворотив мякоть моей тощей ягодицы, чуть-чуть не перебил мне шейку бедра и не порвал кишки. После удаления этого осколка рана

оказалась размером 5 на 10 см, в связи с чем меня лечили в госпитале, пока рана не зарубцевалась, почти три месяца.

Вот так закончилось мое первое пребывание на фронте, когда каждый день мог оказаться последним в жизни. Ведь почти целый месяц нам, гвардейцам 100-го гвардейского полка, приходилось быть в самом пекле боевых действий.

В то далекое время я не задумывался о том, как легко и удачно оно, это время со смертельными боями, для меня закончилось. Сегодня же, прожив с тех пор более 60-ти лет, я снова задумываюсь о судьбе. Что это такое? В чем она заключается? Ответа нет, но все же имеется не поддающееся обычному человеческому сознанию нечто, но существующее реально и оказывающее определенное влияние на жизнь каждого человека. И это, оказывается, не только мое мнение. Я смотрел телевизионную передачу, посвященную загадкам жизни, неопознанным ее явлениям. Эта утренняя передача была в первой декаде февраля 2005 года. С воспоминаниями выступил Леон Измайлов, который рассказал об услышанном им из уст знакомого ему товарища, как тот в годы войны чудом остался живым. С его слов, находясь в землянке, он вдруг проснулся и в проеме двери увидел изображение своей умершей матери, пальцем руки манящей его к себе, чтобы он вышел из землянки. Затем видение исчезло, а он действительно по-серьезному воспринял это явление, вышел из землянки, отошел от нее и встал за дерево. И сразу же в землянку угодила вражеская бомба. Все, кто в ней находился, погибли, а он один остался живым. Как это объяснить, ученые не знают до сих пор.

На исходе августа 1944 года, после моего ухода из 100-го гвардейского полка, фронт на Магнушевском плацдарме стабилизировался. Противник, не выполнив поставленной задачи, вынужден был перейти к позиционной обороне. Попытки гитлеровских войск ликвидировать Магнушевский плацдарм окончились провалом. В январе 1945 года с этого плацдарма началась Висло-Одерская наступательная операция, закончившаяся освобождением территории Польши. А 100-й гвардейский полк в ходе Берлинской наступательной операции брал город-крепость Кюстрин на левом берегу Одера, затем уже в Берлине действовал недалеко от имперской канцелярии и Рейхстага.

После излечения и выписки из госпиталя я попал в 390-й фронтовой запасной полк 1-го Белорусского фронта, в котором находился до января 1945 года в составе пулеметного батальона этого полка, где бойцы обучались стрельбе из станкового пулемета «Максим». Перспектива быть направленным на фронт в роли пулеметчика такого пулемета меня не обрадовала, так как я знал, что это означает. А на практике это означало, что после первой очереди огня из пулемета противник сразу засекал его и весь пулеметный расчет подвергался массированному обстрелу из всех видов оружия, вплоть до огня прямой наводкой из артиллерийских орудий. В перспективе оказаться в такой ситуации мне почему-то не хотелось, хотя вроде бы я и благополучно прошел эту боевую школу.

В этом пулеметном батальоне я оказался неспроста. Дело в том, что на распределенном пункте при выписке из госпиталя ко мне подошел незнакомый офицер, которому

мой бравый, подтянутый в строевом отношении вид приглянулся, спросил меня, сколько классов я закончил и являюсь ли комсомольцем. Я ответил правдиво, что призван на военную службу из 10-го класса и являюсь комсомольцем. Тогда этот офицер сказал сопровождавшему его тоже офицеру: «Запишите его», – а я сразу спросил их, куда они хотят меня записать. Мне ответили, что записывают на фронтовые курсы младших лейтенантов, расположенных в г. Ковеле. Вот этого-то мне и не захотелось, так как я не намеревался после окончания войны оставаться на военной службе, а по-прежнему мечтал поскорее уволиться и выучиться на юриста. Тогда я еще не знал, что существует Военно-юридическая академия, куда принимают только офицеров. Получив от меня отрицательный ответ, этот офицер сказал второму офицеру: «Запиши его в пулбят». Вот по какой причине я стал пулеметчиком 390-го фронтового запасного полка, где мастерски научился стрелять и даже выбивал очередями чечетку, с завязанными глазами разбирал и собирал пулемет. До сего времени помню слова песни, в которой пелось о материальной части пулемета: «Эх, кожух, короб, рама, шатун и с мотылем, возвратная пружина и поршень с ползунком. Раз, два, три, “Максим” на катки...» и так далее. На спор огнем, «закрепленным в точку», я мог, как пилой или топором, повалить дерево.

Ко времени начала Висло-Одерской операции, это было в начале января 1945 года, нас всех фронтовых запасников направили в действующие части. Я хотел попасть в свой 100-й гвардейский стрелковый полк, но рядовой и сержантский состав по таким вопросам не имел голоса, и меня направили в 117-й стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии 61-й армии, командующим который был герой боев под Москвой, бывший в то время командиром кавалерийского корпуса, бойцы которого с шашками «наголо» бросались в атаку на танки Гудериана вместе с бойцами второго кавалерийского корпуса генерала Доватора. Это был генерал-полковник Белов Павел Алексеевич, мой земляк, шуянин.

Действуя в роли автоматчика, в составе этого полка я участвовал в боях по освобождению Варшавы, за что имею медаль, и других городов на территории Польши. Затем участвовал в боях по взятию немецких городов Штаргард, Наугард, Польцин. 4 марта 1945 года приказом Верховного Главнокомандующего Советского Союза товарища Сталина мне была объявлена благодарность за отличные боевые действия при прорыве сильно укрепленной обороны немцев восточнее г. Штаргард и овладении важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании. 5 марта 1945 года вторым таким же приказом мне была объявлена благодарность за отличные боевые действия при овладении городами Штаргард, Наугард, Польцин, важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении.

В результате этих боевых действий наш полк вышел на правый берег Одера левее Альтдама, пригорода г. Штеттина на этом берегу Одера. Впереди был Штеттин. На этом берегу мы вырыли окопы и приготовились к форсированию Одера. Предстояло форсировать его четыре канала левее Штеттина, как говорил мне командир нашей роты старший лейтенант Сергей Арбаньян.

Как-то утром, а это было уже во второй половине апреля 1945 года, мы с командиром роты только что полили друг другу воды, чтобы умыться, затем позавтракали из одного общего котелка, как к нам прибежал посыльный командира батальона, который вызывал к себе нашего командира роты. Вернувшись от комбата, ротный сказал мне, что теперь моя очередь сбегать к командиру батальона. Я быстро прибежал к нему, доложил о прибытии, а командир батальона спросил меня, сколько классов я закончил в школе и являюсь ли я комсомольцем. Как и в прошлый раз, я ответил правдиво. Тогда командир батальона спросил меня, что из моих предметов осталось в роте. Я сказал, что только вещмешок с патронами, котелком и ложкой, так как мой автомат ППШ был при мне. Комбат сказал, чтобы я сбегал за вещмешком и быстро вернулся к нему. Я спросил его, зачем все это нужно. Он ответил, что я должен сейчас же поехать в штаб армии в г. Штаргард, где дислоцированы армейские курсы младших лейтенантов. За четыре месяца учебы я должен закончить их и возвратиться к нему же в батальон уже младшим лейтенантом. Я сразу отказался, так как цель стать после войны юристом, а не продолжать военную службу, прочно господствовала в моей голове.

Реакция командира батальона на мой отказ была крайне болезненной. Из всего сгоряча сказанного и недопустимого в печати, я понял, что тогда меня свяжут, бросят в уже стоявшую наготове автомашину и отвезут за 20 км от фронта на эти армейские курсы младших лейтенантов, которые я должен через четыре месяца закончить и лично доложить об этом командиру батальона. В такой ситуации мне было некуда деваться, только разве идти под суд военного трибунала. Пришлось повиноваться.

Прибыв в тот же день на эти курсы, я в течение недели был рядовым курсантом, через неделю стал командиром отделения, а через следующую неделю был снова повышен в должности и стал помощником командира взвода. Этому не помешало, что мое воинское звание оставалось прежним – «ефрейтор», т. е. отличный солдат, а моими подчиненными были в основном сержанты. Я же и тогда просил своих командиров по своей наивности, чтобы не присваивали мне сержантские звания, так как сержанты в мирное время должны были служить на год больше рядовых, что меня явно не устраивало из-за желания после окончания войны и увольнения в запас быстрее стать студентом юридического института.

Примерно в средних числах апреля нашим курсам пришлось менять дислокацию, поскольку 61-ю Армию сдвинули влево по фронту вдоль берега Одера и нацелили ее на Берлин. Командующим 1-м Белорусским фронтом стал маршал Советского Союза Жуков Г.К. Вместе с войсками 61-й Армии мы форсировали Одер и взяли г. Бад-Фраенвальд. Я разместил свой взвод в одном из домов города: помыли пол, почистили оружие, обеспечили себя постельными принадлежностями, взятыми из соседних домов, – как вдруг командующий армии объявил курсам тревогу. Было приказано все оставить, взять только свое личное оружие и боеприпасы, то есть патроны и гранаты. Начальник курсов подполковник Иркаев повел нас 20-километровым марш-броском в сторону г. Эберсвальда, который находился в 35 км от

Берлина. Оказалось, что отборные гитлеровские войска потеснили наших солдат из города.

Но недаром нас, курсантов, называли сливками дивизий. Мы ворвались в город и так мастерски ударили по этим отборным войскам, что они побежали за канал Гогенцоллерн, протекающий через Эберсвальд. В уличных боях я снова чуть не погиб, когда какой-то немец пальнул в меня, как в танк, фауст-патроном. Я вовремя заметил начало полета этого противотанкового заряда и быстро шмыгнул в ближайшую подворотню, как раздался мощный взрыв. Я тут же выскочил на улицу и дал очередь из автомата в то место, откуда вылетел этот фауст-патрон, после чего все стихло. В общем, к вечеру общими усилиями город мы взяли. Однако ночь оказалась скверной, поскольку все время «по ошибке» до тысячи американских бомбардировщиков бомбили город. Опять по чистой случайности я не попал под одну из этих бомб. Она разорвалась рядом с домиком, где с взводом находился я. Нас, спавших на полу, обсыпало осколками стекол из окон.

Где-то через пару-тройку дней курсы снова подняли по тревоге и вслед за армейскими частями бросили на Берлин, в направлении его северных окраин. За участие в этих боях приказом Верховного Главнокомандующего от 23 апреля 1945 года мне за наступление на Берлин была объявлена благодарность. Потом я был награжден медалью «За взятие Берлина». 2 мая 1945 года Берлин пал. Нашу армию повернули в направлении на г. Гамбург, но туда мы не дошли. Штаб армии и ее курсы младших лейтенантов остановились в г. Киритц, что было не так далеко от реки Эльбы. Нас в бой уже не посылали. Ежедневно я проводил обычные по расписанию занятия со своим взводом, а 9 мая нам объявили, что подписан Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, что война закончилась и наступил день Великой Победы над германским империализмом.

Какая это была большая радость для нас, чудом оставшихся в живых курсантов. Из своего оружия мы нещадно палили вверх, благо патронов-то было много. Затем все успокоилось. Мы проводили свои плановые занятия. Я по-прежнему не видел своего командира взвода, и вся работа с взводом лежала на моих плечах. В июле мы уже сфотографировались в погонах младших лейтенантов, однако по приказу маршала Жукова Г.К. все армейские курсы младших лейтенантов были расформированы. Нас собрали в отдельный полк резерва офицерского состава, чтобы затем отобрать лучших и направить в нормальные офицерские училища.

Не могу не вспомнить, что и здесь судьба ко мне благоволила, чтобы я все-таки стал юристом. А получилось это следующим образом. Несмотря на упорное желание курсантов моего взвода, чтобы я продолжал ими командовать и всех их записал для этого в свой список, мне почему-то не захотелось это делать. Этому были свои причины, уж больно озорная была вся эта военная публика. В конце концов выбрали командира взвода из тех сержантов, кто очень хотел командовать, а я просто записался к нему во взвод рядовым. И как-то раз, когда часть нашего взвода заступила в очередной караул, его возглавил тот самый сержант. Я в состав этого караула тогда не попал (опять случайность). Вечером на стадионе показывали

новый художественный фильм по мотивам повести Ванды Василевской «Радуга». И, конечно, изголодавшиеся по кинофильмам курсанты ринулись на стадион смотреть этот фильм. В это время в караул прибыл с проверкой дежурный по караулам и приказал начальнику караула поднять караул «в ружье». Команда была подана, но никто эту команду не выполнил, ибо все караульные оказались на стадионе и смотрели этот кинофильм. Тогда дежурный по караулам распорядился пройти по постам и проверить, как несут службу часовые, но и на постах никого не было. Все часовые тоже смотрели этот фильм. В результате начальник караула, которым тогда мог быть и я, по приговору военного трибунала был лишен свободы на срок пять лет, а разводящие направлены в штрафной батальон.

В первых числах августа из нас, наконец-то, отобрали наиболее достойных для учебы в нормальных офицерских училищах, в числе которых оказался и я, посадили в обычные товарные вагоны, оборудованные слева и справа двухъярусными нарами, и отправили на Родину. В пути через территорию Польши нас застала весть о начале войны с Японией. Мы готовы были туда ехать, однако наш эшелон берлинцев притормозили за г. Молотовым, теперь г. Пермь, и привели в Бершетские лагеря. Началось распределение всех курсантов по военным училищам Уральского военного округа. Я увильнул до конца, но все же, будучи сам обманутым, оказался в Урюпинском пехотном училище, в годы войны эвакуированном в г. Молотов.

Прибыв в роту, командиром которой был лейтенант Метакса, сын одного из 28 Бакинских комиссаров, расстрелянных под Красноводском, я сразу попросил его отчислить меня рядовым в Кунгурскую стрелковую бригаду, но он так и не выполнил моей просьбы. Запомнился один из разговоров с ним, в ходе которого он сказал: «Вот вы, курсант Москалев, хотите учиться на юриста, а за чей счет? Я вот по специальности инженер-геолог. Уволюсь из армии и пойду работать по специальности, а вы на шее родителей собираетесь сидеть». На это я ответил ему, что ночами буду вагоны разгружать, но жить и учиться за счет отца и матери не собираюсь.

Вскоре училище было расформировано, и меня направили в Свердловское пехотное училище. Там я снова, представ перед начальником училища, просил его отчислить меня из курсантов в хозяйственную роту, ибо очень люблю лошадей. А я и впрямь их очень любил и имел до армии опыт работы с ними. Начальник училища обещал, но обещания не выполнил, и я стал курсантом этого училища. Через год учебы я должен быть выпущен из училища в войска в звании младшего лейтенанта. Однако этого не получилось, так как училище перешло на двухгодичное образование с выпуском нас уже лейтенантами. Но прошел еще год, и вместо выпускных экзаменов нас отправили в отпуск, по прибытию из которого объявили, что училище переходит на трехлетний срок обучения. Кстати, кто упорно отказывался учиться второй и третий год, тот по приговору военного трибунала оказался в дисциплинарном батальоне. Я же этого не хотел и к тому же прочел в газете «Красная звезда», что в Вооруженных Силах имеется Военно-юридическая

академия. Это меня обрадовало, и я решил, что, ладно, буду офицером, а через три года офицерской службы попытаюсь туда поступить.

Но у меня не было среднего образования, а потому, возвращаясь из отпуска, я сколотил группу из несколько курсантов нашей тоже 4-й роты, как и на фронте, поступить в заочную школу рабочей молодежи г. Свердловска, чтобы к окончанию учебы в военном училище занять и аттестат зрелости. Эту идею заместитель начальника училища встретил в штыки, ибо, как он сказал, для командования взводом не обязательно иметь среднее образование, что вот он полковник, командует училищем, а среднего образования не имеет и в нем не нуждается.

Тогда я пошел к начальнику политического отдела училища и заявил ему, что если не разрешат учиться в этой школе рабочей молодежи, то я вам завалю государственные выпускные экзамены и лейтенантом вы все равно меня не выпустите, а если разрешите мне учиться, что сдам их на отлично, по первому разряду. Мое обращение к начальнику политотдела сыграло свою положительную роль – нам разрешили учиться, но, как говорится, стали ставить палки в колеса, авось мы не выдержим. Выполнять школьные задания, данные на неделю, можно было только после отбоя, а в воскресенье, прежде чем ехать в школу и сдавать там выученные задания, надо было сначала пробежаться 10–15 км на лыжах, что-то другое выполнить. Я при выходе взвода на четырехчасовые занятия по тактике, несмотря на минусовую температуру и прочие погодные условия, становился во вторую шеренгу и, пока преподаватель давал вводную о противнике и наших силах, незаметно от него доставал из противогазной сумки учебник по химии и учил формулы ангидридов или читал другие учебники, одним ухом слушая преподавателя, чтобы быть готовым ответить на его вопросы.

Намотавшись за день и после отбоя проверяя порядок в своем отделении, командиром которого я являлся уже будучи сержантом, я шел в ленинскую комнату и там выполнял полученные в школе задания, так что спать приходилось очень мало, порой засыпал с головой на учебнике. В общем из 20 курсантов, которые осенью 1947 года хотели учиться в этой школе рабочей молодежи, вскоре осталось только пять человек, отучившихся до конца. В июне 1948 года мне вручили аттестат зрелости, а в августе я на отлично сдал выпускные экзамены, то есть закончил училище по первому разряду. Из ста примерно выпускников таких отличников оказалось всего четыре человека. Приказом командующего войсками округа маршала Советского Союза Жукова Г.К. моя фамилия была помещена на Доску почета.

Получив на плечи лейтенантские погоны, я лишь один из закончивших училище по первому разряду оказался зачисленным в парашютно-десантные войска. Может быть, здесь сказалась моя отличная физическая подготовка. Я отлично владел приемами рукопашного боя. У меня был второй спортивный разряд по фехтованию на штыках, а по стрельбе из личного оружия – первый спортивный разряд. В своем первом полусреднем весе по боксу я был сильнее того боксера, кто носил звание чемпиона УралВО по боксу в этом весе.

Свою лейтенантскую службу мне пришлось начинать в парашютно-десантном полку, который дислоцировался в г. Александрия Кировоградской области, где учил молодых солдат боевому уму-разуму с использованием всего моего фронтового опыта и спортивного мастерства, прыгал вместе с ними с парашютом, а любимой песней у нас во взводе была: «Небо синее, парашюты белые. Все мы сильные. Все мы смелые...» и так далее. В свободное от службы время я не гулял, а готовился к поступлению в Военно-юридическую академию.

Быстро пролетел год, и к ноябрю 1949 года я оказался на более значимой должности командира взвода курсантов Томского пехотного училища. Три года подряд я отдавал своим молодым курсантам-сибирякам все свои знания и фронтовой опыт. По результатам выпускных экзаменов взвод был признан лучшим взводом Сибирского военного округа. По стрельбе, например, из 25 курсантов-выпускников только один выполнил упражнения на четверку, остальные получили отличные оценки. Командующий войсками округа генерал армии Еременко А.И. наградил меня карманными часами.

Я же в это время подал рапорт начальнику училища, чтобы он разрешил мне сдавать отборочные экзамены при штабе Сибирского военного округа для поступления в Военно-юридическую академию. Однако в этом мне было отказано с напутствием: «Вы, старший лейтенант Москалев, являетесь лучшим строевым офицером училища и в дальнейшем вашей целью должно быть поступление в общевойсковую Академию имени Михаила Васильевича Фрунзе».

Прошел год, и я снова подал аналогичный рапорт. На этот раз с выражением недовольства, но все же разрешили съездить в г. Новосибирск и попытаться сдать там отборочные экзамены, которые я сдал благополучно. Вторые такие же экзамены я сдавал уже при Военно-юридической академии в Москве. Из всех абитуриентов нас оказалось только двое, кто сумел набрать самый высокий общий проходной балл – 24 из 25. Я получил четверку по сочинению, а кандидатов в слушатели академии было 12 человек на одно место. Для этого снова приходилось сидеть над учебниками ночи напролет, подчиняя учебе время отдыха и сна.

В сентябре 1953 года начался мой первый учебный год в академии. Учился отлично, был одновременно спортивным организатором курса и командиром учебного отделения, дополнительно занимался в кружке уголовно-процессуального права и в качестве народного заседателя участвовал в судебных заседаниях военного трибунала Московского гарнизона. Летом 1956 года во время прохождения стажировки по следственной практике в армейской прокуратуре я был отмечен благодарностью Военного прокурора Армии. С таким поощрением за отличную работу в роли военного следователя в академию возвратились только два человека с курса, в том числе и я. Военный прокурор Армии предложил мне должность следователя в своей прокуратуре по окончании учебы, и место то было замечательное – в самом центре Ленинграда, но судьба моя распорядилась иначе.

За два месяца до выпуска из академии, а это была уже не Военно-юридическая академия, а ставший взамен ее юридический факультет Военно-политической ака-

демии им. В.И. Ленина, меня почему-то облюбовали кадровики Военной коллегии Верховного Суда СССР, в связи с чем я должен был вместо продолжения нормальной учебы работать в Военной коллегии, изучая старые, времен тридцатых годов, многотомные расстрельные дела на командный состав Красной Армии, готовя по результатам изучения соответствующие документы для посмертной реабилитации этих невинных военачальников. Документы я готовил прямо под подпись председателя Военной коллегии генерала Борисоглебского. Все подготовленные мной документы прошли без каких-либо замечаний.

На юрфаке в это время еще шла учеба, читались лекции, превратившиеся затем в установочные, и начались государственные экзамены. На лекции меня не отпускали, а вот для сдачи экзаменов давали каких-то пару часов и считали этой нормой, говоря при этом, что я же отлично учился, а поэтому нормально должен сдать. Действительно, я старался побольше овладеть нужными мне для работы юристом знаниями, но не ставил себе обязательно стать стопроцентным отличником. В общем, каждый год учебы я заканчивал отлично, но умудрялся среди отличных оценок иметь и по одной четверке. Также на отлично, но с одной четверкой, я сдал и государственные экзамены.

После сдачи госэкзаменов и выпуска из академии я остался приписанным к Военной коллегии, в распоряжении ее отдела кадров, где даже обсуждался вопрос об оставлении меня на службе в составе Военной коллегии, но при условии наличия в Москве жилой площади. У меня же в Москве жилья не имелось, а наличие в г. Звенигороде тещино дома меня не устраивало, так как жалко было каждый день тратить на поездку туда и обратно по три часа бесценного для меня времени. Поэтому от предложения пришлось отказаться.

Прошло почти два месяца после выпуска из академии. Все выпускники разъехались на места своей дальнейшей службы, а я все еще трудился в интересах председателя Военной коллегии. И только в октябре 1957 года мне тайно, чтобы никто не слышал, кадровик шепнул о предложении быть избранным членом военного трибунала совсекретного военного гарнизона, о наличии которого никто не должен знать. Теперь можно свободно говорить, что это был сверхсекретный полигон Капустин Яр Астраханской области, куда даже родную мать при рождении у меня второго ребенка я не мог привезти, а в железнодорожной кассе на Павелецком вокзале я говорил продавцу билетов: «Девушка, мне туда», – и она молча оформляла мне билет в соответствующий поезд.

За пять лет пребывания в занимаемой должности я получил колоссальную судебную практику, поскольку лично приходилось рассматривать в четыре раза больше уголовных и гражданских дел, чем в некоторых военных трибуналах, куда были избраны мои однокашники, а во-вторых, советоваться было не с кем. Военному трибуналу Северо-Кавказского округа мы не подчинялись, так как непосредственной вышестоящей над нами судебной инстанцией была Военная коллегия, а туда звонить по отдельному уголовному или гражданскому делу было, откровенно говоря, стыдно. Надо было мыслить только самому.

Перед отъездом к месту службы я пришел в Верховный Суд СССР и доложил председателю Верховного Суда, которым в то время являлся Александр Федорович Горкин. До сих пор помню его добрые напутственные слова мне: «Товарищ капитан юстиции, Алексей Владимирович, вы только что впервые избраны военным судьей. В ваших руках будет огромная власть. Пользуйтесь этой властью очень осторожно. Особенно не разбрасывайтесь сроками лишения свободы. Всегда помните, что даже один день, пробытый в неволе, – это очень тяжелое испытание для человека». Вот этот добрый совет очень уважаемого мной человека я помнил все те тридцать лет судейской деятельности и четко выполнял его.

Александр Федорович одновременно поставил передо мной задачу впредь, находясь на судебной работе, подчинить все свои знания, опыт, в том числе и фронтовой опыт, как он заметил, глядя на мои наградные планки, и свои силы точному выполнению стоявших перед судьями задач по дальнейшему укреплению социалистической законности и правопорядка, а применительно к Вооруженным Силам Советского Союза – это и по дальнейшему укреплению воинской дисциплины и воинского правопорядка в войсковых частях, что я всегда помнил и также четко старался выполнять в своей практической работе.

После пятилетнего пребывания военным судьей в гарнизоне Капустин Яр я избирался членом военного трибунала танковой армии, флота, заместителем председателя военного трибунала Группы войск, откуда был в сентябре 1973 года отозван для налаживания работы с кадрами военных судей, в связи с чем пришлось возглавить отдел кадров Управления военных трибуналов Министерства юстиции Советского Союза. В течение двух лет службы в этой должности я почти каждый месяц тесно общался с Министром юстиции СССР Владимиром Ивановичем Теребиловым, о котором у меня в памяти сохранилось очень много хороших воспоминаний как о патриархе в сфере юстиции, волевом и энергичном руководителе, грамотном юристе. Владимир Иванович при первой с ним встрече, а я с ним встречался еще в 1968 году, когда он был заместителем Председателя Верховного Суда СССР, кратко и четко поставил передо мной задачу быстрее устранить вскрытые проверкой Административного отдела ЦК КПСС недостатки в работе с кадрами военных судей и больше внимания уделить их правильному набору и расстановке.

Скажу по правде. Общаться с ним было непросто, когда мне каждый месяц приходилось докладывать ему очередное представление в Президиум Верховного Совета СССР об избрании военных судей на новые должности. Зная специфику работы военных трибуналов и правила прохождения военной службы офицерами, я дерзал вступать с ним в спор, в ходе которого доказывал свою правоту с расстановкой кадров, и он со мной соглашался. Когда о таких случаях я рассказывал начальнику Управления военных трибуналов генералу Максиму Сергею Сергеевичу, то он удивлялся моей смелости.

В дальнейшем получилось так, что я узнал Владимира Ивановича в нерабочей обстановке, узнал его самого, и в результате уважение к нему как к человеку еще более у меня возросло. До сих пор считаю очень удачным со стороны ЦК КПСС

решением, когда воссозданное Министерство юстиции Советского Союза возглавил именно Владимир Иванович Теребилов.

К истечению двухлетнего пребывания в занимаемой должности я с помощью своих подчиненных, в том числе и появившегося у меня молодого заместителя, которым был остающийся мной любимым и уважаемым человеком Николай Александрович Петухов, я вроде бы наладил дела, и тут снова случилось неожиданное для меня изменение в прохождении военной службы. Президиум Верховного Совета СССР избрал меня председателем военного трибунала Московского округа противовоздушной обороны. Когда я вспоминаю о времени моего расставания с работой в Управлении военных трибуналов, то снова на душе возникают теплые воспоминания о той оценке и словах, которые произнес любимый мной начальник Управления военных трибуналов генерал Максимов Сергей Сергеевич, сказав тогда: «Алешенька, спасибо тебе за службу. Я в течение двух лет за время твоей работы не имел проблем с подбором и расстановкой кадров военных судей». Начальником отдела кадров остался мой заместитель – подполковник юстиции Петухов А.Н., выросший затем в генерал-полковника юстиции, председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР. А это означало, что подбор кадров военных судей был в то время правильным.

О моей 12-летней работе в должности председателя военного трибунала Московского округа противовоздушной обороны – это должна быть отдельная статья, поскольку очень много хорошего об этой работе и делавших ее офицерах военной юстиции можно сказать. Кстати, силами ветеранов округа подготовлена и поступила в продажу книга «Ветераны округа вспоминают», посвященная 50-летию МО ПВО. В этой книге на 18 страницах имеется и моя статья, раскрывающая деятельность военных судей округа по осуществлению правосудия в войсках ПВО, обеспечению при этом законности и мерах по предупреждению правонарушений в обслуживаемых войсках.

Руководя большим судебским коллективом, я никогда не подавлял своей властью подчиненных мне по службе лиц, никогда не навязывал им свое мнение по уголовным и гражданским делам. У нас никогда не было случаев, чтобы действовало какое-то телефонное право, о чем некоторые злопыхатели, охаивая доперестроечное время, любят позубоскалить. Никто и никогда не вмешивался в нашу судебную деятельность. Каждый военный судья, председательствуя при рассмотрении уголовных и гражданских дел, самостоятельно принимал свое решение, и оно всегда получалось законным и обоснованным. Поэтому неудивительно, что военные судьи округа по оценке их судебной практики Военной коллегией всегда отмечались как лучшие среди лучших. Я и сегодня могу констатировать, что судейская совесть у каждого военного судьи была чиста, ибо каждый из нас во главу угла ставил торжество закона.

Имея верный ориентир – торжество закона – военные судьи округа одновременно старались обеспечить строжайшее соблюдение демократических принципов Советского правосудия, упрочение гарантий прав и интересов государства,

его Вооруженных Сил, военнослужащих и гражданских лиц. Мы стремились так осуществлять судебную практику, чтобы каждый осужденный понимал, что он осужден справедливо и по закону, что назначенные ему наказания он «заслужил», поэтому должен вернуться в общество не обремененным на него.

За все время своей службы в должности председателя военного трибунала округа я никогда не наказывал провинившихся, даже не повышал голос на них. Сказать по правде, серьезных-то нарушений среди военных судей не было. А мне порой достаточно было просто немого укора, осуждающего взгляда. Создавая подчиненным судьям на основе взаимопонимания наиболее благоприятные условия для полной самоотдачи при выполнении своих служебных обязанностей, я и в этом подавал личный пример, как было на фронте, в боевой обстановке. А там зачастую, как я это наблюдал и чувствовал своей душой, было так: раз ты попал в данный воинский коллектив, то и действуй сполна в интересах этого коллектива, а коллектив, в свою очередь, должен уделять внимание, помогать каждому члену своего коллектива правильно и с полной отдачей сил действовать опять-таки в интересах этого коллектива при выполнении любой стоящей перед ним боевой или небоевой задачи, оберегать его от всех напастей.

Причем всегда мной приветствовалась настоящая, от души идущая трудовая или служебная инициатива, дружба в коллективе между лицами, его составляющими, и простота в обращении на равных основаниях независимо от должностного положения и воинского звания. Главное, что требовалось от каждого члена нашего коллектива – это трудолюбие, чувство высокой ответственности за порученное дело, честность, порядочность и, разумеется, воинская дисциплина, требования которой должен соблюдать каждый офицер.

Требования к военным судьям были простые – это внимательное изучение материалов дела, твердое знание законов и правильное их толкование применительно к данному делу, всестороннее, полное и объективное исследование в ходе судебного разбирательства дела его обстоятельств, данных о личности подсудимого, причин и условий, способствовавших совершению преступления, не допуская при этом нарушений процессуальных норм и безразличия к судьбе каждого подсудимого, обеспечению при этом единства законности при назначении наказания независимо от того, какой военный трибунал или военный судья рассматривал дело, чтобы каждый осужденный, повторяю, был убежден в справедливости приговора.

За двенадцать лет моей работы в этом военном трибунале у нас не было вынесено ни одного неправосудного приговора и никогда не допускалась судебская волокита в сроках рассмотрения дел. Если положено было рассмотреть дело в течение десяти суток со дня его поступления в военный трибунал, оно почти точно в этот срок и рассматривалось.

По существу в своей судебной работе мы следовали древним юридическим изречениям: «Судья всегда должен иметь справедливость перед своими глазами. Наказание за любое правонарушение должно быть соразмерным. Правосудие есть постоянное и вечное желание обеспечить каждому его право». Хороший судья

ничего не должен делать по собственному усмотрению или по велению своего желания, но выносить решение согласно закону и справедливости, то есть не так, как я хочу, а так, как я не могу иначе, поскольку закон, судебная практика и обстоятельства дела не позволяют действовать иначе, а утрата уважения к судьям разрушает государство, чего мы не допускали в своей судебной практике.

Главное внимание нами, судьями военных трибуналов МО ПВО, все же уделялось не борьбе с преступностью, а мерам по ее предупреждению. При этом мы руководствовались приказом Министра юстиции СССР В.И. Теребилова «О задачах органов юстиции и судов по улучшению пропаганды правовых знаний и правового воспитания населения» от апреля 1976 года. Сам я, подавая личный пример своим подчиненным судьям, выступал в воинских частях с докладами, лекциями и беседами на правовые темы и о задачах по предупреждению в воинских коллективах правонарушений по 100–120 раз в течение года, а остальные наши судьи меня даже перегоняли в количестве выступлений. К нашему удовлетворению, состояние воинской дисциплины и правопорядка в войсках округа отмечалось по сравнению с другими военными округами, флотами и группами войск в лучшую сторону, самой низкой была и судимость среди его личного состава.

Достигнутые результаты вдохновляли нас. В военном трибунале округа постоянно царила творческая обстановка. Каждый день продумывались вопросы по улучшению условий для обеспечения правосудия и правовой воспитательной и профилактической работы, а также вопросы, касающиеся заботы о каждом военном судье округа, его семье, чтобы офицер-судья мог сполна отдаваться своему делу. Всем судьям были созданы нормальные жилищные условия. Труд и еще раз труд – вот что было главным содержанием жизни судей округа по обеспечению социалистической законности в интересах поддержания постоянной боевой готовности частей и подразделений войск ПВО страны.

Пример в этом деле, как всегда, показывали фронтовики. И хотя их возраст был уже солидный, давно перевалил через полвека, но в душе ощущался прежний молодой задор, желание все сделать только на отлично. Этому способствовала правильная работа нашей партийной организации, которую несколько лет подряд, вплоть до увольнения в запас по возрасту, возглавлял полковник юстиции Громоздин Дмитрий Павлович, бывший на фронте командиром танковой роты.

Основное объяснение результативности нашей работы, на мой взгляд, заключалось в качестве наших кадров, в правильном их подборе, расстановке, воспитании и обучении. Пожалуй, каждый согласится с тем, как много различных факторов необходимо учитывать, чтобы создать дружный, здоровый и работоспособный коллектив, чтобы каждый член этого коллектива, идя на место своей службы или работы, с утра ощущал радость встречи с коллегами. Мне когда-то запомнилось высказывание академика С.П. Королева о принципах подбора кадров. Сергей Павлович говорил, что в молодые годы он действовал при укомплектовании своего КБ по принципу: хороший инженер – иди ко мне. Когда был умудрен жизнью, то в корне изменил этот принцип и стал подбирать в свой КБ работников по дру-

гому принципу: хороший человек – иди ко мне, а хорошего инженера мы из тебя сделаем. Всегда помнил я и слова Бисмарка, который в свое время заметил, что общество может существовать при наличии плохих законов и хороших чиновников, но при плохих чиновниках и хорошие законы не спасут. Применяя эти принципы в своей работе, с учетом собственного опыта работы с кадрами, я считал, что на первый план при оценке кандидата в военные судьи Московского округа ПВО надо ставить его человеческие качества, а уж юридически грамотного судью мы в коллективе трибунала общими усилиями из него вырастим. Результат такого подхода к подбору судей был положительным. В общении друг с другом каждый работник трибунала проявлял высокие человеческие качества, душевную доброту, что порождало взаимное доверие и откровенность, правдивость и самокритичность, простоту и скромность, внимание и заботу друг о друге, а это создавало атмосферу духовной близости среди военных судей округа. В боевых условиях такие взаимоотношения переросли бы, я уверен, в настоящее боевое братство. Кстати, среди военных судей нашего округа не было ни одного случая нарушения воинской дисциплины или аморального поведения. Для каждого из них понятие чести было святым делом. Примером четкого, самоотверженного выполнения своих должностных обязанностей среди судей округа являлись прежде всего офицеры, прошедшие испытания Великой Отечественной войной. Эти товарищи были моей прочной опорой в создании особого благоприятного климата среди личного состава военных трибуналов округа. Коллектив трибунала был сплочен и дружен. В этой обстановке мы никогда не забывали про организацию юридической учебы по повышению своего профессионального мастерства, активно шел обмен опытом старшего поколения с молодыми судьями. Недаром из бывших молодых военных судей военных трибуналов округа четверо стали генералами военной юстиции, а все остальные полковниками юстиции.

Но шли годы, мне исполнилось 60 лет. По существующему закону о прохождении военной службы меня как генерал-майора юстиции пора было увольнять с военной службы в запас. Однако любимый мной человек – начальник Управления военных трибуналов генерал-лейтенант юстиции Максимов С.С., прошедший Великую Отечественную войну в качестве военного судьи десантных войск, нарушил этот закон и уволил меня, когда мне пошел 62-й год. Встал вопрос: куда податься? Я был еще полон сил. Усидеть дома в безделье не смог. Так и жена, моя верная и любимая подруга, посчитала. Мысль сработала однозначно – это идти мне в Министерство юстиции Советского Союза, которое мне было хорошо знакомо и душевно близко. Принял меня тогдашний начальник Управления кадров Шумский Григорий Васильевич, который пристроил меня у себя в управлении, за что я благодарен ему до сих пор. В моей судьбе он сыграл хорошую роль.

Славное то было время. Какой замечательный коллектив юристов собрался и дружно с энтузиазмом работал при тех министрах юстиции, которые это Министерство в то время возглавляли.

Буду короток, хотя многое мог бы сказать. За четыре года пребывания в Управлении кадров я в качестве и.о. (поскольку я был пенсионер) выполнял обязанности начальника отдела по работе с судьями и работниками юстиции, написал новое Положение о Министерстве юстиции Советского Союза, которое не успели узаконить из-за развала нашего государства, а вместе с ним, к великому сожалению, и Министерства юстиции СССР, Положение о квалификационных коллегиях судей.

Обсуждение проекта Положения проходило в Мраморном зале Верховного Суда СССР на ныне Поварской улице. Присутствовавшие доктора, профессора, кандидаты юридических наук и члены Верховного Суда СССР одобрили этот проект, и вскоре Верховный Совет СССР принял это положение как закон.

Вскоре произошел развал Советского Союза, а вместе с ним было ликвидировано и его Министерство юстиции. Я одним из последних его работников уходил оттуда, с улицы Обуха, помогая коллегам в трудоустройстве, где только мог. Бездумно и безжалостно был ликвидирован коллектив, который представлял собой сосредоточение богатства ума, профессионализма и просто добрых и высокопорядочных людей. Сожаление о случившемся сохраняется у меня в сердце до сих пор.

Снова, как и раньше, передо мной возник вопрос. Куда податься? Силы-то еще оставались. И тут опять как не хвалить свою судьбу и своих товарищей, в частности работника Президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов Репкина Вячеслава Петровича, который как-то позвонил мне домой и спросил меня, почему я не выхожу на работу. С его стороны вопрос, разумеется, был юмористический, но я сразу этого юмора не понял. Поэтому я сам спросил его, о какой работе он говорит. Тогда он прямо сказал мне, что я принят адвокатом в их коллегия и зачислен в только что созданную юридическую консультацию № 84 МРКА. Я, конечно, поблагодарил его за такую приятную новость и проявленное ко мне товарищеское внимание и тут же спросил, должен ли я сдавать соответствующие экзамены. В ответ он только рассмеялся и потребовал от меня только фотокарточку размером 3х4 см для адвокатского удостоверения. Вот так я внезапно стал адвокатом, о чем никогда даже не мечтал, но, видимо, душевно я к адвокатской деятельности был давным-давно готов. Это также была моя судьба.

Считаю, что и здесь мне здорово повезло, что я был принят в коллектив адвокатов Межреспубликанской коллегии адвокатов. В связи с этим опять не могу не вспомнить с душевной теплотой Владимира Ивановича Теребилова, по мудрому решению которого эта коллегия была создана. Необходимость ее создания назрела давно. Я это чувствовал как военный судья, обслуживающий военные объекты, куда постороннему человеку, не имеющему специального допуска к таким объектам, вход был запрещен. Создание такой коллегии сразу сняло многие заботы военных юристов по обеспечению обвиняемым и подсудимым, а также и потерпевшим, права на защиту, на получение нормальной юридической помощи в лице профессионально подготовленных адвокатов. Своей работой в качестве Министра юстиции СССР Владимир Иванович заслужил, чтобы память о нем сохранилась в наших сердцах.

Свою адвокатскую деятельность я начинал, можно сказать, легко. Особого психологического перерождения не потребовалось, ибо мой душевный настрой был всегда направлен на доброту и справедливость. Этому также помогли мои прочные знания законодательства, порядка их применения и процессуальной роли каждого участника уголовного и гражданского судопроизводства. Во-вторых, этому помогло и то, что при нахождении в роли председателя военного трибунала округа с правами председателя Верховного Суда союзной республики я не занимался написанием только резолюций и распоряжений, а, говоря спортивным языком, всегда был «играющим тренером», показывающим своим подчиненным личный пример в любой работе.

Поэтому без всякой поддержки со стороны стал свободно адвокатствовать, однако неожиданно столкнулся с большой негативщиной, допускаемой в отношении адвокатов при их общении в работе с прокурорско-следственными и судебными работниками. Дело в том, что, будучи военным судьей, я видел в каждом адвокате человека, который помогает мне не допустить судебной ошибки, учесть все, что только можно учесть для постановления справедливого приговора, всегда обращался с ними вежливо, тактично, был внимателен к их точкам зрения по делу и не изолировался от них с проявлением какой-то подозрительности, т. е. вел себя одинаково как с прокурором, так и с адвокатом. Теперь же я столкнулся с совсем другим отношением к адвокатам, как лицам, которые, оказываясь, только мешают бороться с преступностью. Не ожидал я и довольно-таки низкого уровня юридических знаний со стороны прокурорско-следственных работников и даже судей, к тому же не только бывших народных, но и гораздо выше. В моей практической работе были случаи, когда я высказывал им свое мнение об отсутствии состава преступления в деянии своего подзащитного, поскольку не все его стороны доказаны, а в ответ слышал: «А что это такое?».

Сожалею я и том, что некоторые работники правоохранительных органов и судов не имеют понятия о доброте и справедливости, которые должны быть присущи каждому юристу. А доброта, как ее понимали наши предки, – это единственное понятие, которое никогда не ветшает, излишек ее не вредит и добрые деяния никогда не следует откладывать, ибо всякая проволочка неблагоразумна и часто опасна. Поэтому и нам, юристам, в этом непростом мире, в котором мы сегодня оказались, все же следует сохранять в своей душе доброту к людям.

Что касается понятия справедливости, то здесь наблюдается разброс мнений, каждый понимает ее по-своему, однако, на мой взгляд, понятие справедливости вернее будет определить как чувство, исходящее из стремления к равенству, чтобы законные права и интересы каждого гражданина никем не нарушались. В связи с этим как адвокат хочу обратить внимание на Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому процессуальные права адвоката хотя несколько и расширились, но справедливость, равенство адвоката при расследовании уголовных дел и рассмотрении их судом в сравнении с правами прокурорско-следственных работников остается заниженной. Причем

суды стоят на стороне обвинения, должным образом не учитывают доказательства, собранные адвокатом в защиту подсудимого.

Сегодня идет второй десяток лет моей адвокатской деятельности, при осуществлении которой я имею возможность по-прежнему осуществлять пришедшую мне в голову вместо снайперской пули врага мысль, когда я лежал в ячейке 1 августа 1944 года, о своем предназначении быть юристом, творить добро и справедливость.

И в настоящее время я остаюсь, как и раньше при работе военным судьей, преданным идее служения общественным интересам с пользой для народа, с утверждением при этом добра, человечности и справедливости, в чем испытываю глубокое душевное удовлетворение, поскольку работа адвокатом дает мне возможность и дальше работать на пользу граждан России, направляя свои усилия на защиту их законных прав и интересов, что до сих пор является моей священной обязанностью, гражданским и профессиональным долгом. Я и сегодня усматриваю ценность права в его предназначении защищать человека.

По сей день остаюсь благодарен своим товарищам, руководству коллегии адвокатов, особенно ее Председателю Клену Николаю Наумовичу, что оказался в этом отличном адвокатском коллективе. Работая адвокатом, я считаю себя счастливым человеком, ибо по-прежнему нужен людям. В связи с этим запомнились слова Николая Наумовича, что адвокаты на пенсию не уходят. Это, конечно, шутка, но она почему-то вдохновляет меня.

К тому же я искренне благодарен своим руководителям и за ту высокую оценку, которую они дали мне за эти годы по итогам моей работы. По их «вине» я стал Почетным адвокатом Российской Федерации (звание Заслуженного юриста РСФСР мне было присвоено, когда я являлся председателем военного трибунала МО ПВО), был награжден медалью Анатолия Кони и вот только что получил очередную награду – медаль II степени «За заслуги в защите прав и свобод граждан». Я их буду носить рядом со своими четырьмя орденами и многими медалями.

За все искреннее душевное спасибо моей судьбе. И я считаю, что очень правильно в свое время сказал бывший Министр юстиции Аболенцев Владимир Александрович, этот светлейшей и добрейшей души человек: «Пока есть дело, я – человек». Действительно – это так. Ощущение своей полезности людям, которые нуждаются в той юридической помощи, которую я им могу оказать, помогает мне и дальше двигаться по жизни, сохраняя, как в шутку можно сказать, свою былую спортивную форму.

В заключение выскажу свое мнение по вопросам подбора и расстановки кадров, авось кто-нибудь из нашего руководства прочтет об этом и учтет в своей работе.

По моему мнению, из всех должностей, которые обычно занимают лица с высшим юридическим образованием, для занятия адвокатской деятельностью наиболее подходят именно бывшие судьи, если они после ухода в отставку пожелают этой деятельностью заниматься. В этом должна заключаться наша всеобщая заинтересованность.

Во-первых, в этом должно быть заинтересовано само государство, ибо на должность адвоката приходит не кто-то с улицы и где-то проработавший простым юристом в течение трех лет, а человек, который на первый план своей деятельности по-прежнему ставит торжество закона для государства и его граждан, их защиту, это честный, высоко юридически образованный человек и большой практик в области применения законодательства, в силу чего способный оказывать реальную помощь прокурорско-следственным работникам по грамотному и объективному применению закона, а судьям осуществлять именно правосудие без допуска ошибок.

Во-вторых, в этом должны быть заинтересованы и сами граждане, нуждающиеся в юридической помощи, поскольку от таких адвокатов они смогут получить действительно оптимальную и возможную юридическую помощь по возникшим у них в жизни проблемам. Это в равной мере касается всех граждан вне зависимости от их процессуального положения.

В-третьих, и сам бывший судья получит удовлетворение дальнейшей жизнью, если он осознает равную значимость для всех граждан торжества законности, сохранил в своей душе чувства доброты и справедливости, если он понимает потребность граждан в адвокате для закономерной защиты их жизни, здоровья, свободы, чести и имущества, готов оказывать посильную помощь людям, попавшим в беду, и вместе с ними сопереживать случившееся.

При этом необходимо учитывать и такой фактор, как наличие у бывшего судьи соответствующих знаний, значимости роли и содержания работы адвоката, поскольку за время своей судебной деятельности он имел наглядный опыт общения с ними, видел по делам составляемые ими документы, методы оказания адвокатами юридической помощи своим подзащитным, мог сравнивать их и на этой основе самому более облегченно войти и выстраивать свою адвокатскую деятельность.

Вот таковы мои «краткие» воспоминания...

А.В. Москалев. Это было недавно, это было давно. Воспоминания.
Февраль 2005 г.

НИКОЛАЕВ ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ

Леонид Владимирович Николаев родился 18 декабря 1924 г. Был призван в армию в 1942 г. сразу после выпускных экзаменов в десятилетке. Его обучали и готовили в полковой школе к службе в гвардейских минометных частях (на «катюше»). Через месяц, в конце июля 1942 г., Л.В. Николаев был направлен на фронт в составе 87-го отдельного гвардейского минометного дивизиона – так назывались подразделения только что поступивших на вооружение «катюш». Дивизион действовал на Воронежском, Степном и Донском фронтах. Л.В. Николаев служил в дивизионной разведке, которая находила цели для залпов «катюш». 87-й ОГМД обеспечивал форсирование наших войск через р. Дон в районе Новой Калитвы. Под Первомайском-на-Дону Л.В. Николаев во время ведения наблюдения был ранен. После госпиталя воевал в пехоте, потом в танковых войсках наводчиком в составе 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Вместе с частями Советской Армии Л.В. Николаев прошел всю Украину, Молдавию и Румынию, где его застало окончание войны. В 1947 году Л.В. Николаев демобилизовался.

Награжден орденом Отечественной войны и медалями.

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. В Минюсте СССР – заместитель начальника Управления общих судов.

В 1942 году в связи с военным временем выпускные экзамены десятиклассников начались раньше, в мае, и в сокращенном виде – всего шесть экзаменов.

Когда я после третьего экзамена вернулся домой, на пороге меня встретил взволнованный отец: «Принесли повестку, завтра в армию».

Отец – коренной железнодорожник, машинист локомотива, а мать уже с начала войны была призвана в армию и служила в госпитале медсестрой в соседнем городе.

Наша деревня Новинки-Надозерские, где я родился и жил, была ближайшей к городу Александрову Владимирской области. Город Александров был большим железнодорожным узлом, поезда шли в трех направлениях: на Москву, Иваново и Ярославль.

В нашем деревенском доме на стене висел допотопный телефон в связи с работой отца дежурным по депо. В тот же день по телефону мне сообщили, что имеется договоренность с военкоматом о переносе отъезда нашей группы призывников-десятиклассников на один день для сдачи оставшихся экзаменов. Вечером, как это водится, состоялись проводы в армию. Конечно, это были скромные военные проводы. Собрались мои деревенские друзья и одноклассники, которые тепло с нами прощались, наказывали беречь себя. Поспать удалось 1,5–2 часа. Утром в школе мы вдвоем сначала написали сочинение, потом сдали физику и немецкий язык. А вечером сижу дома – вдруг телефонный звонок: приглашали в школу на прощальный чай.

Из школы мы первые уходили на войну. Утром у вагона поезда собралось много школьников проводить нас.

Меня, как и многих других призывников, обучали и готовили к службе в гвардейских минометных частях (на «катюше»). Ровно через месяц я уже был в составе ОГМД (отдельный гвардейский минометный дивизион) на линии фронта под Воронежем. Мне было 17 с половиной лет. «Катюши» только начинали поступать на вооружение, их еще было мало, поэтому наш дивизион непрерывно менял дислокацию. Ударив по немцам в одном месте, мы передвигались на много километров по линии фронта. Наша разведка с помощью разведки пехотной находила объекты за линией фронта для залпового огня «катюши».

После госпиталя воевал в пехоте, потом в танковых войсках наводчиком в составе 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Пять лет в армии, из них три года на фронте, оставили неизгладимый след в моей жизни. Часто вспоминаются отдельные эпизоды военных лет. Так, во время бомбежки, когда я сидел на сосне на опушке леса и в буссоль наблюдал за немцами, был ранен. Радость и гордость испытал, когда видел результаты залпов «катюши», произведенных по нашей наводке.

Однажды уничтожили группу немцев (около батальона), которая, видимо, шла на пополнение или замену. Они расположились в низинке вокруг колодца. С линии фронта их не было видно, а нам с пригорка – как на ладони. Там их и накрыли наши «катюши» залпом всех батарей.

В день окончания войны я продолжал служить в армии, на спецбазе № 661, располагавшейся в Румынии. На базе работали пленные немцы. Каждое утро несколько

сотен пленных колонной под охраной румынских солдат шли на территорию базы, которая снабжала войска Югославии боеприпасами (патроны, гранаты) немецкого производства.

В марте 1947 года я был демобилизован. Но поехал не в Александров, где родился, учился и в мае 1942 года был мобилизован в армию, а в г. Сарны Ровенской области. Там работал мой отец замначальника депо. Он был направлен туда для организации работы железнодорожного транспорта. Он был коммунистом. Моя мать была демобилизована сразу после окончания войны. С госпиталем она дошла до Восточной Пруссии.

Вскоре я вернулся на родину. В августе 1947 года сдал экзамены и поступил в Московский юридический институт. Первый год учебы был очень трудный. Мест в общежитии института не было. Жил где и как попало. Последующие годы постоянно жил в общежитии института.

Еще перед демобилизацией был принят кандидатом в члены ВКП(б), а за время учебы в институте – в члены ВКП (б).

В 1951 году закончил юридический институт, и в декабре 1951 года был избран народным судьей 2-го судебного участка Раменского района Московской области.

В 1954-м, 1957 годах переизбирался судьей в этот суд. В 1960 г. был избран народным судьей, а потом и председателем Раменского городского народного суда. В 1965 году был избран членом Московского областного суда, а в 1968 году – первым заместителем председателя этого суда.

С 1 января 1970 года был назначен начальником Управления судебных органов Министерства юстиции РСФСР. В 1974 году перешел на работу замначальника Управления общих судов Министерства юстиции СССР, откуда в 1988 году ушел на пенсию.

Отдел Управления общих судов, который я возглавлял в МЮ СССР, осуществлял организационное и методическое руководство органами юстиции и судами закавказских и среднеазиатских республик (Армения, Грузия, Азербайджан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан).

Проверки работы органов юстиции и судов этих республик осуществлялись работниками нашего отдела. Такими проверками, как правило, общее руководство осуществлял замминистра. При проверках особое внимание обращалось на качественное и своевременное рассмотрение судебных дел, своевременность и полноту исполнения судебных решений, уровень проведения судьями профилактической работы и отчетность судей перед избирателями.

При проверках не только выявлялись недостатки в работе органов юстиции и судов, и принимались меры к их устранению, но изучался и распространялся положительный опыт работы.

Так, Министерство юстиции Киргизии разработало методику по контролю за полнотой и своевременностью исполнения судебных решений о возмещении ущерба, причиненного государственными органами. Методы работы министерства Киргизии в этом направлении были доведены до сведения управлений и отделов

юстиции и судов, что позволило оперативнее и полнее возмещать ущерб, нанесенный государству.

Ставились в пример и методы работы отдельных судов. Так, в Верховный Суд Грузии поступило уголовное дело о хищении госсредств в особо крупном размере путем фальсификации данных о количестве сданного государству табака. Член Верховного Суда по согласованию с руководством совхоза организовал проведение общего собрания работников совхоза, где разъяснил, что деньги ими получены незаконно, и убедил их погасить ущерб до суда добровольно.

В Узбекистане один молодой судья в первый же год работы рассмотрел все уголовные дела в месячный срок и качественно, хотя нагрузка у него была значительно выше средней союзной и республиканской. Он наладил контакт с органами милиции, в результате исключились случаи переноса разбирательств дел из-за несвоевременной доставки арестованных. Поступившие уголовные дела изучал и назначал рассмотрение в тот же день и сразу же извещал всех участников процесса. Министр юстиции Узбекской ССР приказом поощрил молодого судью.

За хорошую работу я был награжден орденом Трудового Красного Знамени, мне присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Из наград имею орден Отечественной войны, медаль «Почетный работник юстиции» и целый ряд других медалей.

Л.В. Николаев. Воспоминания

ОБИДЧЕНКО НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Николай Михайлович Обидченко родился 24 августа 1922 г. Был призван в армию в первые дни войны. Он был зачислен курсантом в 107-й ЗСП, во второй учебный батальон, но, в связи с тяжелыми обстоятельствами на фронте, был направлен на передовую, где влился в роту снайперов. В наступательных боях за Новгородчину был тяжело ранен. В конце декабря 1942 г. уволен из рядов Красной Армии инвалидом войны.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу», медалью Жукова.

Я родился 24 августа 1922 года в деревне Терезовка Белгородской области. Начальное образование получил в родном селе, а семилетнее – в школе, в 5 километрах от него, по окончании которой поступил на учебу в среднюю школу района. Одновременно постигал азы ДОСААФ, готовя себя к службе в армии, куда должен был призваться в 1941 году. Но учеба в средней школе была прервана, так как в стране возникла необходимость создания краткосрочных курсов по подготовке учителей начальных классов, куда я был рекомендован. По завершении учебы в 1939 году работал в Циплянской семилетней школе Шебекинского уезда Белгородской области учителем начальных классов и преподавателем физкультуры. Одновременно заочно учился в педагогическом техникуме.

Я был призван в армию в первые дни войны, меня зачислили курсантом в 107-й ЗСП, во второй учебный батальон, но, в связи с тяжелыми обстоятельствами на фронте, я был направлен на передовую, где влился в роту снайперов.

На «охоту» за фашистскими солдатами и офицерами, как правило, выходили вдвоем. У одного из нас был бинокль для точного определения результатов такой «охоты». В свободные часы нас отводили подальше от передовой, в лесной массив, где происходили практические занятия в более спокойной обстановке. На одном из таких занятий нами был сбит немецкий самолет-разведчик, летящий на бреющем

полете, несмотря на то что проводившие с нами занятия командиры запрещали это делать, чтобы не обнаружить наше расположение.

В одном из тяжелых наступательных боев нашей частью была освобождена территория Новгородчины, захваченная немцами. В этом бою погибло немало моих однополчан. А я, получив тяжелое ранение лица (была раздроблена верхняя челюсть, ранен правый глаз), свалился в окоп, долго не приходил в себя и мысленно прощался с жизнью. Спустя какое-то время, почувствовал облегчение и стал звать санитаров. Первая помощь была оказана здесь же, на передовой, а потом – в санбате. Тяжелую и сложную операцию сделали в Ярославле. Для дальнейшего лечения тяжелораненых красноармейцев увозили в глубокий тыл. Поэтому мне пришлось продолжить лечение в госпитале Казани. В конце декабря 1942 года я был уволен из рядов Красной Армии инвалидом войны.

Но на этом мои скитания не закончились, так как родная Белгородчина все еще была в руках немецко-фашистских захватчиков. Я был вынужден проживать в Новосибирской области. С 1943 по 1957 годы работал заведующим средней школы № 62 г. Новосибирска.

Работая в семилетней школе, продолжал учебу в Новосибирском пединституте на физико-математическом факультете.

В связи с переездом на постоянное место жительства в Новосибирск я был направлен в среднюю школу при колонии строгого режима УИТУ УВД Новосибирского облисполкома, которую возглавлял с 1957 года по январь 1972 года.

В 1954 году закончил вечерний Университет марксизма-ленинизма при Новосибирском горкоме КПСС. С 1966 года я студент Свердловского юридического института, по окончании которого решением Государственной экзаменационной комиссии мне была присвоена квалификация юриста.

С 1972 по 2005 год работал в органах МВД и Министерстве юстиции в Москве в должности начальника отдела ГУИН.

Стаж работы в органах МВД и Минюсте – 50 лет. Общий стаж работы около 60 лет.

Награжден медалью «За победу над фашистской Германией», «За мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками», медалью «За отвагу», в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне – орденом Отечественной войны I степени, а также медалью Жукова.

«За многолетний и добросовестный труд» в учреждениях народного образования награжден знаком «Отличник народного просвещения», награжден медалями «За трудовое отличие», «Ветеран труда» приказом МВД СССР, «За усердие» II степени приказом Минюста России, «200 лет МВД России», «200 лет Минюсту», «125 лет УГИС» (уголовно-исполнительной системы России), серебряной медалью «За доблесть» (награжден Федеральной службой исполнения наказаний). Имею 11 юбилейных медалей. Неоднократно награждался почетными грамотами за добросовестную и безупречную работу в системе МВД.

Н.М. Обидченко. Эхо Великой Победы. Воспоминания. Май 2009 г.

ОГАНЕСОВА АИДА АРМЕНАКОВНА

Аида Арменаковна Оганесова родилась 1 августа 1923 г. в городе Ростове-на-Дону. В 1941-м закончила среднюю школу.

В апреле 1942 г. добровольно вступила в ряды Красной Армии. Служила в 861-м зенитно-артиллерийском полку (ЗАП) на 24-й зенитно-артиллерийской батарее. Была связистом, затем командиром отделения связи. В сентябре 1943 г. полк был реорганизован, передислоцирован в город Смоленск, на Западный фронт. А.А. Оганесова участвовала в боях по обороне города Смоленска.

С июня 1944 г. по май 1945-го полк входил в состав 1-го Белорусского фронта, дислоцировался в городе Люблине, потом в предместье Варшавы. А.А. Оганесова участвовала в штурме Варшавы.

Военную службу проходила до 20 июля 1945 г.

Награждена медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями. Демобилизовалась в звании старшего сержанта.

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России.

В Минюсте СССР – начальник отдела нормативных актов Управления законодательства о государственном строительстве.

Я родилась 1 августа 1923 года в городе Ростове-на-Дону. В 1941 году закончила среднюю школу.

В апреле 1942 года вступила в ряды Красной Армии добровольно. Служила в 861-м зенитно-артиллерийском полку (ЗАП) на 24-й зенитно-артиллерийской

батарее. Была связистом, затем командиром отделения связи. В сентябре 1943 года полк был реорганизован, стал № 1088 ЗАП, передислоцирован в город Смоленск, Западный фронт.

В боях с немецко-фашистскими стервятниками по обороне города Смоленска мое отделение сражалось стойко, мужественно и умело, за что я была награждена медалью «За отвагу».

С июня 1944-го по май 1945 года полк входил в состав 1-го Белорусского фронта, дислоцировался в городе Люблине, потом в предместье Варшавы – Праге. За участие в штурме города Варшавы награждена медалью «За освобождение Варшавы».

Военную службу проходила до 20 июля 1945 года. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями.

Демобилизовалась в звании старшего сержанта.

В 1946 году поступила в Московский юридический институт, который закончила с отличием в 1950 году.

По распределению была направлена на работу в Верховный Суд РСФСР, где проработала консультантом Гражданской коллегии с 14 августа 1950 по 30 декабря 1955 года. В порядке перевода была принята на работу в Министерство юстиции СССР на должность консультанта отдела кодификации трудового законодательства. 1 августа 1956 г. была освобождена от занимаемой должности в связи с упразднением Министерства юстиции СССР.

1 августа 1956 года была назначена консультантом группы учета нормативных актов Юридической комиссии при Совете Министров СССР, 16 декабря 1964 года переведена на должность старшего консультанта, 15 января 1968 года назначена начальником группы учета нормативных актов.

16 октября 1970 года освобождена от занимаемой должности в связи с переходом на работу в аппарат Министерства юстиции СССР, где зачислена в порядке перевода начальником группы учета нормативных актов. 7 декабря 1970 года назначена начальником отдела нормативных актов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1975 года мне было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Приказом Министра юстиции СССР от 5 октября 1981 года награждена нагрудным знаком «За успехи в работе». Награждена медалями «В память 200-летия Минюста России», Анатолия Кони, «Ветеран труда СССР».

А.А. Оганесова. Воспоминания

ОПАРИН АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Анатолий Тимофеевич Опарин родился 9 ноября 1926 г. Труженик тыла военных лет. Был призван в армию в апреле 1945-го красноармейцем стрелкового полка.

Награжден многими медалями, в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Только сейчас, когда потребовалась «исповедь», вспоминаю, что мой «трудовой фронт» начался не как записано в трудовой книжке (она у меня с августа 1942 года), а гораздо раньше – в первый же день войны. Было мне тогда 14 лет (я родился 9 ноября 1926 года), и жили мы в то время на Дону, в станице Казанской, известной по «Тихому Дону» М. Шолохова.

В тот роковой день 22 июня 1941 года мы с закадычным дружкой и одноклассником Колькой Сакменовым (жаль, нет уже его – умер несколько лет назад, в звании капитана 1-го ранга в отставке) сразу же после выступления по радио В.М. Молотова помчались в военкомат, чтобы дали нам какое-нибудь дело «для отпора врагу». И нас взяли посыльными – бегать с повестками и для связи. Вот так и вышло, что уже через два-три часа мы были «в строю».

А ещё через несколько дней мы уже были в колхозе на полевых и других работах. Особенно помнится, как тяжело было таскать неподъемные для наших силенок носилки с пшеницей. Потом, видя, что мы выбиваемся из сил, нас поставили к веялкам. И так до начала занятий в школе. Но их-то и не было – дали нам молотки в руки бить камень на щебёнку для дорог, затем опять по колхозам копать картошку. Так что за парты сели где-то в конце октября.

За зиму без отрыва от школы закончили курсы трактористов — готовили нас к посевной, но обошлись, дали сдать экзамены за 9 класс, и в середине июня мы опять же с другом Колькой оседлали трактора и стали пахать землю под озимые. Пахали полтора месяца, тут к району стал подходить фронт, и нас, подростков,

отпустили по домам. Начались бомбежки станицы, а потом и немцы подошли, заняли другой берег Дона – рукой подать. Военные стали требовать эвакуации подростков из станицы и хуторов, опасались угона в Германию в случае занятия немцами станицы.

Делать нечего – отца уже не было, погиб на фронте, мачеха уходить из дома не собиралась, снарядила мне котомку, дала деньги, какие были, и двинулся я на восток с целью добраться до г. Бийска Алтайского края к сестре мачехи, рассчитывая поступить на работу и продолжить учебу в школе. Так, своим ходом, где пешком, а чаще на попутных военных грузовиках добрался до Камышина на Волге. В пути на машинах все время боялись налета «Мессершмиттов», приходилось постоянно следить за горизонтом. Один раз все же попали под обстрел – к счастью, никого не задело, а самолет пролетел дальше.

Только после войны я узнал, что немцы в нашу станицу не вошли, так и проторчали на противоположном берегу, пока их не погнали. Так что наша пахота под озимые пригодилась!

В эвакупункте Камышина мне дали не пропуск до Бийска, как я просил, а направление на завод № 314 Наркомата вооружения в г. Медногорске на Урале. Сначала на пароходе, затем на товарняках добрался до Медногорска, тут же в отделе найма и увольнения мне вручили пропуск на завод и талон в общежитие, и назавтра в 9 утра я уже был на рабочем месте в инструментальном цехе. Так, 26 августа 1942 года в 15-летнем возрасте начался мой главный и «записанный» трудовой фронт. Из-за этого я впоследствии и не попал в действующую армию, ведь с военного производства не призывали, хотя мои одногодки всю войну воевали уже в 1944-м.

Меня определили в отделение, которое называлось опытно-сложным, здесь работа исполнялась по чертежам. Сначала зачислили учеником, а всего через два месяца – фрезеровщиком 4-го разряда. Ещё не «стукнуло» 16-ти, как стал квалифицированным рабочим.

Работали в две смены по 12 часов с перерывом 45 мин., а в «пересменку» (два раза в месяц) надо было отстоять 18. Потом спохватились, что мне не полагается в две смены (мал еще), и перевели на трехсменку, т. е. по 8 часов. Все работали на совесть, никто не отлынивал. Это был напряженный, непрерывный труд без отпусков и выходных, даже 7 ноября и 1 Мая.

Я довольно быстро освоил свой фрезерный станок «Дзержинец» и фрезеровку по чертежам. Работа в основном ладилась. Но вот в быту оказался совершенно неприспособленным. Когда 7 ноября выпал снег и ударил мороз, не пошёл в свой барак с нарами, до него было 3 км, да так и остался в цеху на всю зиму и даже часть весны. Постоянного места не было, каждый раз после смены приходилось искать уголок, где бы приткнуться.

Не обходилось без ЧП. Как раз в ночь на Новый год, проснувшись перед сменой, обнаружил, что у меня вытащили хлебную карточку. Как сейчас помню охватившие меня ужас и отчаяние: целый месяц без хлеба! Через некоторое время, стоя уже у

станка, увидел неподалеку на полу смятый комочек бумаги. С замиранием сердца поднял, развернул – карточка! Радости не было предела. Подумал: пожалел меня оголец, подбросил. Порадовались и товарищи, которые уже знали о постигшем меня несчастье. Потом эту злосчастную карточку все-таки опять вытащили, хорошо хоть, что оставалось на ней всего два талона.

Несмотря на полную антисанитарию, никакая зараза к нам не приставала, а против насекомых – каждые 10 дней прожарка в бане. Кое-как помоешься выданным рыхлым кусочком мыла, обсохнешь, да и опять на себя все то же немытое надеваешь. Сейчас уму непостижимо, как можно было так жить. Но тогда главное было в том, что всё время хотелось есть. Хлеба 700 грамм и один скуднейший обед в день – было катастрофически мало. Взрослые с трудом, но соблюдали хлебный «режим», а что можно было взять с 15–16-летних, предоставленных самим себе в быту (которого практически не было). Вот и ухитрялись «заедать» карточки, как тогда говорилось, а в конце месяца на 3–5 дней оставались без хлеба, только с жалким обедом на день.

Однажды, услышав, что в одном поселке, куда ходил рабочий поезд, отпускают хлеб «за любое число», специально поехал туда и взял сразу три нормы – 2 100 грамм. Сел в обратный поезд и тут же вонзил зубы в буханку. Это был пир! Пока ехал, всего за каких-нибудь полчаса съел весь хлеб до крошки. Вот такой был «аппетит».

Расплата наступила незамедлительно. На этот раз уже целая неделя без хлеба, к концу у станка свалило то ли в сон, то ли в обморок. Тут и взялись за меня старшие. Наш начальник отделения Н.Д. Немтинов добился почти невозможного: меня прикрепили к столовой выпускников РУ и школ ФЗО с двухразовым питанием и хлебом только на завтрак и на ужин, ни часом раньше. Карточки давать перестали. Поэтому голодовки в конце месяца прекратились; хотя все равно недоедание, но уже «равномерное». Одновременно вытащили меня из цеха и поселили в общежитие к тем же выпускникам. Это была уже совсем другая жизнь – в общении со сверстниками.

Только добрым словом вспоминаю и общежитие с ребятами, и особенно свое отделение в цехе, того же Николая Даниловича, да и весь коллектив. Старшие рабочие почти все были туляки (завод эвакуирован из Тулы), а молодежь из разных мест. Несмотря на суровость существования, атмосфера царил товарищеская и душевная, ни ругани, ни окриков, ни каких-то склок или конфликтов. Завод выпускал скорострельные 20-мм пушки для самолетов, и мы этим очень гордились. Отделению постоянно вручался флажок «Фронтальная бригада» за отличие в производстве. Кроме того, на заводе проводился конкурс на звание лучшего по профессии. И мне однажды посчастливилось отличиться: было присвоено звание «Лучший фрезеровщик завода» 3-й степени за 1944 год с вручением премии 750 рублей (в том году намного перевыполнил нормы выработки). Так что среди суровых будней были и праздники.

С весны 1944 года стали приходить повестки на призыв в Красную Армию. Да куда там! Завод-то военный. Придешь в военкомат, а тебе говорят: пусть начальник цеха напишет, что согласен. Припоминаю только один случай, когда он согласился на призыв одного парня из отделения заготовок.

За год было четыре повестки с тем же результатом. Один раз в самой повестке было указано: для направления в училище военно-морской авиации. Ребята шутили: ты со своим ростом в самолёт не поместишься. Подумал, раз направление в училище, то обязательно возьмут. Не взяли.

Между тем, мы почти все стремились в армию, а значит, и на фронт. С одной стороны – патриотические чувства и «мы не хуже», с другой – «там лучше кормят». Самый простой был способ – обивать пороги военкомата. И некоторым ребятам удавалось поймать момент, когда военком по каким-то причинам шел на нарушение и отдавал приказ о призыве без согласия завода.

Так из нашей комнаты в общежитии ушли в армию один за другим шестеро из 20-ти. Наконец, настал и мой черед. В апреле 1945-го и я был призван, примерно таким же путем. Мы понимали тогда, что войне скоро конец, но не через месяц, тем более что на днях был денонсирован договор о ненападении с Японией. Когда в полку стали формировать маршевую роту, в нашем подразделении буквально все хотели войти в ее состав, но взяли только бывалых. Как мы позже узнали, уже на восток.

А потом было 9 мая и был – в тот же день! – дивизионный парад Победы. Конечно, не на Красной площади, а на пыльном грунтовом плацу, но не менее торжественный, с тем же ритуалом и теми же звучными командами, которые мы сейчас слышим в День Победы.

Так закончился период моего военного лихолетья, который встретил мальчишкой, а проводил красноармейцем стрелкового полка. С тех пор прошло много десятков лет, но тот период от 14 до 18 остался врезанным в память как самый значительный период становления со всеми его испытаниями и невзгодами, самый несравненный и сурово-яркий период жизни.

А.Т. Опарин. На трудовом фронте. Воспоминания

ОРЛОВА ВАЛЕРИЯ ФЕДОРОВНА

Валерия Федоровна Орлова родилась 18 января 1926 г. Участник Великой Отечественной войны. Служила в военном госпитале.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В.Ф. Орлова – доктор юридических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции. Заместитель директора по научной работе ВНИИСЭ при Минюсте СССР, главный эксперт РФЦСЭ при Минюсте России.

Валерия Федоровна Орлова родилась в г. Спасске Рязанской области 18 января 1926 г. Участник Великой Отечественной войны. Служила в военном госпитале. В 1947 г. закончила Московский юридический институт, в 1950-м – аспирантуру этого института. В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основы идентификации личности по почерку». В 1974 г. защитила докторскую диссертацию.

С 1952 г. Орлова работала в системе судебно-экспертных учреждений. Валерия Федоровна – признанный лидер отечественной почерковедческой экспертизы, создала научную систему судебного почерковедения.

В 1954–1955 гг. В.Ф. Орлова работала в должности старшего научного сотрудника, исполняющей обязанности заведующей Центральной криминалистической лабораторией Министерства юстиции СССР.

С момента образования Центрального НИИ судебных экспертиз, впоследствии ставшего Российским федеральным центром судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России, В.Ф. Орлова работала в должностях старшего научного сотрудника, заведующей лабораторией, заведующей сектором, заместителем директора по научной работе ВНИИСЭ, главного научного сотрудника, главным экспертом

лаборатории почерковедческой экспертизы. Большой вклад она внесла в разработку Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Область научных и прикладных исследований В.Ф. Орловой – судебное почерковедение, теория и практика судебной экспертизы, криминалистика.

В.Ф. Орловой принадлежат более 150-ти широко известных работ («Судебно-почерковедческая экспертиза», «Теория судебно-почерковедческой идентификации», «Теория и практика математического моделирования в судебно-почерковедческой экспертизе» и др.), послуживших базой современной теории российского судебного почерковедения, нашедших отражение в учебниках и курсах криминалистики. Орлова пользуется заслуженным авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом как ученый и квалифицированный специалист в области криминалистики и судебной экспертизы.

За заслуги перед Отечеством В.Ф. Орлова имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Награждена медалями Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России» и другими.

Валерия Федоровна Орлова заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист РСФСР, почетный работник юстиции, доктор юридических наук, профессор.

ОСЕТРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Н.А. Осетров родился в 1924 г. в Москве в семье рабочих. Трудовой путь он начал в 1941 г. на автозаводе им. Лихачева, учился в пехотном училище, командовал взводом, получил тяжелое ранение, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», 12 медалями.

После окончания войны Н.А. Осетров закончил Московский юридический институт, работал в правоохранительных органах, председателем Московского городского суда. Был заместителем Министра юстиции СССР. Удостоен почетного звания «Заслуженный юрист».

ПАВЛОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Елена Михайловна Павлова родилась 10 мая 1925 г. в Москве. В годы войны рыла окопы на защитных рубежах Москвы, направлялась на сельхозработы. В 16 лет пошла на ЗИЛ – Московский автомобильный завод им. И.А. Лихачева, работала на строгальном, фрезерном, токарном станках. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями. В Наркомате, Министерстве юстиции работала в области статистики.

Когда началась Отечественная война 1941 года, мне исполнилось 16 лет. 22 июня для меня был знаменательным днем, так как он был и радостным, и горестным.

Я шла, счастливая, по бывшей улице им. М. Горького с билетом на премьеру оперы «Ромео и Джульетта» с участием С.Я. Лемешева. Премьеру неоднократно откладывали из-за болезни С.Я. Лемешева. Для того чтобы достать билет с утра, я просидела всю ночь на лестнице в каком-то доме. Двигаясь по улице М. Горького, я приблизилась к памятнику Юрию Долгорукову, увидела толпу людей и подумала, что поклонники атаковали С.Я. Лемешева (там он недалеко жил). И вдруг я услышала, что по репродуктору объявили о начале войны. Каково было потрясение! Вечером был налет на Москву, но я все равно пошла в театр.

К этому времени я закончила восемь классов средней школы. Школы стали закрываться. Нас, малолеток, стали направлять на рытье противотанковых рвов под Москвой. Посылали в совхозы убирать зерно. Мы молотили его на молотилках и таскали на себе тяжелые мешки в закрома, где зерно хранилось, а потом горы зерна лопатили, чтобы оно не перепрело.

В 1942 году от голода умирает отец. Осталась я с больной матерью. Никаких родственников у нас не было, а значит, и помощи ждать было не от кого. Поехали мы с мамой на рынок, взяли шубу отца (на меху), которая все время находилась

в ломбарде и которую он ни разу не надел. Обменяли ее на крупу, муку, масло и другие продукты.

Когда все съели, начался голод. Ели картофельные очистки, жарили на рыбьем жире, перебивались как могли, продавать было нечего. Поставили посреди комнаты печку «временку», дров не давали и мы топили мебелью. Вот так и жили. К тому же немцы часто бомбили Москву.

25 апреля 1942 года я поступила на ЗИЛ – Московский автомобильный завод им. И.А. Лихачева. За полтора года стала многостаночницей: работала на строгальном, фрезерном, токарном станках. У меня были даже ученики, работа моя была отмечена приказом директора завода И.А. Лихачева. Работа была тяжелая: работали по 14 часов, без выходных. В цехе был страшный холод, руки примерзали к ручкам станков. В перерыв зажигали печку и садились вокруг отогреться, а от наших халатов шел масляный пар. Отогревались и в туалетах: открывали краны с горячей водой и обогревались паром. Но сильнее всего запомнилось такое явление: когда сидели в столовой и ели суп, то за спинами стояли в очередь голодные мужчины с прозрачными глазами и ждали – не останется ли что-нибудь после тебя в тарелке. Это было мучительно, больно и жалко. Работая на заводе, я теряла силы от непосильного труда, голода, недосыпания. Врачи говорили, что ко мне подбирается чахотка.

Когда открылась Юридическая школа, я рванулась в нее, там давали рабочую карточку и платили стипендию. В связи с плохим состоянием здоровья меня освободили от работы, а вообще с завода никого не отпускали. Так я очутилась в юстиции.

В юридической школе у меня произошел такой запоминающийся случай. Меня с приятельницей направили на хлебозавод для проработки доклада И.В. Сталина, за что нас наградили по буханке теплого серого хлеба. Счастьем не было предела. Пока мы дошли до остановки трамвая, съели по полбуханки. Такой благодати не было за всю войну.

1945 год также оказался для меня знаменательным, можно сказать, счастливым. 9 мая стал днем Победы, закончилась проклятая война, а 10 мая у меня был день рождения, мне исполнилось 20 лет. Вот какой бесценный подарок предоставила мне судьба. Такое двадцатилетие не забудешь никогда.

В 1945 году я закончила Юридическую школу. По малолетству направить на ответственную работу меня не могли, и 22 октября 1945 года я была назначена инструктором отдела судебной статистики Народного Комиссариата юстиции.

В 1971 году я принимала участие в строительстве здания Министерства юстиции. Вместе с сотрудниками привели в порядок окружающую дом территорию.

Так я и застряла в статистике. Постепенно меня повышали в должности. Даже побывала начальником отдела. В 1950 году я закончила Всесоюзный юридический заочный институт. Проработала в органах юстиции 40 лет. За это время обучила три поколения молодых работников. Делилась всеми накопленными за время

работы знаниями. Статистическая работа имеет свои особенности, которым нигде не обучают.

«Девочки», которым уже по 50 лет, считали меня матерью и до сих пор не забывают: звонят по телефону, приходят домой, помогают по возможности. Я им очень благодарна.

За успехи в работе и активное участие в общественной жизни имела более 30 поощрений от руководства Министерства.

Проработав около 42 лет, не успев отдохнуть, я взяла на воспитание пятилетнюю внучку Диану. У моего сына к тому времени было три сына и две дочери. Хлопот у меня было выше головы. Прожила у меня Диана семь лет.

В 2006 году я переехала из пятиэтажки в новый дом. Через год произошел пожар (загорелся телевизор), потом был ремонт. Три года изнурительной работы сломали мое здоровье. Очень благодарна соцработнику Татьяне Салыновой, которая мне помогает: приносит продукты, лекарства, выполняет различные поручения. Практически она мне стала сестрой, подругой. Есть еще хорошие люди в наше трудное время!

Хочу также принести благодарность Министерству юстиции Российской Федерации, в частности Совету ветеранов и особенно Лидии Саркисовне Каневской за заботу о ветеранах юстиции – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла.

Для сведения сообщаю, что я имею награды – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 850-летия Москвы», а также медали Министерства юстиции Российской Федерации: «В память 200-летия Минюста России», Анатолия Кони, «За усердие» II степени и нагрудный значок Министра юстиции СССР «За успехи в работе».

Е.М. Павлова. Воспоминания

ПАНСКАЯ ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА

Евгения Георгиевна Панская родилась в 1927 г. Трудилась тыла – подростком рыла окопы, работала в колхозе, на лесоповале, на военных заводах. В Минюсте СССР – старший консультант отдела правовой пропаганды. Награждена медалями «За трудовое отличие» и другими.

Родилась я в Запорожье в 1927 году, в семье рабочего газосварщика Красавцева Ефима Евгеньевича. Тогда он работал на строительстве ДнепроГЭСа.

Сколько себя помню, с 3–4-летнего возраста, отец с семьей постоянно кочевал по стране на строительство заводов – это были Челябинский Тракторный, Рыбинск, Ярославль, Чита, Черемхово, Усолье-Сибирское, Балхашстрой. Когда умерла мама в 1938 году, нас осталось четверо детей. Мы были в основном на попечении бабушки и папиных сестер. Позже, когда папа женился на тете Лене, семья наша увеличилась до семи человек. С тетей Леной – Элеонорой – мы были соседями по дому, она немка-колонистка родом из Белой Церкви; мужа ее, Франца Куппера, тоже газосварщика, арестовали в 1937 году, и он не вернулся уже; у тети Лены тоже было двое детей. Позже в войну родились еще двое детей.

Жить было очень тяжело. Быт не устроен. Жили в бараке, хоть и в двух комнатах. Отапливались каменным углем и коксом; кухня, плита, летом – на улице, а зимой примус в длинном коридоре. Удобства – на улице.

Нас, маминых детей, взяли к себе бабушка и тетки в Москву. Жили в одной комнате двухэтажного дома в Теплом переулке, рядом с фабрикой «Красная Роза», туда часто ходили в столовую.

В 1939 году осенью папа вновь уехал – был командирован в г. Нижний Ломов Пензенской обл. на строительство завода сельхозмашиностроения, как потом оказалось – военного завода № 255, основу которого составлял Шосткинский.

Мы оставались в Москве, тетя Лена в Переделкине, т. к. жить в Ломове еще было негде, а уже поздней осенью 1940-го семья получила подъемные на переезд, и мы, дети с бабушкой, с нехитрым скарбом переехали туда тоже. Думали, ненадолго приехали, а оказалось – на три с лишним года для меня, а для папы, бабушки и тети Лены с младшими детьми – навечно.

Поселили нас в 3-комнатную квартиру нового шлакобетонного двухэтажного дома в центре. Были кухня с плитой, водопровод, предполагалось отопление и канализация (до этого не дошло). Удобства – на улице. Но мы рады были этому просторному, светлому, новому жилью, своему месту – столу, кровати... К ноябрю поставили печки-голландки: сарай с дровами. Осенью же в черте города (видимо, экспроприировав у местных жителей) нам дали два небольших участка земли с огородом, грядками лука, морковки и картошкой, пять здоровенных кустов чёрной смородины и одну яблоню китайку.

Впоследствии, уже в 1941-м году, всем эвакуированным и приезжим работникам завода выделили большие огороды в чистом поле, за заводом (в 4–5 км от жилья), где мы летом в войну эту землю обрабатывали сами: сажали картошку, морковь, тыквы, сеяли просо, гречиху. Основная рабочая сила были мы – дети: впрягались по трое в лямки плуга, борону и вспахивали, боронили эту землю. Даже сестра семилетняя участвовала в этом, пололи, убирали, веяли урожай, возили на мельницу, это было необходимо. Это было трудно, но радостно оттого, что справлялись. Папа со слезами на глазах часто рассказывал бабушке про нечеловеческие усилия нашей «тройки» по распахиванию целины под огороды.

После Москвы и других знакомых городов из довоенной жизни, Нижний Ломов – небольшой город, 28 тысяч жителей в 100 км от областного центра Пензы. Один раз в сутки туда ходил поезд от узловой станции Пачелма с двумя пассажирскими вагонами, преодолевая расстояние 40 км за 4 часа, потом пересадка на Пензу на любой поезд среднеазиатского и восточного направления (получалось уже более 100 км). В общем, за день можно было добраться до Пензы. Автобусы тогда не ходили, лишь попутные машины и лошади.

В Нижнем Ломове были тогда фанерный, маслобойный, ликероводочный заводы, спичечная фабрика, педучилище, две средних школы, колхозно-совхозный театр (труппа менялась, но функционировал он круглогодично), один кинотеатр, детский дом, почта с телеграфом, одна больница, аптека, МТС, элеватор, один универмаг, фотография, мельница, железнодорожная станция и одноколейка до Пачелмы. Были еще стадион, хлебопекарня и ресторан и, наконец, громадный базар, куда по субботам и воскресеньям сходились и съезжались продавцы и покупатели из

окрестных деревень: это – продукты от молока и масла, овощей, картофеля, зерна до живого скота и птицы (бараны, овцы, свиньи, куры, коровы, кони, рыба, раки). Это как Привоз в Одессе или знаменитое Чрево Парижа в миниатюре.

Тихий, мирный, размеренный ритм жизни маленького райцентра, где до 1930-х годов было 32 церкви, был нарушен строительством завода-гиганта, по тем понятиям, на нескольких гектарах земли, со вновь сформированной инфраструктурой и большим количеством прибывающих людей накануне войны. Наверное, вдвое увеличилось население города, за счет строителей завода и специалистов, ну и, конечно, эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Украины.

В войну на заводе работало почти все трудоспособное население окрестных деревень, в основном, женщины и подростки. Кстати, завод функционирует и сейчас, хотя уже давно дышит на ладан. Трудится там уже, наверное, четвертое поколение жителей, кто в свое время не смог изменить свою судьбу к лучшему, трудятся за копейки. Но тогда люди жили, работали, растили детей, учились! В общем, для нас, детей, жизнь была спокойной, размеренной, безмятежной. Были тимуровские команды, военные игры. Тогда еще не было войны.

В жаркий солнечный воскресный день 22 июня мы были на речке. Загорали, купались, катались на лодках. Вдруг прибежал какой-то мальчик и стал кричать: «Война, война, ура! Все на фронт!». А мы, толком ничего не понимая, продолжали весело возиться в воде, смеялись... А уже когда двинулись домой к обеду, из уличных репродукторов слышали до боли знакомый теперь голос диктора Юрия Левитана о нападении Германии.

Все воскресенье с придыханием слушали сводки Информбюро: может, это ошибка, может, все-таки что-то изменится, что это ненадолго. Не верилось – как это, вдруг война... Но ничего не изменилось, лишь все усложнялось и с хлебом, и с солью, и с учебой.

Занятия в школе долго не начинались, но мы каждый день ходили к 8 утра в школу. А оттуда – куда пошлют: на уборку картошки, капусты, морковки. Потом неделю убирали за речкой коноплю (дергали ее высоченные стебли метра 1,5–2, красивые, пахучие, с вкусными семенами), расстилали на лугу на просушку, а потом на замочку в речку – в общем, интересно было. Тем более хорошо, что каждому дали под конец по целой торбе семян конопли – из нее с добавлением муки нам пекли вкусные лепешки.

Осенью 1941-го года нас «гоняли» (как тогда говорили) на рытье окопов, щелей вокруг города. Это было очень тяжело, но мы старались не отставать от взрослых, конечно же, женщин, заданную норму выполняли.

Учебный год в этом году у нас начался с 15 октября. Были введены новые предметы: военное дело, авто- и тракторное дело. Как сейчас помню, изучали винтовку: стебель, гребень, рукоятка. Стреляли девочки тоже хорошо, попадали в «десятку», старались, думали тоже попасть на фронт.

И хотя от Москвы мы были далековато, около 600 км, а от границ еще дальше, мы уже знали, что немцы приближались к Москве; трудились и гордились своим

вкладом в оборону. Бомбить нас не бомбили, но самолёты вражеские залетали туда раза три, и их тревожный звук был нам знаком не только по боевым киноборникам и фильмам. Звучал устрашающе. В такие моменты было страшно, жутко.

Выполняли мы, школьники, в эту осень поручения и полегче, инспекционного порядка – это рейды по проверке заклеивания крест-накрест оконных стекол (чтобы не вылетали при бомбежке) и соблюдению правил светомаскировки. В райисполкоме нам выдавали (по списку улиц и домов) синюю, твёрдую, большими листами бумагу – она, по-моему, называлась крафтовской, и мы разносили ее по домам, объясняя, как надо ее пристроить. А вечером проверяли, не светится ли у кого в уголке или целом окне; и это вечерне-ночное поручение было даже интересно исполнять.

Мы ходили по домам вверенных нам улиц, выявляли дома фронтовиков, одиноких и пожилых людей, а также родственников наших учителей-фронтовиков, их у нас было трое, в том числе и наш классный руководитель; кстати, после войны он долго еще заведовал детским домом.

Эти дома мы обслуживали: вскапывали землю под огороды по весне, убирали зимой снег, пилили и кололи дрова. Это было для нас как закон вплоть до 1945-го года. Делали мы это добровольно, от души, весело и задорно, играючи, соревнуясь в ловкости и умении. Невысказанная похвала взрослых, доброта и уважение к детскому труду, одобрение и человечность поднимали, возвышали нас. Патриотизм воспитывался.

Патриотизм – это не звание, а состояние души без славословия, без пафоса. Он хорошо был развит у нас, хотя этих слов мы тогда между собой не произносили. Это вызывало чувство радости оттого, что делаешь добро и полезность в общем единстве. Все это давало внутренние силы и уверенности в делах, развивало способность к состраданию, помощи голодному и неимущему не как подачки, а просто как желание поделиться едой.

Когда моя подружка Неля Шполянская (из Москвы тоже) проболела тифом месяц (зато стала потом кудрявой), они с мамой, старенькой по моим понятиям, тогда лет 40 ей было, – просто голодали. Мама была раздатчицей воды в уличной колонке. Не помню я, какая зарплата у нее была и была ли вообще. И я, как ответственная по дому за ежедневную поставку картошки из погреба в дом, считала своим долгом иногда подкинуть и им кое-что из нашего погреба, зная, что у них кроме хлебных карточек, ничего больше нет – не было ни огорода, ни сил и умения вырастить что-то, не было никаких вещей для продажи или обмена на продукты (они эвакуировались в сентябре в летней одежде, полуголые). Знаю, что они неимущие, очень бедны просто. Ни в Москве, ни здесь никаких родственников. Мы жили лучше, мы были сыты, нас было кому прокормить и пригреть. И у нас была опора – работающий папа. Так вот, я периодически попутно заносила им картошку (они не просили, но вынуждены были принять эту еду)... Они выжили.

А после того, как наш погреб в сарае обокрали зимой (слава Богу, не до конца), воры не поставили утепляющие покрывки на место, то много чего замерзло, и вся

моя благотворительность выплыла наружу благодаря «осведомительнице»-соседке. Я была наказана за такую самостоятельность – почти месяц мне, кроме школы, никуда не разрешалось ходить, даже на дрова (хотя я была председателем учкома школы и мое присутствие было обязательным, я была заводилой многих дел).

Ещё мы гордились тем, что наша школа с нашим участием сформировала 30 посылок-подарков на фронт. Там были собранные по домам шерстяные вязаные носки и рукавицы с двумя пальцами, большим и указательным, для удобства при стрельбе; а также кисеты, сшитые из шелковых и бархатных лоскутов и любовно вышитые нами и добрыми руками других. Конечно, прилагалась и знаменитая моршанская махорка – подарок от старших. Все это сопровождалось письмами героям-фронтовикам с пожеланиями скорой победы.

В весенние и летние каникулы мы выезжали в села и деревни как информаторы, агитаторы и пропагандисты. Это нам очень нравилось, и мы самовыражались, соревновались в своих знаниях и эрудиции.

Рассказывали всё, что знали (это, конечно же, не соответствовало в полной мере тому, что и как мы о себе думали, а думали мы о себе хорошо), что знали из газет, только тех, что получали, – «Правда», «Пионерская правда», «Сталинское знамя» – областная, «Рабочий путь» – местная, районная, журналы «Пионер», «Юный натуралист» и «Крокодил». Конечно, все сводки Информбюро: что оставили, что освободили, о партизанском движении и т. п. Рассказывали о героизме на фронте. В деревнях такой информацией не владели. Радио нет, газет нет. Лишь работа, работа и работа в поле и дома. Приезжали мы на 3–4 дня. Жили в школах и часто в домах у деревенских.

Коньком, пиком нашей просветительской деятельности были самодеятельность и концерты. Днем в поле, а вечером в красном уголке (реже), пели, танцевали, играли отрывки из спектаклей. Я, как и все в семье, была певуча и музыкальна, играла на гитаре. Исполняла русские и несколько украинских народных душевных песен. Играла на баяне папином, он доверял мне свой инструмент – особенно про-никновенно исполняла вальс «На сопках Маньчжурии», что вызывало умиление и улыбку у всех. Особенно хорошо мы, девочки, знали и исполняли набор песен советских композиторов, пели песни современные советские, фронтовые – это заслуга радио «Маяк», которое вещало тогда круглосуточно. Все девочки у нас были голосистые и задорные. У меня память была очень хорошая. Я знала наизусть многое из Зоценко, Чехова, новеллы П. Мериме «Кармен» и др. Шпарила наизусть (с купюрами, конечно) даже «Овода» Войнич, умудрялась втискивать в 10–15 минут так, что в конце и рассказчик, и слушатели горько плакали, каждый о своем и в целом о горьких днях войны.

Здесь же в поле, на току обедали вместе с колхозниками, с аппетитом уплетали все домашние деревенские дары. Нас кормили всем, что было, – хлеб, овощи, картошка, гороховая каша, даже молоко перепадало. А к вечеру в который раз перечитывали для неграмотных письма-треугольники с фронта, с поклонами всей деревне, о том, что у них все хорошо, что бьют фрицев и скоро вернутся домой с

победой, а часто и безрадостные от ещё тогда живых, но теперь уже погибших, сообщения о без вести пропавших.

Ну и, конечно, обязательно по просьбе и от имени колхозников писали на фронт, оптимистично описывали жизнь в деревне, цветисто ее расписывали и от себя тоже, чтобы красноармейцам было веселее читать, чувствуя тепло своего дома и близких. Помню, как нашу агитбригаду, прослышав о веселых девчонках из средней школы № 2, просили прислать к ним, в село Колояр.

Был сенокос. Это были заливные луга, травы высокие, жирные, темно-зеленые, вода сошла, видимо, еще не совсем. Но трава еще в рост не встала, косить было нельзя. Назавтра с раннего утра приехали на лошади. А трава на лугу шевелится, хотя ветра не было, а понизу ползали какие-то змеюшки светлосерые толстенные, сантиметров по 25–30–40. Оказалось, что это щучки и щурята, не успевшие сплавиться с уходящей в речку водой. Мы собирали их руками, набрали целый воз, штук 100–200. Много! Ели не один день всей деревней.

В общем, нам нравилась наша просветительски-развлекательная жизнь в деревне, и мы тоже колхозникам были по душе. Наша помощь была тоже ощутимой.

Нравились мы и своей грамотностью, навыками культуры, были веселые, смешные, иногда комичные, совсем не знающие быта и условий деревенской жизни. Вживую, а не из кино или литературы, мы узнали, как доить корову или козу, запрягать лошадь, как достать воду из колодца-журавля, легко нести два ведра воды на коромысле. Или как закручивать портянку на ноге, чтоб надеть лапоть, как в них, лаптях, ходить и, конечно, как плести. Плести научились почти до завершения – это не так-то просто, а ходить в лаптях не пришлось, хотя было удобно. Пензенская область лаптежная. Весь год многие деревенские с весны до осени-зимы ходили в лаптях с сухими ногами. На базаре деревенские чаще всего так и были обуты.

К нам сельские относились нежно, ласково, участливо, жалостливо. Мы даже вкус и прелесть парного молока узнали там. Нас любили, и наше общение было взаимным и полезным.

Однажды в зимние каникулы нашу агитбригаду (нас уже знали в районе и городе) пригласили в здание педучилища, где размещался военный госпиталь для пленных немецких офицеров. Тогда уже разрешали отмечать празднование новогодней елки. Для нас это было не очень понятное предложение (веселить фашистов!?), но, понимая, что это акция согласованная, пошли. Веселили немцев как умели.

Начальник госпиталя объявил нам письменную благодарность даже через райком комсомола. А позже, недели через две, через папу, когда он там что-то сваривал в преддверии моего дня рождения, прислал в подарок здоровый кусок мяса, в 2–3 кг. Это было говяжье сердце. Нам дома, в том числе и девочкам из школы, были впервые за войну приготовлены голубцы. Долго мы эти голубцы эмоционально обсуждали вместе со случаем в госпитале, когда девочка – десятиклассница (мы были тогда в девятом классе) Шура Дорошкевич влюбилась в пленного фашиста (как это можно! Ужас какой!). Впоследствии она с ним уехала в Германию.

Мы закончили 8-й класс в 1942 году. Когда возникла необходимость заготовки леса с выездом на 2–3 недели, мы, старшеклассники, быстро откликнулись на этот почин. Мы поехали за 15 км от города в лес, расселили нас в школе. Нам выдали топоры и пилы, телогрейки. Дубовые деревья валили взрослые, мы их распиливали по 2 метра, убрали сучья и укладывали штабелями по 8 кубометров. Быт наш был организован хорошо. Мы были в тепле, сыты и не скучали по дому. Опять нас сильно благодарили, грамоту почетную от РК ВЛКСМ вручили школе. На следующий год мы сами попросились опять туда в лес, на свободу и просто на временно самостоятельную жизнь.

Мне уже 15 лет. Я решила по примеру наших мальчишек пойти работать на завод. А помимо всего прочего – это ведь и рабочая карточка: 800 г хлеба ежедневно, я об этом всегда думала. Папа, конечно же, мне в этом помог. Отвел к начальнику 4-го цеха «желтого» товарищу Кругляку, и меня как аккуратную в делах и грамотную девочку приняли учетчиком. Бумажная работа, но было все равно интересно. Работа среди людей, много знакомых лиц, мам наших девочек. В цехе изготавливали запалы к гранатам РГД-33, начинали их тротилом или тетрилом. И хотя готовой продукции я не касалась, через два месяца работы была желтой, как и все женщины цеха, от головы до пяток и кончиков пальцев, как не знаю кто, получила благодарность и приглашение работать вновь в следующее лето.

Довольная и гордая, в следующий год я почти повторила сценарий 1942-го и после лесозаготовок вновь решила идти на завод. Не желая быть больше «желтой расой» и тратить при 8-часовом рабочем дне более трех часов на дорогу (занята весь день), я, поразмыслив, пошла наниматься на филиал завода № 255, который был в 5–7 минутах ходьбы от дома.

Мне предложили чистую и ответственную работу на осмотре в ОТК, работа двусменная, неделя дневная – неделя ночная, смена по 12 часов, опять же рабочая карточка и рядом с домом; я с радостью согласилась. Придя в цех, потянувшись за старшими ребятами, которые уже по году там работали, я поняла, что завод – это не поле и не лесозаготовка, не речка и не художественная самодеятельность. Это строжайшая дисциплина. Пропускная система, секретность.

Работа была посильная, понятная. ОТК – это важный отдел завода. Надо было осматривать металлические изделия на предмет их калибровки, на наличие (а скорее, на отсутствие) всяких погнутостей, трещин, зазубрин и заусениц. На зеленое сукно рамки насыпались медные (красные) детали капсулы диаметром с копейку. В дне капсулы уже был вставлен латунный пистон желтого цвета. И выявлять брак надо было не только зрительно, но и подушечками пальцев, на ощупь. Затем, после первичного осмотра, продукция шла на повторный, более строгий контроль, и, получив соответствующую начинку, отправлялась на основной завод, где и шла куда следует. В дело. На фронт.

Третий мой заход в заводской коллектив случился уже после окончания десятилетки. С отличием закончив школу, я направила документы в Москву аж в три вуза: МГУ, МГИМО и Московский юридический институт – где повезет и где

предоставлялось общежитие, ибо жить было тогда негде. Долго не было ответа и вызова, аж до октября. И я, слоняясь от безделья, поехала погостить к знакомым в село Майоровка, где меня опять взяли на завод учетчиком готовой продукции, но не детонаторов и капсул, а декалитров спирта. Я уже как заправский спец-учетчик проработала там почти два месяца и, получив наконец вызов на учебу, уехала в Москву. За работу со мной щедро расплатилась дирекция завода канистрой спирта, а это по тем временам огромные были деньги. Мы продали с тетей Леной водку, что нам здорово пополнило семейный бюджет и помогло с экипировкой к отъезду на учебу в университет.

Я не помню, чтобы мне за время работы на заводе платили зарплату. На заводе нам вообще ничего не платили (я бы это знала и помнила), равно как и за работу в колхозах никаких трудодней не начислялось. Нас кормили на сельхозработках и на заводе – выдавали рабочую карточку (это по 800 г хлеба ежедневно, это было здорово!). И нигде ни разу не заводили трудовую книжку (их вообще кадры на руки не выдавали). Это бы я уже сохранила в памяти надолго. Да, мы, подростки, работали за еду. Теперь я понимаю почему.

Конечно, память сохранила многое из того, что пришлось пережить в военные годы.

Поскольку я была старшая из детей, то я и первая помощница в семье.

Мы с тетей Леной ходили каждое воскресенье на базар, чтобы что-то из вещей обменять на продукты. А поскольку лишнего на продажу не было, папа и мы вместе с ним занимались таким промыслом, как, например, варили мыло из каустической соды, касторки и еще чего-то; варили для дома, а излишки продавали, меняли. Делали тачки, бруски, гвоздики для починки обуви. Продавалось и менялось это все на одежду, валенки и еду.

Когда упал шкаф с посудой, мы лишились всех тарелок и чашек, и папа из сплава олова и алюминия сделал всем металлическую посуду, а мы ее выскребали до гладкости скребками, делали карбидные лампы, они горели ярче электрических, и можно было вечером и уроки сделать, и хоть всю ночь читать, ибо они не выключались вдруг, как электричество.

Бабушка моя была старенькая, родилась в 1861 году, почти ослепла на оба глаза, лекарства из аптеки не помогали. Она с утра наощупь чистила целое здоровенное ведро картошки на день – завтрак, обед, ужин. Она лучший рассказчик сказок. Кто чистил обувь, кто мыл и натирал кирпичом дощатый пол до желтизны. Печки топились почти целый день. Две комнаты были очень холодные. А когда случился пожар в соседнем доме, то нас уплотнили, переселив всех в две комнаты.

Зимой, как правило, замерзал водопровод – ходили за два квартала от дома на городскую колонку за водой с бидонами, ведрами, кто с чем. Вода отпускалась по талончикам, талоны на заводе, и по 5–10 копеек за ведро. Воду брали и для питья, и для бытовых нужд (стирка, мытье; в баню нас не водили – далеко и чтобы не простудиться).

У всех были свои обязанности, поручения, в том числе и ходить ежедневно в любую погоду за хлебом в заводской магазин, а это далековато, 4 км. Ходили младшие ребята, получали 3–4 буханки черного и белого (кукурузного). Два раза теряли хлебные карточки, это была катастрофа.

Заготавливали на зиму дрова, солили капусту (целая бочка, килограммов 200 на зиму). Ухаживали за меньшими детьми (родились в 41-м и 43-м годах). Ходили за детским питанием ежедневно. И многое, многое другое.

Папе в войну было 43 года. Он, как единственный кормилец семьи, был освобожден от призыва на фронт, была бронь. Но из всей мне хорошо знакомой родни было призвано и ушли добровольцами на фронт и в ополчение 12 человек (из Москвы, Ярославля, Смоленска). Не приняв мачеху, сразу ушел в военное училище и потом на фронт мой старший брат Володя, приписав себе два года. Он закончил войну в Берлине, сержантом. После войны закончил вуз и работал на авиационном заводе. Дядя Гавриил Красавцев, будучи корреспондентом последних известий Всесоюзного радио, ушел в ополчение в чине майора, был редактором дивизионной газеты, а его сын Женя в войну жил в нашей семье.

Все шестеро двоюродных братьев не вернулись, погибли... Дядя Вася, пекарь из Филипповской булочной, и его сын Саша тоже не пришли. Погибли на Западном, 1-м Украинском, Ленинградском фронтах.

С самых первых месяцев войны у меня была особая обязанность-поручение: вести переписку с фронтовиками и родственниками. На абонированный почтовый ящик мы получали всю корреспонденцию. Я вела переписку с 15 адресатами. Еженедельно отправляла письма, рассказывала о жизни, наших делах, учебе, здоровье. Папа прочитывал письма, иногда добавлял что-то и подписывал.

Выполняла я и другую работу. Например, когда у папы заболела подручная Катя, вернее, ее ребенок (взрослые и старшие дети в войну, по-моему, вообще не болели), то ей не давали замену. Папа брал с собой меня, и я подносила шланги, заполняла карбидом агрегат, выбирала необходимые газовые горелки (папа работал газосварщиком). В общем, я была на подхвате. И потом мы с папой вкусно обедали. Он сам варил суп-кулеш.

Жизнь моя с начала войны делилась как бы на две равные части – дом и школа. Школа и дом. Школа как родной дом, там друзья, интересные дела. Из дома в школу с радостью, и наоборот. Учителя знающие, добрые, порядочно-образцовые. Большинство учителей нас считали равными собеседниками. В восьмом классе многие учителя обращались к нам на «Вы», видимо, подчеркивая нашу самостоятельность и взросление.

Уже в девятом классе мальчиков стали призывать в армию. Помню переключку: – Торгашин Валера! (у нас было 5 однофамильцев Торгашиных – 3 мальчика и 2 девочки). Молчание. Еще раз: – Торгашин Валера! Опять молчание. Тогда кто-то из ребят встал и сказал, что его вчера взяли в армию.

... Мне всегда разрешалось приглашать девочек домой на елку, на мой день рождения. Были песни, игры, состязания. Праздничный обед и даже пироги. Наш дом был всегда открыт для гостей.

Очень любили школьные вечера. В классе было два пианиста – Вовка Омельченко из Киева и Инна Куликова из Ленинграда. Самодеятельность была во всю ширь. Ставили пьесы: Грибоедова «Горе от ума», Шиллера «Разбойники», Чехова.

Два учебных года меня избирали председателем учкома школы и один раз секретарем комитета комсомола. Школа размещалась в трех деревянных зданиях. Часто во время занятий перемещались из одного здания в другое.

Детство закончилось с окончанием школы.

В октябре 1944-го стала студенткой юрфака МГУ. Проводили меня в Москву со своей подушкой, с белыми валенками и двумя килограммами топленого масла. Жила я поочередно по всем родственникам, кочевала со своим большим портфелем, где было все: и лекции, и еда (иногда), и белье с зубной щеткой. Была материальная помощь от профкома, карточки с «ДП» (дополнительным питанием) и стипендия 210 рублей. Из дома – ничего, там не было, а брат и тетки помогали как могли. Питание в столовой – чечевица, в основном, и подобное.

В предмайские дни 1945-го, получив с большим трудом пропуск (это было обязательное требование) для поездки на 5 дней в Нижний Ломов, с нехитрыми гостинцами поехала домой. Душа трепетала от радости предстоящей встречи. Соскучилась по всем и по всему и порадовалась, что они стали жить получше. Наши фронтовики отправляли нам посылки, и от продажи вещей и какой-то экономии они купили корову. Уже радовало то, что дети младшие сыты. А по возвращении в Москву 6 мая мы уже вдыхали предпобедный озон.

А 9-го мая пришла долгожданная Победа! Мы победили, выстояли, выжили!

Спасибо всем, кто нас растил, воспитывал и наставлял в войну. Победа! Необъяснимое чувство радости, благодарности и любви к фронтовикам и всему народу. Мы узнали о Победе часа в 2 ночи. Начались телефонные звонки. Никто, наверное, не спал в эту ночь. Сняли светомаскировку. Светло. Был теплый майский день. Праздничный.

С раннего утра праздничные толпы народу. Все на улице. Мы с моим будущим мужем Константином, демобилизованным по ранению еще весной 1944-го, и двумя его друзьями по Ленинградскому фронту с раннего утра до поздней ночи были в центре на Манеже (юрфак тогда был на углу Моховой и Герцена), Красной площади, Москворецком мосту. Многотысячная толпа празднично одетых москвичей, постоянно увеличиваясь, перемещалась по центру, ликуя и радуясь свалившемуся счастью.

Мы готовились к физкультурному параду в честь Победы, который состоялся 24 июня 1945 года, тренируясь на Болотной площади больше месяца.

Осенью 1945-го года я вышла замуж за бывшего фронтовика Константина. Он тогда учился в Институте связи и работал начальником радиоузла Малого театра. Наша 3-я группа с курса пересмотрела по контрамаркам весь репертуар

Малого театра (бесплатно). Константин был инвалид войны, и в 45 лет скончался от полученных на фронте ранений.

По окончании университета в 1949 году меня приняли в Академию общественных наук при ЦК КПСС ответственным секретарем и зав. кабинетом кафедры теории государства и права и международного права, где я проработала до 1956 года вплоть до ликвидации правовых кафедр.

После этого почти 16 лет работала в Обществе «Знание» РСФСР зав. секретариатом правления, а затем старшим референтом секции права вплоть до 1973 года.

С января 1973 года 15 лет работала старшим консультантом отдела правовой пропаганды Министерства юстиции СССР. Дети и внуки юристы. Награждена медалями «За трудовое отличие», «В честь 100-летия рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда».

ПИРБУДАГОВ МАГОМЕД ГАДЖИЕВИЧ

23 июня 1941 г. Магомед Гаджиевич Пирбудагов явился в военкомат и попросил направить его на фронт. 1 июля 1941 г. он стал членом военного трибунала Северо-Донецкой железной дороги, где боролся против халатности, бесхозяйственности, недисциплинированности, а также хищений на железнодорожном транспорте.

Когда Северо-Донецкая железная дорога оказалась прифронтовой, в боевой обстановке М.Г. Пирбудагову приходилось брать в руки автомат, отбивать атаки прорвавшихся в тыл гитлеровцев.

Весной 1943 г. М.Г. Пирбудагов становится председателем военного трибунала железнодорожных войск Северо-Кавказского фронта. Во время подготовки и проведения операции по освобождению Новороссийска он проводит большую агитационно-пропагандистскую работу среди бойцов. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество М.Г. Пирбудагов в октябре 1943 года был награжден орденом Красной Звезды, а спустя год – орденом Отечественной войны II степени. Тогда же ему досрочно присвоили воинское звание – подполковник юстиции.

Председатель военного трибунала железнодорожных войск Волховского, а затем Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов М.Г. Пирбудагов закончил войну в г. Риге. В апреле 1948 г., будучи председателем военного трибунала Орджоникидзевской железной дороги, был демобилизован и назначен Министром юстиции Дагестанской АССР.

ПОЛИКАРПОВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ

В дни Великой Отечественной войны П.А. Поликарпов родился 18 марта 1927 г. Будучи подростком, жил в блокадном Ленинграде, голодал, подвергался обстрелам, потерял родных. Состоял в отряде местной противовоздушной обороны (МПВО), боролся с зажигательными бомбами и пожарами, за что был отмечен премией.

П.А. Поликарпов был призван в Советскую Армию 28 ноября 1944 г., когда ему не было и 18-ти лет. Был направлен в 13-й запасной полк 2-й запасной дивизии, дислоцировавшейся в районе Чебаркуля Челябинской области, а оттуда в мае 1945 г. в составе маршевой роты – в Приморский край, в 156-й запасной полк.

П.А. Поликарпов принял участие в войне с Японией, проходя воинскую службу в 226-м стрелковом Витебском Краснознаменном полку 63-й стрелковой Витебской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии 5-й Армии в составе 1-го Дальневосточного фронта.

По окончании войны в течение десяти лет П.А. Поликарпов служил на Дальнем Востоке, закончил курсы лейтенантов. Работал военным следователем, в конце воинской службы являлся старшим помощником военного прокурора Ракетных войск стратегического назначения Вооруженных Сил СССР. П.А. Поликарпов прослужил в Вооруженных Силах СССР 41 год.

П.А. Поликарпов награжден высшим солдатским орденом Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и многими другими.

Советник юстиции 1-го класса. Полковник юстиции. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник юстиции России. Почетный работник Прокуратуры России.

В Минюсте – консультант Департамента законодательства о государственной безопасности.

Когда мне, участнику Великой Отечественной войны, предложили поделиться воспоминаниями о своем участии в ней – я отказался, сославшись на то, что участвовал-то я в самом ее конце, никаких подвигов не совершал, а потому мой рассказ никакого интереса ни для кого не представит. Прошло некоторое время, предложение поделиться воспоминаниями нет-нет да и возвращалось.

Много раз передумав, я решил «обнародовать» свое участие в войне, по моим подсчетам даже в двух войнах: в Великой Отечественной – главное и во Второй мировой. Деление это явно условное, но факт: в Великой Отечественной войне, окончившейся, как известно, 8 мая 1945 года, я не участвовал, а во Второй мировой воевал, проходя воинскую службу в 226-м стрелковом Витебском Краснознаменном полку 63-й стрелковой Витебской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии 5-й Армии в составе 1-го Дальневосточного фронта.

Мое участие в Великой Отечественной войне было, так сказать, косвенным: в июне 1941 года мне было 14 лет, а в этом возрасте даже добровольцами в армию не брали.

Начало войны застало меня в пионерском лагере, по-моему, «Муравейно», где-то под Лугой. Там, я, как и все мои сверстники-пионеры лагеря, получил первое «боевое» задание, если позволительно выразиться шуткой по столь серьезному поводу – Дню Победы. Помню, нам была поставлена задача выслеживать всех посторонних вокруг лагеря, особенно в районе протекавшей неподалеку речки, и сообщать старшим при их обнаружении.

При выполнении этого задания пионеры одной из групп задержали подозреваемого мужчину, которого нам показали перед нашим строем и увезли. Говорили, что это был переодетый фашист. Много лет спустя я узнал, что в самом начале войны фашистское командование в районе Луги выбрасывало большой десант. Может, мои товарищи и задержали одного из них.

Помню и второе свое «участие» в Великой Отечественной войне. Это было осенью 1941 года. Уже начиналась блокада, и мы, жители города Ленина, кто как мог добывали себе добавочное (к карточному) пропитание. В один из безоблачных дней мы с сестрой поехали куда-то за город на убранное картофельное поле и собирали там брошенные, больные, деформированные клубни. Сборщики – дети, нас было много. В какой-то момент вдруг бесшумно из-за леса вылетела стая легкомоторных фашистских самолетов и начала нас поливать свинцом. Других обстоятельств не помню, но хорошо помню, как лично за мной какой-то фашист охотился долго, пока не израсходовал горючее. Утверждаю, что за мной лично потому, что я прятался от него, обхватив телеграфный столб, и кружился вокруг него по мере разворота самолета вокруг этого же столба.

Назову и еще одно, также запомнившееся участие в Великой Отечественной войне, участие, конечно, с натяжкой, но без кавычек!

Дело в том, что в Ленинграде с начала войны были созданы отряды местной противовоздушной обороны (МПВО), одной из задач которых была борьбы с зажигательными бомбами. Фашисты осыпали город этими бомбами, и на борьбу с ними,

на предупреждение и тушение пожаров были мобилизованы женщины, старики и мы – дети. Во время тушения одной из бомб я ожег руку, и шрам от ожога цел до сих пор, как немое свидетельство тяжелого, критического времени. Мое участие в отряде МПВО было отмечено премией – меня наградили парой ботинок.

Великая Отечественная война закончилась победно, но горечь утрат, причиненных ею, с годами не проходит.

Недавно я ездил в Санкт-Петербург, поклонился городу и своему детству, навестил на Пискаревском и Смоленском кладбищах своих самых близких, умерших голодной смертью любимых мать и отца, трех младших братьев, поставил свечи и положил цветы, попросил батюшку на Смоленском кладбище упомянуть их имена при очередной проповеди и уехал.

А теперь об участии во Второй мировой войне.

Призван я был в Советскую Армию 28 ноября 1944 года. Считаю себя добровольцем, поскольку мне не было и 18-ти лет. Помню, на медкомиссии, чтобы набрать 150 сантиметров роста (минимум, с которого можно было призывать), пришлось вставать «на цыпочки», если не на ногти. После призыва был направлен в 13-й запасной полк 2-й запасной дивизии, дислоцировавшейся в районе Чебаркуля Челябинской области, а оттуда в мае 1945 года в составе маршевой роты – в Приморский край, в 156-й запасной полк.

Первый День Победы я встретил в пути. Помню, наш поезд, а это был состав товарных вагонов, в которых нас перевозили, остановился в поле и недалеко от небольшой деревушки, на окраине которой митинговали женщины и дети, как оказалось, по случаю Победы. Сознание ее величия пришло много позже.

По прибытии в Приморский край нами, 18-летними новобранцами, пополнили сильно поредевшие в боях на 3-м Белорусском фронте 226-й стрелковый полк и другие части 63-й стрелковой дивизии, в составе которых я и принял участие в войне с Японией, т. е. во Второй мировой войне.

Война с Японией была краткой по времени, но кровопролитной: от нашего полка едва уцелела сотня-другая бойцов и командиров. В их числе и я, согласно архивной справке Министерства обороны – ефрейтор, стрелок. Поэтому мой кругозор был ограничен ротными событиями и ими пополнялся, а они в памяти не сохранились, да и интереса ни для кого не представляют.

Твердо помню только то, что по команде «рота, в атаку вперед» я и мои ротные товарищи не поднимались и не ходили, но мы все время шли, днем и ночью, на ходу и спали, взявшись под руки целыми шеренгами.

За участие в этой войне я был награжден высшим солдатским орденом Славы III степени. Какой подвиг я совершил, что заслужил такую награду – не знаю, наградного листа не читал. Думаю, что успешно выполнил приказ о сообщении артиллеристам места расположения японской части на одной из сопок, не позволявшей нашей части двигаться вперед, и одновременно за оказание помощи раненному бойцу роты дойти до медпункта.

По окончании войны в течение десяти лет я служил на Дальнем Востоке, там закончил курсы лейтенантов, закончил среднюю школу и поступил в Военно-юридическую академию, по окончании которой с 1959 года по март 2005 года работал юристом.

Начал военным следователем, затем последовательно старшим военным следователем, помощником, заместителем военного прокурора, военным прокурором, заместителем начальника отдела, а в конце воинской службы начальником отдела – старшим помощником военного прокурора Ракетных войск стратегического назначения Вооруженных Сил СССР.

Практически вся моя служба по окончании академии прошла в этих войсках, они мне стали родными, и несмотря на то, что я уволился в 1985 году, связь с этой прокуратурой и войсками не прерываю. Поддерживаю связь и с музеем 63-й стрелковой дивизии, созданном при одной из школ города Кирова. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность руководству школы и музея, совету ветеранов дивизии за память о ее боевых делах.

Служба юриста – следователя, прокурора – в армии очень сложна и ответственна, приходилось трудно, но, как говорится, трудности только закаляют.

Прослужив в Вооруженных Силах СССР 41 календарный год, я научился главному в жизни, – добросовестно делать порученное дело, «с душой» исполнять возложенные на меня обязанности, а в юстиции, да еще прокурорско-следственной – это способность видеть в человеке человека, изначально заложенные в него положительные качества.

В порядке справки старого человека, без похвальбы могу сказать: в числе тех, с кем пришлось общаться всю свою жизнь, даже в числе тех, кого я, как прокурор, предлагал суду наказать строго, нет человека, который по-недоброму отозвался бы обо мне или, хуже того, как говорят, бросил бы камень в мой огород.

За свой послевоенный труд, в том числе в Вооруженных Силах, я ни разу не наказывался, вместе с тем многократно поощрялся.

Самой дорогой своей трудовой наградой считаю высший орден рядового труженика – орден «Знак почета». Удостоен я и высших юридических наград – я Почетный работник Прокуратуры СССР, Заслуженный юрист Российской Федерации. Приказом Министра юстиции Российской Федерации награжден высшей ведомственной юридической наградой – медалью Анатолия Кони, нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России».

День Победы в Великой Отечественной войне я встречаю с двояким чувством: чувством гордости за нашу победу и чувством горечи утраты страны-победителя – Союза Советских Социалистических Республик.

П.А. Поликарпов. Воспоминания

ПОЛОНСКИЙ БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ

Борис Яковлевич Полонский родился 27 сентября 1925 г.

В январе 1943-го был призван в ряды Советской Армии. Во время войны служил в 354-м зенитно-стрелковом полку 4-й зенитной стрелковой дивизии Московского военного округа ПВО сначала рядовым, а затем старшим сержантом-командиром отделения в пулеметном подразделении. Закончил службу в г. Москве в октябре 1945 г.

Награжден медалью «За победу над Германией в 1941–1945 гг.» и др. Заслуженный юрист РСФСР, Почетный работник юстиции России. Государственный советник юстиции 2-го класса. В Минюсте СССР – начальник Управления делами.

В послевоенное время по окончании в 1950 г. Московского государственного юридического института Б.Я. Полонский был направлен на работу по специальности в Прокуратуру Якутской АССР, где проработал на прокурорских должностях около 12-ти лет.

С 1963 по 1984 гг. работал в Прокуратуре РСФСР и Генеральной прокуратуре СССР.

В 1984 г. Б.Я. Полонский переводится в центральный аппарат Министерства юстиции СССР, где работает до января 1991 года в должности начальника Управления делами Минюста СССР.

Борису Яковлевичу присвоены почетные звания «Заслуженный юрист РСФСР» и «Почетный работник юстиции России», присвоен классный чин «государственный советник юстиции 2-го класса».

В январе 1991 г. Полонский Б.Я. увольняется из Минюста СССР в порядке перевода в центральный аппарат на должность руководителя Секретариата Высшего Арбитражного Суда СССР.

В январе 1992 г. Борис Яковлевич переводится в Администрацию Президента СССР, а затем назначается на должность руководителя Секретариата Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, где успешно работает до марта 2005 г.

Заслуги Б.Я. Полонского перед Отечеством, его высокий профессионализм отмечены многими государственными и ведомственными наградами: он награжден орденом Дружбы, медалями «За победу над Германией в 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», Анатолия Кони, «В память 200-летия Минюста России» и др.

ПОЛОЦКИЙ ЕВСЕЙ САМОЙЛОВИЧ

Евсей Самойлович Полоцкий родился 1 августа 1917 г. На фронте был лейтенантом юстиции, воевал под Сталинградом, на Украине, в Будапеште. Сразу после войны стал работать в Минюсте СССР.

Евсей Самойлович Полоцкий родился 1 августа 1917 года в городе Бешенковичи в Белоруссии. Через несколько лет семья переехала в г. Витебск, а затем в Россию, в Малоярославец, где в 1936 году отец закончил среднюю школу с отличием и поступил в Энергетический институт в Москве. Через год-полтора обучения, поняв, что специальность инженера-электрика не его призвание, отец, кажется, в 1938 году поступил в Юридический институт.

Великая Отечественная война застала его на четвертом курсе. Институт был переименован в Военно-юридическую академию (ВЮА), и в сентябре 1941 года она была эвакуирована в г. Ашхабад (отец часто вспоминал, что перед эвакуацией академии ему дали сутки для женитьбы и обещали расстрелять «как дезертира по законам военного времени» в случае опоздания в часть). Мама тоже училась в Юридическом институте и уехала с отцом в Ашхабад, затем почти до конца войны она работала медицинской сестрой в госпитале.

Курсанты по ускоренной программе закончили ВЮА в мае, а в июне 1942 года их в звании младших лейтенантов юстиции распределили по различным фронтам. Отец попал на Сталинградский фронт в район станции Валуйки.

Это название по кратким рассказам я запомнил с детства, так как первые впечатления о войне остались у «необстрелянного» лейтенанта на всю жизнь. А вообще

отец не любил рассказывать и почти никогда не смотрел фильмов и редко читал книги о войне, считая, что они поверхностные и малоправдивые. Затем были 1-й и 2-й Украинские фронты. Окончание войны застало отца в Будапеште. Он демобилизовался в октябре 1945 года.

В конце 1945 (или 1946-го) года отец начал работать в Министерстве юстиции СССР (оно в последующем существовало под разными названиями), стал высококлассным, уважаемым специалистом, всегда оставался добрым и отзывчивым человеком. Он вышел на пенсию в 1992 году, но практически до самой смерти в 1997 году продолжал работать юридическим консультантом.

Воспоминания сына, Бориса Евсеевича Полоцкого

Родился 29 декабря 1921 г. Образование: Одесское артиллерийское училище – в 1943 г., Военно-юридическая академия Советской Армии с дипломом военного юриста – в 1953-м.

Участие в Великой Отечественной войне: Калининский, 2-й Прибалтийский и Забайкальский фронты с июня 1941-го по август 1942 г.; с июля 1943-го по сентябрь 1945 г. в должностях помощника командира взвода артиллерийского полка, командира взвода топографической разведки артиллерийского полка.

Награжден боевыми орденами и медалями. Генерал-майор юстиции в отставке. В Минюсте СССР – начальник организационно-инспекторского отдела Управления военных трибуналов.

ПОНОМАРЕВА ВЕРА НИЛОВНА

В.Н. Пономарева – москвичка, труженик тыла, во время войны 2,5 года работала на металлургическом заводе на Урале. В Минюсте РСФСР – старший экономист.

Моя трудовая деятельность началась с ноября 1940 года в ремесленном училище №12 г. Москвы. В октябре 1941 года была мобилизована и с коллективом училища была эвакуирована в г. Лысьва Молотовской обл. в училище №4.

Работала на металлургическом государственном ордена Ленина заводе №400 помощником мастера с группой учащихся ремесленного училища №4 в количестве 18 человек. Группа состояла из девочек 13–14 лет, 50 процентов были дети из детского дома, а остальные прибыли в училище из Лысьвы, из Калининской области и из Ленинграда. Нам давали задания завода по выпуску военной техники.

Условия были трудные, работали по 6 часов, а иногда в вечернее время (с 18 до 21 часа). Работали на автоматах, которые действовали с эмульсией, и были к концу работы мокрыми, а одежда была совсем не для таких занятий.

Часто болели, приходилось много тратить времени на уход за моими тружениками. Спасибо нашему директору училища, который уделял нам много внимания, следил, чтобы у нас были нужные лекарства. В цехе было холодно, питались как все в войну. И мы все переносили.

Возвратилась в Москву в апреле 1944 года по вызову руководства училища №12 г. Москвы, проработав на заводе 2,5 года.

После ухода из училища в 1948–1949 годах я работала в тресте «Воензагот-лес» №1.

29 апреля 1949 года я была зачислена в Московский военкомат на должность бухгалтера пенсионного отдела, где проработала до 1964 года, затем переводом была зачислена в Верховный Суд экономистом планово-финансового отдела и работала с переходом в Министерство юстиции РСФСР старшим экономистом до ухода на пенсию 1 сентября 1970 года.

В.Н. Пономарева. Воспоминания. 16 апреля 2009 г.

ПОПОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Николай Владимирович Попов родился 22 марта 1921 г. В 1939 г. закончил медицинский техникум.

Участие в Великой Отечественной войне: Западный, Донской, Сталинградский, 3-й Украинский и 1-й Белорусский фронты с сентября 1941-го по июль 1944 г. в должностях фельдшера медпункта воздушно-десантной бригады, старшего фельдшера и старшего адъютанта медико-санитарного батальона стрелковой дивизии.

В 1949 г. закончил Военно-юридическую академию Советской Армии с дипломом военного юриста.

Послевоенная служба в органах военной юстиции: 1949–1962 гг. – Уральский военный округ (член военного трибунала корпуса); 1965–1975 гг. – председатель военного трибунала корпуса в Казахстане, на полигоне.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалями, в том числе «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда» и тремя медалями «За боевые заслуги».

Полковник юстиции. В Минюсте СССР – старший инспектор отдела кадров Управления военных трибуналов.

Николай Владимирович Попов родился 22 марта 1921 г. в с. Горайновка Духовницкого района Саратовской области. До войны он закончил фельдшерскую школу и работал в медицинских учреждениях. В августе 1941 г. был призван на военную службу и направлен на Юго-Западный фронт. В октябре того же года 10-я воздушно-десантная бригада 5-го воздушно-десантного корпуса, в которой он проходил службу, была десантирована в район городов Орел и Минск, а затем передислоцирована на подольское направление в район реки Нара. Ценой больших усилий десантники остановили продвижение войск противника к Москве. С 10 декабря 1941 г. десантники 5-го ВДК участвовали в наступательных операциях по освобождению городов Малоярославец, Медынь и др.

Н.В. Попов, будучи военфельдшером, оказывал медицинскую помощь раненым бойцам и командирам, эвакуировал их с поля боя в медсанбат и госпитали.

В октябре 1941 г. Н.В. Попов был ранен осколком вражеской мины. После излечения продолжал воевать в 5-м ВДК.

Затем с августа 1942 г. по июль 1944 г. воевал в составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии на Донском, Сталинградском, 3-м Белорусском фронтах. Участвовал в боевых действиях против немецко-фашистских оккупантов на Дону, в обороне Сталинграда, в освобождении Запорожья, Одессы и других городов и населенных пунктов Украины.

Н.В. Попов – активный создатель Совета ветеранов 39-й гвардейской Барвенковской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова (II степени) и Богдана Хмельницкого (II степени) стрелковой дивизии.

Н.В.Попов награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. Н.В. Попову было присвоено звание «Почетный гражданин Краснооктябрьского района города-героя Волгограда».

ПРУДОВОЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Николай Васильевич Прудовой начал военную службу в январе 1941 г. в качестве курсанта Московской военной авиационно-технической школы связи. Выпуск курсантов был произведен досрочно, и в ноябре 1941 г. Н.В. Прудовой в составе отдельной роты связи был направлен в действующую армию на Волховский фронт. Воевать пришлось и на других фронтах: Центральном, Брянском, 1-м, 2-м и 3-м Белорусских, 1-м, 2-м и 3-м Прибалтийских. В составе войск Дальневосточного фронта участвовал в боевых действиях против милитаристской Японии. В течение всей войны с фашистской Германией и с Японией вместе с другими связистами обеспечивал командование авиационных соединений связью с авиационными корпусами, дивизиями, полками, а также работал в радиосетях наведения наших самолетов на вражеские объекты. В конце войны был награжден медалью «За боевые заслуги».

Службу в Вооруженных Силах закончил в 1947 г. в г. Дальнем (КНР).

ПУШКОВ ЛЕВ ДМИТРИЕВИЧ

Лев Дмитриевич Пушков после окончания Пушкинского танкового училища в г. Рыбинске осенью 1943 г. был направлен в Сталинград. После получения там техники направлен на 4-й Украинский фронт в район реки Миус, где в качестве командира танка Т-34 33-й гвардейской танковой бригады принимал участие в боях по освобождению Донбасса, в частности городов Сталина и Донецка.

33-я гвардейская отдельная танковая бригада с боями дошла до Днепра в районе Каховки.

После вывода танковой бригады из состава 4-го Украинского фронта Л.Д. Пушков служил командиром курсантского взвода гвардейского Харьковского танкового училища с сентября 1944 г. по май 1947-го.

РАШКОВЕЦ ИВАН ПЕТРОВИЧ

После окончания военного училища Иван Петрович Рашковец воевал на фронтах Великой Отечественной войны, где служил в авиации офицером по особым поручениям.

И.П. Рашковец награжден двумя боевыми орденами, медалями.

РЕМИЗОВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Геннадий Александрович Ремизов 1940 года рождения. Находился в блокадном Ленинграде, эвакуировали его по «дороге жизни». Служил в Кремлевском полку, стоял на посту № 1 у Мавзолея. Полковник в отставке. Советник юстиции 1-го класса. В Минюсте России – начальник отдела Международно-правового управления.

В этом году моему отцу исполняется 100 лет. Он прошел две войны 1939–1940 годов и 1941–1945 годов, служил в войсках связи на Карельском фронте. Поскольку владел карельским языком, то в его обязанности входило заниматься прослушиванием телефонных линий финских войск. Возникает вопрос, откуда малограмотный мужчина, имевший 4 класса образования церковно-приходской школы, мог владеть иностранным языком? Оказалось, что большинство жителей селений на северо-западе Твери были выходцами с территории финского княжества. А случилось это сразу после отмены крепостного права в России, когда в поисках лучшей доли, плодородных земель чухонцы, используя знаменитый путь из варягов в греки, начали сплавляться по рекам на юг. Большинство из них прижилось на берегах реки Мологи и ее притоков. Создав общины, они в короткие сроки обеспечили себя рублеными домами, скотными дворами, банями. Мелкие речушки превратились в полноводные реки с рыбой за счет плотин и строительства мельниц. На месте вырубок сеяли рожь, ячмень, лен, горох. Только в селе, где он родился, были построены школа, две церкви – одна деревянная примерно в 1870 году и в 1912 году – кирпичная. Идиллия кончилась, когда началась Первая мировая война. Все взрослые мужчины были призваны на фронт. Вернулись немногие и то убогие. Правда, были и георгиевские кавалеры. Жизнь продолжалась. За время их отсутствия подросли дети, а их в каждой было семье до десятка и больше. Но последовавшие революция, а затем гражданская война коснулись и этого, казалось бы, тихого края. Началось раскулачивание.

В 1928 году отец вынужден был уехать на работу в Ленинград, а затем вывез и свою жену. В 1932 году родилась моя старшая сестра, затем два брата, а в 1940 году во время отпуска матери – я.

Ленинградское детство

Эвакуировались мы из Ленинграда по единственной тогда дороге жизни. Вернулись, когда отец пришел с фронта в 1945 году. Жили на Петроградской стороне, ул. Блохина, д. 4/3, кв. 76. Помню штабеля дров в каждом дворе-колодце, многочисленные сарайные постройки, примыкавшие к домам (в то время в городе было печное отопление). Разбитые дома, в том числе и флигель нашего дома. Военнопленные немцы, собиравшие мусор. На набережной малой Невы у завода ГИПХ сохранились остатки огородов, где в годы блокады выращивались овощи для горожан. В магазинах продажа товаров осуществлялась по карточкам, вплоть до 1947 года. Много инвалидов на самодельных подшипниковых тележках вместо ног. По дворам периодически ходили музыканты с шарманкой. Сердобольные граждане выбрасывали им завернутые в бумагу монеты.

Но зато работали музеи. Особым вниманием у нашей ребятни пользовались Музей обороны Ленинграда на Фонтанке, Артиллерийский музей на Кронверке, Военно-морской на стрелке Васильевского острова, музей С.М. Кирова (дворец Ксешинской). Все они были бесплатными. Увлекались подвижными играми – казаки-разбойники, шандар, лапта, катались с риском для жизни на трамвайной «колбасе» (так назывался буфер). Зимой ездили в парк ЦПКиО им. Кирова, где всегда были залиты катки. Устраивали гонки на лыжах по Неве у Петропавловской крепости. В зимние каникулы и выходные дни с утра пораньше мчались в кинотеатры на детские сеансы. Надо сказать, что в городе даже в то трудное время активно функционировали Дворец пионеров, районные Дома пионеров, где можно было записаться в любую спортивную секцию или кружок.

В 1955 году в стране началась школьная реформа. Ожидали мы ее с большим нетерпением. Были расформированы существовавшие в тот период отдельные женские и мужские школы. Вводилось совместное с девочками обучение. Появилась школьная форма, как у гимназистов и гимназисток. Детство покидало нас.

В 1957 году после окончания школы решил поступить в Ленинградский техникум промышленного транспорта, что на ул. Герцена, д. 32. Закончив, по распределению был направлен на работу в качестве диспетчера транспортного цеха на Челябинский завод им. С. Орджоникидзе.

Москва, Кремль-9

В 1960 году призван на действительную службу в Советскую Армию. Нас, 30 призывников, посадили в пассажирский поезд Челябинск–Москва и привезли на Казанский вокзал. Здесь уже ожидали офицеры и два крытых грузовика. Привезли в Купавну на 33 км Горьковского шоссе. Как оказалось, это был учебный пункт Комендатуры Московского Кремля (в/ч 1005). Быстренько всех переодели в военную х/б форму, гражданскую одежду и другие уже ненужные вещи упаковали в бандероли для отправки родителям (все дошло).

Начались настоящие военные будни. С утра подъем, зарядка, умывание, завтрак. Затем плац, отработка под руководством опытных сержантов строевой выправки, доведение до автоматизма приемов владения карабином СКС и автоматом Калашникова. Обед, политзанятия и снова плац до ужина. И так 2 месяца. Затем привезли в Кремль. Казармы находились в здании Арсенала. Во дворе здания был построен деревянный макет Мавзолея. Меня с напарником Сергеевым Е.М. стали готовить на пост № 1. Первый раз мы с ним заступили на этот пост в ночь на 4 ноября 1960 г. Все прошло нормально. Выдержав испытание, мы в течение года несли почетную вахту у саркофагов В.И. Ленина и И.В. Сталина. В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС было принято решение о выносе тела Сталина из Мавзолея и захоронении его у Кремлевской стены. Мы стояли на посту, когда в 20-х числах октября поздно вечером милиция оцепила Красную площадь. К Мавзолею прибыли Председатель Комитета партийно-государственного контроля Шверник Н.М. и сопровождающие его лица. Под его присмотром офицеры и солдаты нашего полка вынесли через тыловой выход Мавзолея саркофаг с телом Сталина и захоронили в заранее подготовленную могилу. На следующий день на Мавзолее специальной пленкой было заклеено имя Сталина.

Дальнейшая служба проходила в более спокойном ритме. В наши функции входила охрана Кремлевских корпусов №№ 1, 14. В т.н. хозяйственные дни направлялись на Рублевку на дачи членов Политбюро для уборки территорий, осуществляли обслуживание государственных приемов в Большом Кремлевском Дворце, на Ленинских горах, привлекались к участию в массовках на сценах Кремлевского Дворца Съездов и Большого театра. Бытовые условия в целом были нормальными. Единственным недостатком в казармах являлась духота, особенно после ремонтов. К слову, недавно я побывал в Арсенале и отметил, что наши условия, по сравнению с нынешними, были лучше.

Наше командование и общественные организации полка (комендант Кремля генерал-лейтенант Веденин, командир полка полковник Конев, заместители – полковники Красовский и Косолапов, секретарь комитета комсомола 9-го управления КГБ СССР Бондаренко и др.) постоянно уделяли внимание культурно-воспитательной работе с военнослужащими. В клубе регулярно демонстрировались новейшие кинофильмы. Имелась отличная библиотека.

В 1963 году я решил поступить в какое-нибудь гуманитарное высшее учебное заведение. Как-то, проходя по Крымскому мосту, обратил внимание на здание, у входа которого висело объявление о начале приема в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). В феврале того же года был принят на подготовительные курсы, а в июле, сдав экзамены, стал студентом факультета МЭО. В августе командир батальона майор Моисеев подписал приказ о моем увольнении в связи с поступлением в вуз.

Я с большой благодарностью вспоминаю кремлевскую службу, которая помогла мне окрепнуть физически и морально. И когда мне недавно предложили вступить в Ассоциацию ветеранов-кремлевцев, я с удовольствием принял это приглашение.

О заграничной работе

По окончании МГИМО, проработав некоторое время в Центральном аппарате МИДа, в октябре 1973 г. был направлен вместе с семьей (жена и две маленькие дочки) в командировку в советскую миссию по экономическому и техническому сотрудничеству в Республике Кения. Советско-кенийские отношения в тот период складывались не совсем удачно из-за давления на них западных стран. Политика государства по отношению к официальным представителям нашей страны в Найроби оставалась, мягко говоря, не совсем дружелюбной.

В 1982 году руководством Государственного Комитета по экономическому и техническому сотрудничеству СССР был направлен в Индию (г. Дели) в представительство ГКЭС. В конце 1970-х – начале 1980-х советско-индийские отношения достигли пика своего развития во всех областях: были построены несколько металлургических комбинатов в центре и на юге страны, налажено сотрудничество в области оборонной промышленности и космоса. Из Индии к нам поступал чай, медицинские препараты, текстиль.

В то же время в этой стране столкнулись интересы стран Запада и СССР за влияние на руководство республики. Была убита Индира Ганди. Совершено покушение на представителя ГИУ-ГТУ ГКЭС, брошенной через забор гранатой была взорвана одна из квартир в советском жилгородке.

В 1992 году меня назначили помощником Постоянного представителя Российской Федерации при ООН в г. Нью-Йорке по вопросам безопасности. Возглавляли представительство посол Воронцов Ю.М., а после его перевода на работу в Вашингтон в 1994 году – Лавров С.В. (нынешний Министр иностранных дел Российской Федерации). Одной из главных задач, стоящих передо мною в тот период, было обеспечение безопасности визитов российских правительственных делегаций и отдельных официальных лиц. В связи с этим с санкции руководства наладил тесные контакты с местными спецслужбами (ФБР, полиция, Бюро по обеспечению безопасности дипкорпуса Госдепартамента США, Служба безопасности ООН), которые иногда оказывали неоценимую помощь.

В феврале 1995 года в Нью-Йорке открывалась очередная сессия Генеральной ассамблеи ООН, в которой принял участие Российский Президент Б.Н. Ельцин. Выступление Бориса Николаевича в зале Организации было встречено овациями.

В 1995 году, вернувшись из США, я стал начальником отдела Международно-правового управления Министерства юстиции Российской Федерации.

В заключение хочу выразить благодарность нашим замечательным руководителям Ассоциации ветеранов Министерства юстиции Российской Федерации за проявленную настойчивость и за то, что заставили меня поворошить прошлую жизнь.

Г.А. Ремизов. Воспоминания. Июнь 2009 г.

РУБИЧЕВ АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Анатолий Тимофеевич Рубичев родился 18 апреля 1903 г. Участник Гражданской войны. В 25 лет он уже был народным судьей в Рязани. С 1938 г. А.Т. Рубичев – Председатель Верховного Суда РСФСР. Он занимал этот пост до конца войны.

В 1953–1957 гг. он Министр юстиции РСФСР, в 1957–1962 гг. – снова Председатель Верховного Суда РСФСР. Награжден орденами Ленина, медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Анатолий Тимофеевич Рубичев родился 18 апреля 1903 г. в Рязани, здесь же и учился. Начал рано зарабатывать. То было очень трудное время: первая империалистическая война, революция, Гражданская война, НЭП.

Двенадцатилетний Анатолий после приходской школы прошел последовательно все ступени рабочего становления: ученик, подручный слесаря, помощник слесаря железнодорожных мастерских, вплоть до призыва на службу в Красную Армию в 1921 г. Во время службы в армии, в 18-м стрелковом полку 10-го корпуса, дислоцированном в Курске, с 1921-го по 1925 г., в период завершения гражданской войны, борьбы с белополяками и контрреволюцией красноармейцы приходили к нему со своими неразрешенными спорами, и он выступал как справедливый третейский и мировой судья.

В 25 лет он уже был народным судьей в Рязани. В том же 1928 г. он вступил в ВКП(б). Рубичев начал учиться в московском Всесоюзном заочном юридическом институте, но после четвертого курса учебу пришлось прервать. В тридцать лет он стал председателем Рязанского областного суда, в тридцать пять он уже председатель Верховного Суда РСФСР и занимал этот пост до конца войны.

После войны дальнейшие этапы пути. С 1945-го по 1948 г. он первый заместитель Министра юстиции СССР, в 1948–1953 гг. работает председателем Московского

городского суда, в 1953 г. становится Министром юстиции РСФСР, а с 1957-го по 1962 г. он Председатель Верховного Суда РСФСР. А.Т. Рубичев избирался депутатом Верховного Совета РСФСР первого, четвертого и пятого созывов, был награжден орденом Ленина, медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

А.Т. Рубичев стал руководителем Министерства юстиции в 1953 г. Многое изменилось после смерти И.В. Сталина. В свете решений партии исключительное значение приобрела борьба с проявлениями нарушений социалистического правопорядка. Перед министерством была поставлена задача анализа состояния преступности, порождающих ее причин и действенности применения к преступникам наказания.

Во исполнение этих директив Рубичев вместе с вверенным ему коллективом ученых, специалистов-практиков, адвокатов, нотариусов, народных судей, других работников органов юстиции занимался подготовкой нового законодательства, призванного обеспечить дело государственного планирования, устранить чрезмерную централизацию управления народным хозяйством, обеспечить повышение роли союзных республик в экономическом и хозяйственном строительстве и, наконец, обеспечить наиболее полное привлечение народа к участию в хозяйственной и культурной жизни страны.

Минюст РСФСР принимал участие в разработке всех новых нормативных актов. Среди них были и те, что вносили демократические начала в жизнь страны. В марте 1955 г. выходит постановление «Об изменении практики планирования сельского хозяйства», в марте 1956 г. – постановление «Об уставе сельскохозяйственной артели», дающие права самим колхозам решать многие вопросы. В апреле 1956 г. был издан знаменитый указ, отменяющий уголовную ответственность за прогулы и самовольный уход с предприятия, и она отныне заменялась дисциплинарной ответственностью.

К 1956 г. законность в деятельности судебных органов РСФСР значительно укрепилась. Суды стали более дифференцированно, с учетом характера совершенных преступлений и личности обвиняемого, избирать меру наказания, направляя репрессии против особо опасных преступников.

Правительство республики поручило Министерству юстиции РСФСР разработать Положение о советах народного хозяйства экономических административных районов (совнархозах).

После упразднения Особого совещания Министерства внутренних дел, некоторых специальных и транспортных судов были расширены функции областных, краевых судов, верховных судов автономных республик и Верховного Суда РСФСР. В их подсудность переданы все дела о государственных преступлениях, совершенных гражданами лицами, кроме дел о шпионаже, подсудных военным трибуналам. Для осуществления судебного надзора в составе названных судов образованы президиумы.

За те годы, когда министерство возглавлял А.Т. Рубичев, органы юстиции значительно укрепились, сократилась текучесть, в органах суда появилось немало

судей, которые длительное время вовсе не имели отмены приговоров и решений, выносимых под их председательством.

Необходимо было исправлять ошибки в работе с кадрами. На начало 1957 г. высшее образование имели лишь около 40 процентов всех оперативных работников органов юстиции РСФСР. В целом ряде областей не находилось резерва для выдвижения на судебную работу.

В своей основе советское законодательство по целям, принципам, своему политическому содержанию мало чем отличалось от прежнего, характерного для времен разоблаченного культа личности И.В. Сталина. Острые законности было направлено в первую очередь на укрепление диктатуры партии и государства, оно усиливало доминирующее положение административно-командного управления, господство партаппарата и способствовало репрессивной деятельности так называемых «силовых структур».

Годы освобождения от наследия прошлого, по убеждению А.Т. Рубичева, проникнуты стремлением к укреплению достижений в социалистическом строительстве, к исправлению и искоренению ошибок. Эта тенденция вела к усилению деятельности в области законодательства. Отменялись старые правовые нормы, издавались акты, необходимые в новых условиях.

Усилилась борьба с хулиганством. Даже весьма осторожный и рассудительный в вопросах применения уголовных репрессий Рубичев полагал, что здесь не обойтись без жестких мер, и Министерство юстиции РСФСР подготовило нормативный акт. 19 декабря 1956 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял сразу же ставший знаменитым Указ «Об ответственности за мелкое хулиганство». Этот акт уже тогда был встречен всеобщим одобрением. Население увидело в нем проявление должной заботы государства об охране прав, чести и достоинства советского человека. Указ предоставлял возможность быстро и оперативно в самом начале пресекать нарушения общественного порядка, чрезвычайно эффективно за короткое время сводить на нет хулиганство в общественных местах, на улице и в квартирах.

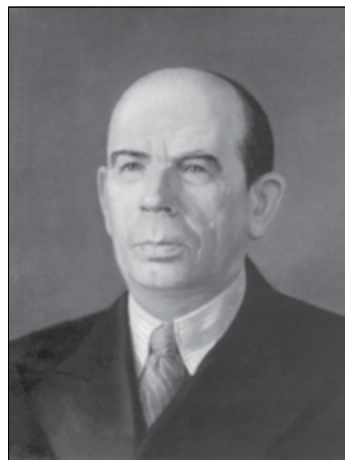
Эффективность работы народных судей обеспечивалась простотой процедуры вынесения приговора. Поступивший из милиции протокол или акт, подтверждающий факт мелкого хулиганства, одновременно служил и основанием для возбуждения вопроса о применении ареста. Вопрос рассматривался единолично судьей в течение не более суток, постановление об аресте являлось окончательным, обжалованию не подлежало и использовалось немедленно по его вынесении. Органы милиции, юстиции, прокуратуры предприняли решительное наступление на борьбу с пьянством и хулиганством.

Летом 1957 г. А.Т. Рубичев был утвержден Председателем Верховного Суда РСФСР.

По книге «На службе закону и справедливости».
И. Андрухович (2002 г.)

РЫЧКОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Николай Михайлович Рычков родился 7 ноября 1897 г. во время Великой Отечественной войны Н.М. Рычков занимал должность Наркома юстиции СССР. Он проводил работу по эвакуации Наркомата юстиции СССР за пределы столицы, занимался переводом деятельности учреждений юстиции на рельсы военного времени. Наркоматом юстиции СССР были разработаны нормативные акты, направленные на активизацию работы в военное время правоохранительных органов, прокуратуры, суда, органов юстиции и органов по руководству ими. При непосредственном участии Наркомюста СССР издается ряд важнейших указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР, партии и правительства, способствующие превращению страны в единый боевой лагерь, приспособлению ее к условиям войны, приближающих Победу.

Николай Михайлович Рычков возглавил Наркомат юстиции СССР 19 января 1938 г. и ушел с этого поста 29 января 1948 г.

Начало 1940-го для Наркома юстиции СССР было напряженным. В стране повсеместно проходили массовые аресты, показательные политические судебные процессы над видными партийными, государственными и военными руководителями.

Н.М. Рычков неофициально присутствовал на судебном процессе по делу бывшего секретаря ВКП(б) и наркома НКВД СССР Н.И. Ежова. Процесс был закрытым, и сразу же после его завершения и зачитания приговора в подвале НКВД был приведен в исполнение приговор к высшей мере наказания.

В Советском Союзе уголовная преступность была сведена к минимуму, раскрываемость преступлений выросла до 90–95 процентов. Но, по убеждению Рыčkова, статистику портили политические процессы. А их суть выходила за рамки общепринятого в мире понятия права.

По мнению Наркома юстиции, социалистическое право там, где действовали нормальные народные суды, функционировало исправно и приносило неплохие результаты. Крепло правосознание советского народа. А первопричину спонтанно возникающих политических процессов нарком пытался увидеть в правовом нигилизме, юридической неподготовленности, даже безграмотности видных руководителей силовых структур того времени.

В обстановке всенародного подъема на ударный труд, на социалистическое соревнование по осуществлению сталинских пятилеток и подъем народного хозяйства НКВД держал людей в особом и жестком режиме всеобщего страха.

Наркомату юстиции СССР предлагалось жестче закручивать гайки. Июнь 1940 г. Наркомюст СССР принимает инструкцию «О порядке расследования и судебного рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних». В постановлении указывалось на необходимость привлечения несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, к уголовной ответственности наравне со взрослыми за совершенные ими преступления. 26 декабря 1940 г. Наркоматом юстиции СССР подготовлено постановление, позднее вылившееся в Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушения поездов», где указывалось, что несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении действий (развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы разных предметов), могущих вызвать крушение поездов, подлежат привлечению к судебной ответственности.

Настали суровые военные годы. Патрули на пустынных улицах Москвы, длинные очереди за хлебом, ночные дежурства на крышах учреждений и жилых домов, налеты вражеской авиации. Танки Гудериана прорывались к окрестностям столицы, под Москвой разворачивались кровопролитные бои. И напряженная, без выходных, ненормированная работа по эвакуации Наркомата юстиции СССР за пределы столицы. Многие сотрудники наркомата были мобилизованы на фронт и на проведение оборонительных работ на подступах к Москве.

В тяжелейших условиях Н.М. Рычкову приходилось переводить деятельность учреждений юстиции на рельсы военного времени. Претерпевает серьезные изменения не только кадровый состав Наркомата юстиции СССР и его структура, но и направления и методы работы.

Военная обстановка уже в первые месяцы показала, что правовая система, сложившаяся в довоенный период, продолжала успешно действовать и в резко изменившихся условиях. При жесточайшем испытании на прочность она оказалась жизнестойкой и дееспособной.

Без промедления начал действовать принятый с началом Второй мировой войны закон «О всеобщей воинской обязанности», распространивший в период военного положения эту повинность практически на всех граждан государства. В первый же день войны без промедления была объявлена мобилизация 14 возрастов. Мобилизованные сразу же приносили воинскую присягу.

Наркомат юстиции позаботился о законодательном обеспечении вступления в силу нового Дисциплинарного устава и повышения уголовной ответственности за его неисполнение. Так, дезертирство и самовольные отлучки из части влекли незамедлительное наказание вплоть до расстрела на месте.

Обстоятельства военного времени требовали незамедлительного формирования по линии Наркомюста СССР чрезвычайных органов и в первую очередь замены народных судов на военные трибуналы. Военные условия диктовали необходимость ужесточения уголовных репрессий, устанавливались военно-мобилизационные принципы и в области трудовых отношений.

При непосредственном участии Наркомюста СССР уже в июле 1941 г. издается ряд важнейших указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР, партии и правительства, и среди них такие известные, как «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», а также «Об ответственности за разглашение государственной тайны или за утрату документов, содержащих государственную тайну».

Со стороны Наркомюста СССР предпринимались все законодательные меры, способствующие в самые сжатые сроки превращению страны в единый боевой лагерь, приспособлению ее к условиям войны и всеобщего труда во имя Победы. В мобилизационной деятельности по привлечению населения на всенародную борьбу с врагом выявляется огромная роль советского законодательства. В этом направлении и развернул свою активную деятельность аппарат Наркомата юстиции СССР, которым руководил Н.М. Рычков.

Ставка Верховного Главнокомандующего успешно провела эвакуацию промышленных предприятий в восточные районы страны. Для этой работы был создан Совет по эвакуации при ГКО. В областных центрах создавались отделы эвакуации, на железной дороге – эвакуационные пункты.

Н.М. Рычков, как депутат Верховного Совета СССР, активно включается в работу образованной в ноябре 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Были образованы местные комиссии в республиках, краях, областях и городах. В своей работе комиссии использовали деятельность военных трибуналов.

В первые же дни войны Наркоматом юстиции СССР были разработаны и утверждены нормативные акты, направленные на активизацию работы правоохранительных органов, прокуратуры, суда, органов юстиции и органов по руководству ими. На фронт по призыву, а чаще добровольно, так как государственное бронирование распространялось на квалифицированных специалистов и организаторов производства, уходили лучшие во всех отношениях люди.

Были утверждены штаты центрального аппарата Наркомата юстиции СССР на 1942 г. Нарком Н.М. Рычков сожалел, что произошло сокращение состава сотруд-

ников по сравнению с 1941 г. почти на 40 процентов. Но сотрудники аппарата сами приняли такое решение, и теперь каждый из оставшихся готов был трудиться за двоих. Работали практически днем и ночью, без выходных.

Лично наркому Рычкову в тот напряженный период деятельности наркомата пришлось пережить как бы два этапа вхождения в режим работы в военных условиях. На первом этапе, с начала войны до конца 1942 г., проводились сокращение аппарата, полная его перестройка, закрепление апробированных на практике методов управления, резкое ужесточение законов военного времени. А с 1943 г. начался второй этап с ростом штатов и расходов на их содержание, а также с увеличением сети контрольных органов управления.

Организация работы Наркомата юстиции СССР регулировалась практически исключительно приказами. С 1944 г. наркомат постоянно держал в поле своего зрения и выполнял директивы партии и правительства по восстановлению органов и учреждений юстиции на освобожденных территориях.

После окончания войны постепенно стабилизируется система органов управления. В Наркомате юстиции СССР увеличивается не просто численность сотрудников, но растет число сотрудников, имеющих высшее или среднее специальное образование, многократно снижается текучесть кадров. Нарком проводит реорганизацию всей деятельности ведомства, внедряет концепцию совершенствования деятельности органов юстиции и центрального аппарата. Формируется система научного, экспертно-правового и аналитического обеспечения законотворчества, разворачивается взаимодействие всех структурных подразделений Наркомюста СССР с правовыми и информационно-аналитическими структурами других органов государственной власти Союза ССР и РСФСР, научными учреждениями и организациями.

Законодательство военного времени постепенно вытеснялось из жизни, появлялись естественные для мирного времени нормы. В жизни укоренялось понятие восстановления народного хозяйства и экономики.

Наркомат юстиции СССР был преобразован в Министерство юстиции СССР. Было обращено внимание на совершенствование структуры и организации работы аппарата министерства, на творческое использование вклада приданных ему ученых, на слаженное действие законодательной ветви государственной власти. Большое внимание уделялось подготовке кадров высококвалифицированных правоведов, подходящих по квалификации, профессиональным и психологическим данным для работы в Минюсте, отвечающих специфике развития советского законодательства в новых условиях.

Министр юстиции СССР Рычков делал все возможное, чтобы решить проблему с кадрами ученых. Ставились конкретные задачи по сотрудничеству образовательных и научных учреждений с кадровым аппаратом, другими службами министерства. Для работников народных судов, адвокатуры, нотариата создавались нормальные условия для работы и жизни, принимались все необходимые меры по кадровому укреплению органов юстиции.

Министерством юстиции СССР разрабатывалась программа усиления борьбы с преступностью, планы по активизации законотворческой деятельности. Необходимость осуществления подобных программ диктовалась напряжением криминогенной обстановки в послевоенные годы.

Ужесточались требования к нарушителям трудовой дисциплины в учреждениях, на предприятиях, в колхозах. В ноябре 1946 г. было принято постановление «Об упорядочении работы по исполнению приговоров военных трибуналов в части конфискации имущества». Осужденный по приговору трибунала лишался всяческих прав на имущество, отныне эти права не оставались и за членами его семьи, она практически оказывалась на грани выживания, обрекалась на полное лишение имущества и прав на существование. Подобного не было в законодательстве ни одной страны мира. В январе 1947 г. вышло постановление «О порядке рассмотрения дел о хищениях, разбазаривании, недостачах и порче хлебопродуктов», а в октябре 1947 г. – «Об усилении борьбы с хищениями грузов».

Перед министерством стояла задача чрезвычайно сложная и трудоемкая: следовало в сжатые сроки практически заново, с учетом современных принципов конституционного устройства, сформировать систему законодательства страны.

По книге «На службе закону и справедливости».

И. Андрухович (2002 г.)

САВВИНОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Василий Дмитриевич Саввинов родился 14 января 1924 г. в Якутии. Участвовал в боевых действиях против японских милитаристов. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. Советник юстиции I-го класса. Был членом Верховного Суда ЯАССР. В Министерстве юстиции Республики Саха (Якутия) – главный специалист, начальник исполнительной службы.

Я, Саввинов Василий Дмитриевич, родился 14 января 1924 года в Тыллыкском наслеге Нюрбинского района Республики Саха (Якутия). Мои родители, Дмитрий Егорович и Анна Алексеевна, были неграмотными, занимались скотоводством, земледелием и охотой. Они проживали на аласе Тебюрен, где имели три жилых дома, юрту, постройки для скота и другие хозяйственные строения. У родителей было девять детей: шесть сыновей и три дочери.

В начале тридцатых годов в указанном наслеге были образованы два колхоза: имени Сталина и имени Кирова. Территория колхоза им. Кирова была расположена на участке Чопчу, на правом берегу реки Виллой, а территория колхоза им. Сталина – на левом берегу. В связи с образованием колхозов начали закреплять сенокосные участки для заготовки кормов скоту, принадлежащему колхозникам.

Моим родителям сенокосный участок выделили на озере Большой эбэлээх, которое находилось в восьми километрах от нашего постоянного жительства на аласе Тебюрен. Недалеко от сенокосного участка на берегу озера Большой эбэлээх отец построил юрту для зимовки. Этот участок назывался Курмах Кюрета, туда мы переехали на постоянное место жительства летом 1932 года. В этом же году я поступил учиться в первый класс в начальную школу.

После окончания 9-го класса Нюрбинской средней школы в августе 1942 года меня призвали в ряды Красной Армии. Сперва служил рядовым на станции Мальта

Иркутской области, а потом в январе 1943 года нас отправили поездом в Забайкальский военный округ, где на станции Даурия я служил в качестве командира отделения топографической разведки 653-го артиллерийского полка 210-й стрелковой дивизии 36-й Армии.

В июне 1945 года мне присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром взвода 76-мм орудий 653-го артиллерийского полка. Находясь в этом полку, участвовал в боевых действиях против японских милитаристов в августе 1945 года.

Демобилизовался из рядов Советской Армии в июне 1947 года и осенью поступил в двухгодичную юридическую школу в г. Якутске.

В 1955 году заочно закончил Иркутский филиал Всесоюзного юридического заочного института по специальности «Правоведение».

В 1948–1957 гг. работал в должности судьи сначала Оймяконского района ЯАССР, потом Намского района ЯАССР.

В 1957–1960 гг. являлся членом Верховного Суда ЯАССР. 10 лет, с 1960-го по 1970 год, работал народным судьей Якутского городского суда, а потом до 1998 г. – старшим консультантом по судебному надзору, главным специалистом, начальником исполнительной службы Министерства юстиции Республики Саха (Якутия). Присвоено звание советника юстиции I-го класса.

Летом 1948 года женился на Яковлевой Виктории Михайловне, и с ней мы прожили в течение 54 лет, имеем пятерых детей: трех сыновей и двух дочерей.

Имею правительственные награды: орден Отечественной войны II степени и одиннадцать медалей.

В.Д. Саввинов. Воспоминания

САМОЙЛОВ СЕРГЕЙ АНИСИМОВИЧ

Сергей Анисимович Самойлов родился 24 декабря 1929 г. Ветеран Великой Отечественной войны (житель блокадного Ленинграда). Государственный советник юстиции 2-го класса, Почетный работник Прокуратуры, Почетный работник юстиции, ветеран труда, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

В Минюсте России – зам. начальника Управления конституционного законодательства, Управления судебно-экспертных учреждений.

Государственные награды: медали в ознаменование 50-летия и 60-летия победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., «Ветеран труда», «За спасение погибавших», «В память 850-летия Москвы», знак «Жителю блокадного Ленинграда», Почетная грамота Президиума Верховного Совета СССР. Награжден многими ведомственными медалями и знаками отличия прокуратур СССР и Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации и Центрального совета Всесоюзного общества «Знание».

Сергей Анисимович Самойлов родился 24 декабря 1929 г. в семье рабочих. Родители погибли от голода в блокадном Ленинграде в 1942 г. Воспитывался во Всеволожском детском доме, который в июле 1942 г. был эвакуирован в Горьковскую область. В этой области в городе Павлове закончил художественное ремесленное училище № 34 по специальности гравера по художественной обработке металлических изделий и одновременно – вечернюю среднюю школу рабочей молодежи, затем – Ленинградскую следственную школу Прокуратуры СССР и заочно – юридический факультет Ленинградского госуниверситета, а позднее – и вечерний Университет марксизма-ленинизма при Московском горкоме КПСС.

По окончании художественного ремесленного училища № 34 в этом же училище и начал трудовую деятельность в качестве мастера производственного обучения,

проработав два года. Затем около 40 лет прослужил в органах прокуратуры, пройдя путь от следователя района до старшего помощника Генерального прокурора СССР. Выполнял ряд особо важных заданий. Принял непосредственное участие в разработке ряда крупных законопроектов, в том числе о конституционном надзоре, о Прокуратуре СССР. В течение трех лет (1982–1985 гг.) работал советником Генерального прокурора Республики Куба. В ноябре 1986 года в течение 18 дней участвовал в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в качестве члена Правительственной комиссии и руководителя вахтовой группы прокуроров по осуществлению надзора за точным исполнением законов участниками ликвидации последствий катастрофы в условиях чрезвычайной обстановки в чернобыльской зоне отчуждения. Является одним из авторов ряда книг по вопросам прокурорского надзора.

В связи с ликвидацией в декабре 1991 г. СССР и союзных органов, в том числе и Прокуратуры СССР, в марте 1992 г. был приглашен на работу в Министерство юстиции Российской Федерации, где в течение трех лет работал заместителем начальника Управления конституционного законодательства и начальником отдела законодательства о государственном устройстве. В этот период разработал ряд законопроектов, направленных на расширение полномочий министра юстиции и укрепление органов юстиции, а также непосредственно участвовал в разработке проекта закона о Правительстве Российской Федерации и многих других важных законодательных актов. В последующие годы работал заместителем начальника Управления судебно-экспертных учреждений. На этом посту внес существенный вклад в развитие и укрепление экспертных учреждений Минюста России. Удостоен звания «Почетный работник юстиции». Награжден медалями Анатолия Кони, «За усердие» и рядом других знаков отличия.

В возрасте 68 лет ушел на пенсию (в ноябре 1997 года). Однако активно участвовал в разъяснении законодательства. В последующие годы из печати вышло восемь книг с разъяснениями российского законодательства по вопросам пенсионного обеспечения, наследования, землепользования, защиты интеллектуальной собственности, охраны прав ветеранов войны, труда, боевых действий. С.А. Самойлов один из основных авторов этих книг. Активно сотрудничал с аппаратом Государственной Думы, прорецензировав многие законопроекты. Разработанный им законопроект «О незаконных вооруженных формированиях» был принят депутатами единогласно.

В 2008 г. опубликована первая часть его автобиографических воспоминаний «Прожитые годы не браню». Является автором многих статей правовой тематики в газетах и журналах.

Если по-хорошему, то профессию, как и жену, надо выбирать один раз и на всю жизнь. Не каждому это удается. Ведь выбор приходится делать в молодости, а молодости свойственны ошибки. А еще примешиваются разные жизненные обстоятельства, которые нередко и управляют нами, как бы мы тому ни противились. И бывает, что приходится двигаться не прямолинейно, а зигзагами,

не по асфальтированной дорожке, а по рытвинам и ухабам. Вот такой дорогой я и вышел, в конце концов, на путь профессионального служения Закону, на путь юриста, которым и прошел почти всю свою долгую жизнь. А начинал трудовую деятельность профессиональным художником-гравером, начинал успешно. Вырос до мастера своего дела и стал учить других овладению этой благородной профессией. И поскольку я был всецело увлечен граверным делом и обладал задатками художника, что признавали мои учителя, отправив одну мою большую гравюру, выполненную на металле, в подарок Сталину в честь его семидесятилетия, то, скорее всего, так и прожил бы в этой профессии всю жизнь. Но вмешались обстоятельства: быстро падало зрение, а решить эту проблему с помощью очков не удалось. Вот и пришлось выбирать новую профессию. И я не жалею об этом. В общем-то, считаю, что жизнь сложилась удачно. Грех жаловаться человеку, дослужившемуся на юридическом поприще до генеральских чинов и в органах прокуратуры, и в органах юстиции. Поэтому вышедшую из печати в 2008 году (издательство «Граница») первую часть своих воспоминаний так и назвал: «Прожитые годы не браню».

А начиналась жизнь трудно, как и у всего поколения, к которому я принадлежу, поскольку детство и молодость нашего поколения были опалены войной. Она и оставила свой неизгладимый след в судьбе миллионов моих сверстников.

Я родился в Ленинграде в тяжелое для страны время – в декабре 1929 года, в семье простых заводских рабочих. Причем отец, работая на заводе кузнецом, был совершенно неграмотным человеком, не умевшим даже расписаться. А мне, сразу же подчеркну, Советская власть дала возможность бесплатно окончить пять учебных заведений и получить два высших образования – юридическое и политическое. И я всегда с особой благодарностью отмечаю это.

Война застала меня в дачном поселке близ станции Мельничный Ручей в одиннадцати километрах от северной границы Ленинграда. Я жил в это тревожное время с родителями и старшей сестрой в отдельном деревянном доме с мансардой. Этот дом мы получили от Советской власти в 1934 году и переехали в него из Ленинграда, где проживали в одной из комнат заводского общежития. В нашем распоряжении был и большой участок земли. Жили нормально. Не бедствовали. Отец вышел на пенсию по инвалидности, а мама продолжала работать в Ленинграде на заводе. Ничто не омрачало нашей жизни, пока не началась война. Мне шел двенадцатый год, когда Ленинград и наш район оказались в кольце блокады. Мое детское военное ветеранство выразилось в том, что я участвовал в сооружении солдатских землянок перед нашим домом, вместе со взрослыми и военными осуществлял ночное патрулирование территории поселка в целях обнаружения диверсантов, запускающих ракеты и указывающих мишени для немецких бомбардировщиков, пережил голод ленинградской блокады.

Бомбежки и особенно голод нещадно косили людей. Чем только не питались, борясь за жизнь. Крохами хлеба наполовину с древесными опилками и жмыхом, крапивой и лебедой и даже растопленным в воде вонючим столярным клеем. Нашей семье сначала пришлось съесть свою дворовую собаку, а затем и собаку соседки.

Родители, спасая нас, обделяли себя во всем. Мы с сестрой выжили, а они погибли голодной смертью: 10 февраля 1942 года умер отец, а 15 мая того же года – мама. Они похоронены в братских могилах. После смерти родителей военные разместили в нашем доме штаб, поскольку дом был зимним, а мне и сестре велели идти во Всеволожский детский дом, куда мы и отправились. А 1 июля 1942 года всех воспитанников детского дома через Ладожское озеро на двух пароходах вывезли из блокадного Ленинграда «на большую землю». Пароходы сопровождались военными катерами и истребителями, но немецкие самолеты нас все-таки бомбили (через иллюминаторы я видел на волнах разрывы бомб). Наш детский дом был эвакуирован в Горьковскую область. Так закончилось мое печальное десятилетнее проживание в блокаде.

В Горьковской области детский дом разместился в большом и красивом селе Филинское в двух двухэтажных деревянных бараках, принадлежащих местной слюдяной фабрике, передавшей нам все свое хозяйство. Как ни тяжело было стране, но о детдомовцах проявлялась постоянная забота. Мы были обуты, одеты и накормлены, учились в школе, имея все необходимые учебники. У каждого были лыжи. Имелся и другой спортивный инвентарь. Были и музыкальные инструменты: гитары, мандолины, балалайки. Девочки обеспечивались вышивальными нитками. Была хорошая библиотека. И прекрасные воспитатели, приехавшие вместе с нами из Ленинграда. С первого же дня мы участвовали в колхозных работах: ходили на прополку, убирали картошку, очищали капусту от тлей, собирали горох, работали даже на молотилках. Во многом обслуживали себя сами. Я, например, участвовал в ремонте обуви детдомовцев, заготовке дров, оштукатуривании помещений, обновлении кровли бараков новой дранью (научился забивать длинный драночный гвоздь с двух ударов). Вдвоем с местным мастером покрыл дранью служебные помещения паточного завода, заработав на новый костюм. Мы жили полнокровной жизнью. И вряд ли у кого-то из нас повернется язык на худое слово о том времени. И в своей поэме я выразил это такими словами: «В детдоме был я приучен к труду, к порядку, к дисциплине».

В детском доме прожил шесть лет, закончил 8 классов и с учетом проявившихся способностей к рисованию 1 сентября 1947 года был принят на учебу в Павловское художественное трехгодичное ремесленное училище №34, готовившее граверов-художников по металлу по трем специализациям. Как и все, находился на полном государственном обеспечении. После успешного окончания училища по специальности гравера по художественному оформлению металлических изделий был назначен в этом же училище мастером производственного обучения учащихся третьего курса. Одновременно с училищем окончил вечернюю среднюю школу рабочей молодежи. Тоже бесплатно. Поскольку слабеющее зрение не позволяло совершенствоваться в граверном мастерстве, я по рекомендации Павловского горкома партии (в училище был принят в члены коммунистической партии, чем был чрезвычайно горд) после двух лет работы мастером производственного обучения поступил в двухгодичную Ленинградскую следственную школу Прокуратуры СССР.

Бесплатное общежитие и стипендия в 460 рублей позволяли прожить два года без проблем. По окончании школы был направлен в распоряжение прокуратуры Курской области, где приступил к работе в должности следователя районной прокуратуры. Так началась моя деятельность прокурорского работника в чине младшего юриста. Сразу же поступил на заочное отделение юридического факультета Ленинградского госуниверситета и в течение шести лет учился в этом университете за счет государства, за что приношу советской власти огромную благодарность. Постепенно рос по службе: старший следователь, прокурор следственного отдела, заместитель начальника следственного отдела прокуратуры области.

В 1967 году в Курск с проверкой по вопросам борьбы с преступностью прибыла большая бригада ЦК КПСС (20 человек) во главе с заведующим сектором административного отдела ЦК Сухаревым Александром Яковлевичем, впоследствии ставшим Генеральным прокурором СССР. Представителем Прокуратуры СССР в этой бригаде и руководителем группы прокурорских работников центрального аппарата был заместитель начальника следственного управления Тюрин Сергей Васильевич. Мне пришлось с ними тесно общаться в ходе проверки и даже вместе с Сухаревым и Тюриным выехать в Тимский район с проверкой. Работа прокуратуры области получила хорошую оценку со стороны московской бригады. Высоко были оценены и мои деловые качества. Сухарев и Тюрин сочли целесообразным пригласить меня на работу в Прокуратуру СССР, что меня и удивило, и обрадовало, так как я и в мыслях не держал возможности работать в центральном аппарате высшей прокурорской инстанции.

В Москву я переехал уже состоявшимся прокурорским работником в чине советника юстиции, имея за плечами 13 лет стажа. Я увозил с собой жену, сына и дочь. Москва приняла нас радушно. Несмотря на середину учебного года, жена рядом с домом получила работу в школе, причем с большой нагрузкой часов, в результате ее зарплата оказалась намного выше моей – 250 рублей (у меня – 150). Сразу же рядом с домом без каких-либо проблем устроили и дочь в детский сад.

В следственном управлении Прокуратуры СССР я быстро набирался опыта. Объездил с проверками всю страну, дважды побывал в служебных заграничных командировках. Рос по службе: прокурор следственного управления, прокурор-методист следственного управления (с персональным окладом), заместитель начальника следственного управления и одновременно помощник Генерального Прокурора СССР. По этой должности Указом Президиума Верховного Совета СССР мне был присвоен первый «генеральский» чин – чин государственного советника юстиции 3-го класса. В этот период пришлось проделать огромную работу по сохранению в прокуратуре следственного аппарата, на который претендовал тогдашний влиятельный Министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков. Вопрос в 1978 году обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС под председательством Л.И. Брежнева. Политбюро заняло сторону Прокуратуры СССР в принципиальном споре с МВД СССР, ибо сохранение в органах прокуратуры следственного аппарата для расследования наиболее опасных преступлений способствовало высокой

эффективности прокурорского надзора за законностью. В этот же период мною был разработан ряд проектов законов, направленных на укрепление законности в деятельности следственного аппарата, которые по представлению Генерального Прокурора СССР Р.А. Руденко были приняты Верховным Советом СССР.

В июне 1982 года по обращению кубинской стороны и по решению секретариата ЦК КПСС Генеральный Прокурор СССР А.М. Рекунков командировал меня в Республику Куба в качестве советника Генерального прокурора этой страны сроком на один год. Но по просьбе кубинской прокуратуры проработал там три года, делясь опытом работы советской прокуратуры и консультируя по различным вопросам организации прокурорского надзора. Особенно горжусь тем, что по поручению Генерального прокурора Кубы разработал для них проект закона о прокуратуре Республики Куба с учетом кубинской специфики, за что мне кубинской стороной официально была выражена благодарность.

По возвращении на Родину в июне 1985 года был назначен начальником отдела (на правах самостоятельного управления) по систематизации законодательства и пропаганде советских законов, позднее преобразованного в отдел законопроектной работы. Одновременно был назначен старшим помощником Генерального Прокурора СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР мне был присвоен очередной чин – чин государственного советника юстиции 2-го класса.

В этой должности мне довелось выполнить ряд особо важных поручений Генерального Прокурора СССР А.М. Рекункова. Так, в ноябре 1986 года выехал в Чернобыль для завершения вахтового участия работников Прокуратуры СССР в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Являлся членом правительственной комиссии и одновременно в течение восемнадцати дней руководил вахтовой группой прокуроров по осуществлению надзора за точным исполнением законов участниками ликвидации последствий катастрофы. За активное участие в этой работе указом Президента Российской Федерации награжден медалью «За спасение погибавших». Во главе группы прокуроров выезжал в Баку для выполнения поручения М.С. Горбачева о проверке обоснованности решения пленума ЦК компартии Азербайджана об освобождении прокурора Азербайджанской ССР Г.А. Мамедова от должности и исключения из партии. По подготовленным мною материалам партийной комиссией ЦК КПСС Г.А. Мамедов был восстановлен в партии. В Верховном Суде СССР выступил в качестве государственного обвинителя в большом уголовном процессе по делу группы банкиров советского зарубежного банка, преступными действиями которых государству был причинен колоссальный ущерб. Преступники приговорены к лишению свободы. Также в Верховном Суде СССР вновь выступил государственным обвинителем в крупном уголовном процессе по делу витебского маньяка Михасевича, совершившего на протяжении 14 лет убийство 38 женщин. Судебная коллегия согласилась с моим требованием и приговорила убийцу к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. Непосредственно занимался разработкой проекта Закона о дополнении Закона о Прокуратуре СССР. Наши предложения Верховным Советом СССР были приняты, и

на тот период Закон о Прокуратуре СССР давал в руки прокуроров эффективные средства для успешной борьбы с любыми нарушениями законов.

К сожалению, в период затеянной Горбачевым во второй половине восьмидесятых годов так называемой перестройки и беспредельной гласности органы прокуратуры подверглись со стороны средств массовой информации бездумной обструкции и шельмованию, что способствовало ослаблению борьбы с преступными проявлениями местничества и национализма. Прокуратура под влиянием безвольной и неразумной политики руководителя СССР Горбачева оказалась праздным наблюдателем по сути преступного уничтожения страны в декабре 1991 года. Я, как и миллионы истинных патриотов, тяжело переживал гибель великой и процветающей державы. Эта боль не проходит и спустя почти двадцать лет. К тому же обидно сознавать, что никто из виновников трагедии вселенского масштаба так и не понес наказания, а некоторые из них даже процветают и возвеличиваются на государственном уровне. Любая несправедливость гнетет. А такого уровня – тем более.

В связи с ликвидацией союзных органов, в том числе и Прокуратуры СССР, я вышел на пенсию по возрасту и выслуге лет, хотя еще был полон сил. В марте 1992 года был приглашен на работу в Министерство юстиции Российской Федерации и назначен заместителем начальника Управления конституционного законодательства и начальником отдела законодательства о государственном устройстве. Участок работы оказался на редкость острым и злободневным. Вся государственная политика новой России, реализуемая через законопроекты, пошла через меня. Нелегко было противостоять многочисленным проектам министерств и ведомств. По поручениям руководства Минюста я мотался по различным комиссиям, представляя Минюст и отстаивая интересы государства и закона.

Ограничусь двумя примерами. В первом случае на заседании правительственной комиссии под председательством заместителя председателя Правительства России (за давностью лет я уже забыл его фамилию, но помню, что фамилия у него была грузинская) среди многих вопросов обсуждался и проект постановления Правительства о выделении Калмыкии 50 млн рублей на восстановление мечети в Элисте. Когда подошли к обсуждению данного проекта, то присутствующие министры и заместители министров почему-то замолчали. Пауза затянулась, и я решил вмешаться. С возмущением стал говорить о том, что в такое сложное для страны время (1992 год) предлагается выделить огромную сумму на восстановление мечети. Если, сказал я, верующие так нуждаются в этой мечети, то и пусть восстанавливают ее за свой счет, а не за счет государства. Меня сразу же поддержал министр Тишков, а следом за ним – и многие другие. Предложение о выделении денег было решительно отвергнуто. А зам. Председателя Правительства выразил возмущение неподготовленностью вопроса. Его помощник похвалил меня за правильный и принципиальный подход к решению проблемы.

Второй пример связан с участием в одном из заседаний Президентской комиссии по гражданству, членом которой являлся министр Федоров. Федоров отправил меня. Обсуждался вопрос о допустимости двойного гражданства. На этом особенно рьяно

настаивал член комиссии писатель Войнович, имевший к тому времени двойное гражданство. Я выступил против. Но признал возможность в порядке исключения иметь двойное гражданство только гражданам бывших союзных республик СССР. То есть наряду с гражданством своей республики им можно было разрешить при желании приобретать гражданство Российской Федерации. Естественно, я обосновал свою позицию и попутно высмеял позицию Войновича. И на этот раз большинство членов комиссии со мной согласилось. К сожалению, в последующие годы столь важный принцип в российском законодательстве о гражданстве был нарушен.

В Минюсте я пережил пять министров – Федорова, Колмыкова, Ковалева, Степашина и Крашенинникова. С каждым удалось решить ряд весьма важных проблем.

Приятные воспоминания остались от общения с Н.В. Федоровым. Еще когда я работал в Прокуратуре Союза, я опубликовал в «Советской России» статью «Зуд реорганизации» (04.08.1990), в которой подверг Федорова резкой критике за высказанное им в 27-м номере еженедельника «Коммерсант» амбициозное заявление о том, что он «в ближайшее время... собирается осуществить объединение аппарата Министерства юстиции с прокуратурой». Поэтому полагал, что дорога в Минюст для меня закрыта. Но Федоров не только не затаил на меня обиды, а напротив, доверил возглавить важное направление работы Минюста – вопросы законодательства о государственном устройстве. И в дальнейшем относился ко мне с доверием. Лишь в одном случае он со мной не согласился (полагаю, по политическим соображениям), когда я дал заключение о законности антиельцинского Устава «Фронта национального спасения», созданного небезызвестным Константиновым. Суматошное было время. А вообще, Федоров был постоянно нацелен на повышение роли Минюста в системе государственных органов и вопреки мнению всех членов коллегии поддержал мое предложение о наделении Минюста следственными функциями по некоторой категории дел о должностных преступлениях. По его поручению мною был подготовлен соответствующий законопроект, который Федоров представил Ельцину. Но Ельцин посчитал нецелесообразным создавать дополнительный силовой правоохранительный орган. Годы спустя Минюст все-таки стал таковым, хоть и в другом качестве. А тогда, при Федорове, сумбурная ельцинская власть так увлеклась «демократизацией» прав субъектов Федерации, что на законодательном уровне даже лишила министра юстиции России права хотя бы принимать участие в назначении министров и начальников управления юстиции в республиках, краях и областях, что прошло мимо внимания руководителей федерального Министерства юстиции. Министр юстиции Российской Федерации оказался генералом без армии, имевшим в своем подчинении лишь работников центрального аппарата. Каким бы нескромным человеком в чьих-то глазах я не выглядел, но с удовлетворением скажу, что именно мною было обращено внимание Федорова на эту нелепость. Он дал поручение начальнику Управления кадров Дементьеву подготовить соответствующий законопроект. А когда через месяц министр поинтересовался исполнением его поручения, то оказалось, что никто

из обязанных исполнить это поручение и не шелохнулся. Естественно, Федоров возмутился. По поручению его заместителя С.М. Юдушкина я не только срочно подготовил законопроект, но и предварительно согласовал его с руководителями трех профильных комитетов тогдашнего Верховного Совета РСФСР, убедив их в необходимости наделения Министра юстиции России правом назначения (пусть и по согласованию с органами власти субъекта Федерации) руководителей местных органов юстиции. И такой закон был принят. Министр юстиции Российской Федерации стал действительно полноправным руководителем органов юстиции страны.

А при сменившем Федорова Министре юстиции Российской Федерации Ю.Х. Колмыкове мне довелось решать еще более трудную задачу. Исполняющий в то время обязанности руководителя Правительства Российской Федерации Гайдар поручил Министерству юстиции срочно подготовить проект закона о Правительстве Российской Федерации. Юрий Хамзатович поручил подготовить такой проект мне в десятидневный срок, освободив меня от всей текущей работы, которая на возглавляемый мною отдел шла валом в связи с необходимостью приведения всего законодательства в соответствие с новой Конституцией Российской Федерации. Конечно, работать пришлось не с голого листа. Уже был подготовлен заместителем Гайдара Шахраем хотя и весьма легковесный, но все же проект закона о Правительстве Российской Федерации. Кроме того, различные направления деятельности Правительства определялись во многих правовых актах разного уровня. Имея эту правовую базу, я и разработал проект закона о Правительстве Российской Федерации, сделав упор на ответственность Правительства перед страной и народом за каждое конкретное направление деятельности, на необходимость регулярного отчета Правительства и отдельных его членов перед парламентом и народом как в целом о проделанной работе, так и по отдельным направлениям, расписав процедуру таких отчетов. Проект получился очень жестким для Правительства и его министров. И хотя Колмыков полностью согласился с подготовленным мною проектом, но не скрывал своей озабоченности тем, что с такими жесткими требованиями в Правительстве могут и не согласиться. Поэтому «на всякий случай» поручил подписать проект своему первому заместителю В.М. Кузьмину, что тот и сделал, тоже согласившись с проектом.

Проект ушел в Правительство. Но там его в аппарате Правительства настолько выхолостили, упростили, убрав всякое упоминание о какой-либо ответственности Правительства, что этот закон потерял всякий смысл. Когда в таком виде проект поступил к Колмыкову, он попросил меня ничего не переделывать, а только проверить, не допущены ли какие-либо правовые ошибки. Небольшие ошибки действительно были, мы обратили на них внимание, и Колмыков, к сожалению, подписал проект. В таком виде он и был воплощен в закон. И я не припомню случая, чтобы кто-то, где-то, когда-то на него ссылался.

Поскольку большую часть своей жизни я посвятил следственной работе, то, как только появилась вакансия заместителя начальника Управления судебно-

экспертных учреждений, попросил руководство Минюста назначить меня в это управление. Моя настойчивая просьба в конце концов была удовлетворена. Я с большим интересом окунулся в близкую мне по духу работу и могу утверждать, что кое-что сделал для укрепления и развития экспертных учреждений Минюста, в том числе для укрепления их материальной базы и создания региональных центров судебной экспертизы. Нам удалось добиться принятия Правительством Российской Федерации постановления, по которому подчиненные непосредственно Минюсту научно-исследовательские лаборатории судебной экспертизы были преобразованы в лаборатории судебной экспертизы с акцентом на решение практических задач, стоящих перед следственными и судебными органами. В этот период при министре Ковалеве пришлось выдержать трудную борьбу за сохранение в непосредственном подчинении Минюста лабораторий судебной экспертизы. В условиях крайне ограниченного федерального финансирования работы этих лабораторий в ряде субъектов Российской Федерации стали предприниматься попытки переподчинить их местным органам власти. А президент Башкирии Рахимов бесцеремонно издал указ о признании Башкирской лаборатории собственностью республики. Во исполнение этого указа Правительство Башкирии издало постановление о подчинении лаборатории Министерству юстиции республики Башкортостан. Министр юстиции республики издал приказ о создании комиссии по приему лаборатории и ее имущества. На наши письма о незаконности всех этих действий президент Рахимов отвечал отказом под предлогом неудовлетворительного финансирования деятельности лаборатории со стороны Минюста России. Право, забавное было время. Если один президент считал возможным расстреливать из пушек законно избранный российский парламент, то почему президенту Рахимову нельзя присвоить в пользу республики учреждение прямого федерального подчинения со всем его имуществом. Тем более, если федеральная власть не имеет средств финансировать это учреждение, а республиканская власть имеет. Вот такие были времена. И ничего не оставалось делать, как бить тревогу, теребить Минфин о немедленном выделении денег и идти на унижительные уговоры Рахимова, чтобы он не своевольничал. А у Ковалева по Положению о Министерстве юстиции Российской Федерации не было права отменить даже незаконный приказ министра юстиции республики.

– Так что же будем делать? – спросил меня Ковалев, не скрывая некоторой растерянности.

– Полагаю, что следовало бы командировать Юдушкина в Уфу на встречу с Рахимовым, проявив тем самым к нему уважение, и убедить его в необходимости отмены незаконного указа и всех правовых актов, изданных во исполнение этого указа, – ответил я.

Ковалев досрочно отозвал Юдушкина из отпуска и командировал в Башкирию на переговоры с Рахимовым. Юдушкин взял меня с собой. Беседа с Рахимовым прошла очень дружелюбно. Рахимов вовсе не ругал Ельцина за бездарное управление страной, похвастался тем, что он и в президенты-то пошел, когда увидел, какой бардак устроила в стране федеральная власть, что он ничто не стал разрушать, сохранил все колхозы,

все названия центральных улиц, носящих имена Ленина и других выдающихся деятелей советской эпохи. Рахимов произвел на меня хорошее впечатление. А наша с ним достаточно продолжительная встреча и откровенная беседа завершилась тем, что в тот же день были отменены все незаконные правовые акты, принятые в отношении Башкирской лаборатории, и нам вручены копии этих документов.

Что касается краткого периода работы Степашина Сергея Вадимовича в должности министра, то с удовлетворением могу отметить о проведении в этот период весьма крупного мероприятия – двухдневного всероссийского совещания в городе Ростове по проблемам развития учреждений судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации и повышения уровня экспертных исследований. Мною были сделаны основной и заключительный доклады с анализом положения и определения направлений совершенствования работы.

Совсем немного пришлось поработать под руководством Министра юстиции П.В. Крашенинникова. Могу лишь отметить, что к этому периоду непосредственно мною была разработана программа развития учреждений судебной экспертизы, которая достаточно успешно реализуется Минюстом в настоящее время.

Имея право на прокурорскую пенсию по выслуге лет, и в связи с ухудшением состояния здоровья (являюсь инвалидом 2-й группы третьей степени нетрудоспособности) в ноябре 1997 года уволился по собственному желанию. С того времени и веду образ жизни пенсионера и ветерана органов прокуратуры и юстиции. О работе в этих органах вспоминаю с большой теплотой. И должен признать, что именно работа в Министерстве юстиции Российской Федерации значительно расширила мой не только юридический, но и политический кругозор. И при всех пяти министрах посчастливилось делать свое дело так, чтобы укреплялась и развивалась система. Это главное. А в особо положительном плане выделить хотел бы Федорова, Колмыкова и Крашенинникова. Общаться с ними по делам службы было легко и приятно. Но еще более хотелось бы выделить заместителя министра юстиции Юдушкина Станислава Марковича, который привил мне высокую культуру работы с законами и законопроектами, что особенно помогло мне в дальнейшем, уже в период пребывания на пенсии, когда по авторским договорам с различными издательствами разъяснял и комментировал действующее законодательство, рецензировал для Государственной Думы законопроекты.

А еще хочу выразить сердечную благодарность общественной организации «Ветераны юстиции», членом которой являюсь с первого дня ее существования. Руководители этой организации Орлов Ю.Д., Шачнев В.И., Клокун Ю.И., Каневская Л.С. проявляют большую заботу о ветеранах юстиции, умело поддерживают хорошие отношения между ветеранами, создавая многочисленными мероприятиями живое общение бывших работников юстиции. Ветераны таким образом чувствуют неразрывную связь с Министерством юстиции, службе в котором отдали многие годы своей жизни. Это очень важно и необходимо для ветеранов. Они хотят очень немного – чтобы их помнили.

С.А. Самойлов. Воспоминания. 2009 г.

САМОЩЕНКО ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

Иван Сергеевич Самощенко родился 29 октября 1925 г. Воевал в составе Южного и Украинского фронтов, участвовал в разгроме войск в Донбассе, форсировании Днепра, Яссо-Кишиневской операции, освобождении Румынии и Венгрии. В 1944 г. был ранен, а в 1947 г. демобилизовался. И.С. Самощенко награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени, медалью «За победу над Германией» и другими. И.С. Самощенко известный ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии сравнительного права. Заслуженный деятель науки РСФСР, он был директором ВНИИ советского законодательства, первым заместителем Министра юстиции СССР.

Иван Сергеевич Самощенко родился 29 октября 1925 г. в станице Гуляй-Борисовка Мечетинского района Ростовской области.

Важной и значительной была комсомольская юность Ивана Самощенко, ушедшего на фронт в первые дни Великой Отечественной войны. До войны он учился в Институте механизации сельского хозяйства в Ростовской области.

Иван Сергеевич Самощенко воевал в составе гвардейской стрелковой дивизии, сформированной на базе 7-го воздушного корпуса в июле 1942 г. В апреле 1943 г. дивизия поступила в резерв командования Южного фронта и передана 5-й Ударной армии, где вошла в состав формируемого 31-го гвардейского стрелкового корпуса.

И.С. Самощенко был участником Миусской операции, во время которой 34-я гвардейская дивизия находилась на направлении главного удара. В результате опе-

рации была скована крупная группировка противника в Донбассе, что не позволило гитлеровскому командованию снять отсюда войска и перебросить их под Курск, где решалась судьба всей летне-осенней кампании 1943 г.

С марта по ноябрь 1943 г. И.С. Самощенко воевал в рядах 105-го гвардейского стрелкового полка в качестве 1-го номера ПТР.

17 августа 1943 г. началось наступление, во время которого 34-я гвардейская стрелковая дивизия, проявляя беззаветную храбрость, прорывала оборону противника.

В сентябре 1943 г. приказом Верховного Главнокомандующего отличившимся в боях за овладение Донбассом соединениям и частям присваивались почетные наименования освобожденных ими городов, а всему личному составу объявлялась благодарность. С этого времени 34-я гвардейская стрелковая дивизия стала именоваться 34-я гвардейская Енакиевская стрелковая дивизия.

И.С. Самощенко встретил 1944 г. на запорожской земле. В феврале того года за прорыв вражеской обороны на правобережной Украине и разгром противника под Апостолово Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

В период с декабря 1943 г. по май 1944-го И.С. Самощенко сражался в рядах 103-го гвардейского стрелкового полка.

В августе 1944 г. И.С. Самощенко принимал участие в тяжелых наступательных боях на Молдавской земле по форсированию Днестра и занятию заданных высот в Яссо-Кишиневской операции, в изгнании на своем участке немецко-фашистских захватчиков за пределы нашей Родины, в освобождении народов Европы. Части дивизии преследовали противника по территории Румынии в южном направлении вдоль Дуная.

В октябре 1944 г. части 34-й дивизии участвовали в Дербетенской операции, в ходе которой была освобождена 1/3 территории Венгрии.

В архиве Минюста России сохранился фрагмент фронтовой газеты, на которой помещен снимок фотохроники ТАСС. Приведем подпись к нему: «Иван Самощенко лично истребил около 50 гитлеровцев, сжег два танка и более десятка вражеских автомашин... Не только хороший воин, но и один из лучших агитаторов части. За смелые боевые дела гвардии старшина Иван Самощенко награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени».

В январе 1944 г. И.С. Самощенко был ранен и находился на излечении в госпитале. А с июня 1945 г. по июнь 1947-го служил в артбригаде при Артакадемии им. Дзержинского помощником начальника политотдела по комсомольской работе.

И.С. Самощенко награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Славы III степени, медалью «За победу над Германией» и многими другими.

Разгромив врага, русский солдат Иван Самощенко вступил в новую жизнь. Его ждала карьера ученого-юриста и государственного деятеля. В 1952 г. он с отличием закончил Московский юридический институт. В 1964 г. стал доктором наук.

С 1956 г. работал в журнале «Советское государство и право», начиная с 1960-х гг. по 1978 г. – во Всесоюзном институте юридических наук, затем названном ВНИИ советского законодательства, где прошел путь от старшего научного сотрудника до директора института. С 1978 г. – заместитель Министра юстиции СССР, первый заместитель Министра юстиции СССР. Сферу научных интересов И.С. Самощенко составляли проблемы философии права, общей теории государства и права, вопросы компьютеризации и систематизации законодательства. Его научная деятельность была направлена на исследование актуальных и малоразработанных вопросов права, его эффективности, законности и борьбы с правонарушениями, систематизации и кодификации законодательства. Он автор более 150 научных трудов, отличающихся остротой и глубиной теоретического анализа.

Вклад И.С. Самощенко в юридическую науку огромен и важен, он впервые в советской литературе связал понятие законности с определенной формой государственного строя – с демократией. Выдающийся ученый-юрист являлся идеологом проведения последней официальной систематизации советского законодательства. Под его руководством был подготовлен Свод законов СССР, источник и памятник правотворчества советской эпохи, который для будущих поколений представляет собой образец работ по инкорпорации законодательства и высокого профессионального мастерства.

САФРОНОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Алексей Дмитриевич Сафронов родился 8 марта 1925 г. Был призван на военную службу в запасной стрелковый полк в 1943 г., когда ему исполнилось 18 лет. Затем он закончил Куйбышевское военно-пехотное училище по специальности командир минометного взвода. С ноября 1944 г. по апрель 1945-го находился в резерве в г. Горьком, после чего в составе 215-й стрелковой дивизии участвовал в войне с Японией в составе Дальневосточного фронта. Будучи офицером связи штаба дивизии, принимал участие в операциях по освобождению городов Мулины, Мунацдзяна.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др.

Полковник юстиции. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник юстиции России. В Минюсте СССР – старший инспектор Управления военных трибуналов, главный консультант Управления делами.

На 83-м году жизни, будучи уже инвалидом, пенсионером и полковником юстиции в отставке, я хорошо помню свои тяжелые годы детства и юности, родившись и проживая в то время в небольшом поселке на земле тамбовской в семье крестьянина-бедняка. Семья состояла из отца, матери и нас, семерых несовершеннолетних детишек. На заработанные в колхозе трудовые мы практически ничего не получали и питались в основном за счет собственного огорода.

Когда же колхоз окреп и мы стали жить лучше, началась Отечественная война. Отец и старший брат, а потом и я были мобилизованы в армию, а две старших сестры – на трудовой фронт. Осталась мать с тремя.

В годы войны был я и солдатом, и курсантом военного училища, и офицером связи штаба 215-й гвардейской Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, переброшенной в 1945 году с Запада на Восток и вошедшей в состав 1-го Дальневосточного фронта. В составе этой дивизии принимал участие в боях против японских империалистов, за что награжден боевым орденом Красной Звезды, имея в общей сложности три ордена и 25 медалей, в том числе «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Победоносно закончилась война, причинившая нам неисчислимые жертвы, начался послевоенный восстановительно-перестроечный период, который, к сожалению, практически продолжается до сих пор.

Лично для всех эти годы были борьбой за жизнь, жаждой получить соответствующее образование, профессию и работу, которая, в конечном счете, выразилась в 43-летней службе в армии и на флоте в качестве секретаря военного трибунала, слушателя Военно-юридической академии, военного судьи в течение 18 лет, старшего инспектора Управления военных трибуналов, а после увольнения в 1986 г. – старшего инспектора Минюста СССР до его ликвидации..

За заслуги в укреплении соцзаконности Президиумом Верховного Совета РСФСР Указом от 31.11.1983 г. мне было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Так что сбылась моя давняя мечта стать работником судебных органов, и в них на различных должностях я проработал 45 лет.

Не могу без чувства волнения и благодарности не назвать таких замечательных юристов-судей и толковых руководителей-наставников, с которыми мне посчастливилось непосредственно и последовательно служить и работать – это фронтовики: Остапенко Т.Я., Горбачев Н.Е., Глазков А.Д., Баштовой, Фрадков Е.Б., Санжаревский, Иваненко Ф.Ф., Поляков Н.М., Полонский Б.Я., всеми нами уважаемый Максимов С.С. и многие другие, привившие мне привычки, знания в работе и любовь к профессии.

В морально-бытовом и семейном плане замечательной помощницей в моей жизни была и есть моя любимая жена – Раиса Петровна, с которой при полном и правильном взаимопонимании прожил 55 лет. Она мирилась с моими частыми и продолжительными командировками, а также перемещениями по службе и отсутствием жилья, мизерным должностным окладом секретаря. Она практически одна воспитала наших двоих детей, внуку и внука, а сейчас помогает воспитывать двоих правнуков. За все это я говорю ей: «Спасибо».

А.Д. Сафронов. Воспоминания. 1 июня 2007 г.

СЕВЕРИН ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

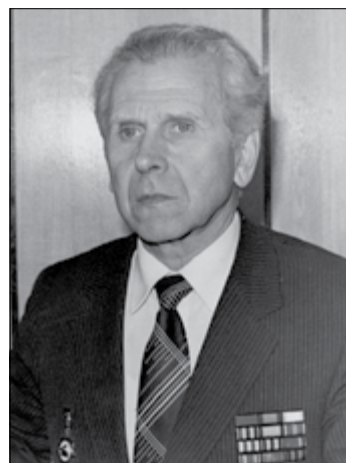
Юрий Дмитриевич Северин родился 31 марта 1924 г. Участвовал в боях в составе Северо-Западного, Западного, 3-го Белорусского фронтов. Контужен в 1944 г. Гвардии старший сержант.

Награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, медалью «За боевые заслуги» и др.

Ветеран боевых действий в Афганистане (советник). Первый заместитель Министра юстиции РСФСР (1974–91 гг.).

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России.

Ю.Д. Северин автор книги «Молнией небо расколото».

Автор написал увлекательную летопись заслуженной воинской части – трижды орденноносного реактивного артиллерийского полка. Описанные в книге впечатления основаны на личном опыте ведения огня из ракетной установки «катюша», повергавшей врага в панический ужас.

Написанное создает реальную картину войсковых операций Северо-Западного, Западного и 3-го Белорусского фронтов, в которых участвовал полк. Автором исследуются истоки патриотического порыва, когда, не считаясь со смертельной опасностью, гвардейцы-ракетчики встречали немецкую пехоту и танки дерзким огнем прямой наводки с открытых позиций.

Наряду с описанием военных действий в книге содержатся воспоминания о ряде интересных эпизодов мирного времени, связанных с борьбой за либерализацию правосудия и искоренение коррупции.

Будучи консультантом высшего органа правосудия Союза ССР, членом Верховного Суда РСФСР и ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС, курировавшим проблемы правосудия, Ю.Д. Северин проявил недюжинные аналитические способности. При его определяющем влиянии в период работы первым заместителем

Министра юстиции России закладывались основы демократизации судопроизводства, принципы защиты прав и свобод личности, строжайшего соблюдения законности.

На его долю выпала основная тяжесть забот по воссозданию системы органов юстиции в Российской Федерации, после преодоления волюнтаристского курса Н.С. Хрущева, отразившегося в непродуманности реорганизации управления в стране. Именно Ю.Д. Северину принадлежит роль генератора, задающего тон строительству всего каркаса здания юстиции на громадных евроазиатских просторах нашего федеративного государства.

Предметом его постоянной и компетентной заботы были кадры судов и многопрофильных служб юстиции. Нужно было найти квалифицированных, нравственно чистых людей на должности председателей областных и краевых судов, министров и начальников управлений органов юстиции автономных республик, краев и областей, председателей коллегий адвокатов; заново сформировать систему переподготовки кадров судей, адвокатов, нотариусов, судебно-экспертных учреждений, наладить взаимодействие Минюста с научными учреждениями. Велика заслуга Ю.Д. Северина в становлении и развитии системы правового воспитания населения.

Предисловие к книге С.Ю. Северина «Молнией небо расколото».

А.Я. Сухарев, в 1990-е годы Министр юстиции России (2004 г.)

Мемуаров об Отечественной войне великое множество. Все написанное в них бесценно. Но все же есть и то, о чем – пусть не в столь высоком жанре – можно сказать дополнительно и более откровенно, в том числе о весьма интересном, ранее не дозволенном.

Автор не был крупным командиром. Воспоминания основаны на его опыте рядового «пахаря войны», в течение двух с половиной лет участвовавшего в ведении залпового огня по противнику в качестве командира боевой машины БМ-13, известной как легендарная «катюша», и заместителя командира огневого взвода, занимавшегося наведением орудий на цели. Целостности впечатлений способствовало то, что с полком был пройден весь его боевой путь – от момента его формирования до Дня Победы. Поэтому эти воспоминания – взгляд на поле боя не из тыловой базы, а через прицел бьющего по врагу орудия.

Автор делает попытку вспомнить и проанализировать отдельные ситуации и эпизоды боевой деятельности: ведение огня, дуэли с немецкой артиллерией, борьба с танками и авиацией противника, фронтовые дороги, быт в полевых условиях. Особая страница, естественно, посвящена героизму и светлой памяти боевых товарищей.

Весь материал о боевых действиях полка привязан к важнейшим операциям Северо-Западного, Западного и 3-го Белорусского фронтов. Это и позволяет надеяться, что написанное может дать не отрывочное, а вполне законченное представление о пройденном боевом пути, огромных возможностях легендарного реактивно-артиллерийского оружия и трудностях его применения.

Помимо периода Великой Отечественной войны, воспоминания охватывают послевоенные годы. Автору довелось работать в аппарате Центрального Комитета

КПСС, в высших судебных инстанциях, в Министерстве юстиции Российской Федерации. Воспоминания касаются малоизвестных фактов противодействия первым шагам либерализации уголовного правосудия, подхода к борьбе с коррупцией, неудачных попыток силовым образом привести Афганистан на путь «прогрессивного» развития, чувствительных для интересов страны кадровых решений в отношении отдельных руководителей правоохранительных органов.

Личная судьба позволила быть свидетелем и участником событий, которые самым неожиданным образом переплелись в довольно причудливую картину.

Вчерашнему школьнику вдруг доверили командовать боевым расчетом мощной секретной ракетной установки. Затем сержант Красной Армии, получивший свой «Георгиевский крест» (ныне орден Славы) за подписью секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина, спустя 12 лет будет работать вместе с ним в Верховном Суде СССР. И еще. Кто бы мог подумать, что через двадцать лет автор в качестве члена делегации судебных работников, возглавляемой Председателем Верховного Суда СССР А.Ф. Горкиным, будет приглашен в Берлинский оперный театр на Унтер-ден-Лин-ден в ложу Гитлера и его ближайших сподвижников. В свое время, сидя в мокром, обстреливаемом окопе, допустить мысль, что подобное может когда-нибудь случиться, было фантастикой.

Тогда невозможно было вообразить, что через несколько лет после войны придется выполнять поручения секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова и других руководителей партии и государства, быть представителем страны на конгрессах ООН, нести на своих плечах непростую миссию правового советника правительства Афганистана, работать в руководстве Министерства юстиции России.

Такие воспоминания неинтересны, а может быть, и неприятны сторонникам альтернативной службы, уклоняющимся от призыва, и тем людям, которым безразлична судьба Родины – их немало появилось в последнее время. Но они не могут в той или иной мере не быть интересны ветеранам Отечественной войны, Афганистана, событий в Чечне, всем людям, честно исполняющим свой гражданский и мужской долг, и особенно нынешним артиллеристам-ракетчикам. А может быть, что-то заинтересует будущих историков и писателей.

С возрастом у каждого человека будущего становится все меньше, а прошлого все больше. Воспоминания для автора своего рода машина времени, воспользоваться которой и приятно – попадаешь в свою молодость, – и горестно – оживает прошлое, зачастую трагическое.

Наш полк

Наш 95-й гвардейский Витебский Краснознаменный орденов Александра Невского и Кутузова III степени реактивный артиллерийский полк был мощной механизированной боевой частью, способной быстро перемещаться и наносить многократные эффективные артиллерийские удары практически мгновенно, с наезда.

Один полковой залп состоял из 464 ракет общим весом в 14,5 тонны. Залпы могли повторяться в считанные минуты. В наступательных фронтовых операциях по прорыву обороны противника полк только во время одной артподготовки из

семи залпов выбрасывал на противника более 3200 ракет общим весом более 100 тонн. Были артподготовки и из большого количества залпов.

Залп ракетного полка был равносителен одновременному залпу 10–36 полков ствольной артиллерии. Если бы такое количество артиллерии даже и удалось собрать, ее невозможно было бы разместить на узком участке фронта.

Огромное впечатление производит быстрота формирования и боевого развертывания полка. При мощной, малоизвестной тогда для артиллеристов-ствольников секретной технике полк был сформирован и вступил в боевые действия в рекордно короткие сроки. Вот хроника становления полка как мощной боеиспособной части.

8 августа 1942 года началось поступление личного состава. 1 сентября бойцы уже приняли присягу, а 11 сентября полк двумя эшелонами отбыл в город Валдай на Северо-Западный фронт.

Продуманным и экономным был способ оснащения боевой техникой. Железнодорожные платформы с заранее погруженными на них ракетными установками были прицеплены к вагонам с личным составом непосредственно перед отправкой эшелонов.

Следует отметить, что столь большие мобилизационные достижения были достигнуты в тяжелейший для страны период, когда немецкое наступление на Сталинград требовало сосредоточения там всех имевшихся ресурсов.

15 сентября и в последующие дни полк уже вел интенсивный огонь по немецким позициям в районе Белого Бора у станции Лычково. Обстрелу подверглась, в частности, немецкая колонна с боеприпасами и 15 пехотинцами.

С 15 сентября 1942 года до конца апреля 1943 года полк участвовал в операциях Северо-Западного фронта по окружению 16-й немецкой армии, прорвавшейся ранее в сторону Валдая и Октябрьской железной дороги. Затем поддерживал огнем наши части, пытавшиеся освободить Старую Руссу и выйти в тылы немецкой группировки, окружившей Ленинград.

30 апреля 1943 года полк был выведен в Москву в Щукинский лесопарк – частично в железнодорожном эшелоне, частично своим ходом. 2 июня 1943 года, после получения новой техники и пополнения в основном за счет матросов с Тихоокеанского флота, полк выдвинулся марш-броском в распоряжение 3-й Резервной армии под город Юхнов.

Полк успешно выполнял боевые задачи по обеспечению огнем прорыва немецкой обороны в районе Спас-Деменска и при взятии Ельни. Выйдя вместе с частями Пятой армии южнее Смоленска, полк обеспечивал освобождение этого многострадающего города. В районе Орши, под поселком Ленино, он участвовал в тяжелых боях вместе с введенными в бой частями Первой Польской армии имени Костюшко.

Интересным был и дальнейший путь нашего полка. В значительной степени он проходил по местам боев Отечественной войны 1812 года. Полк прошел через город Красный, совершил переход через Березину. Участвовал в освобождении Витебска, Вильнюса, Каунаса, вошел в пределы Восточной Пруссии. Маршрут про-

легал через сплошные оборонительные рубежи. Завершился боевой путь участием в штурме Кенигсберга и уничтожением противника на Земландском полуострове.

Патриотический порыв

Вспоминая военные годы, нужно отметить, что наш полк, как и другие ракетно-артиллерийские части, был грозной боевой силой не только потому, что обладал мощным оружием. Успех в поединках с врагом обеспечивался крепким сплавом воевавших в полку солдат, сержантов и офицеров, безраздельно преданных Родине и в совершенстве владевших вверенной им техникой.

Атмосфера боевого братства, единодушия и сплоченности товарищей по судьбе и оружию была поистине волшебной силой, помогавшей преодолевать неимоверные фронтовые трудности. С огромным уважением относились друг к другу представители всех национальностей и разного социального положения, кадровые военнослужащие, мобилизованные крестьяне из сельской глубинки, матросы, добровольно сошедшие на берег, неоперившиеся подростки-комсомольцы. Все держались стойко, помогали друг другу переносить трудности, физические перегрузки, недоедание и непогоду, потерю друзей.

Не хочется высокопарно говорить о проявлениях героизма, хотя это отвечало бы истине. Более оправданно утверждать, что весь состав полка объединял патриотический порыв, стремление безупречно выполнить свой долг. Самоотверженность солдат была обыденным явлением. Естественно, она своеобразна в разных родах войск и у представителей разных воинских профессий.

У артиллеристов оружие шумное, а выполнение своего долга – тихое, лишенное эмоциональной окраски и криков «ура». Они больше нужны пехоте для подбадривания во время атаки и психического воздействия на противника. Долг артиллеристов в том, чтобы, несмотря на плотный огонь противника, штурмовые удары и бомбежку его авиации, стоять у орудий, заряжать их, наводить на цель и стрелять. Так и было. Это сохранилось в памяти и отражено в записях «Журнала боевых действий 95-го гвардейского Витебского реактивного артиллерийского полка».

Говоря о боевом братстве, нельзя не затронуть вопрос о такой социальной болезни, как укоренившаяся в настоящее время дедовщина. Иногда задают странный вопрос: была ли в те годы на фронте дедовщина? В нашей части такого дикого явления быть не могло. О других судить не могу, но думаю, вряд ли. Возрастная разница среди солдат была огромной – от безусых юнцов до осанистых пожилых людей с большим жизненным опытом и заслугами. С нынешних непонятных позиций лучшей почвы для унижения молодых ребят просто не придумаешь. У нас же отношение друг к другу в оружейных расчетах, среди разведчиков и связистов было либо братским, либо отеческим, а к старшим – самым уважительным. Перед алтарем смерти не могло быть никаких издевательств и глумления друг над другом.

И еще одно стоит отметить. Ветераны с теплотой относятся друг к другу. И основа, думается, не только в том, что совместно пройден трудный путь. В годы войны над каждым фронтовиком висела неотвратимая перспектива гибели. И общая судьба спланивала солдат, отодвигала на второй план, возможно, не луч-

шие черты характеров, делала людей чище. И теперь ветераны встречаются как люди, прошедшие этот психологический фильтр.

С точки зрения нашего поколения, дедовщина несовместима с армией. Это признак колоний, исправительных учреждений. Если же в воинской части есть такой порок, значит, там нет влияния старшего начальника, а можно сказать, и командира вообще. Серьезных выводов из этого, к сожалению, не делается. Уровень сознательности и дисциплинированности в нашем полку во многом определялся тем, что в нем было немало добровольцев. В этой связи уместно вспомнить и о своем примере.

Мы – несколько ребят, окончивших девятый класс, – летом и осенью 1941 года в составе комсомольского заградительного отряда участвовали в подготовке оборонительных сооружений в Подмоскowie.

В Братцевском лесу, примыкавшем к Северному Тушину, учились стрелять из нашего и трофейного оружия. Настойчиво пытались получить реальные боевые задания. Когда немецкая армия была изгнана из Подмоскowie, возобновили учебу, а весной 1942 года закончили десятилетку. Еще более настойчиво стали пытаться попасть добровольцами в действующую армию. Военный комиссариат, как ни странно, наше желание не поддержал. Позже стало понятно, что планировалось зарезервировать нас для командирских военных училищ.

Сидеть в родном доме в то время, когда на фронтах идут тяжелые бои, и слушать сводки Совинформбюро об оставляемых городах и подходе врага к Сталинграду и Волге, было невыносимо. Стали просить Красногорский городской комитет комсомола помочь в отправке на фронт. И тут, к нашей радости, получилось.

3 августа 1942 года в нашу школу позвонили из горкома комсомола и сообщили: кто желает пойти на фронт, должен явиться в десять утра следующего дня в горком комсомола. Собирались, как за грибами. Сели на велосипеды, передали известие своим друзьям и одноклассникам. Никто из тех, кого застали дома, не отказался. Утром пораньше собрались у школы. Оттуда и пошли в горком. Родители не возражали. А мой отец, бывший тогда директором школы, проводил нас до половины дороги. Все годы с благоговением вспоминаю о его мужестве и патриотизме.

Похоже, на работников горкома наш поступок произвел впечатление, а вот вид наш, хилых подростков, – нет. Время было голодное, и выглядели мы не по-богатырски. Увидев нас, секретарь горкома партии по военной работе, принимавший участие в нашем приеме, еще до беседы и напутствия отвел всех в столовую, где после обеда вручил каждому по батону хлеба. В то время это было так много!

От беседы и проводов в горкоме остались не только воспоминания, но и документ, может быть, главный в жизни. Это командировочное удостоверение на бланке и с печатью, где указаны наши фамилии и сказано, что мы направляемся в военный отдел Московского обкома комсомола для отправки на фронт. Так что воевали мы не по призыву военкомата, а по комсомольскому командировочному удостоверению, правда, без командировочных.

Вместо того чтобы бросить в горячие точки под Сталинградом, нас направили в тыловой район – в учебную бригаду под городом Горьким, теперь Нижним Новгородом. Здесь, в Зеленом городке под Кетовом, на лесных просеках, мы и прошли ускоренную подготовку, постигая топографию, азы артиллерии, приучались к военной дисциплине и выносливости. Тут-то и стало понятно, почему в обкоме комсомола и по прибытии в часть каждого из нас в отдельности заслушивала придирчивая комиссия – род войск был особый. Не просто авторитетный – легендарный.

Наша группа добровольцев, составившая по Москве несколько сотен человек, была направлена в Горький на обычном переполненном пассажирском поезде с одним лишь сопровождающим. И когда наш старший после душевной, изнурительной ночи повел команду выкупаться в Оке, а потом построил и посчитал, то, к своему удивлению, обнаружил, что не только никто не отстал, а, напротив, прибавилось четыре человека.

В учебной бригаде подготовка шла по трем классическим военным направлениям: огневики, артиллерийские разведчики и радисты-связисты. Все годились для любой артиллерийской системы. Но постепенно из фрагментов специализации и рассказов инструкторов-командиров становилось ясно, что мы являемся резервом для нового секретного оружия, которое в народе окрестили ласковым именем «катюша».

Наступил день, когда перед нами, огневиками, расчехлили стоявшие в березовом перелеске и тщательно охранявшиеся боевые машины БМ-13.

Не верилось, что эта несуразная с виду машина за полминуты может накрыть цель размером с футбольное поле. Но вот на учениях навесили на направляющие полный заряд – 16 ракет по 42 кг каждая, и, когда они пошли на цель, машина стала выглядеть намного авторитетнее.

Полное осознание мощи этого оружия пришло, конечно, на фронте. Дивизионный залп из восьми установок уносил в небо почти одновременно 128 ракет. Ночью залп сопровождался зловещими красными сполохами и огненными трассами, уходившими на противника, и всегда душераздирающим воем и скрежетом, который для нас был симфонией. А уж когда можно было видеть и цель, над которой взметывались в небо столбы земли, огня, летящих вверх деревьев и черного дыма, душа, конечно, ликовала. В немецкой армии, да и у наших союзников подобного оружия в то время не было.

Вернусь к повествованию о своих товарищах и о себе. Пришло время, и командование бригады под марш «Прощание славянки» проводило нас до станции Ройка на железной дороге Нижний Новгород–Арзамас. Прибыли в Москву, в Лефортово, в штаб формирования гвардейских минометных частей – так зашифровано именовались тогда части ракетной артиллерии. В Москве оставались недолго, но смогли увидеться с родителями. Здесь и получили направления на разные фронты. Команды были небольшие – по пять-восемь человек на каждый фронт. Пятерым было дано предписание – прибыть в штаб наших частей на Северо-Западный фронт.

До Бологого ехали на обычном пассажирском поезде. И опять никто не потерялся! Нас направили в 95-й гвардейский ракетный артиллерийский полк. Доверие

было оказано огромное. Одну из 24 боевых машин и первый расчет первой батареи доверили мне, совсем мальчишке. И выдали приложение – ящик тола весом 20 кг и два взрывателя – электрический и на бикфордовом шнуре – для подрыва машины в критической ситуации. Это воспринималось как дело естественное, так как было дано обязательство – боевую установку ни при каких условиях противнику не оставлять.

Смею думать, что военно-мобилизационное командование не поступало опрометчиво, направляя нас, необстрелянных юнцов, на ответственные участки. Не было случая, чтобы кто-то не оправдал доверия.

Автор воспоминаний, отправившийся на фронт в августе 1942 года по комсомольской путевке, осенью 1943 года стал уже «дважды добровольцем». Звучит это несколько странно, но имеет свои основания. Произошло это так. В наш дивизион, стоявший в районе Орши, приехал на практику заместитель начальника Московского артиллерийского училища, расквартированного тогда в городе Миассе Челябинской области. Он проникся симпатией к нашему орудийному расчету и стал настойчиво уговаривать меня поехать с ним в Москву, а затем в Миасс. Обещал предоставить месячный отпуск, а затем предстояла учеба и получение офицерского звания.

Решение стоило нескольких бессонных ночей. Пришлось крепко подумать, как поступить. Оставить своих боевых товарищей и отправиться в тыловую тишину было, конечно, очень трудно. Да и служба в офицерском звании после победы не только не увлекала, но казалась странной. Поэтому предложение не было принято, хотя и казалось заманчивым. Решение, конечно, исходило из допустимости любых последствий. Поэтому и оказался «дважды добровольцем» – сначала добровольно пришел на фронт, а потом, что называется, «понюхав пороху», добровольно принял решение на нем остаться.

Оглядываясь на прошлое, невольно задаешь себе вопрос: в чем же корни патриотического порыва? Да и что, в сущности, означает это понятие? Полагаю, что патриотический порыв несовместим с дремлющей, платонической любовью к Родине. Это осознанное и фактически реализуемое побуждение исполнить свой долг перед обществом и государством с чувством внутреннего удовлетворения. И еще, похоже, порыв – не удел одиночек, ему присущ массовый характер.

А что касается корней столь благородных проявлений, то о них, думается, односложно не скажешь. Здесь все, что связывает человека со своей страной, – и генетически заложенное, и приобретенное в жизни. Живет в нашей внутренней сущности глубокое уважение к тому, как в тяжелые для Родины годы поступали наши предки. Важен, наверное, и дух времени. Еще задолго до нападения гитлеровской Германии на СССР наше поколение, бежавшее тогда в коротких штанишках, в общем-то, чувствовало, что ему предстоит встретиться с фашизмом в бою. И когда это произошло, огромное количество молодежи воспринимало участие в войне как свой естественный долг.

Среди факторов, воспитывавших деятельный патриотизм, огромную роль играли художественная литература и искусство. Молодежь сверяла свое отноше-

ние к обязанности защищать Родину с поведением героев А. Гайдара, А. Фадеева, С. Михалкова. Бесценен вклад в воспитание молодежи кинофильмов «Александр Невский», «Чапаев», «Мы из Кронштадта» и других. То же можно сказать и о песенном искусстве. Достаточно было послушать выступления Ансамбля песни и пляски Красной Армии им. А. Александрова, воспитывавших патриотизм и твердость духа, чтобы на высоком психологическом порыве пойти в бой с врагами Родины.

Теперь в средствах массовой информации, различных печатных изданиях, выступлениях псевдоаналитиков появились другие ноты. Правда о Великой Отечественной войне либо замалчивается, либо умышленно опорочивается. Утверждается, что мы шли на фронт и в бой из-под палки, под угрозой арестов и штрафных батальонов, подгоняемые цепями стоявших за спиной заградотрядов НКВД.

Пропагандируется наивная мысль, что демократические свободы предполагают возможность пренебрежительно относиться к армии, военной службе, а в конечном счете к своей Родине. В чьих интересах это делается? Ответ найти нетрудно. Досадно, однако, что немалое число молодых людей поддается такому внушению, уклоняется от выполнения гражданского и мужского долга и такую пропаганду воспринимает как «великое завоевание демократии». Почаще бы показывать им хронику массового добровольного ухода в армию в дни всеобщей мобилизации 1941 года, запись тысяч людей, не подлежавших по каким-либо причинам призыву, в ополчение. На этом фоне и оценивать бы свою «новейшую идеологию».

Даже компактная и высокопрофессиональная армия задачу защиты Родины не решит. Профессиональную армию дополнить бы всеобщей, пусть краткосрочной подготовкой молодых людей к выполнению своего мужского воинского долга, чтобы в случае наступления тяжких для страны испытаний спасительным оставался патриотический порыв!

На заре либерализации правосудия

На фронте высказываться о своих планах на завтрашний день считалось вызовом судьбе. И если кто-то брал на себя такую смелость, на него шипели. Но жить без мечты и надежды даже под воем снарядов было невозможно. В добрый исход войны, в победу все верили безусловно. И казалось, что после победы всех ждет какое-то лучезарное счастье. Не понимали, что счастье – это всего лишь промежуточное состояние между несчастьями. Победа не принесла благополучия на тарелочке. Кто-то вернулся к своей семье и к своей профессии. Кто-то пришел на пепелище. А мы, молодое поколение, начавшее свою взрослую жизнь в окопах, должны были найти себя в непривычных мирных условиях. Это представляло значительные трудности. Сурова служба в армии, но там мы были на казенном обеспечении. Теперь же надо было самим вставать на ноги, приобретать профессию, укореняться в жизни.

На юридическом факультете Московского государственного университета, куда автор воспоминаний поступил учиться, из 220 студентов 180 были вчерашними воинами, многие с синими пороховыми отметинами, вкрапленными в кожу лица, с расщепленными лучевыми костями вместо пальцев, с протезами вместо ног и

рук. Но годы учебы в первом вузе страны были счастливыми. Затем предстоял очередной экзамен – работа по профессии.

Итог учебы был неожиданным и удивительным для выпускника – руководство Верховного Суда СССР пригласило меня на работу в высшую судебную инстанцию. Казалось, логичнее было бы получить практику в низовых звеньях. Но приглашение в штаб правосудия, как потом оказалось, имело свою логику. Спустя некоторое время работавший тогда председателем Верховного Суда СССР А.А. Волин признался, что хотел видеть в своем коллективе молодых людей с новым мышлением, свободных от консервативных традиций прошлой судебной практики.

Значение Верховного Суда СССР трудно переоценить. Проводившиеся ранее политические судебные процессы ушли в прошлое. В нем рассматривались дела по первой инстанции, в частности такие, как дело летчика-шпиона Пауэрса, предателя Пеньковского. Основная работа состояла в проверке порядка надзора приговоров и решений нижестоящих судов и исправлении их ошибок, что было связано, как правило, с оправданием или снижением наказаний...

Испытание Афганистаном

...Вскоре поступило поручение лететь в Кабул в качестве советника правительства Афганистана по правовым вопросам. Было, конечно, понятно, что работа предстоит непростая и весьма ответственная.

Общей задачей группы советников было оказание помощи правительству, прокуратуре и Верховному суду страны в приведении отдельных законодательных актов в соответствие с сущностью и целями новой революционной власти Бабрака Кармаля, содействие правовому оформлению проводимых реформ. В этом плане особенно важна была подготовка нашими специалистами временного конституционного закона.

Афганское законодательство сложилось на базе норм шариата, систематизированных и принятых в качестве государственных установлений. Оно отличалось казуистичностью; до мелочей регламентировало различные сферы жизни, но имело свою законченную систему и требовало бережного отношения.

Правоведы Афганистана, получившие образование в Сорбонне и Каирском университете, были умелыми специалистами. Они хорошо разбирались во всех оттенках мусульманского права. И работать над законопроектами можно было не вопреки их мнению, а совместно с ними.

Афганистан – кладовая ценнейшего сырья, стратегически важный перекресток, через который проходили войска великих полководцев – Александра Македонского и Чингисхана. Но советские войска, названные «ограниченным контингентом», были введены туда не для захвата полезных ископаемых и не для создания военных баз. Цели были не альтруистические, но и не захватнические. В условиях развязанной реакцией войны они состояли главным образом в намерении поддержать демократическую власть и ее прогрессивные преобразования. Конечно, мы имели свои политические и военно-стратегические интересы. Речь шла об обеспечении

безопасности южной границы, которая в случае победы реакционных сил попала бы под контроль соперничающей державы.

Кстати, государство, обвинявшее нас в агрессии и помогавшее организовать сопротивление, при первой же возможности вторглось туда само. Что касается нашей миссии в Афганистане, то мы активно помогали дружественной нам стране безвозмездными поставками многих видов товаров и оборудования, в организации образования, подготовке кадров и по другим направлениям.

Юстиция – по-русски «справедливость»

Это покажется странным, но был период, когда Министерство юстиции, абсолютно необходимое пусть не в правовом, но все же в конституционном государстве, было ликвидировано. Поэтому важно вспомнить, как оно воссоздавалось.

Демонтаж Министерства внутренних дел, министерств юстиции Союза и союзных республик произошел в конце 1950–начале 1960-х годов в ходе «радикальных реформ», осуществлявшихся Первым секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущевым. Идеология решений была проста, и, казалось бы, необходимость свертывания системы государственного руководства и перехода к общественному самоуправлению «бесспорна». Все это объяснялось политикой близкого коммунизма. Установка делалась на то, что место государственных судов постепенно займут товарищеские, а милицию заменят добровольные дружины.

Однако функции, осуществлявшиеся ранее Министерством юстиции и его органами на местах, ликвидировать было нельзя, и их пришлось распределять по учреждениям, которым они не были присущи. На плечи Юридической комиссии при Совете Министров России, занимавшейся подготовкой и систематизацией законодательных актов, были возложены не свойственные ей обязанности по организационному и методическому руководству адвокатурой, загсами, судебно-экспертными учреждениями. Верховные суды союзных республик и суды областного звена были вынуждены обеспечить организацию работы нотариата.

Приезжавшие в страну делегации иностранных юристов с изумлением воспринимали такого рода эклектику в распределении обязанностей в сфере юстиции. Не замедлил сказаться вред нововведений и на практике. Очень быстро стало очевидно, что без Министерства юстиции государству обойтись невозможно.

Инициативу по восстановлению системы проявил Отдел административных органов Центрального Комитета партии, но, естественно, после того, как был избран новый Генеральный секретарь ЦК КПСС. В феврале 1966 года ЦК партии принял постановление об усилении борьбы с преступностью. В проект этого постановления нами, работниками отдела, было заложено поручение, по существу, самим себе внести предложения по усилению государственного руководства судами. Так тогда формулировалась задача.

Руководство страны поддержало наше предложение, и в 1970 году Министерство юстиции и его органы на местах были созданы заново.

Решение о воссоздании органов юстиции в республиканских и областных центрах было воспринято с энтузиазмом. Активно формировались кадры учреждений, для

новой системы предоставляли достойные помещения. В Ленинграде, например, городское и областное управления юстиции разместили сначала в Смольном, а затем на Дворцовой площади и в престижном комплексе Адмиралтейства. В результате активной работы руководителей «первого призыва» раздробленные ранее различные службы и учреждения юстиции были сведены в единое ведомство, ставшее весьма авторитетным среди правоохранительных органов и граждан страны.

Причастность автора к деятельности по восстановлению системы юстиции не прошла незамеченной. В 1974 году последовало предложение перейти на работу в эти правовые учреждения. В итоге восемнадцать лет было отдано работе в должности заместителя и первого заместителя Министра юстиции России.

Целесообразно отметить особенности Министерства юстиции как важного государственного учреждения. Круг его обязанностей не повторяет функции других правоохранительных систем. В отличие от органов внутренних дел, прокуратуры и судов, деятельность которых в значительной мере состоит в розыске правонарушителей, расследовании и рассмотрении дел о совершенных преступлениях, то есть идет вслед за состоявшимися событиями, полномочия органов юстиции нацелены на конструктивную, организационно-созидательную работу. Их особенностью уже тогда был необычайно широкий диапазон функций, который в последнее время увеличился еще больше.

Задачи министерства включали участие в законотворческой работе, принятие кадровых решений в отношении своей и судебной системы, организационно-правовое и материально-техническое обеспечение судебной деятельности, управление нотариатом и загсами, судебно-экспертными учреждениями, методическую помощь адвокатуре, правовой службе субъектов хозяйственной деятельности.

Интересным и ответственным было участие в заседаниях Правительства и Президиума Верховного Совета, Комиссии по помилованию, часто с необходимостью давать импровизированные заключения по возникавшим правовым вопросам.

Поскольку в любом городском и сельском районе было несколько учреждений, подопечных министерству, знакомство с их работой требовало выездов в областные центры и в глубинку. Цель проверок заключалась в выявлении болевых точек и решении назревших проблем.

Побочной функцией Министерства юстиции была организация работы по правовому обучению и воспитанию населения. А это требовало опоры на печатные издания. Существовавшие юридические журналы не решали этой задачи, так как были нацелены в основном на внутриведомственное пользование. Поэтому большой удачей было создание рассчитанного на широкие круги населения научно-популярного журнала «Человек и закон». Его рождение было нестандартным. После того как инстанции дали «добро», выпуск журнала начался безотлагательно, еще до назначения главного редактора и формирования аппарата редакции.

В состав редакционной коллегии и авторского коллектива удалось привлечь авторитетных писателей, известных ученых-юристов и практиков. В первых номерах с увлекательными очерками выступил писатель Юлиан Семенов. Издание было

положительно встречено и оценено общественностью. Об этом свидетельствовало то, что, несмотря на лимитированный тираж, его выпуск за короткое время вырос до 3,5 млн экземпляров. Журнал оказал немалую помощь в разъяснении людям смысла принимавшихся законов, путей правового решения различных жизненных проблем.

Естественно, что, помимо этого популярного издания, для помощи в разъяснении законодательства и практики его применения широко использовались журналы «Советская юстиция», где автор воспоминаний в течение двадцати лет работал в качестве члена редакционной коллегии, а также выходивший в издательстве «Известия» журнал «Закон».

Курирование министерством работы по правовому обучению и воспитанию населения привело автора воспоминаний на совершенно неожиданную стезю сотрудничества с деятелями кино. В 1976 году поступила просьба ознакомиться со сценарием фильма «Слово для защиты» и помочь его создателям в качестве консультанта. Задача не была сложной, но и не радовала. Настороженность вызывало слишком вольное отношение многих кинематографистов к отражению ситуаций, затрагивавших закон. В течение многих лет осуществлялось мое участие в подготовке фильмов А. Миндадзе и В. Абдрашитова «Поворот», «Охота на лис», «Слуга», «Время танцора».

Интересным было сотрудничество с режиссером В.Н. Наумовым в фильмах «Закон» и «Десять лет без права переписки». Сюжет их построен на подробностях жизни и работы Л. П. Берии. Знакомые иногда спрашивали – откуда они оказались известны консультанту фильмов, автору этих воспоминаний. Отчасти из уголовного дела, а в основном – от участников следствия и суда по нему.

Участие в реализации творческих замыслов деятелей кино – увлекательное, но для Министерства юстиции далеко не главное дело, как, впрочем, и в целом правовое воспитание и обучение населения. Неизменно наиболее ответственными оставались направления работы, связанные с совершенствованием и систематизацией законодательства, организационным обеспечением правосудия, поддержкой нотариата и других юридических сфер деятельности, кадровые заботы. Причастность к воссозданию ведомства, выполняющего столь необходимые функции, обуславливает пристальный интерес к его дальнейшему развитию и деятельности. И поэтому укрепление министерства, его возрастающая роль в решении задач, стоящих перед государством, воспринимаются с большой радостью.

Вместо эпилога

Какие же выводы навевают воспоминания? Что из сказанного можно вынести за скобки в качестве общего?

Приоритет почитаемого в настоящее время, добытого разными средствами личного благополучия не всегда преобладал в общественном сознании. Такая цель не могла вдохновить на самоотверженное, честное служение Отчизне. К отдаче всех сил и жизни для отстаивания ее независимости вела лишь патриотическая идея. Под ее влиянием невероятные риски и трудности преодолевались с веселым

оптимизмом, воспринимались не как мученичество, а как завидная судьба. И в послевоенное время чувство долга помогало занимать принципиальную, зачастую невыгодную в личном плане позицию при решении острых вопросов.

Но патриотизм не возникает из воздуха. Для того чтобы он был, требуется много слагаемых. Поэтому первостепенное значение приобретает осознание тех компонентов, из которых складывалась любовь к Родине.

Советским людям было чем гордиться, что защищать. Во время войны они отстаивали независимость своей Отчизны, великой державы. Страна была на подъеме, дерзала на многих направлениях прогрессивного развития. Людей увлекали завоевание арктических широт, беспосадочный перелет в США через Северный полюс, подъем на аэростате в стратосферу, другие достижения, за которыми стояли победы в индустриализации, науке, культуре.

Успешно вводились в строй Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Уралмашзавод, другие флагманы промышленности.

Бурно развивались наука и система подготовки специалистов. Каждый молодой человек мог получить высшее образование и работать по профессии. Это открывало дорогу талантам.

Несмотря на прокатившуюся тогда волну досадных, впоследствии осужденных репрессий, энтузиазм сплачивал людей для строительства нового общества.

Говоря о том, какой страна подошла к Великой Отечественной войне, уместно затронуть и вопрос о том, была ли она к ней готова. Многие авторы, в том числе крупные военачальники, утверждают, что «не была». И они правы. Армия оказалась недостаточно подвижной, не хватало средств связи. Устаревшим было даже стрелковое оружие. Были пробелы и в военной теории, особенно в оборонительной стратегии. Поэтому в той мере, в какой это требовалось, армия не была готова. Все это так. Но если проанализировать ситуацию глубже, то следует признать и другое – во многих отношениях к грозным испытаниям страна была готова.

Определяющее значение имели преданность народа руководству государства, его сплоченность и патриотизм. Без этого не было бы массового героизма, широкого партизанского движения, успехов в обеспечении фронта боевой техникой, вооружением, боеприпасами. Но сила духа, конечно, не все. Победу в Великой Отечественной войне обеспечил мощный научный и промышленный потенциал.

Люди, дающие оценку готовности страны к испытаниям 1941 года, забывают, что в начале 1930-х годов у нас не было современной промышленности; основным орудием в сельском хозяйстве была деревянная соха, а самой распространенной обувью – лапти.

22 июня в страну вторглась прекрасно вышколенная, мощная немецкая армия, которую оснащала боевой техникой вся промышленно развитая Европа и поддерживали вооруженные силы Финляндии, Венгрии, Испании.

И тогда созданная в стране за две предшествующие пятилетки научная и промышленная база в кратчайшие сроки обеспечила заметный рост выпуска боевой техники, вооружений и боеприпасов. И дело не только в количественных показателях.

Создавались новые передовые системы вооружения, реактивная артиллерия, лучшие танки Второй мировой войны Т-34, новые самолеты-истребители и штурмовики, более совершенные пушечные системы, автоматическое стрелковое вооружение.

Что же получилось в итоге?

Наша якобы «неподготовленная» к схватке с врагом страна пусть и тяжелой ценой, но разбила покорившего всю Европу агрессора в пух и прах.

Но все это в прошлом. Теперь другие задачи. Для их успешного решения необходим патриотизм. А если его не будет, если национальная идея не объединит людей – не будет успехов в экономике, в решении социальных задач и сильного государства.

Чтобы был патриотизм, государство должно освободиться от разъедающей его скверны: коррупции, воровства, засилья криминала, преодолеть ущербность, поднять тонус жизни народа, завоевать престиж.

Из книги Ю. Д. Северина «Молнией небо расколото» (2004 г.)

СИМОНОВА ТАМАРА АНДРЕЕВНА

До войны закончила 9 классов и поступила на чертежно-конструкторские курсы, однако закончить их не успела. Началась война. В 1941 г. ушла добровольцем на фронт. С 17 лет, будучи вольнонаемной, воевала на Центральном и 2-м Украинском фронтах в составе 231-й гвардейской авиационной дивизии. Служила при штабе картографом. Войну закончила в Румынии в 1944 г.

За участие в войне была награждена медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени.

В Минюсте Т.А. Симонова работала секретарем Приемной при министрах юстиции В.И. Теребилове, Б.В. Кравцове, В.Ф. Яковлеве, С.Г. Луцикове, Н.В. Федорове, Ю.Х. Калмыкове, В.А. Ковалеве.

СКЛИФУС ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА

Валентина Дмитриевна Склифус родилась 13 декабря 1923 г. До войны закончила ФЗУ при Центральном телеграфе г. Харькова и работала телеграфисткой. Когда началась война, ей было неполных 19 лет.

27 июня 1941 г. В.Д. Склифус была призвана в ряды Советской Армии. Начала военную службу на Юго-Западном направлении под командованием Маршала Советского Союза С.М. Буденного. Под его диктовку передавала в части указания и приказы. За время войны проходила службу на Юго-Западном, Брянском, Сталинградском, Донском, Центральном, 1-м Белорусском фронтах. В составе 66-го отдельного Бобруйского, Берлинского полка связи с боями прошла Белоруссию, Польшу и дошла до Берлина. Все войну работала на переговорном пункте, передавала по телеграфу приказы и распоряжения командования.

В 1941 г. за своевременное и успешное обеспечение переговоров командования награждена медалью «За боевые заслуги», в 1944 году за успешное обеспечение связи командования во время битвы на Курской Дуге награждена второй медалью «За боевые заслуги». Кроме этих медалей получила орден Отечественной войны II степени и медали за оборону, освобождение и взятие Сталинграда, Варшавы, Берлина.

В Минюсте – специалист отдела Департамента законодательства о государственной безопасности и правоохранительной деятельности.

СОКОЛОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Иван Александрович Соколов родился 26 ноября 1926 г. Участвовал в боях на Западном и Белорусском фронтах. Сержант.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Дружбы народов, медалями. Заслуженный машиностроитель Российской Федерации, специалист I-й категории Аппарата Министерства юстиции России.

СОЛНЦЕВА ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВНА

Людмила Федоровна Солнцева родилась 21 сентября 1922 г. Принимала участие в Великой Отечественной войне в составе зенитно-артиллерийских частей Московского военного округа.

Награждена орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями.

В Минюсте – старший консультант Отдела судебно-экспертных учреждений.

СУХАРЕВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Александр Яковлевич Сухарев, 1923 года рождения, с 1941 г. и до получения в 1944 г. тяжелого ранения находился на фронтах Великой Отечественной войны. Участвовал в боях на Курской дуге, форсировал Днепр, не раз выходил из окружения. Был командиром взвода стрелкового полка, затем командиром стрелковой роты. Капитан, начальник штаба полка А.Я. Сухарев был ранен в бою под Варшавой.

Награжден боевыми орденами: Красного Знамени, дважды Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени и многими боевыми медалями; орденами Октябрьской революции, Дружбы народов, «Знак Почета».

Министр юстиции РСФСР (1984–1988 гг.). Генеральный Прокурор СССР (1988–1990 гг.).

Государственный советник юстиции I-го класса. Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. Почетный работник Прокуратуры России. Доктор юридических наук, профессор.

Ветеранские и другие общественные организации избрали А.Я. Сухарева президентом Межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Александр Яковлевич Сухарев застал на посту Министра юстиции РСФСР и последние годы застоя, и первые годы перестройки. Заслуги Сухарева по достоинству отмечены. Одних только орденов девять, причем четыре из них – боевые.

На войне он был в самом пекле. Участвовал в боях на знаменитой Курской дуге, форсировал Днепр, не раз выходил из окружения.

Александр Яковлевич вспоминал:

«Больше боялись мы не выполнить долг перед Родиной, боялись позорной смерти, а больше всего – плена, презрения товарищей за глупость или трусость.

А что касается смерти... Боязнь смерти – мучительнее самой смерти. А я был в лапах у нее не раз. Командир взвода стрелкового полка в атаку идет первым, отступает последним. В этой должности я воевал около года, значит, встречался со смертью иногда по несколько раз в течение дня. Вряд ли она стоит того, чтобы о ней все время думать».

Сухарев затем стал командиром роты, а это та же близость к противнику, передняя линия, передовая, когда окопы врага порой видны и без бинокля. В бою под Варшавой пули настигли двадцатилетнего капитана, начальника штаба полка.

Александр Яковлевич всегда рвался на передовую. Когда наступили мирные послевоенные дни, был выдвинут на ответственную работу, ему поручили работать с молодежью. По служебной лестнице шел стремительно. Бывший деревенский паренек (Сухарев родился в селе Малая Трещевка Землянского района Воронежской области), бывший слесарь авиационного завода, что разместился в районе Придачи Воронежа, вскоре стал заведовать Международным отделом ЦК ВЛКСМ. Затем в течение одиннадцати лет работал в ЦК партии.

Сухарев был назначен на должность первого заместителя Министра юстиции СССР. Как он работал и что сделал на этом посту, лучше всего видно из представления, подписанного В.И. Теребиловым, его руководителем.

Представление

«Министерство юстиции СССР ходатайствует о награждении орденом Дружбы народов тов. Сухарева Александра Яковлевича – первого заместителя Министра юстиции СССР за многолетнюю безупречную работу и в связи с 60-летием со дня рождения.

Тов. Сухарев А. Я., 1923 года рождения, кандидат юридических наук, начал свою трудовую деятельность с 16 лет слесарем на авиационном заводе. С 1941 года и до получения в 1944 году тяжелого ранения находился на фронтах Великой Отечественной войны, награжден четырьмя боевыми орденами. В послевоенные годы тов. Сухарев А.Я. находился на руководящей комсомольской работе в Воронежской области и в ЦК ВЛКСМ. С 1959 года работал в аппарате ЦК КПСС в должности инструктора, заведующего сектором по РСФСР, заместителя заведующего отделом административных органов по РСФСР, заведующего сектором отдела административных органов. В 1970 году тов. Сухарев А.Я. назначен первым заместителем Министра юстиции СССР. На этой должности им проделана большая работа по совершенствованию организации и улучшению качества работы судов и других учреждений юстиции, повышению уровня правового воспитания граждан, осуществлению в подведомственных органах партийных принципов подбора, расстановки и воспитания кадров.

За заслуги в деле укрепления социалистической законности и правопорядка награжден орденом «Знак Почета», дважды орденами Трудового Красного Знамени и орденом Октябрьской Революции.

При непосредственном участии тов. Сухарева А.Я. на протяжении ряда лет Министерством юстиции СССР проводится большая организационная, методическая и пропагандистская работа по правовому воспитанию населения.

Тов. Сухарев А.Я. являлся руководителем и членом делегаций СССР на крупных международных конференциях и симпозиумах юристов в Швеции, Венесуэле, на Мальте, в Бельгии и других странах.

Является вице-президентом Общества дружбы стран Азии и Африки, президентом Общества дружбы СССР–НДРГ, вице-президентом Ассоциации советских юристов, членом ученого совета Института государства и права Академии наук СССР. Проводит активную работу по расширению и упрочению связей с юристами других стран, пропаганде демократизма советской судебной системы, реального осуществления прав и свобод советских граждан».

Четырнадцать лет проработал А.Я. Сухарев первым заместителем Министра юстиции СССР. В марте 1984 г. он был назначен Министром юстиции Российской Федерации и исполнял эту должность четыре года.

Сухарев – юрист-профессионал, крупный ученый, хороший организатор. С его приходом в министерстве оживилась творческая деятельность, особенно много новых форм появилось в правовом воспитании граждан. Работать с ним было интересно. Его наиболее существенный вклад, наряду с работой по воссозданию в стране системы органов юстиции, – оснащение кадрового состава и системы повышения квалификации судей, нотариусов, адвокатов и других работников учреждений юстиции. Он стоял у истоков создания Всесоюзного института (ныне Правовой академии) Минюста и республиканских курсов переподготовки юридических кадров. В течение 17 лет бессменно руководил Межведомственным координационно-методическим советом по правовой пропаганде, в состав которого входили видные государственные и общественные деятели, руководители ведущих газет и журналов, органов теле-, радиовещания, представители науки и культуры. Именно в этот период в стране был введен правовой всеобуч. Основы государства и права стали обязательной учебной дисциплиной во всех звеньях средней профессионально-технической и высшей школы, создана широкая сеть общественных юридических консультаций, народных университетов правовых знаний, кружков и школ. Он был инициатором и автором проекта Постановления ЦК КПСС «Об улучшении правового воспитания трудящихся», за большие личные заслуги в этой области занесен в Книгу памяти Всесоюзного общества «Знание». Кандидатская диссертация А.Я. Сухарева посвящена проблемам формирования правосознания.

В 1988 г. Александр Яковлевич был выдвинут на должность Генерального Прокурора СССР.

А.Я. Сухарев говорил: «В стране слишком много принимается законов. Что это – попытка расширить правовое поле или это бессилие, признак того, что общество больно? Но в таком случае законы не лучшее лекарство. Как это ни странно звучит, их передозировка может усугубить болезнь».

Законы надо защищать. Это главное. Они должны неукоснительно соблюдаться. Лучше меньше законов, но чтобы каждый исполнялся. Убежден, в основе законов должны быть справедливость и человеколюбие».

На посту Генерального Прокурора СССР (1988–1990 гг.) А.Я. Сухарев оставил заметный след в отстаивании единства законности, в повороте внимания прокурорского надзора к защите прав личности. Именно его приказами были созданы специальные управления по надзору за законностью в социальной, экономической, экологической сферах, получила «зеленую улицу» сеть экологических прокуратур. На фоне перестроечного романтизма и массированных «демократических» наездов на прокуратуру это был не только дальновидный шаг против сползания общества в болото анархизма, но и смелая принципиальная позиция отстаивания законности и справедливости. Во время перестройки, когда конъюнктурные политики от юстиции пытались использовать лжезаконность в своекорыстных «разоблачительных» делах, он остался верен правде и справедливости, мужественно защищая Закон, а также честь и достоинство человека от сфабрикованных наветов.

Перестройка не только вызвала к жизни активность масс, но и породила немало проблем, когда идеи и лозунги часто опережали нормативную и правовую базу и законодательство, обострялись межнациональные отношения. В этой обстановке прокуратура часто оставалась один на один с этими проблемами, и Сухарев оказался тем человеком, который в этой обстановке сумел по-новому взглянуть на роль, формы и методы деятельности прокуратуры.

Смелый, одаренный и незаурядный человек, отличавшийся свежестью мыслей, способный трезво, без предвзятости взглянуть на обстановку и реально ее оценить и сообразно действовать, он прежде всего обратился к проблеме определения концепции и приоритетов в деятельности прокуратуры на новом этапе развития общества.

В результате широкого обсуждения была выработана более четкая и стройная система взглядов на предмет и пределы прокурорского надзора, в том числе в области хозяйственного, природоохранного, трудового и социального законодательства. Особо была подчеркнута проблема надзора за соблюдением законов о правах и свободах человека, и этому было придано особое звучание. Одним из новых приоритетов в деятельности прокуратуры стал надзор за исполнением законов о межнациональных отношениях.

Сухарев повел решительную борьбу с нарушениями законности в следственной части Прокуратуры СССР, с произволом, который порой допускался отдельными следователями. Нелегко все это было сделать. Пришлось выдержать немалые бои, в том числе и на Съезде народных депутатов СССР. Но он мужественно сражался, отстаивая законность и правопорядок

Последние годы Александр Яковлевич на научной работе, сначала в качестве заместителя директора, а затем директора Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре Российской Федерации. В годы радикальных реформ характер деятельности НИИ

во многом определяется осложнившейся криминальной ситуацией в стране. Возглавляемый доктором юридических наук А.Я. Сухаревым коллектив института в условиях кризиса законности и правового нигилизма занял активную позицию. Сухарев заявил, что необходимо исследовать корни, причины криминализации и заняться разработкой мер по их преодолению. Наиболее заметным делом института стало его участие в подготовке правительственных программ борьбы с преступностью, проектов новых Уголовного, Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального кодексов. Определяющее влияние Сухарева как руководителя института и практика проявилось в разработке теоретической модели Основ государственной политики борьбы с преступностью.

О широте научных интересов Александра Яковлевича свидетельствует более 120 исследовательских, научно-публицистических работ, значительная часть которых посвящена разработке актуальных проблем законности и правопорядка, совершенствованию деятельности правоохранительной системы, особенно в условиях переходного состояния общества.

Он был главным редактором первого в послевоенный период энциклопедического юридического словаря, одним из инициаторов выпуска массового журнала «Человек и закон». Под его руководством, научным редактированием издана «Большая юридическая энциклопедия».

При его непосредственном авторском и редакторском участии вышли такие фундаментальные работы, как «Концепция развития российской прокуратуры на переходный период», «Состояние законности в России: Аналитический доклад (1994–1995)», учебник «Российский прокурорский надзор», научный комментарий к Закону о Прокуратуре Российской Федерации и ряд других. Важнейший научный труд – его докторская диссертация «Феномен российской преступности в переходный период: тенденции и пути преодоления».

Заметная веха в биографии члена коллегии Генеральной Прокуратуры, заслуженного юриста России А.Я. Сухарева – его многоплановая общественная деятельность. Около 15 лет он возглавлял Ассоциацию советских юристов, был первым вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов, одним из инициаторов международного движения юристов, выступавших за запрещение ядерного оружия, он сопresident Всемирной организации «ИАЛАНА», известной своими крупными антивоенными акциями в ООН, Гаагском международном трибунале и других международных неправительственных организациях.

Как видного общественного деятеля и участника войны ветеранские и другие общественные организации избрали его президентом Межрегионального общественного фонда «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Цель Фонда – сохранить и увековечить в памяти народа, его молодого поколения героический подвиг сынов и дочерей Отчизны, защищавших ее свободу от фашистских захватчиков, воздать должное величию русского полководческого таланта, патриотизму и мужеству прославленных маршалов и генералов. Мемуары

Г.К. Жукова, книга маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» – яркое свидетельство благородных начинаний руководства Фонда.

По книге «На службе закону и справедливости».

В.Сысоев (2002 г.)

С Александром Яковлевичем Сухаревым я проработал более 15 лет. Совсем молодым он ушел на фронт. Боевой офицер, дважды тяжело раненный, участник многих боевых операций, награжденный за боевые заслуги самыми высокими боевыми наградами.

Получив высшее юридическое образование, он стал одним из руководителей правоохранительной системы в стране. На постах первого заместителя Министра юстиции СССР, Министра юстиции России, Генерального прокурора СССР он проявил большие организаторские способности в укреплении законности и правопорядка в стране.

Совмещая свои служебные обязанности с большой общественной работой, он пользовался и пользуется колоссальным авторитетом в международных общественных организациях не только в нашей стране, но и за рубежом. Был президентом Ассоциации советских юристов, одним из руководителей международной ассоциации юристов-демократов, профессор, доктор юридических наук.

Наряду с высокими профессиональными качествами проявляет большую заботу и внимание ко всем людям, с которыми сталкивает его судьба.

Несмотря на большую занятость, нашел время для работы над книгами о генерале Черняховском, под началом которого воевал на фронте. Вышел из печати его труд о Нюрнбергском процессе – это, безусловно, исторический труд. В личной жизни – заботливый муж, добрый и внимательный отец и дедушка.

Ветеран Великой Отечественной войны и юстиции А.А. Дубинский

СУХАРЕВ ИСАЙ ЮЛЬЕВИЧ

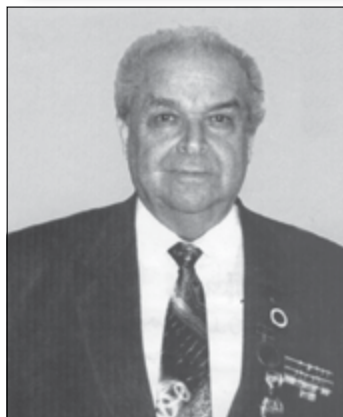
Исай Юльевич Сухарев родился 24 сентября 1923 г. В декабре 1942-го в возрасте 19 лет после окончания пехотного военного училища в качестве командира штурмового взвода был направлен на Северо-Западный фронт. При штурме вражеского дзота под городом Старая Русса был тяжело ранен. После выздоровления в составе 150-й стрелковой (Берлинской) дивизии, бойцы которой водрузили Знамя Победы над Рейхстагом, в качестве командира роты автоматчиков освобождал города Невель, Новосокольники и Идрицу.

В 1944 г. после тяжелого пулевого ранения был признан ограниченно годным к строевой службе и направлен в конвойные войска НКВД.

За проявленное в боях мужество И.Ю. Сухарев награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями. Заслуженный юрист РСФСР. В Минюсте – зам. руководителя Департамента правовой помощи – начальник отдела адвокатуры.

Исай Юльевич Сухарев прошел Великую Отечественную, как говорится, «от звонка до звонка».

В начале 1942 года он был призван в Красную армию и направлен в Тамбовское пехотное училище, закончив которое в звании лейтенанта попал в действующую армию на Северо-Западный фронт. В качестве командира роты участвовал в ожесточенных боях под Старой Руссой, где и получил боевое крещение. Его рота входила в 674-й полк 150-й дивизии, которая закончит войну под именем Идрицко-Берлинской дивизии. Полк же, в котором служил Исай

Юльевич, знаменит тем, что рядовой этого полка Александр Матросов совершил свой бессмертный подвиг, закрыв телом амбразуру немецкого дота.

Исай Сухарев воевал не числом, а умением, старался сохранить своих бойцов, что ему, к сожалению, не всегда удавалось, особенно во время наступательных сражений.

В декабре 1942 года во время боев за деревню Вязовка он получил первое тяжелое ранение в грудь, попал в госпиталь, но через два месяца вернулся в строй в свой полк, уже как командир отдельной лыжной роты, где, несмотря на войну, было место и для юмора из серии «смех сквозь слезы».

Как теперь известно, большая часть лыжников-спортсменов и лыжников-любителей, но достаточно хорошо владевших лыжами, была выведена из строя в конце 1941 года, когда их бросали в тыл немцам недостаточно хорошо вооруженными автоматическим оружием. Последнее обстоятельство приводило к большим потерям личного состава. И вот в таких условиях Исай Сухарев становится командиром отдельной лыжной роты, в которую прибыло пополнение из среднеазиатских республик Союза ССР. Новые бойцы впервые в жизни увидели снег, не знали, что такое лыжи и, конечно, не могли на них стоять. Обучение им давалось с трудом, очень часто во время переходов они сбрасывали лыжи и шли по снегу чуть ли не босиком.

– И все-таки, – подчеркивает Исай Юльевич, – мы шли вперед и били, били врага. И это было естественно – ведь мужество, самопожертвование, героизм нашего народа вошли в историю, и что бы ни говорили сейчас некоторые подонки, не даром во всем мире нашу победу называют великим подвигом.

Да вот вам один из эпизодов войны. На поле боя санитарка, маленькая девушка, была ранена в ногу, но продолжала перевязывать раненых, укрываясь в воронке. Минометный огонь усилился. Осколками ее снова ранило – в обе ноги. Тогда она, упав на дно воронки, подняла окровавленный бинт и стала кричать: «Кто ранен, подползайте ко мне. Я сама двигаться не могу». Вы подумайте! Девушка, несмотря на собственные раны, прежде всего старается помочь бойцам, отдает людям свои последние силы.

– Все это помню, – продолжает И. Сухарев, – как будто было вчера. А ведь прошло столько лет! Впрочем, я убежден, что война, все, что с ней связано, – в глубине души каждого фронтовика. Забыть это нельзя. У людей умственного труда якобы вырабатывается способность помнить только то, что они хотят помнить. Но способность эта не властна перед минувшими годами войны.

Когда мне трудно, вспоминаю, как шли вперед и вперед, и, казалось, нет сил держать в руках винтовку. Как-то – было это во время наступления наших войск – не пришлось смыкать глаз почти пять суток. Сейчас, когда не спится, вспоминаю это – так моментально в сон клонит.

Война, я убежден, чужда естеству человека. Поэтому я со страхом смотрю на то, как все больше конфликтов стараются решить силовым путем, причем применяя самые варварские методы уничтожения людей, демонстрируя такую жестокость,

какой никогда не было в минувшей войне. И все это под флагом борьбы за родину, за честь и свободу своего народа.

Однако вернемся к Великой Отечественной.

Летом 1943 года Сухарева назначили командиром роты автоматчиков, но теперь его дивизия входила во 2-й Прибалтийский фронт. В марте 1944 года во время наступления на Рижском направлении он получил слепое пулевое ранение в голову, потерял сознание, и только фронтовые собаки – сибирские лайки (которые тоже служили в армии) нашли его, погрузили и на санках доставили в госпиталь. После окончания лечения Исай Юльевич был признан ограниченно годным и был переведен в войска НКВД, дислоцировавшиеся в Москве. Он честно провоевал и единственное, о чем жалеет, что после второго ранения не смог вернуться в свой полк и в свою дивизию. Ведь она участвовала во взятии Берлина и рейхстага.

Сухарев имеет боевые награды – ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медали.

После окончания войны Исай Юльевич оставался в армии до 1946 года, когда был демобилизован по инвалидности. Но еще находясь на армейской службе, он поступил на заочный факультет юридического института. Московский юридический институт он закончил в 1950 году и впоследствии постоянно работал в органах юстиции. Вся его деятельность связана с адвокатурой, хотя сам непосредственно адвокатом в суде никогда не выступал. Тем не менее, зная хорошо все тонкости адвокатской работы, он активно участвовал в подготовке союзного Закона об адвокатуре, за что получил благодарность от Верховного Совета СССР (лично от М.С. Горбачева). Помимо этого, Исай Юльевич разрабатывал положения об адвокатуре и инструкцию об оплате труда адвокатов.

В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Организация и деятельность адвокатуры в России».

И.Ю. Сухарев – заслуженный юрист РСФСР.

– Вряд ли кто-нибудь мог предположить, что пройдет всего несколько десятилетий, – как бы подводит итог нашему разговору Исай Юльевич, – и будут демонтированы памятники воинам-освободителям в Прибалтике, погашен Вечный (Вечный!) огонь в Старой Руссе, где мне довелось воевать... Но я уверен – неистребима память в народе, память о героях, отдавших жизнь за Родину, неистребимо, несмотря на все обиды, которые нам сейчас приходится выносить, уважение к тем, кто прошел тот страшный воинский путь.

Не стареют душой ветераны. – Журнал «Советская юстиция», №9–10, 1992 г. О. Согомонян.

СУШЕНЦОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

Леонид Васильевич Сушенцов родился 16 марта 1922 г. С начала войны 1941–1945 гг. был призван в ряды Советской Армии. Защищал Сталинград, где 10 декабря 1942 г. был ранен. С 1943 г. в составе 59-й гвардейской стрелковой дивизии прошел всю Украину и ряд западных стран. Сначала помощником командира взвода автоматчиков, потом командиром взвода автоматчиков, разведки.

Освобождал города Луганск, Краматорск, Запорожье, Одессу, Тирасполь, форсировал реку Северный Донецк, первым со своей группой в полосе 183-го полка – реку Днепр и реку Дунай в районе города Будапешт. Три раза ранен.

Войну закончил младшим лейтенантом, на отдых вышел в 1988 году полковником.

Стоял у истоков создания ветеранской организации.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, 28-ю трудовыми и боевыми медалями: «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта» и другими.

За период войны и в мирное время смерть набрасывала свою удавку, но счастье оказывалось на моей стороне.

Мои записки – в пределах диапазона только взвода, роты, но чистая правда. Что я видел, делал и чувствовал. Одно скажу. Патриотизм был огромным, шли на смерть за Родину, другого мы не знали.

В настоящее время все по-другому и неприемлемо для нашего поколения. Нужно возродить дух русского человека, его настоящий патриотизм, твердость убеждений, а самое главное – любовь к своей Родине.

Родился я 16 марта 1922 года в крестьянской семье. С начала войны 1941–1945 гг. был призван в ряды Советской Армии. 50 дней защищал Сталинград, где 10 декабря

1942 года был ранен. Госпиталь. Учеба в военном училище. Не закончил его – училище расформировали и учащихся направили на фронт.

С 1943 года в составе 59-й гвардейской стрелковой дивизии прошел всю Украину и ряд западных стран. Сначала помощником командира взвода автоматчиков, потом командиром взвода автоматчиков, разведки.

Освобождал города Луганск, Краматорск, Запорожье, Одессу, Тирасполь, форсировал реку Северный Донецк, первым со своей группой в полосе 183-го полка – реку Днепр и реку Дунай в районе города Будапешт. Три раза ранен. Награжден четырьмя боевыми орденами и 28-ю трудовыми и боевыми, а также другими медалями.

Войну закончил младшим лейтенантом, на отдых вышел в 1988 году полковником.

Стоял у истоков создания ветеранской организации, с которой на добровольных началах была связана вся дальнейшая жизнь.

Несколько эпизодов моей фронтовой жизни.

Уничтожил 6 немцев

Это было уже после освобождения города Краматорска в Александрийском районе. Немец отступал, мой взвод выдвинут вперед на 5–10 км. Прошел от Краматорска много деревень и сёл, немцев не было. Двигались по всем правилам с передними и боковыми дозорами. Большое село. Утро. К нам вышел старичок. Есть ли немцы? Говорит: сынки, они ушли. Вынес нам рамку меда, и после этого мы беспечно, толпой пошли вперед.

Перешли талую речку – и новое большое село. В первой хате огонек светится, сестра Катя решила открыть дверь, я ее оттолкнул и сам открыл дверь.

Там 6 человек за столом пьют молоко. Я разрядил весь диск автомата и в окно забросил две гранаты. Мы поняли, что в селе стоят немцы. Мы с боем прошли 5–6 домов. Потом немцы на двух автомашинах подбросили человек 40, нам пришлось удирать. У меня ранило одного бойца.

Здесь, на этом рубеже, наш полк задержали на два дня. Потом он снова пошел в отступление. Мы зашли в тот дом, где было убито 6 немцев. В это время хозяйки не было, она ушла на речку за водой. Она рассказала, что эти немцы были на посту у речки и пришли к ней завтракать. Показала могилу, где их захоронили. А если бы не такое стечение обстоятельств, наша группа была бы полностью уничтожена.

Этот урок был для меня очень серьезным. Наша беспечность могла бы привести к большим потерям и невыполнению задания командования.

После войны, когда я был приглашен в этот район, мне рассказали, что этот старичок, который дал нам неправильную информацию, оказался полицаем и его впоследствии судили.

Мои подробности по городу Запорожье

Тоже в порядке боевой разведки мой взвод был направлен вперед. Шли мы по окраине города Запорожье. Рано утром. Туман. Улица спускалась по направлению к реке Днепр. Справа глубокий овраг, а слева тянулась улица домов. Немцы нас

еще не ожидали и не заметили. Они охраняли мост через овраг, и стояла пушка. Мы открыли огонь, немцев разогнали, захватили их пушку, и они не успели взорвать мост. В это время из переулка выскочила легковая машина. Мост был захвачен нами. Фашистам пришлось по улице уходить от нас вниз в сторону реки Днепр и станционных железнодорожных путей.

Улица оказалась тупиковой. Я взял одного солдата – и вдогонку, стрельба не дала результатов. На станционных путях мы догнали машину, я вскочил на подножку и за руль повернул ее в стену водокачки. Машина встала. Шофер и офицер перепугались и сопротивления не оказали, шофер был русский, офицер – немец, в машине продукты и какие-то бумаги.

Сделали им обыск, и я отправил машину в штаб полка, так что она была не уничтожена.

Командир полка Андрищенко после войны получил в городе Запорожье квартиру и был избран почетным гражданином города.

Несколько слов о городе Краматорске

Немцы до Краматорска с боями отступали, мой взвод посадили на два танка Т-34. Когда подъезжали к городу, из-за меловой горы из орудий нас начали обстреливать. Мы спрыгнули на ходу и кукурузным полем пошли к бетонной стене, через нее перебрались на территорию завода, прочесали – и немцев не оказалось. Они ушли за речку, которая пересекала территорию завода и города. Здесь они создали мощную оборону. Мы, не зная об этом, приняли решение перебраться на другую сторону по навесной дороге. По нам был открыт мощный огонь. Мы отступили. Полк в полном составе подошел. В освобождении города участвовало много частей, были очень трудные уличные бои. Немцы отчаянно держались несколько дней. Мы несли потери. Но город освободили. Народ очень горячо нас встречал.

На 60-летие нас приглашали. Я из-за болезни не поехал. Из Москвы из нашей дивизии было четыре человека. Мне привезли подарки и книгу «Золотая осень Победы», где были напечатаны и мои воспоминания.

А в целом на разные юбилеи Победы в Великой Отечественной войне меня приглашали, и я ездил в Краматорск – 4 раза, в Запорожье – 2 раза и еще несколько раз в сельские районы, а также на 40-летие 59-й гвардейской стрелковой дивизии, которая размещалась в городе Тирасполе. Последним ее командиром был тов. Лебедь. Украинцы были очень гостеприимны, встречали нас отлично, а во время войны они пополняли наши ряды в армии.

Как мы форсировали реку Днепр

После освобождения города Запорожье нашу дивизию, а знаю только о своем 183-м полке, направили пешим порядком вниз за город Никополь. Пришли ночью. Здесь перед полком была поставлена задача форсирования реки Днепр. Обстановка мне, например, как командиру взвода, была неизвестна, я думаю, и комполка представлял ее смутно.

Он вызывает меня и призывает первым со своим взводом в эту же ночь форсировать Днепр и захватить плацдарм на правом берегу. Приказывать, он сказал,

не может, так как было указание вышестоящего командования на форсирование набирать добровольцев, а этим ему не было времени заниматься.

При этом он обещал, что при выполнении задачи все будут представлены к награждению «Героем Советского Союза».

Я не соглашался, так как обстановки мы не знали, наблюдения за противником не вели, это было очень опасно, я не мог решать судьбу за своих ребят. Он сказал – иди поговори. Я пошел, ребята были боевые, большинство согласилось. Мы встали до 5 часов. Утром вели наблюдение, кое-что узнали полезное: огонь ведут и бросают ракеты немцы не на широком фронте. Придали нам два человека саперов, два человека с ручным легким минометом. Подготовили две резиновые лодки, людей проинструктировали, как себя вести, было несколько пробковых поясов, забрали у нас документы.

Было 5 часов утра. Сильный туман, видимость плохая, ориентировались по немецким ракетам. Немцы нервничают, но все было сделано для них тихо и незаметно. Видимо они не предполагали о нашей дерзкой операции, никакой огневой подготовки не было, тишина. Нас 20 человек. Что нас спасло:

- 1) Был у немцев гарнизон небольшой. Два пулемета и автоматы.
- 2) Мы не могли удержать направление, и нас снесло на 80–100 метров, в результате чего немцы не заметили нашу высадку.
- 3) Не было минных полей.

Мы очень тихо, незамеченными высадились на правый берег и стали осторожно продвигаться к их окопам, конечно, впереди саперы. Зашли немного в тыл и, не доходя 40–50 метров, открыли массированный огонь, так без потерь, без серьезного боя захватили плацдарм. Для них было неожиданно, и они через плавни ушли вглубь до расположения своих войск. Плавни простирались примерно шириной 3–4 км, где у них была в селе Усть-Кут организована оборона.

Конечно, все мы очень боялись этой переправы и встреч с немцами. Для резиновой лодки достаточно одного пулевого попадания – и мы потоплены.

Я даю условный ракетный сигнал – и полк приступает к переправе. Переправлялась только пехота, взводы минометчиков и ПТЭР, а также легкие орудия. На это ушло более суток, а за плавнями очень сильная оборона, сильное сопротивление, большие наши потери, бои шли за каждый дом.

Штаб командира полка разместился в плавнях недалеко от села. Штаб – это несколько офицеров, взвод автоматчиков и разведчиков. Пехота воевала.

Через два дня в нашем тылу по плавням с непрерывной стрельбой разрывными пулями выходило около 200 человек немцев из окружения в район города Никополь. Командир полка дает указание занять круговую оборону и по возможности уничтожить немцев. Их много, нас мало. Шли они, пьяные, напролом. После боя было обнаружено несколько трупов.

Конечно, никому звания героя не было присвоено, так как плацдарм был взят без потерь, и это было правильное решение.

После войны я спросил командира полка, почему обещание осталось не выполненным. Он сказал, что на полк не дали ни одного места на награждение героем.

А нужно сказать, что у солдат и младших командиров было поверье: наград не просить и с убитых ничего не брать, иначе самого убьет.

Несколько слов об Одессе

В то время я уже был командиром взвода разведки.

Мы, разведчики, захватили мост через овраг между городом Одессой со стороны Молдаванки и пригородным поселком. Это дало возможность пехоте ворваться в город и продолжить уличные бои. Они сумели пройти с боями до железнодорожного вокзала, освободив район Молдаванки города Одессы.

За время боев было очень много разных эпизодов. Это и взятие «языков», и проход в тыл противника. В период наступления, как правило, разведку с рацией направляли на стык воинских соединений, она была глазами и ушами полка, дивизии. В экстремальных случаях разведчики и автоматчики всегда были начеку. Вели наблюдение за противником. При необходимости защищали штаб полка, и много других обязательств было у этих, я бы сказал, элитных подразделений.

О первом боевом крещении при защите Сталинграда

В середине октября 1942 года нашу 93-ю бригаду привезли на ст. Баскунчак, откуда в пешем порядке мы шли к Сталинграду. Шли быстро, но сейчас не помню сколько времени. У стен Сталинграда были вечером. Картина для нас, новичков, была страшная: стрельба, город освещенисячами фонарями.

Переправили нас через реку Волгу удачно, без потерь в районе с. Бекетовки – это Кировский район города. Привели нас в овраг Купоросный и сказали отдыхайте. Мы как мертвые повалились. Рано утром над нами появились немецкие самолеты и начали бомбить, сбрасывая вместе с бомбами воюющие бочки. Мы, конечно, испугались и стали зарываться в песок. Немец отбомбил. Вскоре пробегает офицер и кричит: «Ребята, вперед, ваши уже наступают на гору Лысая». Где был наш командир взвода, не знаю. Мы стали выдвигаться беспорядочно по балке кверху к горе. Пошли в наступление. Нас было много. Немец открыл огонь. Сначала ползли, теряя людей, до верхушки сопки осталось 50–60 метров, поднимается какой-то командир и дает команду «вперед за Родину, за Сталина!». Мы все поднялись, ничего не понимая, и бегом к вершине, кричим «Ура, Ура, Ура!», стреляем на ходу, как будто какая-то психическая атака.

Немцы не выдержали, дрогнули, оставили боевые порядки, мы заняли его окопы. В это время уже нельзя применять авиацию и артиллерию. Нас поддержала своя артиллерия и била вглубь обороны.

Что из себя представляла сопка Лысая. Как мы потом узнали, она была выше Мамаева Кургана от уровня моря на 6 метров, совершенно голая, и с нее открывался обзор на п. Бекетовку, просматривалась большая часть города, река Волга и за Волгой. Это был очень и очень важный объект для немцев, практически весь район был как на ладони. Немцы яростно предпринимали меры по взятию этого рубежа: работала авиация и артиллерия.

Нам было ясно, об этом говорили командиры – если будем отступать, они нас в спину расстреляют всех. Держались насмерть. Участок по фронту был небольшой, и действовал здесь 7-й корпус 64(7)-й Армии Шумилина.

Через три дня нас сменила свежая воинская часть, мы ночью вышли в пос. Бекетовка на отдых и переформировку.

От нашей роты осталось 13 человек. Тыловики подразделениями бригады нас пополнили, мы помылись в бане, и через несколько дней мы снова на сопке. Оборонялись, и были наши выступления, рыли окопы в полный рост и помаленьку теснили немцев подальше от сопки.

Так продолжалось 50 дней. 10 декабря в одном из наступлений меня ранило. Меня отправили в тыл. Когда мы были первые три дня на сопке Лысая, то старшина нас не обеспечивал питанием, а главное – водой. Губы растрескались. Язык распух, но мы держались, позиции свои не сдавали. Потом в Бекетовке перед строем старшина за трусость был по решению полевого суда расстрелян. 93-я бригада формировалась в Сухоложье Свердловской области за счет солдат нашего кавалерийского полка, из училищ, частично немного из госпиталя, но костяком были моряки с Дальнего Востока. Комсостав был из моряков.

Были очень трудные дни, большие бои, даже сейчас трудно вспоминать, что было тогда (была и неразбериха), как мы выдержали и победили. Остаться в живых никто не думал. На горе возведен обелиск в честь 7-го корпуса.

Извините, немного материал изложен сумбурно, но эти строки давались тяжело. Военные годы прошли через всю жизнь и в памяти остались трудные времена.

После госпиталя направили меня учиться в город Энгельс, где размещалось 3-е Орджоникидзевское пехотное училище. Через три месяца его расформировали, были большие трудности на фронте, нам присвоили звание старших сержантов, и я был направлен в 59-ю гвардейскую стрелковую дивизию, с которой была связана вся дальнейшая служба во время войны.

Ныне мелкие чиновники не понимают величия победы, не все, но многие бездушные медицинские работники, ЖКХ и даже соцслужбы наши проблемы решать не хотят, считают нас какими-то изгоями, в делах и на уме, у них, и на лице написано: уходите быстрее, не мешайте, не путайтесь под ногами.

Разве мы в чем-то виноваты, если нам за 80 лет, чтобы к нам так относиться, лично на себе испытал множество случаев равнодушного отношения.

Единственно, мы благодарны мэру города Москвы Лужкову Ю.М., который лично многое делает для того, чтобы скрасить нашу нелегкую старость.

Л.В. Сушенцов. Воспоминания

Полковник внутренней службы в отставке Леонид Васильевич Сушенцов в марте 2002 года отметил свое 80-летие, его биография – это «биография страны и учебник для молодого поколения».

Неимоверно тяжелые годы детства Леонида Васильевича. Он рассказывает, как в голодовке 1931–1932 годов родители, чтобы дети не сразу съели пайку черного

хлеба, подвешивали ее на недостижимую высоту к потолку, как в любую погоду в лаптях добирался до школы, а до нее 4 километра, как наравне со взрослыми трудились на поле. Он считает, что закалка, полученная еще в детстве, помогла ему и всем нам выиграть Великую Отечественную войну. Война, безусловно, была испытанием для всего поколения, и Леонид Васильевич это испытание выдержал с честью.

Четыре боевых ордена, в том числе два ордена Красной Звезды и ордена Отечественной войны I и II степени, около двух десятков медалей – вот далеко не полная оценка его заслуг перед Родиной.

А почему не полная – можно судить хотя бы по факту, о котором рассказала газета 59-й гвардейской стрелковой дивизии «Победа за нами», статья называется «Комсорг Сушенцов». Вот выдержка из нее.

«В одном селе Сушенцов ворвался в дом, а там засело 6 фрицев – уничтожил всех. Первым очутился у траншей, забросил фрицев гранатами, огнем автомата скосил четверых. По его примеру все отделение первым ворвалось в город...». Так писали газеты. А был это город Запорожье. Перед сражением объявили, что Сушенцов представлен к ордену Богдана Хмельницкого II степени. К сожалению, орден тогда не дошел до героя.

Вспоминается и еще один случай, когда перед строем объявлено, что за взятие моста через Глубокий овраг в Одессе Л.В. Сушенцов представлен к ордену Отечественной войны I степени. Но и это заслуженное отличие где-то искало ветерана.

А вы посмотрите, какова «география» боевых наград:

«Медаль за оборону Сталинграда», орден Красной Звезды за форсирование реки Северный Донец, орден Отечественной войны II степени за освобождение Донбасса, второй орден Красной Звезды – как разведчику за взятие «языков» в тылу врага на территории уже Венгрии, потом медаль «За взятие Будапешта».

Из книги «Во имя павших и живых во имя».

Председатель Совета ветеранов т. Кременецкий В.А.

Комсорг Сушенцов – уже опытный воин, дважды орденосец, в армии с 1941 года, был и на Сталинградском фронте. Тов. Сушенцов, командир отделения, как верный сын комсомола, подкрепляет свою работу образцами храбрости и героизма.

Перед каждым боем тов. Сушенцов собирает своих комсомольцев. Такое собрание, например, состоялось 20 октября. Здесь каждому комсомольцу было указано, что делать в бою, что в минуту затишья.

И комсомольцы ведут большую работу. Особенно важна их помощь молодым бойцам. Они рассказывают, как вести себя под огнем, как бороться с вражескими танками, говорят о боевых традициях части, о славном пути гвардейцев.

Вся организация проявляет героизм в боях с немецкими захватчиками. Все отмечены правительственными наградами, а сам комсорг тов. Сушенцов,

Дюженко, Федченко, Бугаев, Сунечин и Рыбин – дважды орденоносцы. Тов. Сушенцов – уже опытный воин, в армии с 1941 года, был и на Сталинградском фронте.

Организация пользуется большим уважением среди несоюзной молодежи. А массовая работа, развернутая ею под руководством Сушенцова (он комсорг с июня), тем более помогает ее росту. Так, в последнее время принято в комсомол немало лучших бойцов и командиров.

Серьезную работу ведет организация по подготовке лучших комсомольцев в партию. Девятерых она уже рекомендовала.

Тов. Сушенцов – командир отделения. И свою воспитательную работу он, как верный сын комсомола, подкрепляет образцами храбрости, героизма. В одном селе ворвался в дом, а там засело 6 фрицев – уничтожил всех. И на штурме высоты он был образцом. Первым очутился у траншей, забросал фашистов гранатами, огнем автомата скошил четверых.

По его примеру все отделение первым ворвалось – в недавних больших боях – в город. Захватили вражескую пушку; командир уничтожил автомашину, подразделение комсомольца Сушенцова обеспечило развертывание действий всего остального состава штурмующих».

Статья «Комсорг Сушенцов» из фронтовой дивизионной газеты «Победа за нами». 1943 год. Автор гвардии капитан Ф. Парголин.

ТАМБОВЦЕВ НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ

Николай Егорович Тамбовцев родился 25 декабря 1926 г. Участник Великой Отечественной войны, ветеран военной службы.

Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Полковник юстиции. Советник юстиции 1-го класса. В Минюсте – начальник контрольного отдела.

Родился я в семье потомственных крестьян 25 декабря 1926 года в селе Муромцево Омской области.

В 1943 году закончил 10 классов и 7 ноября этого же года был призван в Советскую Армию.

К этому времени, в феврале 1942 года, под Ленинградом был убит старший брат Иван, и находился на излечении в госпитале раненный в боях средний брат – Алексей.

Отец, Егор Данилович, хлебнувший лиха в Первую мировую (провел 8 лет в немецком плену), проводил из дома последнего сына.

10 ноября 1943 года я уже обживал с сослуживцами казарму (землянку на 100 мест) в 387-м Омском запасном стрелковом полку, дислоцировавшемся далеко за городом Омском на берегу реки Иртыш.

Что поразило меня – это высокая организованность в быту и учебе. Никакой расхлябанности. Особенно санитарное состояние. Всех прибывших пропустили через санобработку и баню. Выдали новенькое обмундирование и белье. Я был удивлен тем, что кальсоны были теплые, но под них еще давались из тонкого материала. Это мероприятие повторялось регулярно каждые 10 дней в течение 8 месяцев учебы. Учеба только полевая, независимо от погоды, велась от темна до темна. Понятия о «стариковщине» не было.

По окончании учебы был сформирован эшелон для отправки на фронт. Однако появившийся в эшелоне посторонний майор (как оказалось, представитель Омского Краснознаменного пехотного училища) отобрал несколько человек, имевших среднее образование, и доставил в это училище.

С 10 августа 1944 года по август 1947 года я учился в этом училище. Готовить кадрового пехотного офицера там умели. О чем я не сожалею до сих пор.

По окончании училища и присвоения звания «лейтенант» я был направлен в Группу оккупационных войск в Германии.

В штабе 4-й Танковой армии (г. Эберсвальд) получил назначение в 26-й Краснознаменный нежинско-кузбасский механизированный полк 7-й общевойсковой дивизии (г. Фюрстенвальде). Там был назначен командиром учебного минометного взвода. Затем на равнозначную должность был переведен в гаубично-минометный полк той же дивизии. Там дослужился до начальника разведки дивизиона.

В 1950 году по ротации был переведен в Забайкальский военный округ (г. Чита).

В 1953 году, сдав предварительные экзамены в округе, был допущен до стадии вступительных экзаменов в Военно-юридическую академию, которые проводились для абитуриентов Забайкальского и Дальневосточного военных округов во все академии в г. Хабаровске.

Успешно сдав экзамены, в августе 1953 года я был зачислен слушателем Военно-юридической академии, которая в 1956 году вошла в состав Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Эту академию закончил в 1957 году.

После окончания был назначен следователем Омского гарнизона Сибирского военного округа. В этом округе прошел все ступеньки следственной работы: следователь, старший следователь, прокурор-криминалист, старший помощник прокурора округа по пересмотру дел о государственных преступлениях, прокурор гарнизона, начальник следственного отдела округа и в течение двух лет – военной прокуратуры Центральной группы войск (Чехословакия).

В 1974 году приказом Министра обороны СССР мне было присвоено воинское звание «полковник юстиции».

Прокурско-следственная работа в условиях армии – нелегкий хлеб. Представьте себе масштабы Сибирского военного округа. Это Алтайский и Красноярский края, Омская, Томская, Кемеровская, Тюменская области и Тувинская республика.

Один только Красноярский край по территории равен восьми Франциям плюс суровые климатические условия. Были годы, когда в течение 6 месяцев находился в командировках.

Из всех законченных самим лично дел стоит особняком одно – это дело о хищении со склада неприкосновенных запасов понтонно-мостового батальона 19-й железнодорожной бригады, дислоцировавшегося в г. Мариинске, Кемеровской области, ящика гранат «Ф-1» и ящика карабинов (10 шт.).

Дело было изъято из производства прокуратуры Кемеровского гарнизона и передано мне как прокурору-криминалисту. Оно было раскрыто мною за две недели.

Все это время моя работа была под пристальным надзором местных партийных органов, руководства прокуратуры округа и особенно первого заместителя Председателя КГБ при Совете Министров СССР генерала армии Цвигуна С.К.

Закончил военную службу в прокуратуре Ракетных войск стратегического назначения в октябре 1984 года. В общей сложности прослужил в рядах Советской Армии 41 календарный год.

На заслуженном отдыхе пробыл четыре месяца, до февраля 1985 года.

После собеседования, проведенного со мною Генеральным Прокурором СССР А.М. Рекунковым, я был назначен на должность прокурора Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах. В этой должности проработал до ликвидации этой прокуратуры, то есть до 1991 года.

Приказом Генерального Прокурора СССР в августе 1986 года мне было присвоено звание «старший советник юстиции».

Результаты проверок ряда дел в порядке надзора были предметом заседаний Коллегии Прокуратуры СССР (дело Сургутского В.А., дело Худенко И.Н., дело Пирцхалавы К.А.).

Поскольку после прокурора-криминалиста я стал старшим помощником прокурора округа по пересмотру дел о государственных преступлениях, мне поручили поддержание государственного обвинения по делу о массовых беспорядках в окружном дисциплинарном батальоне. В последнем внедрились и расцвели воровские законы. Создалась своя иерархия «звонарей», то есть лиц, которые за систематические нарушения воинской дисциплины были лишены права досрочного освобождения и должны были отбывать наказание «от звонка до звонка», то есть полный срок. Под их влиянием батальон вышел из повиновения командованию, и, более того, были сожжены почти все строения.

К уголовной ответственности было привлечено восемь человек, связанных между собой круговой порукой. При этом была очень зыбкая свидетельская база – осужденные, не заинтересованные в установлении истины. В суде все восемь обвиняемых, с помощью родителей, имели защитников.

Против всей этой команды я, как государственный обвинитель, был в единственном числе. Процесс длился почти месяц. Пределы истощения даже сейчас трудно представить. Приговор был обвинительный.

Но особого напряжения потребовало поддержание государственного обвинения в Верховном Суде СССР по делу бывшего управляющего делами ЦК КП Узбекистана Умарова Турсун-Мурата, обвинявшегося в получении взяток и злоупотреблении служебным положением. Суд вынес обвинительный приговор. Особенность дела состояла в том, что расследование сопровождалось бригадой следователей под руководством Гдляна и Иванова, а в отношении последних в период судебного разбирательства в прессе велась уничтожающая их критика как нарушителей законности.

Шесть лет проработал в центральном аппарате Минюста России, большую часть начальником контрольного отдела.

Приказом Министра юстиции от 29.08.1993 присвоено звание «советник юстиции 1-го класса». Обилие законопроектов поступало в министерство для дачи заключений о соответствии их законам и представления в Правительство Российской Федерации. Это налагало большую ответственность на отдел по контролю за своевременное выполнение поручений.

Работники отдела Федоткин Н.К. и Опарин А.Т. вместе со мною, как мне представляется, справлялись с этой задачей.

За работу в Минюсте награжден нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России», медалями «В память 200-летия Минюста России» и Анатолия Кони.

Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями «За боевые заслуги»; «За трудовую доблесть»; «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «За безупречную службу» I и II степени; «Ветеран Вооруженных Сил СССР» и 10-ю юбилейными медалями.

Н.Е. Тамбовцев. Воспоминания

ТЕМЕРОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

Владимир Викторович Темеров родился 15 августа 1925 г. Штурман пикирующего бомбардировщика Пе-2. Награжден боевым орденом «Красное Знамя», орденами Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями, в том числе «За боевые заслуги». Полковник юстиции. В Минюсте – начальник орготдела по вопросам правовой пропаганды и правового воспитания военнослужащих Управления военных трибуналов.

Владимир Викторович Темеров родился 15 августа 1925 г. В 1942–1944 гг. учился в Ташкентском военно-авиационном училище стрелков-бомбардиров. С мая 1944 года он штурман пикирующего бомбардировщика Пе-2; в 1944 году после присвоения звания офицера направлен в 9 запасной авиаполк в г. Казани.

В сентябре 1944 года В.В. Темеров в составе эскадрильи прибыл на фронт в 122-ой гвардейский бомбардировочный авиаполк (под Брестом). За время пребывания на фронте совершил тридцать боевых вылетов (штурман звена бомбардировщика).

В 1946–1951 гг. В.В. Темеров учился в Военно-юридической академии Советской Армии и закончил ее с дипломом военного юриста.

Награжден боевым орденом «Красное Знамя», орденами Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалями, в том числе «За боевые заслуги».

Послевоенная служба – в органах военной юстиции.

В ноябре 1977 г. присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

После увольнения из рядов Вооруженных Сил в 1986 г., В.В. Темеров был начальником юридической службы Центрального совета военно-охотничьего общества.

Работал начальником орготдела по вопросам правовой пропаганды и правового воспитания военнослужащих Управления военных трибуналов.

ТЕРЕБИЛОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Владимир Иванович Теребилов родился 5 марта 1916 г. в Петрограде. Трудовую деятельность начал в 1931 г. учеником токаря на ленинградском заводе «Красный Октябрь». В 1933–1934 гг. он рабочий полярной уральской экспедиции. После окончания в 1939 г. Ленинградского юридического института работал в органах прокуратуры Ленинграда и Ленинградской области. В первые месяцы Великой Отечественной войны В.И. Теребилов был комиссаром рабочего отряда, побывал на переднем крае, организовывал партизанскую базу, затем вернулся в прокуратуру к своим профессиональным обязанностям.

Награжден орденом Великой Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Ленинграда», другими наградами.

Министр юстиции СССР (1970–1984 гг.). С 1984-го по 1989 г. – Председатель Верховного Суда СССР.

С уходом из политики Н.С. Хрущева советское руководство взяло курс на формирование социалистического общенародного государства. И тут стало понятно, что одним из обязательных элементов государства, претендующего на демократический облик, является наличие Министерства юстиции. Как свидетельствует мировой опыт, только эта гражданская структура способна установить правовую основу деятельности всех иных органов власти и обеспечить реализацию прав граждан. Но в СССР таковая структура была ликвидирована еще в 1956 г., а в РСФСР – в 1963 г. по причине «постепенного отмирания» государства и замены его общественным самоуправлением трудящихся. Значит, предстояло воссоздавать порушенное.

Новый курс был провозглашен постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», опубликованным 30 июля 1970 г. Речь, в частности, шла о повышении уровня государственного

руководства судами и другими учреждениями юстиции, об улучшении методического руководства правовой работой в народном хозяйстве, а также о налаживании работы по систематизации и кодификации законодательства. Все эти задачи возлагались на образуемое союзно-республиканское Министерство юстиции, чуть позже к ним прибавилось и методическое руководство правовой пропагандой. Решение партии и правительства легализовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа того же года, а на следующий день министром был назначен работавший заместителем Председателя Верховного Суда СССР юрист, кандидат наук В.И. Теребилов.

Выбор именно этой кандидатуры связан с тем обстоятельством, что судьба уберегла Владимира Ивановича от участия в репрессиях прошлых лет. За все время работы на юридическом поприще с 1939 г. ему ни разу не предлагали должность в так называемых спецпрокуратурах или спецсудах, и в конце карьеры он мог с понятным чувством сообщить, что не было ни одного обвинительного заключения или приговора по делам о политических преступлениях, скрепленных его подписью. Впрочем, причина незапятнанной репутации, возможно, кроется и в особо взыскательном классовом подходе кадровиков. В свое время они не допустили парня на судебно-прокурорский факультет Института имени Н.В. Крыленко, пришлось учиться на хозяйственно-правовом, поскольку в анкете значилось – сын служащего. Не исключено, что и в последующем эта отметка ограничивала допуск юриста к наиболее важным делам.

В.И. Теребилов родился в семье чиновника (портового кассира) и домохозяйки в Петрограде 5 марта 1916 г.

В 1931 г. в Ленинграде закрыли почти все седьмые классы, школьников направили на производство. Володя оказался на заводе «Красный Октябрь», а затем уехал с геологами на Северный Урал. По возвращении с трудового фронта Теребилов закончил школу и институт. Затем десять лет работал в прокуратуре, пережил блокаду, несколько месяцев воевал в составе рабочего отряда. Вырос от следователя и прокурора Парголовского района до начальника следственного отдела Ленгорпрокуратуры.

Из института его путь лежал в следственное управление Генеральной прокуратуры СССР, а еще через пять лет – на должность заместителя Председателя Верховного Суда Советского Союза.

Вот такой человек оказался в сентябре 1970 г. у руля возрождаемого Министерства юстиции Союза. Без малого 14 лет занимал Теребилов высокий пост.

Первоначально структура министерства выглядела таким образом. Три управления вели основные направления: обеспечение деятельности общих судов, систематизацию законодательства и законопроектную работу, а также руководство правовой работой в народном хозяйстве. Исполнение других функций возлагалось на отделы адвокатуры, нотариата и загсов, судебно-экспертных учреждений, судебной статистики, внешних сношений, правовой пропаганды.

При министерстве были учреждены Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, Всесоюзный научно-исследовательский

институт судебных экспертиз, Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции, а также Научно-консультативный совет.

В 1971 г. министерство пополнило Управление военных трибуналов, а в 1976 г. – Управление хозяйственного законодательства.

Как всегда при рождении новой управленческой структуры остро встал вопрос о помещениях. Сначала обходились комнатами Юридической комиссии при Совмине СССР, располагавшейся на улице Воровского (ныне Поварская), в здании Верховного Суда. Потом получили два этажа в огромном административном корпусе на только что открытом проспекте Калинина (ныне Новый Арбат). Наконец, обнаружился уютный четырехэтажный особняк у Яузских ворот по улице Обуха, 4а (ныне Воронцово поле). Правда, был он тесноват, но рядом возвели пристройку.

Главной проблемой для министра было определиться в концепциях деятельности. Наиболее остро дискутировался вопрос о взаимоотношениях министерства с судами. Часть юристов, особенно среди судей, полагала, что в интересах независимости судов все свои проблемы – от кадровых до хозяйственных – они должны решать сами. Минюст же должен содействовать этому выработкой соответствующих нормативных актов. Но другие ученые и юристы-практики считали, что судьям надлежит заниматься исключительно судебной работой и в отношении этой работы действительно недопустимо чье-либо вмешательство, в том числе Министерства юстиции. А вопросы организационные, кадровые, хозяйственные оно должно взять на себя, что как раз и способствовало бы независимости судов, поскольку исключало бы их непосредственные контакты с местными органами власти по поводу, скажем, «выбивания» лимитов на строительство новых зданий, оборудование, транспорт, квартиры и телефоны для судей. Именно последняя точка зрения получила поддержку у главы союзного правительства А.Н. Косыгина и была закреплена в Положении о Министерстве юстиции.

Министерство чутко реагировало на все решения партии и правительства. После каждого съезда или пленума ЦК проводились заседания коллегии и партийные собрания, на которых определялись очередные задачи. Например, постановление коллегии в связи с завершением работы XXVI съезда КПСС требовало от работников органов юстиции и судов все свои силы, знания и опыт подчинить выполнению задач по дальнейшему укреплению социалистической законности и правопорядка. При этом в области судебной деятельности особое внимание предписывалось уделять борьбе с такими явлениями, как туеядство, извлечение нетрудовых доходов, спекуляция, взяточничество, приписки, а также с «любыми посягательствами на социалистическую собственность».

Многие решения Минюста помогали судам избавиться от тех или иных недостатков. Скажем, его работники обнаружили пренебрежительное отношение некоторых судей к гражданским делам. В ряде судов не был даже определен порядок приема исковых заявлений. Дела о взыскании алиментов, разделе имущества, восстановлении на работе нередко затягивались, решения по ним чаще других поправлялись вышестоящими судами. Потому появился приказ «Об улучшении

организации рассмотрения судами гражданских дел». А впоследствии проведены проверки его исполнения. Министерство потребовало повысить квалификацию судей в области гражданского законодательства, разработать методику подготовки гражданских дел к судебному разбирательству, скрупулезно вести протоколы судебных заседаний.

В министерстве анализировали практику рассмотрения в органах юстиции и судах жалоб и заявлений граждан, работу с народными заседателями, исполнение судебных решений. Важным шагом для повышения престижа судов явилось постановление коллегии министерства о работе дисциплинарных коллегий, призванных рассматривать нарушения судьями законодательства и норм профессиональной этики. От министров юстиции и председателей верховных судов союзных республик Минюст требовал надлежащих условий для работы коллегий, изучения материалов о привлечении к дисциплинарной ответственности судей. Руководителям органов юстиции и судов, возбуждающим дисциплинарные дела, предписывалось принимать личное участие или обеспечивать участие своих представителей в заседаниях коллегий.

Немало удалось сделать для обустройства судов, только новых зданий было возведено около тысячи. Судьям была увеличена зарплата. В городах появились первые Дворцы правосудия, где были созданы необходимые условия для работы судей и приема граждан. Однако многие российские суды и по сей день ютятся в убогих помещениях, никак не отвечающих их высокому предназначению.

Усилиями Министерства юстиции советское законодательство приобрело более стройную, завершенную форму, удалось закрыть многие белые пятна. Появились Основы законодательства: жилищного, об административных правонарушениях, народном образовании, законы о Верховном Суде, прокуратуре, адвокатуре, государственном нотариате, о порядке рассмотрения трудовых споров. Новым Положением о паспортной системе колхозники, наконец, были приравнены к остальным гражданам. Срок действия авторского права для наследников писателей, художников, композиторов был продлен с 15 до 25 лет, пенсии вдовам фронтовиков стали выплачивать независимо от того, состояли когда-то эти женщины на иждивении у своих мужей или нет, в стране появилась единая классификация автодорог, на садовых участках разрешили возводить летние домики, разводить живность.

В конце 1970-х с подачи Минюста был принят закон, по-новому определивший положение отечественной адвокатуры. Был детально прописан порядок образования коллегий адвокатов. При согласии на то местной власти и Министерства юстиции вопрос об образовании нового профессионального объединения могла поставить любая инициативная группа в составе не менее трех лиц с высшим юридическим образованием, опытом работы и незапятнанной репутацией.

Несомненного успеха достигло министерство, ведомое В.И. Теребиловым, в деле систематизации и кодификации законодательства. В 1970 г. в стране действовало около 400 тыс. нормативных актов, в основном подзаконных. Многие из них дублировали, а какие-то и противоречили один другому. В министерстве привели этот массив в систему, и уже в конце года состоялось постановление

ЦК и Совмина об издании Собрания действующего законодательства. Главным редактором утвердили Министра юстиции. Ранее в нашем Отечестве подобное удалось только М.М. Сперанскому, издавшему полтора века назад Полное собрание законов Российской империи в 46 томах. На этот раз с 1973-го по 1977 г. вышли 50 томов, впоследствии дополненные еще десятью, изданными в связи с изменениями в законодательстве.

В ходе этой работы документы сопоставлялись, корректировались, тысячи актов были признаны утратившими силу. Чтобы не допускать бесконтрольности издания нормативных актов в будущем, коллегия Минюста высказалась в 1971 г. за организацию централизованного учета законодательства. Министр утвердил Положение о государственном учете нормативных актов Союза ССР и союзных республик. Минюст также сделал шаг для ознакомления граждан с документами, их касающимися, добился издания «Бюллетеня нормативных актов министерств и ведомств СССР».

При издании Собрания действующего законодательства почти сразу обнаружилась необходимость в дополнительных томах, в которых помещались бы поправки к опубликованным актам. Это создавало помехи при пользовании многотомником. Поэтому в 1976 г. было решено издать Свод законов СССР, в котором следовало сосредоточить меньший объем документов (около 5 тыс.), но добиться возможности вносить в них необходимые изменения и дополнения. Это было достигнуто за счет применения разъемных томов, позволявших пользователям менять нужные страницы. В январе 1982 г. вышел первый том, затем еще одиннадцать.

Несомненна заслуга Минюста 1970–1980-х гг. в возрождении правовой работы в органах власти и управления, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в повсеместном создании и развитии юридической службы.

В 1979 г. Теребилов провел Всесоюзное совещание по совершенствованию правовой работы в народном хозяйстве. Министерство снабдило к тому времени юрисконсультов необходимыми методиками, распространило примерный договор о правовом обслуживании предприятий юридическими консультациями адвокатов, а также инструкцию о порядке юридического обслуживания колхозов.

Активная работа министерства в этом направлении способствовала созданию мощных юридических служб не только в хозяйствующих министерствах и ведомствах, а и в Вооруженных Силах.

Скептическое отношение многих начальников к появлению юрисконсультов, к их советам в Министерстве юстиции справедливо рассматривали как частные случаи правового нигилизма, увы, характерного для всего общества. Бороться с ним можно только поставленным на государственный уровень правовым просвещением. Поэтому уже в апреле 1971 г. появился приказ министра «О задачах органов юстиции и судов по улучшению пропаганды правовых знаний и правового воспитания населения», а чуть позже был образован Координационно-методический совет по правовой пропаганде. Вместе с видными юристами в его состав вошли представители министерств культуры и просвещения, комитетов по печати, радио

и телевидению, общества «Знание», творческих союзов. Подобные советы были созданы и при органах юстиции на местах.

Широко привлекались к правовому просвещению средства массовой информации. На Центральном телевидении появились популярная передача «Человек и закон» и учебный цикл по основам советского законодательства. С января 1971 г. начал выходить журнал «Человек и закон», тираж которого скоро достиг 10 млн. экз. Материалы на правовые темы регулярно появлялись практически во всех изданиях, звучали на радио.

Министерство юстиции участвовало в развитии юридического образования, разработке учебных программ для юридических вузов. Совместно с Министерством высшего и среднего специального образования в 1973 г. была проведена научно-практическая конференция по проблемам юридического образования. Министр юстиции настаивал на повсеместной подготовке юристов широкого профиля. Их специализация, считал он, должна осуществляться лишь на последних курсах. Но эту позицию не разделяли в Генеральной Прокуратуре и МВД. Усилиями этих структур в стране появились вузы, готовившие специалистов своего направления. В итоге совершенно забытыми остались юрисконсульты, адвокаты, нотариусы. Об их подготовке не заботился никто. И только в 1992 г. состоялся первый выпуск специалистов правовой работы – в Военном институте Минобороны, еще позже частные учебные заведения наладили обучение будущих адвокатов.

С 1970-х гг. начали завязываться международные связи Министерства юстиции. В ходе подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе особенно важными представлялись контакты с юристами США, ФРГ, Финляндии. Были заключены многочисленные договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, в том числе с Алжиром, Болгарией, ГДР, Грецией. Углублялись наши отношения с Индией, Турцией, африканскими государствами. Регулярно проводились встречи министров юстиции соцстран. Налаживалось взаимодействие с ООН и другими международными организациями.

Владимир Иванович оставил пост министра в апреле 1984 г., когда был избран Председателем Верховного Суда СССР, оставив о себе память как о волевом, энергичном руководителе, грамотном юристе.

В 1989 г. он вышел в отставку. Владимир Иванович стал преподавать в Московском университете уголовный процесс, написал книгу воспоминаний.

По книге «На службе закону и справедливости».

И. Вашкевич (2002 г.)

ТРЕЩЕТЕНКОВ ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Юрий Георгиевич Трещетников родился 14 мая 1926 г. в Москве. Принимал участие в Великой Отечественной войне в качестве курсанта интендантского военного училища ВМФ.

В 1954 г. закончил Высшую школу МВД СССР, работал в издательстве «Юридическая литература». С 1962 по 1971 г. Ю.Г. Трещетников был главным редактором журнала «Советская юстиция» (ныне «Российская юстиция»). В Минюсте СССР (1971–1980) Ю.Г. Трещетников – начальник отдела правовой пропаганды.

Заслуженный юрист РСФСР.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Родился Юрий Георгиевич Трещетников 14 мая 1926 г. в г. Москве. В 1943 г. по окончании средней школы ушел на фронт (в Военно-Морской Флот). Принимал участие в Великой Отечественной войне в качестве курсанта интендантского военного училища ВМФ.

В начале 1945 года был направлен в ленинградскую Высшую школу контрразведки Военно-Морских Сил. С 1946 г. служил в отделе контрразведки Северного флота. В 1950 г. закончил вечерний Университет марксизма-ленинизма, в 1954 г. с красным дипломом закончил заочный юридический факультет Высшей школы МВД СССР в Москве по специальности «правоведение».

Имея за плечами семилетний срок практической оперативно-следственной работы в органах государственной безопасности, в 1954 г. Юрий Георгиевич в звании капитана был демобилизован в запас.

После демобилизации с 1955 г. на протяжении 16 лет Трещетников проработал в издательстве «Юридическая литература» (редактором, а затем заведующим отделом уголовного права и процесса), в журнале «Советская юстиция» – органе

Верховного Суда РСФСР и Министерства юстиции РСФСР. В течение девяти лет (1962–1971 гг.) он являлся главным редактором «Советской юстиции» и одновременно заместителем главного редактора Бюллетеня Верховного Суда РСФСР. В тот же период Ю.Г. Трещетников являлся членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РСФСР.

С апреля 1971 г. по декабрь 1980-го Юрий Георгиевич, являясь членом Коллегии Министерства юстиции, возглавлял отдел правовой пропаганды министерства. Он принимал непосредственное участие в организации обязательного преподавания правовых дисциплин в общеобразовательных школах, профтехучилищах и вузах, участвовал в создании новых юридических журналов «Человек и закон», «Хозяйство и право». Являлся членом редколлегии журнала «Социалистическая законность», организатором творческой секции журналистов, пишущих на правовые темы в Союзе журналистов, членом бюро этой секции, был автором множества публикаций, посвященных различным вопросам права и законности. Выступал с лекциями в СССР и за рубежом.

В серьезной мере посвящая себя общественной работе, Юрий Георгиевич состоял членом Научно-методического совета по пропаганде знаний о государстве и праве при Правлении Всесоюзного общества «Знание», Союза журналистов СССР, Правления Московской организации Союза журналистов СССР, Правления Ассоциации советских юристов, Координационно-методического совета по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР.

В 1976 г. Ю.Г. Трещетникову было присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР» за заслуги в деле укрепления социалистической законности. Он был также награжден орденом «Знак Почета», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «За доблестный труд» и многими другими.

УСТИНОВ АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ

*А*ркадий Иванович Устинов родился 18 июля 1929 г. Житель блокадного Ленинграда. Полковник милиции. Ведущий эксперт Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, зам. начальника научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы ВНИИ МВД СССР.

Имеет знак «Житель блокадного Ленинграда». Награжден медалями «За безупречную службу» I, II и III степеней, «Ветеран труда», «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», «За усердие» II степени, «50 лет милиции», «800 лет г. Москвы», «300 лет Санкт-Петербургу».

ФЕДОРОВСКАЯ ОЛЬГА ГАВРИЛОВНА

*О*льга Гавриловна Федоровская родилась 30 мая 1923 г. Участвовала в боях в войсках ПВО в составе Воронежского, Юго-Западного фронтов, 3-го Прибалтийского фронта. Сержант.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда» и др.

В Минюсте СССР – старший консультант Управления системой защиты и подготовки законопроектов.

ФЕДОТКИН НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ

Николай Кузьмич Федоткин родился 12 марта 1924 г. Закончил 2-е Саратовское танковое училище, лейтенант. В 1943 г. на Юго-Западном фронте в 9-й гвардейской танковой бригаде 1-го Гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса занимал должности командира танка Т-34, а затем командира взвода средних танков. Был ранен.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией» и др. Советник юстиции I-го класса. Генерал-майор юстиции. Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России. В Минюсте – заместитель начальника Управления военных трибуналов, главный консультант Организационно-контрольного управления.

Родился 12 марта 1924 года. Призван в Советскую армию 6 марта 1942 года. Направлен в г. Саратов во 2-е Саратовское танковое училище, которое закончил с отличием в марте 1943 года. Приказом командующего БТ и МВКА от 1 апреля 1943 года мне было присвоено офицерское звание «лейтенант». В это же время от командования училища поступило предложение продолжить службу в училище в должности командира курсантского взвода. От этого предложения отказался. Мотив: мои три старших брата воюют, я тоже должен идти на фронт.

В апреле 1943 года направлен в город Нижний Тагил во 2-й запасной танковый полк.

После формирования экипажей и получения материальной части в июне 1943 года убыл на Юго-Западный фронт в 9-ю гвардейскую танковую бригаду 1-го Гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса, где занимал должности командира танка Т-34, а затем командира взвода средних танков.

В августе 1943 г. получил осколочное ранение правого коленного сустава, в связи с чем находился на излечении в госпитале №1047 (г. Махачкала) до декабря

1943 г. При выписке из госпиталя по состоянию здоровья признан ограниченно годным II степени.

С декабря 1943 г. был в резерве 56-й Приморской армии (станция Ахтонизовская Краснодарского края).

В январе 1944 года был отправлен в Москву и зачислен в резерв офицерского состава, в отдельный офицерский танковый полк БТ и МВКА.

В мае 1944 года направлен в г. Горький (Нижний Новгород) на военно-юридические курсы Главной военной прокуратуры морского и речного флота, по окончании которых с сентября по октябрь 1944 года работал военным следователем бассейна канала Москва-Волга.

В октябре 1944 года направлен на курсы усовершенствования военно-юридического состава при Военно-юридической академии (КУВЮО), где учился до сентября 1945 года, а затем после сдачи вступительных экзаменов зачислен слушателем военно-морского факультета Военно-юридической академии (г. Москва), которую закончил в марте 1950 года.

После окончания академии молодые офицеры, отобранные для дальнейшей службы в военных трибуналах, были представлены к избранию на конкретные должности. Впервые я был избран членом военного трибунала 10-го стрелкового корпуса в г. Перми (с марта 1950 года по ноябрь 1952 года).

Дальнейшая служба: ноябрь 1952 г. – ноябрь 1957 г. член военного трибунала армии (Группа советских войск в Германии); ноябрь 1957 г. – март 1959 г. – заместитель председателя военного трибунала Свердловского гарнизона, а с марта 1959-го по май 1964 года – член военного трибунала Уральского военного округа; с мая 1964 года по октябрь 1968-го – член военного трибунала РВСН, а с октября 1968 года по август 1973-го – заместитель председателя этого же военного трибунала; с августа 1973 года по сентябрь 1977-го – председатель военного трибунала Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Это последняя служебная должность. В сентябре 1977 года назначен заместителем начальника Управления военных трибуналов. С 1963 года по 1968 год неоднократно избирался запасным членом Верховного Суда СССР. В составе Верховного Суда приходилось рассматривать дела по реабилитации невинно осужденных.

Мне запомнилось решение военной Коллегии с моим участием от 27 августа 1964 года о реабилитации командира сводного Конного корпуса 9-й Армии Кавказского фронта Думенко Бориса Макеевича и шестерых его подчиненных, осужденных в мае 1920 года: пять человек – к расстрелу и двое – к лишению свободы.

Думенко обладал отличными организаторскими способностями, создал два конных корпуса, пользовался авторитетом у казаков.

Общее руководство травлей Думенко и других осуществлял Троцкий через преданных ему политработников и сотрудников особого отдела. В основу обвинения Думенко и др. были положены показания, данные на предварительном следствии Буденным, бывшим шахтером (командиром бригады) Жлобой и Ворошиловым К.Е.

Командиром одного из двух созданных Думенко корпусов был назначен Буденный, который впоследствии присвоил себе все заслуги Думенко.

Кстати, когда в Верховном Суде должен был рассматриваться протест в порядке надзора Генпрокурора на приговор в отношении Думенко и др., то Буденный, будучи членом Политбюро, дважды путем различного рода давлений на суд пытался в 1964 году добиться снятия с рассмотрения протеста Генпрокурора. Не могу не отметить одну деталь. В материалах уголовного дела по обвинению Думенко и др. имеется подлинник телеграммы И.В. Сталина, в которой он писал: «категорически возражаю против приведения приговора в отношении Думенко в исполнение». Однако требование Сталина было оставлено без последствий.

Писатель Владимир Карпенко использовал в своих книгах «Тучи идут на ветер» и «Красный генерал» материалы Военной коллегии Верховного Суда СССР, рассматривающей дело о реабилитации Думенко и других.

Назначение в 1977 году на должность заместителя начальника Управления военных трибуналов Минюста СССР поставило передо мной ряд первоочередных задач. Необходимо было ознакомиться с офицерами управления и безболезненно влиться в новый, достаточно организованный коллектив; изучить опыт работы отделов управления и использовать его при выездах в военные трибуналы. С благодарностью вспоминаю помощь, оказанную мне бывшим начальником управления генерал-лейтенантом юстиции Максимовым Сергеем Сергеевичем, а также офицерами отделов, которые сочетают в себе глубокое знание жизни и потребностей войск с профессиональной судейской компетентностью и принципиальностью.

Военные трибуналы не являются какими-то обособленными органами. Их становление и развитие проходит в общем русле развития российской судебной системы, неотъемлемой частью которой они являются.

В должности заместителя начальника Управления военных трибуналов работал восемь лет. За это время характерными чертами деятельности военных трибуналов были и остаются неукоснительное соблюдение всех требований закона, высокая культура судебных процессов, постоянная забота о выявлении и устранении причин и условий, способствовавших правонарушениям, активная помощь командованию в правовом воспитании военнослужащих.

В декабре 1985 года уволен в запас. Работал в Министерстве юстиции России с 1986 года по 1997 год.

Всего в Вооруженных Силах СССР и России прослужил 43 года, из них 27 лет на судебной работе.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями, в том числе двумя медалями «За боевые заслуги». Присвоены звания «Заслуженный юрист РСФСР» и «Почетный работник юстиции России».

Н.К. Федоткин. Воспоминания

ЧЕПУРНОЙ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

Иван Федорович Чепурной родился 24 сентября 1929 г. Труженик тыла военных лет. Генерал-майор.

Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Советник юстиции 1-го класса. Генерал-майор. В Минюсте – консультант Департамента по делам общественных и религиозных объединений.

Такие годы не забываются.

Родился я в 1929 году на Полтавщине, в селе Первая Михайловка, Котелевского района. Полтава, Полтавщина... Звучит, как золото, как шелест цветов весною, как дождь в солнечный день, как пшеничное зерно, просыпающееся из ладони сквозь пальцы. Полтавщина... Вишневые и яблоневые сады, сливы и груши, акации и клены, вербы и тополя, дубовые рощи, перелески и леса, необозримые поля, засеянные пшеницей и рожью, ячменем и просом, гречихой и овсом, громадные плантации подсолнухов и сахарной свеклы. Цветущие заливные луга, реки и речушки, стада коров и овец, а на прудах стаи гусей и уток. Да разве все расскажешь, да и времени уж больно много прошло с тех пор, как я уехал из родного села, многое позабылось, стерлось из памяти.

Село было небольшим, около 250 дворов. Оно располагалось на самой восточной окраине Полтавской области, на стыке Харьковской и Сумской областей. Наша семья состояла из моих родителей, бабушки и дедушки по отцовской линии. Младшие сестра и брат умерли в начале тридцатых годов. В школу ходить я начал в 1936 году. Сейчас уже не могу вспомнить, сколько было учеников в 1-м классе, а вот во 2-м нас было 42 человека. Школа была неполно-средней, где дети обучались 7 лет, от первого до седьмого класса включительно. Окончание НСШ давало право поступать в средние специальные заведения (техникумы и училища) или продолжать учиться в средней образовательной школе-десятилетке.

Школа размещалась в трех отдельных зданиях и в двух местах, правда, на одной улице. Однако одной классной комнаты не хватало, поэтому один из младших классов, третий, учился во вторую смену.

В самой большой классной комнате, в одном из углов стоял портрет Сталина, одетого в серую шинель, в фуражке и сапогах. На стенах висели черно-белые портреты первых маршалов и других видных военачальников. По мере проведения арестов и суда над «врагами народа» портреты заменялись. Мы не успевали к ним даже привыкнуть. В учебниках портреты «врагов» заклеивались, а в текстах их фамилии закрашивались чернилами.

В предвоенные годы много внимания уделялось воспитанию патриотизма, готовности к защите Родины. В основном эта работа носила пропагандистский характер. Основу патриотизма закладывало кино. Все фильмы, которые мне удалось посмотреть в это время, были про красных командиров, участников гражданской войны, пограничников, их подвиги, про шпионов, агентов: «На границе», «Граница на замке», «Джунгли», «Ошибка инженера Кочина», «Трактористы», «Мы из Кронштадта», «Если завтра война», «Чапаев», «Щорс», «Котовский» и другие. В этих и других подобных кинофильмах был положительный вирус духовности, своеобразный пафос. Не отставали и газеты с журналами. Патриотизмом были пронизаны каждая статья, если не каждая строка. Много писалось о нашей готовности к войне, о мощи Красной Армии. Среди взрослых моих земляков, читающих газеты, велись разговоры о выходе в свет романа Ник. Шпанова «Первый удар». По малолетству, а в основном потому, что журнала «Знамя», в котором был напечатан роман, я не только не видел, но и не слышал, что такой журнал есть, о книге ничего не знал. «Первый удар», «Заговорщики» и «Поджигатели» Шпанова прочитал уже после войны. В газетах публиковались материалы о войне японцев в Китае и Корее, об агрессии фашистской Германии в Европе.

Довоенные школьные годы совпали с событиями на Дальнем Востоке и в Монголии, с войной с Финляндией, походом Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Еще раньше, на территории нашей и других украинских областей состоялись крупные военные маневры войск Киевского и Харьковского военных округов. Впервые население увидело многочисленные советские войска, боевую технику, в том числе самолеты и танки. Мы, мальчишки, использовали любую возможность, чтобы пообщаться с красноармейцами и командирами, поближе посмотреть на технику и вооружение, потрогать их. Восхищениям и разговорам не было предела. Уже тогда мы с моим приятелем Филей (Филиппом) решили так себя вести и учиться, чтобы стать в свое время красными командирами.

1 сентября 1939 года вступил в силу новый Закон о всеобщей воинской обязанности. Все мужчины призывного возраста, имевшие отсрочки, были призваны на военную службу. Призван был и мой первый учитель Федор Григорьевич Буцкий (погиб на Курской дуге).

Начиная с пятого класса, в школе вводилась начальная военная подготовка. Военруком был отслуживший срочную службу Петр Демиденко. Это был хорошо

подготовленный сержант, ставший во время Великой Отечественной войны офицером. К сожалению, военная подготовка не подкреплялась материально. Кроме турника (металлической трубы на двух столбах), нескольких плакатов (винтовки, пулеметы, противогазы), ничего не было. Поэтому военная подготовка в основном сводилась к выполнению физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне», в составе которого имела подростковая ступень «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). В школе разучивали военные песни, которые пели хором в классе и в импровизированном строю. Кстати, военные песни пели взрослые. Вот в такой обстановке формировался мой патриотизм, мое видение и восприятие положения дел в стране и мире.

Весной 1941 года, сдав экзамены, я закончил 5-й класс. Получил очередной похвальный лист за отличную учебу. Дома было все в порядке, все были живы, настроение было приподнятое, ведь впереди целое лето. Лучшей жизни мы не видели и не знали, поэтому считалось, что мы живем хорошо. Сразу же по окончании учебы полностью включился в привычную сельскую работу. На предложение помощи со стороны группы моих одноклассников руководству колхоза нам ответили, чтобы мы помогли подготовить школьные помещения к новому учебному году. Так мы и сделали.

Жизнь шла установленным порядком, абсолютное большинство моих земляков, да практически весь народ страны, не подозревал о надвигающейся беде. А она была, и была рядом. Определенные открытые меры по подготовке к войне, конечно, осуществлялись, люди знали об этом. Призвали резервистов из запаса «на переподготовку».

Так продолжалось до 22 июня 1941 года. Был теплый солнечный день, с утра прошел небольшой дождь. И вдруг по селу разнеслось: война! О войне, ее угрозе, пусть не официально, но в народе говорилось, пели песню «если завтра война...». Но пришла она все равно неожиданно.

В этот же день в селе состоялся митинг, на котором звучали слова о нашей готовности, о храбрости, о том, что враг будет разгромлен. Мобилизация не заставила себя долго ждать. Уже вечером 23 июня первая партия моих односельчан отправилась на войну. Через 7–10 дней ушел защищать Родину и мой 35-летний отец.

Кроме того, что проводилась мобилизация военнообязанных, война внесла много изменений в жизни всех жителей села. Уже в первые дни стали приходить письма с фронта от тех, кто служил срочную службу или был призван на переподготовку, кое-кто из наших односельчан был ранен. Вскоре стали приходить «похоронки», в которых сообщалось о первых погибших. Село притихло, но полевые работы, наоборот, активизировались. Вскоре началась уборка хлебов. В поле, на уборку урожая, вышли все женщины, старики, школьники. Мне очень хотелось на лошадах перевозить снопы для скирдования. Но пока доверили только подвозить для работающих в поле питьевую воду. Мой агрегат состоял из большой деревянной бочки, установленной на двухколесную тележку, которую везла лошадь. Это была не особенно простая работа. Дело в том, что воду я набирал из уличного колодца

при помощи обыкновенного ведра, прикрепленного к коловороту или к «журавлю». Очень был я доволен и этим поручением. Стояла жаркая погода, всем хотелось пить, умыться, меня с нетерпением ждали взрослые, подбадривали. До войны уборка урожая всегда отличалась веселой, дружной работой. Люди старались быстрее собрать и сохранить выращенный урожай. Сейчас звучали другие слова: хлеб нужен фронту. Не слышно было шуток, песен.

Наше село располагалось далеко от городов, дорог и станций, где было много войск, беженцев из прифронтовой полосы. Первые две–три недели только пролетающие военные самолеты напоминали о том, что где-то идут бои. Самолеты в это время летали еще только свои. В середине июля и над нами стали летать немцы, бомбить все села подряд, в том числе и наше, даже там, где войск Красной Армии и не было.

Мы еще не очень разбирались, что к чему, наблюдали за происходящими налетами с детским интересом, не боялись и не особенно прятались. Это пришло позже.

Практически никакой объективной информации со стороны наших властей о положении на фронте не было. Люди были вынуждены пользоваться слухами, разговорами, пытались как-то понять и прокомментировать обстановку и определить свое положение и поведение. Зато немцы засыпали листовками не только села, дороги, а даже поля, где работали люди. Содержание этих листовок было направлено на подавление воли обычных наших граждан, оставшихся без ушедших на фронт мужчин. Из вражеских листовок можно было определить, на каких рубежах проходил фронт в данное время. Сельские и колхозные власти свое незнание обстановки и неуверенность прикрывали шаблонными речами и лозунгами. Никаких официальных разговоров о вынужденном отступлении Красной Армии не велось. Думаю, что за такие разговоры в это время никому бы не поздоровилось.

Главным, что беспокоило людей, была неизвестная судьба своих близких, ушедших на войну, и боязнь предстоящей жизни «под немцем», а сомнений в том, что они придут, уже в конце августа у людей не было. Через село проходили небольшие воинские части, отдельные красноармейцы. Солдаты и командиры неохотно рассказывали о делах на фронте, но по их виду и настроению можно было понять, что положение критическое. От отца не было ни одного письма. В семье все переживали, постоянно его вспоминали и говорили о нем. Конечно, надежды еще не теряли, ведь войне не видно было конца.

Начиная с конца июля появились гурты скота, которые по команде сверху пытались угнать из угрожаемых районов на восток. Это было жуткое зрелище. Шли коровы, телята на больных, сбитых за длинную дорогу ногах, а на бедных овец и ягнят нельзя было смотреть без слез. Многие животные не могли больше двигаться, ложились и не могли подняться. Но их поднимали, часто били, ведь сопровождающие скот люди боялись ответственности за его недостачу, за ними был установлен жесткий контроль.

Колхоз продолжал работать, убирали хлеб, начали его обмолот, сдавали зерно в государство. Теперь меня повысили: я стал перевозить зерно с полевого тока на

колхозный двор. У меня уже была пара лошадей, чем я откровенно был доволен и даже гордился собой.

Я уже писал, что еще до начала войны мы помогали взрослым мастерам готовить школу к новому учебному году, к зиме. Все было отремонтировано, покрашено. 1 сентября начались занятия. Никаких торжественных мероприятий по этому поводу не было. Кто-то из руководства сельского совета поздравил с началом учебного года, призвал нас хорошо учиться и вести себя – и это будет нашим вкладом в победу над врагом.

Кроме первых двух–трех дней, большинство моих сверстников и я сам в школе были от случая к случаю. Приходилось работать или в колхозе, или помогать дома. Обстановка на фронте усложнялась, наши войска стали отходить уже и через наше село. Конечно, мы не знали о трагедии Юго-Западного фронта, а она ведь произошла на территории нашей области. Школа еще работала две недели, а затем занятия прекратились.

Вскоре наступило полное безвластие. Сельское и колхозное руководство, забрав лучших оставшихся лошадей, откровенно убежало в эвакуацию. Село притихло, как перед бурей. Редко кого-то из взрослых можно было увидеть на улице. В один из дождливых октябрьских дней в село пришли немцы. Началась временная оккупация, продолжавшаяся без малого два года. Появилась новая власть, были назначены староста, его помощник по «громадському двору» (так стал именоваться бывший наш колхоз имени Ленина). На общественный двор были собраны все волю, лошади. В одном из школьных зданий устроили полицейский участок. Важнейшим мероприятием по наведению «нового порядка» явился поименный учет всего населения с указанием возраста каждого. Моя мама при регистрации уменьшила мне год рождения, что давало возможность пока не работать в общественном хозяйстве.

В это же время были арестованы пять оставшихся в селе членов и кандидатов в члены Коммунистической партии. Никто из них не вернулся. В 1941 году и в течение 1942 года немецких войск в селе практически не было. Однако 1943 год был необычно богатым на важнейшие события. Уже в феврале, после Сталинградской битвы, войска Красной Армии освободили нас от оккупации. Только была восстановлена советская власть, воссоздан колхоз, как советские войска отошли, к нам снова пришли немцы. Новые аресты, теперь уже 14 человек нового актива и бойцов истребительного батальона. Никто не вернулся.

В августе, после Курской битвы, нас вновь освободили, но через 10–12 дней советские войска оставили нашу территорию. Опять пришли немцы. Тяжелейшие бои по освобождению села длились почти две недели. Таким образом, через наше небольшое село фронт прошел своим катком шесть раз. Много погибло мирных жителей, ведь бомбили и обстреливали безвинное село с обеих сторон, не считаясь ни с чем. Большая часть домов и хозяйственных построек сгорела или была разрушена, домашний скот погиб или использован войсками. Хотя мы уже и жили

на освобожденной территории, никаких известий о наших фронтовиках еще не поступало.

Сразу же было принято решение о захоронении наших погибших солдат и офицеров, оставленных на поле боя. Школьные мои товарищи были решительно настроены как можно быстрее и организованно предать земле всех погибших воинов, попытались это сделать. Однако там оказалось много советских и немецких мин, других боеприпасов. Были смертельные случаи, тяжелые ранения. Нам запретили выходить на поле боя. В село прибыл саперный батальон для разминирования. Саперы работали до самых заморозков, сняли большинство мин, много взорвали. К сожалению, некоторые тела остались не захороненными. Удалось их убрать только весной.

С первых же дней после прихода наших войск началась работа в колхозе, стали убирать оставшийся урожай, молотить и сдавать зерно в государство. О себе, о том, чем будем питаться зимой, никто не говорил и не заботился. Работали день и ночь. Приближались осенние дожди, поэтому днем косили, а ночью молодежь и подростки складывали снопы в скирды. Одновременно на разминированных участках готовили землю под будущий урожай. Никакой техники не было, пахали на немногих оставшихся лошадях, запрягали в плуги домашних коров. Жаль, что тогда не имелось современной фототехники, какие бы были документальные кадры. Представьте себе, две тощие коровы в ярме из всех сил тянут плуг, а хозяйки со слезами на глазах подгоняют их. Рядом бегут дети, которые не могут понять, зачем мамы мучают их любимых кормилиц. Но так было, сам участвовал. С высоты сегодняшнего дня понимаешь, что виноваты в этом в первую очередь немецкие оккупанты. Но значительная часть вины лежит и на наших больших и малых руководителях. Многие не сумели предусмотреть, организовать, людям не доверяли, не информировали их. Жители остались сам на сам с вооруженным врагом.

В ноябре начала работать школа. Мне нужно было ходить в 6-й класс. В связи с тем, что все время был занят работой в колхозе, удалось побыть только на открытии школы. Помогал старикам и женщинам строить или восстанавливать жилье. Для этого срубили все сколько-нибудь пригодные для этого деревья. Наши односельчане, большинство которых были выходцами из казаков, никогда не жили в землянках. Сейчас пришлось соорудить несколько землянок. Зимой какое-то время проучился, хотя школу приходилось посещать очень редко. Приходил бригадир и просил что-то сделать в колхозе, отказы не практиковались. С весны 1944 года и до поздней осени работал на разных полевых работах, в основном с лошадьми, пахал землю, сеял, косил.

Сначала меня назначили помощником бригадира (бригадир был старый и малограмотный), а затем я стал работающим бригадиром (как играющий футбольный тренер). Мне это было не по душе. Представьте себе такую картину: нужно определенное количество работников поставить на какой-то участок работы. Где их взять? Кроме женщин, других никого нет. Заходишь во двор, встречает вдова, возле нее двое–трое маленьких детей. Как ей сказать, чтобы она шла на работу,

когда у нее еще картошка не убрана, а зима не за горами? Выходили из положения в основном за счет школьников, во главе с бригадиром. Я отказался от почетной должности, пообещав всячески помогать вести учет неграмотному руководству. Да и учет-то был самый простой: записать на клочке бумаги, кто и на какой работе был. Трудодней, основной учетной единицы труда колхозников, в то время практически не учитывали, и, самое главное, они не оплачивались. Об этом и речи не было и не могло быть, ведь все было разрушено, уничтожено. Летом, когда стали молотить, я все время стоял на специальном мостике, подавал снопы в барабан молотилки. Таких «специалистов» у нас было всего два–три человека. Эта работа была очень ответственная, тяжелая и, самое главное, опасная. Раньше были случаи, и в нашем селе тоже, когда барабанщики оставались без рук.

Кроме работы и учебы в школе, я был бойцом истребительного батальона. По возрасту я не подходил, но, учитывая мой рост и активность, меня сделали бойцом. Как «ястребок» имел право носить оружие (днем никогда с ним не ходил). Ночами охраняли село, участвовали в операциях по прочесыванию местности и населенных пунктов, где могли укрываться дезертиры и бандиты. В составе истребительного батальона состоял до его расформирования в 1945 году.

В батальоне прошел начальную военную подготовку, в какой-то мере освоил начала строевой подготовки, изучил устройство и применение винтовки и автомата, неплохо стрелял.

Кроме постоянной работы в колхозе и обязанностей в истребительном батальоне, было много обязанностей в школе. Здесь и заготовка топлива, и ремонт парт и столов, утепление окон и дверей и другие заботы. Был я самым рослым учеником, отлично учился, притом был безотказным, брался за любую работу.

Хочу рассказать об одном забавном случае. Приближался новый 1945 год, все уже понимали, что победа будет наша и она уже близка. Руководство школы решало, как лучше встретить новый год. Многие ученики и остальные дети никогда не встречали новый год с елкой. Встал вопрос, где найти елку. В нашем селе и во всей округе не было не только елки, но даже и сосны. Ближайший сосновый лес был от нас в пятнадцати километрах. Меня пригласила директор школы, мы с ней под большим секретом договорились поехать в лес, срубить там сосну и привезти в село. Это нужно было сделать так, чтоб никто не знал, где мы взяли дерево. Взял я лошадь с телегой, не помню сейчас, что и как я при этом объяснял, заехал за Александрой Трофимовной, и мы еще затемно поехали в лес. Снега почти не было, ехали свободно, поэтому через два часа были уже у леса. Лошадь поставили на опушке, чтобы ее не было видно. Присмотрели подходящую сосну, взял я топор и быстро срубил дерево. Когда начал грузить на телегу, сосна оказалась очень длинной, пришлось ее несколько укоротить. Чтобы нас не видела лесная охрана или кто-либо из руководства, домой ехали не через центр районного села, а далеко вокруг него. Поздно вечером привез я сосну и поставил ее за школьным зданием. Утром все удивились, что у нас стоит хвойное дерево, все расспрашивали, откуда оно. Хотя это была и не елка, но когда сосну украсили игрушками, ватой, все были

очень довольны, особенно младшие школьники и дошколята. Только в конце праздника директор школы сказала, кто привез дерево, откуда оно.

По школьной программе предусматривалось изучение военного дела, уроки которого должен был вести военрук. Военруками работали офицеры и сержанты, которых после ранения направляли на поправку домой. Но все они работали не больше двух-трех месяцев, их вызывали в военкомат на медицинскую комиссию, и они оттуда уже не возвращались, уходили на фронт. Поэтому мне стали поручать заниматься некоторыми вопросами военного дела. Строил всех учеников для исполнения нового гимна, организовывал ночное дежурство старших учеников в школе, выводил школу строем для работы в поле. Так продолжалось до окончания 7-го класса. Последними моими мероприятиями на военном поприще были митинг, посвященный Победе над фашистской Германией, и выпуск 7-го класса.

После школы учился в техникуме механизации сельского хозяйства, на всех каникулах работал в колхозе. В Советской Армии начал служить с марта 1950 года. В 1952 году, после окончания офицерских курсов в Группе советских войск в Германии, получил звание лейтенанта. С этого времени и до ноября 1983 года состоял на военной службе, уволился в запас генерал-майором. Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине».

Военную службу проходил в ГСВГ, в Краснознаменных Прикарпатском, Дальневосточном и Туркестанском военных округах, в Главном командовании Войск Дальнего Востока (в г. Улан-Удэ), в Политуправлении Сухопутных войск. В годы службы сдал экзамены экстерном за среднее командное военное училище, заочно закончил юридический факультет Львовского государственного университета имени И.Я. Франко, высшие академические курсы при Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

С 1991 года работал в министерствах юстиции СССР и Российской Федерации.

И.Ф. Чепурной. Воспоминания. Май 2007 г.

ШАПКИН МИХАИЛ АНДРИАНОВИЧ

Михаил Андрианович Шапкин родился в 1928 г., труженик тыла. Государственный советник юстиции 1-го класса. Доктор юридических наук, профессор. В Минюсте – заместитель Министра юстиции РСФСР.

ШАЧНЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Василий Иванович Шачнев родился в 1932 г. Ветеран боевых действий в Афганистане. Награжден Орденом Почета, медалями «За боевые заслуги», «Ветеран боевых действий» (Афганистан), Жукова, «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Советник юстиции 1-го класса. Полковник. Почетный работник юстиции России.

В Минюсте – начальник отдела статистики, анализа и учета кадров Департамента государственной службы и кадров. Заместитель председателя Совета региональной общественной организации «Ветераны юстиции».

Родился я в 1932 году. Мои детские и юношеские годы прошли в глубинке Воронежской области, в селе Каменка, что находится в местах, граничащих с Саратовской и Волгоградской областями.

О начале Великой Отечественной войны узнал на исходе дня 22 июня 1941 года. В селе, расположенном в пяти километрах от районного центра был один-единственный телефонный аппарат, в правлении колхоза. Районное начальство сообщило председателю колхоза, что на СССР напала фашистская Германия. Об этом сразу же узнали мои односельчане. Мне до сих пор странно, что эта, в сущности, трагическая весть была воспринята моими односельчанами как-то чуть ли не восторженно. Еще до сумерек на митинге звучали оптимистические выступления местных ораторов. На митинге было объявлено о призыве на военную службу 14-ти возрастов. В их числе был мой отец, младший командир, 1906 года рождения. Всем призывникам уже 23 июня надлежало быть на призывном пункте в районном центре. Этот особый день запомнился мне на всю жизнь. Утром раньше обычного в домах уходящих на войну топились печи, где варили, жарили, пекли для торжественных проводов и котомок призывников.

Войну не ждали, поэтому, наверное, и не воспринимали её как предстоящее тяжкое испытание. Все надеялись на скорую победу, и мало кто понимал, какие жертвы и испытания предстоит пережить за долгую войну.

С первым призывом село покинули более половины трудоспособных мужчин. Для колхоза в две сотни дворов это была осязаемая потеря. Уже на следующий день вместо ушедших на войну в поле вышли женщины, старики, подростки, мои сверстники.

Для всех односельчан и особенно для неокрепших физически подростков началась трудная жизнь: постоянный тяжелый труд в поле, на фермах и собственном подворье. Все годы войны мы, 10–14-летние мальчишки и девчонки в летнюю страду работали без скидки на возраст. А 15–16-летние подростки тоже покинули село, они в добровольно-принудительном порядке направлялись в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), после окончания которых работали на заводах и фабриках.

Вместе с женщинами, стариками и покалеченными на войне мужчинами мы, подростки, стояли за плугом на пашне, косили ручными косами рожь, пшеницу и траву, вязали снопы, молотили хлеб, собирали колоски, работали прицепщиками на пахоте тракторными плугами, пололи овощные культуры, копали свеклу и картофель, ухаживали за скотом. Безропотно, при скудном питании и быте переносили тяготы и лишения военного лихолетья. Понимали, что наш труд необходим для фронта, для победы.

Трудно поверить, что все долгие годы войны в рационе питания колхозников почти постоянно не было хлеба, мяса, масла, яиц. Исчезли, будто навсегда, керосин, мыло, спички, соль. В основе выживания каждой семьи были корова и огород. Много из того, что выращивали на подворье, сдавали государству. Ежегодный налог колхозника включал в себя мясо, яйца, масло, молоко, картофель. После сдачи налога мало что оставалось семье. Так и жили.

Призыв «Все – для фронта, все – для победы» принимали как вынужденную необходимую меру и надеялись на лучшее. Не сомневались в нашей победе над врагом. Так оно и случилось. Окончание войны ждали со дня на день. 9 мая 1945 года – этот незабываемый день помню как вчерашний. Я был в школе, шел третий урок, и где-то в середине урока вдруг зазвонил звонок. Звонил непривычно долго, как набат. Все выбежали во двор, где директор объявил, что фашистская Германия капитулировала, война окончена. Что тут было! Вот уж точно подмечено: «День Победы со слезами на глазах».

Радовались все. Но вместе с тем я видел, как неутешно рыдали те ребята, у которых погибли на этой войне близкие. Они знали, что победа не вернет их погибших отцов, братьев, сестер. Глядя на них, сдерживали свою радость и те, кто считал, что их близкие живы. В числе последних был и я. Мне было тревожно, последнее письмо от отца-фронтовика было ещё в марте, из Венгрии, где шли кровопролитные бои. Другая боль – около двух лет прошло с того времени, как пропал без вести мой старший брат.

Впоследствии, после окончания войны с Японией, куда был направлен мой отец после войны на Западе, он вернулся живым и здоровым. А вот брат не вернулся. Как страдала до конца своей жизни моя мать! Это надо было видеть!

В мирные годы, после окончания средней школы, сбылась моя мечта стать офицером. Окончил военное училище и военную академию. Военная служба в течение десятилетий стала основным содержанием моей жизни. За 37 лет военной службы служил в воинских званиях от лейтенанта до полковника на командно-инженерных должностях в войсках, высшем военном училище, в научно-исследовательском учреждении, в центральном аппарате Минобороны СССР. Автору этих строк довелось участвовать в известных военно-политических событиях – в Венгрии, Чехословакии, Афганистане.

За службу в Вооруженных силах награжден медалями «За боевые заслуги», «Ветеран боевых действий», «Ветеран Вооруженных Сил», медалью Г.К. Жукова и другими государственными и ведомственными наградами.

В период с 1988 по 2003 год, после увольнения с действительной военной службы, работал в Минюсте СССР, Минюсте РСФСР, Минюсте России на государственной службе – в центральном кадровом органе на должностях ведущего специалиста, консультанта, советника, начальника отдела. После 2003 года по настоящее время работаю в региональной общественной организации «Ветераны юстиции».

Моя военная профессия, опыт работы определили направление моей деятельности в Министерстве, где я занимался вопросами мобилизационной работы, гражданской обороны и защиты от последствий чрезвычайных ситуаций, воинского учета, статистики, анализа и учета кадров. За время работы в Министерстве юстиции в свой актив я мог бы зачислить реализацию подготовленных при моем непосредственном участии нормативных правовых и организационно-распорядительных документов по мобилизационной подготовке, гражданской обороне, воинскому учету, статистике, а также по работе с ветеранами. Важным результатом работы является выделение Министерству благоустроенного спецобъекта, который обеспечивает возможность успешно решать вопросы в случае перевода ведомства с мирного положения на работу в военных условиях.

Удовлетворен оценкой моего труда руководством Министерства. За достигнутые результаты работы в Минюсте России награжден Орденом Почета, медалями Анатолия Кони, «850 лет Москвы», «За усердие» II степени, «В память 200-летия Минюста России», нагрудным знаком «Почетный работник юстиции России», ведомственными наградами Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний.

Особая гордость – награждение памятной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и Грамотой Президента Российской Федерации.

В.И. Шачнев. О войне и о себе. Воспоминания. 2010 г.

ЯКОВЛЕВА ЗОЯ ГРИГОРЬЕВНА

Зоя Григорьевна Яковлева родилась 5 мая 1930 г.
Труженик тыла военных лет.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник юстиции России.

В Минюсте СССР – начальник отдела судебной статистики.

Стращное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну я услышала в подмосковном поселке Болшево – это живописное дачное место (так было в 1941 году). На высоком берегу реки Клязьмы еще до революции были выстроены доходные прекрасные большие дачи с просторными открытыми террасами. В двух дачах располагалась средняя школа №7, где сторожем-истопником работал мой дед – Чернышев Дмитрий Григорьевич. Эта школа дала мне глубокие знания, здесь были очень хорошие учителя, по-настоящему преданные педагогическому делу. Все окончившие школу №7, как правило, поступали в высшие учебные заведения. Но об этом может быть отдельный рассказ.

Итак, июнь 1941 года. Мне 12 лет, мечтала хорошо провести лето: мама обещала отправить меня в пионерский лагерь. Но судьба страны, ее муки все изменили в жизни людей.

В Болшеве вокруг были дома отдыха, санатории. И вот буквально через месяц на железнодорожную станцию стали прибывать эшелоны с ранеными воинами. Нас, детей, мобилизовали на помощь взрослым, помогать размещать раненых по домам отдыха и санаториям. До сих пор у меня в ушах стоны молодых парней, перевязанных кровавыми бинтами, а в глазах – их страдающие лица. Мы их обмывали, утешали и переносили в палаты. А впоследствии дежурили возле них и работали санитарками. А эшелоны с ранеными все прибывали и прибывали...

В августе нас, детей, отправили в колхоз деревни Бурково – это в километрах 7–10 от Болшево – убирать урожай. Трудились с раннего утра до поздней ночи.

Уже в июле-августе 1941 года на Москву и Подмоскovie начались налеты немецких бомбардировщиков. Поначалу нам, детям, все это нравилось – сверкающее небо от прожекторов ночью, а днем собирали осколки от бомб и сдавали в переплавку на завод.

Наступил сентябрь, в школе занятий не было, до глубокой осени мы были в колхозе, а два моих брата трудились на заводе в Подлипках (они старше меня), теперь это город Королев. Зимой работали в колхозном скотном дворе, кормили скот, чистили хлева, иногда нам разрешали доить коров (еще был скот). Весной и летом 1942 года, в основном, работали в госпиталях, которых было много вокруг Болшева. Осенью 1942 года начали учиться, но учеба часто прерывалась, работали на лесоповале – начали рубить леса, чтобы топить дома, учреждения и т. д.

В общем, и детство и подростковость были очень невеселые, а как хотелось есть! Всю войну и работали, и все же учились, и даже неплохо. Какая была радость, когда наши начали наступать, а затем освобождать города от фашистов. Салюты каждый день в честь этих освобождений. И вот Победа! 9 мая 1945 года я была на Красной площади, все буквально запружено людьми, все целуются, обнимаются, кричат: «Ура!», ликование! Жизнь продолжается.

По окончании школы я поступила в Московский юридический институт, который впоследствии слился с юридическим факультетом МГУ им. Ломоносова.

Институтские годы прошли очень быстро – и я уже специалист-юрист. Сначала работала юрисконсультантом на заводе им. Дзержинского МПС СССР. В 1954 году была избрана народным заседателем нарсуда 2-го участка г. Бабушкина (теперь Москва) и исполкомом утверждена заместителем нарсудьи. В 1957 году избрана народным судьей, в 1963 году – членом Мосгорсуда, а в 1971 году переведена в Министерство юстиции СССР на должность начальника отдела судебной статистики, где проработала до февраля 1992 года, т. е. до распада страны СССР.

Хочется рассказать о работе в Министерстве юстиции. Мой перевод в Минюст СССР пришелся, по существу, на возрождение этого органа управления, т. к. был период, когда Минюста в нашей стране не было – это при Хрущеве, а в 1970 году он возродился вновь. Одной из функций Минюста была организация и ведение судебной статистики. Работа статистическая меня очень увлекла. Вникнув в цифры, многое поняла, что происходит в стране. Большую роль сыграл в этом министр юстиции Теребилов В.И., который, в отличие от других руководителей, был настоящий государственный деятель. Владимир Иванович блестяще владел анализом статистических данных и свой опыт передал статистикам министерства. Под его руководством (отдел непосредственно подчинялся министру) работа по статистике охватила отчетность не только судов, но и нотариата, загсов. В отделе сосредоточивалась статистика преступности, которую направляли органы МВД и Прокуратуры. Отдел стал называться отделом правовой статистики. Сотрудники, как в Министерстве, так и в периферийных органах юстиции, поняли, что статис-

тические сведения – отправные данные для оценки правоохранительных органов и судов, умелый анализ которых помогает выявить недостатки, положительный опыт и, самое главное, – определить перспективы преодоления правонарушений.

Отдел провел большую работу по совершенствованию документов первичного учета и форм отчетности, которая осуществлялась в контакте с учеными юристами и практическими работниками. С 1973 года для обработки данных статистики стали внедрять счетно-вычислительные машины. Большую помощь в этой работе оказали сотрудники ВНИИСЭ (ВНИИ судебных экспертиз), в составе которого была создана специальная лаборатория для обработки данных статистики на ЭВМ, программисты разработали специальные программы. Активно помогали в разработке документов учета и отчетности ученые ВНИИСЗ (ВНИИ Советского законодательства) и юридического факультета МГУ, а также работники центрального статистического управления СССР.

Как я уже отмечала, большое внимание развитию правовой статистики в стране уделял Министр юстиции В.И. Теребилов, именно в годы его работы произошел качественный скачок в этом направлении. Об этом свидетельствует, например, такой факт. В ноябре 1973 года в Москве состоялось совещание министров юстиции социалистических стран, где обсуждался вопрос об опыте работы автоматизированной информационной поисковой системы в области правовой статистики.

Для эффективной работы, конечно, нужны хорошие кадры сотрудников. Отдел правовой статистики уделял очень много времени обучению не только статистиков минобств и судов союзных республик, но и их руководителей. В институте по повышению квалификации проходили практику члены верховных и областных судов, начальники управлений, министры юстиции и их заместители, председатели верховных судов союзных республик и их заместители. В программе обучения обязательно предусматривались занятия по ведению и анализу статистики. Это было правило и требование министра. Регулярно проводились всесоюзные и республиканские совещания и семинары работников статистики, где обсуждались все направления развития правовой статистики и происходил обмен опытом. Совещания состоялись в Москве, Таллине, Ереване, Ташкенте, Киеве, Архангельске и других городах СССР.

Отдел был тесно связан с МГУ, где лично я выступала перед студентами с лекциями по вопросам статистики. В этом была большая поддержка докторов юридических наук Остроумова С.С., Кузнецовой Н.Ф., Атанесяна Г.А. и других преподавателей университета, которые хорошо понимали, что без знания основ анализа статистики не может быть хорошего специалиста.

Сотрудники отдела в соавторстве с учеными Остроумовым С.С., Кондрашковым Н.Н., Павловским Е.А и др. подготовили и опубликовали в 1980 году учебник-пособие «Правовая статистика» под редакцией заместителя Министра юстиции СССР Осетрова Н.А.

Достоверность статистических данных была одним из главных участков работы отдела. Сотрудники отдела регулярно выезжали в союзные республики с проверками

информации, поступившей с периферии. Вопросы достоверности статистических отчетов выносились на обсуждение Коллегии Министерства юстиции СССР с целью усиления контроля за правильной информацией.

Состояние работы по правовой статистике в стране постоянно освещалось в правовых журналах «Советская юстиция», «Социалистическая законность», «Правоведение», «Хозяйство и право» и др.

Однако публикация статистических данных о правонарушениях была усеченной, поскольку вся уголовная статистика шла под грифом «секретно». Только с 1987 года сняты ограничения на публикацию статданных о количестве осужденных по семи видам наиболее распространенных преступлений, а в начале 1989 года было принято окончательное решение о снятии каких-либо ограничений с публикации сводных данных о числе осужденных. С этого времени в периодической печати систематически стали публиковаться данные правовой статистики. Большую подготовительную работу для опубликования сведений о преступности, судимости и иных негативных явлениях за прошлые годы провели Госкомстат СССР, Министерство юстиции СССР, МВД СССР, Прокуратура СССР. Начиная с 1989 года Минюст совместно с МВД СССР, Прокуратурой СССР стали издавать статистический сборник «Преступность и правонарушение в СССР». Лично я участвовала в публикации трех сборников, вплоть до распада СССР.

В настоящее время, насколько мне известно, статистическая работа, которая ведется Судебным департаментом, стала второстепенной. Тот уровень ее, который был в 1970–1980-х годах века резко снизился. Уровень квалификации кадров статистики, их специальной подготовки, к сожалению, не всегда соответствует необходимым требованиям. Это в определенной мере связано с тем, что в высших юридических учебных заведениях почти не преподают статистику. Причина плачевного состояния правовой статистики в том, что некоторые руководители недопонимают значение этой дисциплины в практической деятельности юристов. Современный специалист, в том числе и правовед, должен овладеть системой статистических показателей в своей области – никакой компьютер без знаний человека не поможет.

Хочется выразить надежду, что правовая статистика займет должное место в системе правоохранительных органов.

З.Г. Яковлева. Жизнь продолжается. Воспоминания. 9 июня 2007 г.

К ончилась война. Началась тяжелая, но мирная жизнь, детство и отрочество прошли. Нужно было определить свой путь в жизни. Помню, как тяжело было раненым молодым парням, когда мы ходили в госпиталь, чтобы помогать санитаркам и медсестрам в уходе за ними. Я решила быть врачом. Пошла на день «открытых дверей» в Московский мединститут. Встретили нас, девчонок, не очень приветливо, а все здание было пропитано формалином, и когда нам показали морг, я заколебалась – медик нередко видит смерть, и к этому нужно было привыкнуть. Нет, врачом я не буду. Буду юристом, чтобы бороться за справедливость, помогать людям укрепляться в нравственности. Так, я после окончания юридического

факультета МГУ имени Ломоносова, 42 года трудилась на поприще юриспруденции, заслужила звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Сначала работала юрисконсульт на заводе имени Дзержинского МПС СССР, затем семь лет народным судьей в г. Бабушкине и Дзержинском районе г. Москвы, восемь лет – судьей в Московском городском суде и двадцать один год в Министерстве юстиции СССР в качестве начальника отдела судебной статистики.

Работала всегда с большим интересом, считаю, что я не ошиблась в выборе профессии. Хотя работа судьи не легче, чем врача. И та, и другая профессия требует большого эмоционального напряжения и человеколюбия.

В 1971 году, когда вновь было образовано Министерство юстиции СССР, меня перевели на работу в это союзное учреждение на должность начальника отдела судебной статистики.

Эта область правоведения для меня по существу была мало знакома, но я хорошо понимала, что статистика – это не просто цифры, главное – анализ этих цифр и подготовка на основе его предложений по совершенствованию работы судов. К этому времени у меня был 20-летний стаж работы юриста, и я «созрела» для работы в таком высоком государственном учреждении, как Министерство юстиции СССР.

Конечно, пришлось много перечитать литературы как по общей статистике, так и по судебной, в том числе и учебник профессора МГУ Остроумова Сергея Сергеевича. Впоследствии мы стали друзьями, он очень помогал в моей работе своей мудростью. Изучала научные труды по криминологии профессора МГУ Кузнецовой Н.Ф., ученых Злобина Г.А., Кондрашкова Н.Н. и других. Большую помощь в освоении анализа данных статистики мне оказали Министр юстиции СССР Теребилов В.И. и его заместитель Осетров Н.А., которые, обладая большим опытом руководящей работы в органах правосудия, терпеливо учили меня. С их помощью я постигла все тонкости такой «материи», как судебная статистика.

В министерстве было установлено, что все мероприятия, связанные с организационным руководством судами, правовой пропагандой и другими участками работы, должны начинаться с анализа правовой статистики (такое название впоследствии получил отдел). В отделе сосредоточивалась не только статистика о работе судов, но и адвокатуры, загсов, нотариата, а также основные статистические данные МВД, Прокуратуры, которые отдел получал в порядке обмена данными с этими правоохранительными органами.

Любая законченная статистическая работа вообще и в органах юстиции в частности складывается из следующих основных элементов: 1) статистическое наблюдение; 2) сводка и группировка собранного материала; 3) обработка и анализ сводных статистических показателей. Именно по этим направлениям проводились работы в отделе. Большое внимание прежде всего уделялось обеспечению достоверности данных первичного учета. С этой целью работники отдела систематически выезжали с проверками в суды и органы юстиции. Вопросы достоверности отчетных

статистических данных периодически обсуждались на Коллегии Минюста СССР, а также в республиканских министерствах и областных управлениях юстиции.

Значительную работу по разработке документов первичного учета, форм статистической отчетности и анализу статданных проводила главный консультант Соловейчик А.М., которая не одно десятилетие с большой любовью посвятила этой деятельности. Она была образованным юристом.

Коллектив отдела был сплоченным, сотрудники стремились к совершенствованию в своей профессии юриста-статистика.

Самоотверженно трудились в отделе Костюков С.А., Авдюхина М.В., Морозова Е.В., Лыга С.Ю., Рахманина Н.С., Колосова Н.Ю. и др.

Сотрудники отдела хорошо понимали, что одни проверки не всегда могут обеспечить достоверность отчетности – надо учить кадры. С этой целью были разработаны методические рекомендации по различным направлениям статистики, которые регулярно направлялись на места. Систематически проводились всесоюзные совещания и семинары по статистике с руководителями министерств союзных республик и работниками, непосредственно исполняющими эту работу. Кроме того, все работники периодически проходили обучение в Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции в Москве.

Вся работа по совершенствованию правовой статистики проводилась в контакте с другими подразделениями министерства, работниками судов, прокуратуры, МВД, Центральным статистическим управлением СССР, учеными-правоведами.

Была тесная связь с юридическим факультетом МГУ имени Ломоносова, где начальник отдела знакомила студентов с практикой работы по статистике.

Работа Министерства юстиции по правовой статистике регулярно освещалась в издаваемых юридических журналах: «Социалистическая законность», «Советская юстиция», «Правоведение» и др. Только начальником отдела было опубликовано более 30 статей.

По инициативе и при участии отдела была подготовлена и в 1980 году опубликована книга по правовой статистике под редакцией заместителя Министра юстиции СССР Острова Н.А. Эта книга была первым практическим пособием для работников правоохранительных органов, занимающихся статистикой.

Работа по статистике требует большого внимания и напряжения, особенно при сводке данных первичного учета и подготовке сводных отчетов.

Вначале весь сбор и обработка данных проводилась с использованием примитивных счетных инструментов, счетов с костяшками, калькуляторов. Тяжко было и на местах, и в центральном аппарате. И отдел поставил вопрос о внедрении в обработку данных статистики ЭВМ – современных средств вычислительной техники. Требовались немалые деньги, но потихоньку счетная техника вошла в нашу работу. Значительную помощь в этом отделе оказал Институт судебных экспертиз (директор Шляхов А.Р.), где были установлены ЭВМ «Минск» и были специалисты по разработке программ. К концу 1970-х годов были разработаны программы для минюстов союзных республик, и в отдел уже поступали счета на машинных носи-

телях. Работы эти изо дня в день совершенствовались. Впоследствии в системе министерства был создан Научный центр правовой информации (НЦПИ), на который была возложена обязанность обработки сводных данных судебной статистики. Конечно, в то время это было облегчение, хотя весь анализ проводили сотрудники отдела, не имея машинных программ и необходимой техники, сопоставительные таблицы составлялись вручную.

Хочется верить, что сегодня такая работа ушла в прошлое и нынешнее поколение работников отдела судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации широко использует современные компьютеры в своей деятельности. В 1989 году, когда был снят гриф секретности со статистических данных о преступности и судимости в СССР, Минюст СССР, МВД СССР, Прокуратура СССР подготовили и выпустили в свет статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР». Этот сборник – первый после 1930-х годов, когда была закрыта уголовная статистика. Аналогичный сборник был опубликован в 1990 году. В сборниках имеется раздел о судимости, подготовленный отделом статистики Минюста СССР под редакцией начальника отдела Яковлевой З.Г.

Хотелось довести до читателя мысль о том, что подразделение судебной статистики в Министерстве юстиции СССР не было второстепенным. Руководство министерства, понимая, какой тяжелый, но совершенно необходимый для страны труд выполняли сотрудники отдела, уделяло ему большое внимание.

Я работала начальником отдела правовой статистики в Минюсте СССР с 1971-го по 1991 год. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 200-летия Минюста России» и другими, являюсь Заслуженным юристом РСФСР, Почетным работником юстиции Российской Федерации.

З.Г. Яковлева. Статистика – не просто цифры. Воспоминания. 2009 г.

ЯСЫРЕВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Ясырев Владимир Григорьевич родился 7 июля 1925 года. Труженик тыла военных лет.

Награжден орденом «Знак Почета», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 30, 40, 50, 60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В Минюсте – инженер по технике безопасности Управления эксплуатации Департамента ресурсного обеспечения.

В 1941 году наша семья проживала на Пятницкой улице, дом 20. Это напротив метро «Новокузнецкая». К осени усилилась бомбардировка немецкой авиации, особенно по нашему району. Был случай, когда не успели объявить тревогу, прорвался самолет и сбросил серию бомб, одна из них попала в убежище, но почему-то не взорвалась. Затем, узнав об этом, сестра матери предложила переехать к ним в г. Михайлов, что мы и сделали.

Вначале помогали в колхозе по уборке урожая. Затем в октябре началась бомбежка, и приближались немецкие войска. Вернуться обратно возможности не было. Затем в Михайлов вступили немецкие войска и аккумулировали весь город. Штаб своих войск фашисты организовали в школе, которая находилась напротив нашего дома. Почти каждый день приходили с проверкой. В то же время наша авиация бомбила нас ежедневно с 8.00 до 17.00. Затем по объявлению необходимо было явиться на сборный пункт. Хотя мой возраст подходил к тому, чтобы прибыть на собрание, я не пошел, а как потом оказалось, почти всех, кто пришел, отправили в Германию. Затем началось наступление наших войск, которое сопровождалось непрерывными бомбежками. Все горело, все рушилось.

И вот ночью, проникнув в товарные полувагоны, поехали в Москву. Доехали до Каширы, всех высадили. Затем солдаты на грузовых машинах довезли нас до

Москвы. Я устроился на авиационный завод №45, который только восстанавливался в пустых помещениях, т. к. ранее работающий завод был эвакуирован в г. Куйбышев. На одном вновь установленном станке меня поставили работать. Таким образом началась моя трудовая деятельность. Через год я стал бригадиром-наладчиком. Работал добросовестно, неоднократно поощрялся. В итоге меня наградили медалью «За доблестный труд».

В 1947 г. с завода уволился на учебу в железнодорожный техникум. После окончания учебы в 1951 г. был направлен в Главспецстрой, где проработал до 1986 г. Последние 15 лет был начальником отдела. К работе относился добросовестно, неоднократно поощрялся. Был награжден орденом «Знак Почета», юбилейными медалями. В 1986 г. был уволен в связи с уходом на пенсию.

С 10 ноября 1989 г. работал в Министерстве юстиции, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и другими медалями. Взысканий не имею. Награжден медалью «Ветеран труда». Уволился в 2009 году.

В.Г. Ясырев. Воспоминания

Вспомним и других ветеранов юстиции, ковавших победу на фронтах войны и обеспечивающих эту победу в тылу.

АРИСТОВА Тататьяна Михайловна

АРИНУШКИН Геннадий Петрович

БЕДРИЦКИЙ Борис Владимирович

БОЙКОВА Надежда Федосеевна

БРЕЙМ Эммануил Леонидович

ВАСЕНИН Василий Кузьмич

ВДОВИНА Надежда Андреевна

ВОЛЬСКИЙ Вячеслав Георгиевич

ГРАЧЕВА Вера Александровна

ГУСЕВ Юрий Михайлович

ДИГТЯРЕНКО Наталия Васильевна

ДОРОФЕЕВА Вера Михайловна

ДЬЯЧКОВА Александра Федоровна

ЗАЙЦЕВ Николай Нилович

КАРПОВ Александр Ильич

КНЯЗЕВ Николай Иванович

КОЛБЕЦКИЙ Александр Трофимович

КОНЫШЕВ Павел Артемьевич

КОРАБЛЕВА Евдокия Захаровна

КУЗНЕЦОВ Василий Михайлович

МАСЛОВ Михаил Ильич

МИТРОФАНОВ Борис Алексеевич

МИШЕНИН Иван Сергеевич

МОИСЕЕВ Вадим Петрович

ПАНТЕЛЕЕВА Раиса Степановна

ПЕСТРОВСКИЙ Николай Серафимович

ТКАЧ Зиновий Аркадьевич

ТКАЧЕНКО Людмила Михайловна

ТУЛУБЕЕВА Елена Ивановна

ХОЛЯВЧЕНКО Алексей Алексеевич

ХРАПОВ Алексей Иванович

ЧЕРЕМНЫХ Иннокентий Львович

ЧИНАРОВА Елена Петровна

ШАФРАНСКИЙ Владимир Яковлевич

ЩУКИН Анатолий Федорович

ЩУКИН Леонид Васильевич

АРИСТОВА
Тататьяна
Михайловна

АРИНУШКИН
Геннадий
Петрович

БЕДРИЦКИЙ
Борис
Владимирович

ВАСЕНИН
Василий
Кузьмич

ВДОВИНА
Надежда
Андреевна

ВОЛЬСКИЙ
Вячеслав
Георгиевич

ГРАЧЕВА
Вера
Александровна

ГУСЕВ
Юрий
Михайлович

КАРПОВ
Александр
Ильич

МАСЛОВ
Михаил
Ильич

ТКАЧЕНКО
Людмила
Михайловна

ХОЛЯВЧЕНКО
Алексей
Алексеевич

ХРАПОВ
Алексей
Иванович

ЩУКИН
Анатолий
Федорович

«Великая Отечественная война явилась тяжелейшим испытанием для нашего государства, народа, для каждой семьи. О войне сказано очень много, но для непосредственных участников боев с фашизмом важно то, чтобы история и героический подвиг советских людей освещались правдиво, без искажений», – писал Герой Советского Союза Министр юстиции СССР Б.В. Кравцов.

Поэтому очень хочется призвать наших ветеранов продолжить работу над воспоминаниями, а молодое поколение – всемерно помогать им в этом. Необходимо сделать всё, чтобы уважение к участникам войны и труженикам тыла выражалось не только в правильных словах в дни юбилеев, но в реальных делах сохранения памяти о великом подвиге народа.

В этом непростом мире, в котором мы сегодня оказались, для нас очень важно не растерять чувство единства всех граждан России, независимо от возраста, национальности, и огромную роль в этом играет общая народная память, светлой вершиной которой является наша Великая Победа.

Встреча ветеранов органов юстиции с руководством
Министерства юстиции Российской Федерации

АБОЛЕНЦЕВ Владимир Александрович	6
АЛЕШКИН Николай Васильевич	17
АСТАХОВ Иван Николаевич	21
БАСАВИН Иван Александрович	25
БАТУРОВ Гений Павлович	28
БАХУРОВА Ольга Алексеевна	29
БЕЛОУСОВ Лев Вячеславович	30
БЕЛЯЕВ Федор Архипович	35
БЕРНИЦ Александр Николаевич	36
БЕСКОВА Анна Павловна	41
БЛИНОВ Владимир Михайлович	43
БОЛДЫРЕВ Владимир Афанасьевич	46
ВЛАСОВ Александр Александрович	48
ГАГАРА Петр Иосифович	56
ГАЛУСТЯН Эдуард Семенович	57
ГАРШИН Вениамин Григорьевич	58
ГИЛЬМАНОВ Раиль Нурович	67
ГОЛОБОРОДЬКО Александр Захарович	70
ГОРШЕНИН Константин Петрович	76
ГРИШИН Александр Николаевич	81
ГУСЕВ Вениамин Иванович	88
ДВОРЦЕВОЙ Василий Петрович	90
ДОБАТКИН Валентин Иванович	90
ДУБИНСКИЙ Алексей Аркадьевич	91
ЕЛАГИН Иван Иванович	93
ЕЛИЗАРОВА Тамара Ивановна	97
ЖАРНИКОВ Юрий Николаевич	98
ЗУСЬ Лев Борисович	101
ЗЫКОВ Владимир Васильевич	105
ИВАНЕНКО Федор Федосеевич	115

ИВАНОВА Антонина Ивановна	116
ИГНАТОВА Анна Захаровна	118
ИСАЕВА Надежда Ивановна	119
КАЖАРСКИЙ Дмитрий Дмитриевич	121
КАНЕВСКАЯ Лидия Саркисовна	127
КАРАТЕЕВ Леонид Гаврилович	134
КАРПЕНКО Владимир Дмитриевич	135
КАШАЕВ Валентин Иванович	135
КЛИМОВ Виктор Григорьевич	136
КЛИМОВА Надежда Степановна	139
КОЗЛОВ Борис Капитонович	141
КОЛОМЕНКИН Лев Владимирович	142
КОЛОСОВА Нина Петровна	143
КОМИССАРЕНКО Иван Павлович	149
КОНСТАНТИНОВ Александр Арестович	151
КОРОЛЕВА Наталья Алексеевна	155
КРАВЦОВ Борис Васильевич	158
КУЛИКОВА Елизавета Михайловна	174
КУЛИКОВА Римма Матвеевна	175
ЛАДИК Николай Афанасьевич	178
ЛАПШИН Владимир Федорович	180
ЛЕВИЦКИЙ Виктор Панфилович	190
ЛЬВОВ Алексей Николаевич	193
МАКСИМОВ Сергей Сергеевич	195
МАЛАХОВ Николай Петрович	196
МАРКОВ Евгений Николаевич	197
МИРЕЦКИЙ Сергей Георгиевич	200
МИТИН Василий Ефимович	201
МОСКАЛЕВ Алексей Владимирович	207
НИКОЛАЕВ Леонид Владимирович	243
ОБИДЧЕНКО Николай Михайлович	247
ОГАНЕСОВА Аида Арменаковна	249
ОПАРИН Анатолий Тимофеевич	251
ОРЛОВА Валерия Фёдоровна	255
ОСЕТРОВ Николай Александрович	257
ПАВЛОВА Елена Михайловна	258
ПАНСКАЯ Евгения Георгиевна	261

ПИРБУДАГОВ Магомед Гаджиевич	272
ПОЛИКАРПОВ Петр Алексеевич	273
ПОЛОНСКИЙ Борис Яковлевич	277
ПОЛОЦКИЙ Евсей Самойлович	279
ПОЛЯКОВ Николай Михайлович	280
ПОНОМАРЕВА Вера Ниловна	281
ПОПОВ Николай Владимирович	283
ПРУДОВОЙ Николай Васильевич	285
ПУШКОВ Лев Дмитриевич	286
РАШКОВЕЦ Иван Петрович	287
РЕМИЗОВ Геннадий Александрович	288
РУБИЧЕВ Анатолий Тимофеевич	292
РЫЧКОВ Николай Михайлович	295
САВВИНОВ Василий Дмитриевич	300
САМОЙЛОВ Сергей Анисимович	302
САМОЩЕНКО Иван Сергеевич	313
САФРОНОВ Алексей Дмитриевич	316
СЕВЕРИН Юрий Дмитриевич	318
СИМОНОВА Тамара Андреевна	333
СКЛИФУС Валентина Дмитриевна	334
СОКОЛОВ Иван Александрович	335
СОЛНЦЕВА Людмила Федоровна	335
СУХАРЕВ Александр Яковлевич	336
СУХАРЕВ Исай Юльевич	342
СУШЕНЦОВ Леонид Васильевич	345
ТАМБОВЦЕВ Николай Егорович	353
ТЕМЕРОВ Владимир Викторович	357
ТЕРЕБИЛОВ Владимир Иванович	358
ТРЕЩЕТЕНКОВ Юрий Георгиевич	364
УСТИНОВ Аркадий Иванович	366
ФЕДОРОВСКАЯ Ольга Гавриловна	367
ФЕДОТКИН Николай Кузьмич	368
ЧЕПУРНОЙ Иван Федорович	371
ШАПКИН Михаил Андрианович	379
ШАЧНЕВ Василий Иванович	380
ЯКОВЛЕВА Зоя Григорьевна	383
ЯСЫРЕВ Владимир Григорьевич	390

ВETERАНЫ ЮСТИЦИИ

Гордость. Правда. Память

80-й годовщине Великой Победы посвящается

Руководитель проекта

Первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации

Е.Л. Забарчук

Кураторы проекта:

Департамент государственной службы и кадров

Министерства юстиции Российской Федерации

Директор *О.О. Вавилов*

Федеральное бюджетное учреждение

«Научный центр правовой информации

при Министерстве юстиции Российской Федерации»

Директор *С.Д. Таран*

Координатор проекта	В.А. Затонский, В.В. Прытков
Главный редактор	Ю.В. Матвиенко
Ответственный редактор	Е.В. Горбачева
Выпускающий редактор	И.Г. Колмыкова
Технический редактор	Т.В. Галатонов
Компьютерная верстка	А.С. Алексанян
Технолог	И.И. Марукевич
Фотографии	Архивы Минюста России и РОО «Ветераны юстиции»
Разработка электронного ресурса	В.В. Полывьянов

Федеральное государственное учреждение

«Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации»

125438, г. Москва, ул. Михалковская, д. 65, корп. 1

Подписано в печать с оригинал-макета 01.03.2025 г.

Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Печ.л. 25.